

ISSN: 2500-0837 (Print)
eISSN: 2687-0363 (Online)

ТЕОРИЯ государства и права

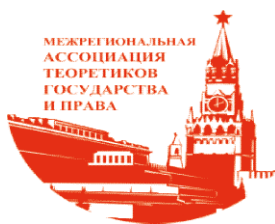
2021

октябрь-ноябрь-декабрь

№ 4 (25)

Москва   Россия

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2021 / № 4 (25)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2021 / № 4 (25)

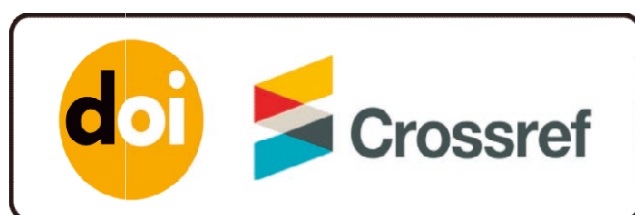
THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science

Индексация журнала

В номере публикуются материалы:

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

VI Международная научно-теоретическая конференция

**«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»**

VI International Scientific Conference

**“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context
of informatization and digitalization of Russian society in the interests
of sustainable development”**

12 октября 2021 года

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

VI Международная научно-теоретическая конференция

«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития»

12 октября 2021 года

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
Абрамова Е.Г.	Распространение юридического суверенитета на небесные тела: новая реальность XXI века.....	12
Брылева Е.А. Захарцев С.И. Сальников В.П.	Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии.....	23
Бурбина Ю.В.	Реалии федерализма: вопросы теории и практики.....	33
Быстров Д.С. Кузьмин И.А.	Проблемы установления юридической ответственности за вред, связанный с применением технологий искусственного интеллекта	41
Валиев Р.Г.	Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания	54
Винокуров В.А	Проблемы чрезмерного законотворчества в Российской Федерации	67
Волков Ю.В.	Информационная правосубъектность	80
Галиев Ф.Х. Султанов А.Х.	Теория разделения властей: современное прочтение.....	96
Дроздова А.М.	Правозащитная деятельность на современном этапе: понятие и значение	110

Теория государства и права

<i>Захарцев С.И.</i> <i>Крижановская Г.Н.</i> <i>Сальников М.В.</i>	Общественная мысль Российской Империи второй половины XIX – начала XX веков о праве женщин получать юридическое образование и заниматься юридической практикой	122
<i>Иванов С.А.</i> <i>Середа Е.В.</i>	Экстрадиция и отдельные аспекты ее регулирования в двусторонних и многосторонних международных соглашениях.....	138
<i>Ивлиев П.В.</i>	Механизм правового регулирования деятельности СМИ в современной России: сравнительный анализ	144
<i>Корякин И.И.</i>	Правовой статус прокуратуры Российской Федерации как федерального государственного органа.....	156
<i>Максимов А.А.</i>	Понятие «признания» в учении о праве Г.В.Ф. Гегеля в рукописи «Йенская реальная философия»	166
<i>Мамитова Н.В.,</i> <i>Полищук Д.А.</i>	Совершенствование механизма исправления судебных ошибок, выявленных Европейским судом по правам человека	175
<i>Мустафина Л.С.</i>	Типология как важнейшее средство познания исторического процесса развития государства.....	188
<i>Попова А.В.,</i> <i>Семцова С.И.</i>	К вопросу о необходимости отражения института «феномена невзаимозаменяемых токенов (nft-token)» в российском законодательстве.....	199
<i>Рожкова И.Ю.</i>	Конституционно-правовые основания реализации демографической функции государства.....	216
<i>Сергеева А.Ю.</i>	Семья как фактор противодействия виктимизации несовершеннолетних в Российской Федерации.....	224
<i>Устьян Э.А.</i>	Девальвация смыслов: к вопросу о трактовке понятия «патриотизм».....	232

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Баранов В.М.,</i> <i>Захарцев С.И.,</i> <i>Комаров С.А.</i>	Сальникову Виктору Петровичу – 75 лет	244
--	---	-----

Theory of State and Law

<i>Сальников В.П., Комаров С.А., Кондрат И.Н., Хабибулин А.Г.</i>	Сергею Ивановичу Захарцеву исполнилось 45 лет.....	256
---	---	-----

КОГО МЫ ПОТЕРЯЛИ

<i>Арзамасов Ю.Г.</i>	Профессор Александр Иванович Ушаков.....	277
-----------------------	--	-----

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

		Pages
<i>Abramova E.G.</i>	Extension of legal sovereignty to celestial bodies: new reality of the XXI century	17
<i>Bryleva E.A., Zakhartsev S.I. Salnikov V.P.</i>	Human rights activity at the present stage: concept and meaning	28
<i>Burbina Yu.V.</i>	The realities of federalism: questions of theory and practice.....	37
<i>Bystrov D.S. Kuzmin I.A.</i>	Problems of establishing legal responsibility for harm associated with the use of artificial intelligence technologies.....	47
<i>Valiev R.G.</i>	The practice of legal regulation: actualization and categorization of general theoretical knowledge	61
<i>Vinokurov V.A.</i>	Problems of excessive lawmaking in the Russian Federation	73
<i>Volkov Yuri V.</i>	Information legal objectivity	88
<i>Galiev F.Kh. Sultanov A.Kh.</i>	The theory of separation of powers: modern reading	103
<i>Drozdova A.M.</i>	Human rights activities at the contemporary stage: concept and meaning	116
<i>Zakhartsev S.I. Krizhanovskaya G.N. Salnikov M.V.</i>	Public thought of the Russian empire of the second half of the XIX – early XX centuries on the right of women to receive legal education and practice law.....	130

Теория государства и права

<i>Ivanov S.A. Sereda E.V.</i>	Extradition and certain aspects of its regulation in bilateral and multilateral international agreements	141
<i>Ivliev Pavel V.</i>	The mechanism of legal regulation of media activity in modern Russia: comparative analysis	150
<i>Koryakin I.I.</i>	The legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation as a federal state body.....	161
<i>Maksimov A.A.</i>	The concept of "recognition" in the doctrine of law GVF Hegel in the manuscript "Jena real philosophy"	170
<i>Mamitova N.V. Polishchuk D.A.</i>	Improving the mechanism for correcting judicial errors identified by the European Court of Human Rights.....	181
<i>Mustafina L.S.</i>	Typology as the most important means of understanding the historical process of state development	193
<i>Popova A.V. Semtsiva S.I.</i>	To the question about the necessity of introduction the phenomenon of non-fungible tokens (NFT-token) into Russian legislation.....	208
<i>Rozhkova I.Yu.</i>	Constitutional and legal grounds for the implementation of the demographic function of the state	220
<i>Sergeeva A.Yu.</i>	Family as a factor in counteracting the victimization of minors in the Russian Federation.....	228
<i>Ustyayn E.A.</i>	Devaluation of meanings: on the question of the interpretation of the concept of "patriotism"	238

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Baranov V.M. Zakhartsev S.I. Komarov S.A.</i>	Salnikov Viktor Petrovich is 75 years old.....	250
<i>Salnikov V.P. Komarov S.A. Kondrat I.N. Khabibulin A.G.</i>	Sergey Ivanovich Zakhartsev is 45 years old.....	267

WHOM WE LOST

<i>Arzamasov Yu.G.</i>	Professor Alexander Ivanovich Ushakov	279
------------------------	---	-----

Theory of State and Law

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Теория государства и права

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Бемянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2021.

© Авторы, 2021.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

*Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 38960*

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте www.matgip.ru

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)
(chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, associate professor
(Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk,
Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Ko-
lomna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored
worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol,
Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor
(Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate profes-
sor (Warszawa, Republic of Poland)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the
Republic of Kazakhstan)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow,
Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Pe-
tersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of
Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City,
Mexico)

Теория государства и права

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Samara, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyeovich, Editor in chief, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, candidate of legal Sciences, associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2021. © Authors, 2021.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

Theory of State and Law

---

*The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960).*

You can subscribe to the magazine also on the website www.matgip.ru

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 341.1/8; 669.713.7

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.001

Е.Г. Абрамова*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА НА НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ XXI ВЕКА

***Аннотация.** В статье на основе сравнительно-правового анализа появившихся в недавнее время источников права, регламентирующих получение коммерческой выгоды от освоения космоса, в целом, и небесных тел, в частности, раскрывает современное состояние развития публичных отношений в космическом пространстве. Делается акцент на анализе законодательства США («Закон о конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков» (2015)), в котором обосновывается право американских граждан и неправительственных организаций осуществлять не только добычу полезных ископаемых на Луне, иных планетах и небесных телах, но и присваивать и даже продавать «внеземные ресурсы». Раскрывая содержание Соглашения Артемиды, подписанного в 2020 г. космическими агентствами восьми стран, автор статьи приходит к выводу о существенном пересмотре основополагающих принципов международного космического права и распространении юридического суверенитета малого числа государств, прежде всего, со стороны США, на небесные тела и, в первую очередь, на Луну.*

***Ключевые слова:** источники права, юридический суверенитет, космическое право, Программа «Артемиды», перенос режима, полезные ископаемые, небесные тела.*

XXI в. становится особенным в истории человечества: от исследования космоса оно переходит к коммерческому освоению его ресурсов. Этот новый период не только ставит новые научно-технологические задачи, но и сопровождается новыми вызовами, в частности, в сфере права [11, с. 18]. Такими вызовами можно назвать возникающие коллизии и пробелы в сфере регулирования освоения Луны и иных небесных тел.

Несмотря на уже более чем полувековую практику существования отдельной отрасли международного публичного права в виде космического права, необходимость формирования которой была обозначена самим фактом запуска первого искусственного спутника Земли (1957 г.) в СССР [13, с. 243] в последнее время государства не могут прийти к компромиссу и выработать решения, устраивающее все сто-

---

* Абрамова Елизавета Геннадьевна, студентка Международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». E-mail: abramovaaa.liza@gmail.com.

Научный руководитель – Попова Анна Владиславовна, профессор Департамента Международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru

роны в сфере правового регулирования освоения космического пространства и отдельных небесных тел [15, с. 154], что, безусловно, приводит к трудностям в правовом обеспечении в данной сфере международных публично-правовых отношений.

Такая ситуация сложилась неслучайно, так как несмотря на то, что СССР выиграл в далеком 1957 г. «космическую гонку» технологически, США ко времени запуска спутника уже возглавили процесс выработки космических правовых норм, принципов и дефиниций, встав во главе процесса создания основ международного космического права (далее – МКП). Так, например, уже 20 июня 1958 г. в США был принят особый нормативно-правовой акт «Космическая политика США» [15, с. 156], которая и стала своеобразной базой формирования МКП. Именно в этом документе впервые были сформулированы юридические конструкции, определяющие не только правовой статус космического экипажа, в общем, и каждого космонавта, в отдельности, но и разграничивающие в правовой реальности космическое и воздушное пространство. Кроме того, регламентирован порядок сведения космических кораблей с орбиты и возмещения причиненного ущерба, введено понятие «космический туризм» и др.

Как отмечается в научной литературе, космическая составляющая была «вплетена» в международные отношения с самого зарождения МКП [16], но новая реальность освоения космического пространства XXI в. связана с обострением «земных» международных отношений, начало которому было положено «Крымской весной» 2014 г. Провозглашенный США и странами Западной Европы санкционный режим в отношении России привел практически к «вытеснению» нашей страны из сферы международных космических правоотношений. Как показывают события 2020 г., касающиеся запуска программы «Артемида» (официальный сайт программы – <https://www.nasa.gov/specials/artemis/>), США могут теперь беспрепятственно возглавить процесс обновления норм МКП, не привлекая целый ряд государств, включая в первую очередь Российскую Федерацию, устраняя их из переговоров по космосу и подписания новых договоров в этой сфере [4].

В современных условиях тенденция преобладания национального права над международным становится ведущей не только в правовом поле планеты, но и в развитии космического права. Апогеем стало принятие в США в 2015 г. «Закона о конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков», который узаконил впервые в истории МКП «промышленную добычу, присвоение и продажу внеземных ресурсов неправительственными лицами – гражданами и организациями США» [18, с. 77]. Кроме того, данный Закон напрямую стимулирует американские компании начать активную коммерческую разработку ресурсов любых небесных тел, включая Луну. Как мы видим, принцип, установленный в ст. II «Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (далее по тексту – Договор о космосе), заключавшийся в том, что «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» (выделено нами – Е.А.) [1], грубо нарушается.

Правда, необходимо отметить, что в тексте Договора отсутствует правовая регламентация возможности разработки ресурсов различных небесных тел. В нем лишь говорится, что «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех

стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества» [1]. Как справедливо отмечал Ю. М. Колосов, «обще-признанного определения понятия мирной космической деятельности пока не сложилось, что влечет различное его толкование как при осуществлении практической деятельности государств в космосе, так и в доктрине международного космического права» [9, с. 51]. Все это позволило безнаказанно нарушать баланс государственных и частных интересов в сфере космической деятельности, когда американским гражданам и неправительственным организациям США, без учёта интересов других космических держав, позволено монополизировать освоение космических ресурсов [10, с. 147].

В качестве субъектов космических правоотношений начинают действовать частные компании, что ведет к эволюции публичного характера МКП в сторону частного права. Бизнес-сообщества стараются защищать свои интересы, и лучший механизм такой защиты на сегодняшний день они находят в нормах внутреннего права отдельной страны, в редких исключениях – стран сателлитов США. Коммерческие интересы в использовании космических и лунных ресурсов лежат в основе новой лунной «экспансии права», когда главный субъект МКП – человечество – стал вытесняться и заменяться не просто отдельными государствами, а просто юридическими лицами – частными компаниями [14, с. 3–6].

А. Исполинов справедливо отмечает, что на современном этапе развития космического права мы являемся свидетелями «явления, которое в международном праве получило название «перенос режима» (*regime shifting*) в качестве одного из вариантов стратегии перемен, под которым понимается попытка сменить статус-кво путём переноса переговоров, нормотворческих инициатив и формулирования стандартов на новую площадку. Речь идёт о выводе всех нормотворческих инициатив и формулирования стандартов промышленной разведки и разработки ресурсов космоса из ООН и Комитета по космосу, где преобладают развивающиеся страны с их концепцией космоса как общего наследия человечества, что означает распределение доходов от разработки этих ресурсов между всеми государствами независимо от степени их участия. Вместо этого предлагается реализовывать, дополнять, уточнять и модифицировать правила разработки ресурсов космоса путём заключения двухсторонних соглашений и договоров с малым количеством участников» [12].

Уже в 2019 г. США объявили о начале Программы «Артемиды» [4] амбициозного лунного проекта, рассчитанного на 10 лет, в рамках которого запланировано 37 запусков с Земли, 5 посадок экипажа на поверхность Луны (включая экипаж с первой женщиной) и строительство международной окололунной станции с тем, чтобы в середине 2030-х гг. осуществить полет уже на Марс. Программа не случайно названа в честь греческой богини, ибо ее лозунгом является посадка на Луне именно первой женщины. Это немаловажный аспект объявленной США «лунной колонизации», которая призвана найти поддержку в современном общественном мнении разных стран, где феминистская повестка дня продвигается на государственном уровне. На сайте НАСА прямо говорится, что представленный логотип Артемиды настолько абстрактен, что каждая женщина может увидеть в ней себя.

В октябре 2019 г. было объявлено, что, по меньшей мере, 26 стран высказали желание принять участие в программе «Артемиды». Однако США в течение 2020 г. начали сотрудничество лишь с Австралией, Канадой, ОАЭ, Италией, Люксембургом, Японией и Великобританией. Так, Япония выделила 770 млн долларов на разработку

ку нового беспилотного грузового корабля, который заменит используемый сейчас на международной космической станции грузовой корабль «Конотори» («Аист»). Италия будет задействована в научно-технических разработках и в создании систем прилунения и жилых модулей на лунной поверхности. Великобритания затратит 20,7 млн долларов на создание специальной окололунной станции – своеобразного пересадочного узла, ибо долгосрочной целью Программы «Артемиды» является полет на Марс. Таким образом, 13 октября 2020 г. космические агентства вышеперечисленных восьми стран подписали Соглашение «Артемиды» (Artemis Accords).

Участие Люксембурга и ОАЭ в Соглашении «Артемиды» явно преследует цели перемещения будущей прибыли в низконалоговые юрисдикции этих стран, а именно в офшоры. Таким образом, прямую выгоду от освоения лунных ресурсов получают страны и транснациональные корпорации, которые никогда ранее не были участниками освоения космического пространства. Принципы колониальных империй Великобритании, Испании и Франции XVIII–XIX вв. «перенесены» во внеземное пространство, при этом первой территорией распространения юридического суверенитета провозглашена Луна, о чем свидетельствует принятый Люксембургом в июле 2017 г. вслед за США Закон, регулирующий деятельность по добыче полезных ископаемых в космосе [15, с. 157].

Интересно отметить, что в Соглашении «Артемиды» подтверждается, «что совместная деятельность должна осуществляться исключительно в мирных целях и в соответствии с соответствующим международным правом» [4]. Несмотря на признании принципа прозрачности и обмена информацией, в Соглашении не идёт речи о распространении данного принципа на деятельность частных компаний. Интересно, что в акте идёт речь об обязанности стран участниц Соглашения «прилагать все усилия для оказания необходимой помощи космическому персоналу, терпящему бедствие». Присутствует и дефиниция «космическое наследие», под которым понимается «исторически значимые места посадки людей или аппаратов, космические корабли и другие свидетельства деятельности, а также содействие многонациональным усилиям по разработке практик и правил для этого» [4].

Самым противоречивым положением Соглашения «Артемиды» является пункт о добыче и использовании космических ресурсов [4]. Хотя в нем и говорится, что они должны осуществляться в соответствии с Договором по космосу, вместе с тем, Соглашение позволяет разработку лунных ресурсов частными компаниями. Участники Соглашения настаивают, что это не является «национальным присвоением», которое запрещено Договором по космосу 1967 г. Сомнения вызывает также пункт Соглашения о создании «зон безопасности», которые должны предотвратить так называемое «вредное вмешательство в деятельность других стран» [4].

Эти характеристики Соглашения «Артемиды» свидетельствуют об односторонней выгоде, к которой стремятся его участники, тем самым формируется «право сильного», которое распространяется на космос. Колониальный характер нового Соглашения «Артемиды» подтверждается так же и тем, что оно объявлено «лучшей национальной практикой», то есть провозглашается примером для других государств. Это означает, что нарушается еще один принцип Договора о космосе, объявлявшим исключительно международное сообщество всех государств обладающим исключительной юрисдикцией в отношении космического пространства, в том числе небесных тел и их ресурсов, а также правом создавать международно-правовые условия их использования. Соглашение «Артемиды», подписанное восемью государствами,

является примером одностороннего толкования МКП и навязывания такого толкования другим участникам международного сообщества.

Трудности в решении правовых коллизий объясняются во многом тем, что даже эксперты совершенно по-разному высказываются и оценивают перспективы освоения космоса и Луны: часть из них (включая технических специалистов) [6] отстаивают приоритет национального права. Российские юристы пишут о необходимости «разработки и принятия новой редакции Федерального закона Российской Федерации «О космической деятельности». [2] Действующий Закон был принят в 1993 г. и уже не обеспечивает современный уровень правового регулирования отношений в сфере космической деятельности. Назрела необходимость принятия федерального закона о государственной регистрации прав на космические объекты и сделок с ними, поскольку в настоящее время должным образом не зарегистрированы права и форма собственности на космические аппараты, создаваемые в рамках федеральной космической программы России по заказу Роскосмоса» [15, с. 155].

Другие эксперты поддерживают общий подход, выработанный МКП в интересах всего человечества [5] и считают единственной реальной платформой для выработки общих позиций Юридический подкомитет Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях [5, с. 61]. Именно такой путь совершенствования МКП видится наиболее верным. Он позволит избежать не только «лунной» колонизации и приватизации, гонки вооружений в космосе, но и совершенствовать МКП, как отмечает И. Ю. Штодина, «употребляя ресурс «мягкой силы», а именно участия всех заинтересованных стран в реализации долгосрочных, взаимовыгодных, перспективных научных проектов» [17, с. 79].

Библиографический список

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 января 1967 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1967. – № 44. – Ст. 588.
2. Закон РФ от 20 августа 1993 г. N 5663-I «О космической деятельности» (ред. от 08.12.2021) // Российская газета, 1993, 6 октября.
3. Apollo Program [Электронный ресурс] // URL: https://www.nasa.gov/mission_pages/apollo/index.html (дата обращения 11.06.2021)
4. Artemis Accords [Электронный ресурс] // URL: https://www.nasa.gov/sites/default/files/atoms/files/artemis_plan-20200921.pdf (дата обращения 11.06.2021)
5. *Алексеев М.А.* Перспективы согласования международно-правового режима природных ресурсов небесных тел // Исследования космоса. – 2019. – № 1. – С. 56–66. DOI: 10.7256/2453-8817.2019.1.30558
6. *Багров А.В., Леонов В.А.* Проблемы перехода от исследований Луны к ее освоению // Воздушно-космическая сфера. – 2020. – № 3(104). – С. 25–26. DOI: 10.30981/2587-7992-2020-104-3-22-33
7. *Багров А.В., Леонов В.А.* Создание космодрома на Луне методом наплавления реголита на монолитную поверхность // Воздушно-космическая сфера. – 2018. – № 4. – С. 78–83.
8. *Багров А.В., Митькин А.С., Москатиньев И.В., Сысоев В.К., Юдин А.Д.* Предложения по развитию инженерной инфраструктуры как важного этапа в исследовании и освоении Луны // Вестник НПО имени С.А. Лавочкина. – 2018. – № 1. – С. 24–30.
9. Борьба за мирный космос: Правовые вопросы. 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2014. – 176 с.

10. *Волынская О.А.* Международные политико-правовые аспекты использования космических ресурсов // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 145–153.
11. *Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р.* Космос в международно-правовом контексте // Международные процессы. – 2011. – № 3 (27). – С. 18–30.
12. *Исполинов А.* Соглашение Артемиды: американская модель регулирования добычи ресурсов космоса выходит на орбиту. [Электронный ресурс] // https://zakon.ru/blog/2020/10/16/soglashenie_artemidy_amerikanskaya_model_regulirovaniya_dobychi_resursov_kosmosa_vyehodit_na_orbitu (дата обращения 10.06.2021)
13. *Колосов Ю.М.* Глава 26. Международное космическое право / Ю.М. Колосов, М.Р. Юзбашян / Международное право в 2 ч. Часть 2: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Вылегжанина А.Н. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: 2019. – С. 242–256.
14. *Рубанов А.А.* Понятие человечества в международном космическом праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 3. – С. 3–6.
15. *Хаванова И.А., Сакаева О. И., Макарова А. Л.* Предчувствие космоса: сопряжение международно-правового и национально-правового регулирования // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 154–161.
16. *Штодина И.Ю.* Международная противоправность американских доктрин и планов милитаризации космического пространства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1988. – 199 с.
17. *Штодина И.Ю.* Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса // Московский журнал международного права. – 2018. – № (2). – С. 71–81.
18. *Юзбашян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015г. и международное космическое право // Московский журнал международного права. – 2017. – №2 (106). – С. 71–86.

Для цитирования: *Абрамова Е.Г.* Распространение юридического суверенитета на небесные тела: новая реальность XXI века // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 12–17.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.001

Abramova Elizaveta G.*

ON THE QUESTION OF EXTENDING LEGAL SOVEREIGNTY TO CELESTIAL BODIES: THE NEW REALITY OF THE XXI CENTURY

Abstract. *Based on a comparative legal analysis of recently appeared sources of law regulating the receipt of commercial benefits from space exploration, in general, and celestial bodies, in particular, it reveals the current state of development of public relations in outer space. Emphasis is placed on the analysis of US legislation ("Law on Competitiveness in the Field of Commercial Space Launches" (2015)), which substantiates the right of American citizens and non-governmental organizations to carry out not only mining on the Moon, other planets and celestial bodies, but also to assign and even sell "extraterrestrial resources". Disclosing the content of the Artemis Agreement, signed in 2020 by the space agencies of eight countries, the author of the article comes to the conclusion about a significant revision of the fundamental prin-*

---

* *Abramova Elizaveta G.*, student of the International Law Faculty of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation". E-mail: abramovaaa.liza@gmail.com.

Scientific supervisor – *Popova Anna V.*, Professor of the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: anna0710@yandex.ru

principles of international space law and the extension of the legal sovereignty of a small number of states, primarily from the United States, to celestial bodies and, in the first turn to the moon.

Key words: *sources of law, legal sovereignty, space law, the Artemis program, regime transfer, minerals, celestial bodies.*

The 21st century is becoming special in the history of mankind: from space exploration it is moving to the commercial development of its resources. This new period not only poses new scientific and technological challenges, but is also accompanied by new challenges, in particular, in the field of law [11, p. eighteen]. Such challenges can be called the emerging collisions and gaps in the regulation of the exploration of the Moon and other celestial bodies.

Despite already more than half a century of practice of the existence of a separate branch of international public law in the form of space law, the need for the formation of which was indicated by the very fact of the launch of the first artificial Earth satellite (1957) in the USSR [13, p. 243] recently, states have not been able to come to a compromise and work out solutions that suit all parties in the field of legal regulation of the exploration of outer space and individual celestial bodies [15, p. 154], which undoubtedly leads to difficulties in legal support in this area of international public law relations.

This situation was not accidental, since despite the fact that the USSR won the "space race" back in 1957 technologically, the United States by the time the satellite was launched had already led the process of developing space legal norms, principles and definitions, having become the head of the process of creating the foundations of the international space rights (hereinafter – INC). So, for example, already on June 20, 1958, the United States adopted a special normative legal act "US Space Policy" [15, p. 156], which became a kind of basis for the formation of the ITUC. It was in this document that legal structures were first formulated, defining not only the legal status of the space crew, in general, and each cosmonaut, separately, but also delimiting space and air space in legal reality. In addition, the procedure for de-orbiting spacecraft and compensation for damage caused has been regulated; the concept of "space tourism" has been introduced, etc.

As noted in the scientific literature, the space component has been "woven" into international relations since the inception of the ICP [16], but the new reality of space exploration in the XXI century is associated with the aggravation of "earthly" international relations, which began with the "Crimean spring" of 2014. The sanctions regime against Russia proclaimed by the United States and Western European countries led to practically the "ousting" of our country from the sphere of international space legal relations. As the events of 2020 regarding the launch of the Artemis program show (the official website of the program is <https://www.nasa.gov/specials/artemis/>), the United States can now freely lead the process of updating the ITUC norms without involving a number of states, including, first of all, the Russian Federation, eliminating them from negotiations on outer space and the signing of new treaties in this area [4].

In modern conditions, the tendency of the prevalence of national law over international is becoming leading not only in the legal field of the planet, but also in the development of space law. The climax was the adoption in the United States in 2015 of the "Law on Competitiveness in the Field of Commercial Space Launches", which for the first time in the history of the ITUC legalized "industrial production, appropriation and sale of extraterrestrial resources by non-governmental persons – US citizens and organizations" [18, p. 77]. In addition, this Law directly stimulates American companies to begin active commercial

Theory of State and Law

---

development of the resources of any celestial bodies, including the Moon. As we can see, the principle established in Art. II "Treaty on the principles of activities of states in the exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies" (hereinafter referred to as the Outer Space Treaty), which concluded that "Outer space, including the Moon and other celestial bodies, is not subject to national appropriation neither by proclaiming sovereignty on them, nor by use or occupation, nor by any other means" (emphasis added – *E.A.*) [1], is grossly violated.

However, it should be noted that in the text of the Treaty there is no legal regulation of the possibility of developing the resources of various celestial bodies. It only says that "the exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies, are carried out for the benefit and in the interests of all countries, regardless of the degree of their economic or scientific development, and are the property of all mankind" [1]. As Yu. M. Kolosov rightly noted, "a generally accepted definition of the concept of peaceful space activity has not yet developed, which entails its different interpretation both in the implementation of practical activities of states in space and in the doctrine of international space law" [9, p. 51]. All this made it possible to violate the balance of public and private interests in the field of space activities with impunity, when American citizens and non-governmental organizations of the United States, without taking into account the interests of other space powers, are allowed to monopolize the development of space resources [10, p. 147].

Private companies begin to act as subjects of space legal relations, which leads to the evolution of the public nature of the ICR towards private law. Business communities are trying to protect their interests, and today they find the best mechanism for such protection in the internal law of a particular country, in rare exceptions – of the satellite countries of the United States. Commercial interests in the use of space and lunar resources underlie the new lunar "expansion of law", when the main subject of the ITUC – humanity – began to be ousted and replaced not just by individual states, but simply by legal entities – private companies [14, p. 3–6].

A. Ispolinov rightly notes that at the present stage of development of space law we are witnessing "a phenomenon that in international law is called" regime shifting "as one of the options for the strategy of change, which is understood as an attempt to change the status quo by transfer of negotiations, rule-making initiatives and formulation of standards to a new platform. We are talking about the withdrawal of all norm-setting initiatives and the formulation of standards for industrial exploration and the development of space resources from the UN and the Committee on Outer Space, which is dominated by developing countries with their concept of space as a common heritage of mankind, which means the distribution of income from the development of these resources among all states, regardless of the degree their participation. Instead, it is proposed to implement, supplement, clarify and modify the rules for the development of space resources through the conclusion of bilateral agreements and treaties with a small number of participants" [12].

Already in 2019, the United States announced the beginning of the Artemis Program [4] of an ambitious lunar project, designed for 10 years, within which 37 launches from Earth are planned, 5 landings of the crew on the lunar surface (including the crew with the first woman) and the construction of an international the lunar station so that in the mid-2030s. to carry out a flight already to Mars. The program is not accidentally named after the Greek goddess, because its slogan is the landing of the first woman on the moon. This is an important aspect of the "lunar colonization" announced by the United States, which is designed to find support in modern public opinion in different countries where the femin-

ist agenda is being promoted at the state level. The NASA website explicitly states that the presented Artemis logo is so abstract that every woman can see herself in it.

In October 2019, it was announced that at least 26 countries were willing to participate in the Artemis program. However, during 2020, the United States began cooperation only with Australia, Canada, the United Arab Emirates, Italy, Luxembourg, Japan, and the United Kingdom. For example, Japan has allocated \$ 770 million for the development of a new unmanned cargo ship that will replace the Konotori (Aist) cargo ship currently in use at the International Space Station. Italy will be involved in scientific and technical development and in the creation of lunar landing systems and habitable modules on the lunar surface. Great Britain will spend \$ 20.7 million on the creation of a special lunar station – a kind of transfer hub, since the long-term goal of the Artemis Program is a flight to Mars. Thus, on October 13, 2020, the space agencies of the above eight countries signed the Artemis Accords.

The participation of Luxembourg and the UAE in the Artemis Agreement clearly pursues the goal of transferring future profits to the low-tax jurisdictions of these countries, namely offshore. Thus, countries and transnational corporations that have never participated in space exploration before will directly benefit from the development of lunar resources.

Principles of the colonial empires of Great Britain, Spain and France in the 18th – 19th centuries. “Transferred” to extraterrestrial space, while the Moon was proclaimed the first territory for the spread of legal sovereignty, as evidenced by the Law, adopted by Luxembourg in July 2017, following the United States, regulating mining activities in space [15, p. 157].

It is interesting to note that the Artemis Agreement confirms “that joint activities should be carried out exclusively for peaceful purposes and in accordance with relevant international law” [4]. Despite the recognition of the principle of transparency and information exchange, the Agreement does not talk about the extension of this principle to the activities of private companies.

Interestingly, the act deals with the obligation of the countries parties to the Agreement “to make every effort to provide the necessary assistance to space personnel in distress.” There is also a definition of “space legacy”, which means “historically significant landing sites of people or vehicles, spaceships and other evidence of activity, as well as the promotion of multinational efforts to develop practices and rules for this” [4].

The most controversial provision of the Artemis Agreement is the clause on the extraction and use of space resources [4]. Although it says that they must be carried out in accordance with the Outer Space Treaty, at the same time, the Agreement allows the development of lunar resources by private companies. The parties to the Agreement insist that this is not “national appropriation”, which is prohibited by the 1967 Outer Space Treaty. The clause of the Agreement on the creation of “safety zones”, which should prevent the so-called “harmful interference in the activities of other countries” [4], also raises doubts.

These characteristics of the Artemis Agreement testify to the unilateral benefit sought by its participants, thereby forming the “right of the strong”, which extends to space. The colonial nature of the new Artemis Agreement is also confirmed by the fact that it has been declared “the best national practice”, that is, it is proclaimed an example for other states. This means that another principle of the Outer Space Treaty is being violated, which declared exclusively the international community of all states to have exclusive jurisdiction over outer space, including celestial bodies and their resources, as well as the right to create international legal conditions for their use. The Artemis Agreement, signed

by eight states, is an example of the unilateral interpretation of the ITUC and the imposition of such interpretation on other participants in the international community.

Difficulties in resolving legal conflicts are largely due to the fact that even experts speak and assess the prospects for space and the Moon in completely different ways: some of them (including technical specialists) [6] defend the priority of national law. Russian lawyers write about the need to “develop and adopt a new edition of the Federal Law of the Russian Federation “On Space Activities” [2].

The current Law was adopted in 1993 and no longer provides a modern level of legal regulation of relations in the field of space activities. There is a need to adopt a federal law on state registration of rights to space objects and transactions with them, since at the present time the rights and form of ownership of space vehicles created within the framework of the federal space program of Russia by order of Roskosmos are not properly registered” [15, p. 155].

Other experts support the general approach developed by the ITUC in the interests of all mankind [5] and consider the only real platform for developing common positions is the Legal Subcommittee of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space [5, p. 61]. It is this way of improving the ITUC that seems to be the most correct. It will allow to avoid not only “lunar” colonization and privatization, an arms race in space, but also to improve the MCP, as I. Yu. Shtodina notes, “using the resource of “soft power”, namely the participation of all interested countries in the implementation of long-term, mutually beneficial, promising scientific projects” [17, p. 79].

Bibliographic list

1. The Treaty on principles governing the activities of States in the exploration and use of outer space, including the moon and other celestial bodies (Moscow – Washington – London, January 27, 1967) // *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*. 1967. No. 44. St. 588.
2. Law of the Russian Federation of August 20, 1993 N 5663-I “On space activities” (edition of 08.12.2021) // *The Russian newspaper*, 1993, October 6.
3. Apollo Program [Electronic resource] // URL: https://www.nasa.gov/mission_pages/apollo/index.html (accessed 11.06.2021)
4. Artemis Accords [Electronic resource] // URL: https://www.nasa.gov/sites/default/files/atoms/files/artemis_plan-20200921.pdf (accessed 11.06.2021)
5. *Alekseev M. A.* Prospects for the coordination of the international legal regime of natural resources of celestial bodies. 2019. No. 1. Pp. 56–66. DOI: 10.7256/2453-8817.2019.1.30558
6. *Bagrov A.V., Leonov V. A.* Problems of transition from lunar exploration to its development // *The aerospace sphere*. 2020. No. 3 (104). pp. 25–26. DOI: 10.30981/2587-7992-2020-104-3-22-33
7. *Bagrov A. B., Leonov V. A.* Creation of a cosmodrome on the Moon by the method of deposition of regolith on a monolithic surface. 2018. No. 4. Pp. 78–83.
8. *Bagrov A. B., Mitkin A. C., Moskatinev I. V., Sysoev V. K., Yudin A.D.* Proposals for the development of engineering infrastructure as an important stage in the exploration and development of the Moon // *Bulletin of the S. A. Lavochkin NGO*. 2018. No. 1. Pp. 24–30.
9. *The struggle for peaceful space: Legal issues*. 2nd ed., ster. Moscow: Statute, 2014, 176 p.
10. *Volynskaya O. A.* International political and legal aspects of the use of space resources // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 9. Pp. 145–153.
11. *Vylegzhanin A. N., Yuzbashyan M. R.* Cosmos in the international legal context. 2011. No. 3 (27). Pp. 18–30.
12. *Ispolinov A.* Agreement of Artemis: the American model of regulating the extraction of space resources goes into orbit. [Electronic resource] // URL: <https://zakon.ru/blog/2020/10/16/>

soglashenie_artemidy_amerikanskaya_model_regulirovaniya_dobychi_resursov_kosmosa_vyhodit_na_orbitu (accessed 10.06.2021)

13. *Kolosov Yu. M.* Chapter 26. International space law / Yu. M. Kolosov, M. R. Yuzbashyan / International Law in 2 h. Part 2: Textbook for academic Bachelor's degree. Ed. Vylegzhanina A. N. 3rd ed., reprint. and additional M.: 2019. Pp. 242–256.

14. *Rubanov A. A.* The concept of humanity in international space law. Journal of the Higher School of Economics. 2012. No. 3. P. 3–6.

15. *Khavanova I. A., Sakaeva O. I., Makarova A. L.* Premonition of the cosmos: conjugation of international legal and national legal regulation // Journal of Russian Law. 2018. No. 3. Pp. 154–161.

16. *Shtodina I. Yu.* International illegality of American doctrines and plans for the militarization of outer space: dis. ... kand. jurid. sciences: 12.00.01. Moscow, 1988. 199 p.

17. *Shtodina I. Yu.* Some topical issues of legal support for space exploration and use // Moscow Journal of International Law. 2018. No. (2). P. 71–81.

18. *Yuzbashyan M. R.* US Law on the Research and Use of Cosmic Resources 2015. and international space law // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 2 (106). P. 71–86.

For citation: Abramova E.G. Extension of legal sovereignty to celestial bodies: new reality of the XXI century // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 17–22.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.001

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002

Е.А. Брылева*

С.И. Захарцев**

В.П. Сальников***

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК СВОЙСТВО РОССИЙСКОЙ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы необходимости формирования суверенной правовой идеологии и, подчеркивается ресурс такого свойства как благотворительность. На примере социального служения Русской Православной Церкви, особенно в период пандемии показывается, что благотворительность и волонтерство являются теми ключевыми традициями, которые способствуют сплочению нации. По мнению авторов, включение в программы отечественного образования как подрастающего поколения, так и будущих управленцев тем благотворительности и милосердия способствует формированию ценностных ориентиров правовой идеологии.*

***Ключевые слова:** благотворительность; правовая идеология; социальное государство; Русская Православная Церковь; милосердие.*

Продолжая дискуссию о необходимости суверенной государственно-правовой идеологии «как одной из высших нравственно-правовых ценностей, которая исключает возможность существования какой-либо наднациональной инстанции над государством» [21, с. 176], отметим, что на современном этапе значение идеологии как эффективного средства воздействия на сознание и поведение людей возрастает. Общественное сознание постепенно приходит к доминирующей мысли о необходимости возвращения к фундаментальным правовым идеям, сформулированным в тексте действующей российской конституции, главное направление которой – формирование социального правового государства, что подразумевает под собой заранее определенный комплекс, сложную систему действий, нацеленных на то, чтобы члены общества осознали правовую государственность как личную заботу [4, с. 4]. Вместе с тем проблема государственно-правовой идеологии, захватывая внимание все большего коллектива мыслителей, продолжает оставаться актуальной [5; 6; 10; 11; 12; 13; 14; 18; 23].

---

* Брылева Елена Александровна, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФЦИН России, кандидат юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия). E-mail: elenbrylev@yandex.ru

** Захарцев Сергей Иванович, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕН (г. Москва, Россия). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

*** Сальников Виктор Петрович, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», советник ректората Русской христианской гуманитарной академии, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Fonduniver@bk.ru

Безусловно, российское государство имеет свою специфику, свой «особый» путь развития, в то же время для России благотворительность, как отмечает Президент, всегда являлась «базовой ценностью, мощнейшим ресурсом развития России, консолидации общества, обеспечения социальной и межнациональной гармонии» [1], мы добавим – свойством русской души.

Так, в 1909 г. был образован «Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению», который стал инициатором двух общероссийских съездов деятелей благотворительности в 1910 и 1914 г.г. На съезде 1910 года был отмечен тот факт, что только 1/6 бюджета земской медицины представлена земскими государственными пособиями, а остальная пополняется за счет благотворительных пожертвований. Значительную роль в деле благотворительности играли женщины, что вполне объяснимо в условиях существующего на тот момент гендерного неравенства, данная деятельность давала возможность женщинам реализоваться [25, с. 591].

Так, например, 2 ноября 1914 г. в Перми было учреждено Сестричество при Мотовилихинском Свято-Троицком миссионерском братстве. В газете «Пермские епархиальные ведомости» был опубликован отчет о деятельности этого православного общества за пять месяцев его работы. Из отчёта видно, что главным в деятельности женщин – членов общества – была забота о храме: приведение в порядок ризницы, облачений, аналоя и пр. В то же время участницы общества оказывали моральную поддержку там, где случалось какое-либо горе, несчастье. Некоторые сёстры становились сёстрами милосердия для семей погибших на войне солдат. И хотя, как отмечалось в газете, «война не очень заметно сказалась на жителях Мотовилихинского завода, где запасные <...> не были призваны, и Общество Сестричества не развивало своей деятельности в деле помощи семействам призванных на военную службу. Но зато его участницы безвозмездно шили белье для действующей армии из материала, который на собранные деньги приобрёл приходской попечительный совет» [19, с. 264].

Создававшиеся в России подобные общины сестер милосердия подчинялись различным ведомствам. В основном, общины находились под руководством Российского общества Красного Креста, епархиального начальства или пользовались самостоятельным управлением в рамках Министерства внутренних дел [15]. Это определяло степень их самостоятельности, структуру управления и сферы деятельности. Если общины Красного Креста занимались исключительно медицинской деятельностью, то епархиальные общины затрагивали и другие сферы благотворительности: 1) предоставление безвозмездного приюта бедным девицам и вдовам, желающим с пользой служить Отечеству; 2) попечение о бедных больных; 3) утешение скорбящих; 4) призрение и воспитание бездомных детей и детей бедных священноцерковнослужителей; 5) специальная подготовка сестер милосердия для ухода за ранеными в военное время на поле брани, а в мирное – для дежурства в военных госпиталях, городских и тюремных больницах. Основателями общин были люди очень влиятельные, в том числе, члены императорской фамилии, видные государственные деятели, известные врачи. Их значительное состояние и высокое общественное положение обеспечивали престиж и жизнеспособность общины [22].

Следует сказать, что в настоящее время Русская Православная Церковь возродила традиции сестер милосердия. Так, например, на базе Балтийского университета ведется подготовка сестер милосердия, которые трудятся в калининградских боль-

ницах. Еще в 2010 году по инициативе Синодального отдела по благотворительности была создана Ассоциация сестричеств милосердия в целях консолидации и объединения сестричеств милосердия для развития и совершенствования церковного служения; участия в социальных проектах разных уровней для решения общественных проблем. [3].

Примечательно, что патриарх Кирилл еще в 2015 году на V Общецерковном съезде по социальному служению – главного форума, посвященного благотворительной деятельности Церкви отметил необходимость концептуального подхода в развитии волонтерства и добровольчества при церкви; создании добровольческих центров для привлечения мирян к социальному служению; социальном служении, причем профессиональном служении через получение дистанционного образования Синодального отдела по благотворительности; в работе с инвалидами; женщинами, в трудной жизненной ситуации; алко- и наркозависимыми.

В период пандемии социальное служение Русской православной церкви получило новый подъем. Развернулось движение добровольцев. Было собрано более 23 млн. рублей, более 22 тысяч продуктовых наборов были направлены в шесть стран: Россию, Молдавию, Киргизию, на Филиппины, в Казахстан и даже в Восточный Тимор. Была развернута система социальных центров – 77 приютов для мам и 211 центров гуманитарной помощи. Эти проекты стали очень востребованными во время эпидемии, они сосредоточились на выдаче продуктов. Был организован телефон церковной социальной помощи, на линию которой поступило свыше 6,2 тыс. звонков.

Украинская Церковь также организовала широкомасштабную помощь: переданы сотни тонн продуктов, вещей, оборудование для медиков. На конец 2020 года социально-гуманитарный отдел Украинской Церкви вместе с епархиями оказал финансовую и материальную помощь медицинским учреждениям и населению на сумму свыше 2,5 миллиона гривен (6,7 млн рублей), передано нуждающимся 413 тонн продуктов, 62 тонны вещей. Блаженнейший Онуфрий передал аппарат ИВЛ и средства защиты Александровской больнице Киева. В разных епархиях отвозили помощь нуждающимся. Одесская епархия подарила медикам две машины скорой помощи.

Большую нагрузку в период пандемии приняли на себя церковные проекты для бездомных в епархиях. Так, был организован социальный проект «Автобус милосердия», где лица без определенного места жительства смогли получать еду. Данный проект был запущен в Екатеринбурге, Томске, Магнитогорске и других городах [24].

Интересно, что победители конкурса «Лидеры России», «Лидеры России. Политика», «Школа губернаторов» участвуют в волонтерской практике Русской православной церкви через общение с бездомными, детьми-сиротами, помощь больным взрослым и детям, реабилитацию наркозависимых, слепоглухих, тем самым формируется система определенных нравственных ценностей элиты России и, соответственно суверенная правовая идеология.

Представляется, что концепция развития благотворительности в России еще только начинает формироваться, ключевые, базовые моменты которой складываются, в том числе из национальных традиций. Так, в конце 2016 года впервые была вручена Государственная премия за достижения в благотворительной деятельности. Ее лауреатами стали Елизавета Глинка (известная также как Доктор Лиза), которая помогала малоимущим, бездомным людям и больным детям из Донбасса, и Александр Ткаченко (отец Александр), создавший детский хоспис в Петербурге поддерживающий развитие паллиативной медицины. В 2019 году данную премию полу-

чил Константин Хабенский, который создал фонд, занимающийся организацией помощи детям с онкологическими и другими тяжелыми заболеваниями головного мозга.

2020 год – стал своеобразным годом сплочения нации, показавшим необходимость партнерства государства, некоммерческих организаций, благотворителей, бизнеса. Так, например ООО «Балтика» с марта развернула социальную кампанию «Несмотря на расстояние, остаемся вместе», направленную на помощь пожилым, медикам, волонтерским центрам. Всего с марта в рамках кампании было поставлено более 500 000 единиц средств защиты и более 300 000 единиц безалкогольных напитков – во всех регионах присутствия компании.

Автономная некоммерческая организация «Дом будущего» при финансовой поддержке ООО «Газпром экспорт» оказала поддержку Научно-исследовательскому детскому ортопедическому институту им. Г. И. Турнера и закупила для персонала учреждения и находящихся на лечении детей необходимые средства индивидуальной защиты. Благотворительный фонд «Источник Надежды» организовал доставку горячего питания дежурным сменам медиков в инфекционном отделении в г. Перми.

Фонд Владимира Потанина поддержал проекты, направленные на решение задач в разных сферах, включая образование, культуру, искусство, экологию, благотворительность, волонтерство, поддержку разных групп населения в период пандемии.

И, наверное, не случайно, еще в 2019 году Общественная палата России предложила включить в школьную программу тему благотворительности и милосердия. Предложение было высказано в связи с тем, что «важность благотворительности для развития гражданского общества трудно переоценить, ведь бескорыстная помощь ближнему – это универсальная ценность для всех цивилизаций, культур и религий» [7, с.65]. В качестве положительного примера в докладе Общественной палаты приводится г. Санкт-Петербург, где в благотворительной акции «Белый цветок» участвуют все школы города, проводятся «Уроки доброты», а школьники младших классов изготавливают около 70 тысяч белых цветов в поддержку тяжелобольных сверстников. Данное предложение логично вписалось в заданное Президентом направление об укреплении воспитательной составляющей отечественной образовательной системы, учитывая, что начиная с 90-х годов XX века происходил отход от воспитательного процесса и сосредоточение внимания лишь на обучении. Сокращение нравственной составляющей, к сожалению, приводит к заполнению вакуума просмотром несовершеннолетними «тик тока», увлечения компьютерными играми и как, крайнее проявление расстрелам в школах.

Еще в XIX в. известный русский педагог Л.Н. Модзалевский (1837–1896) обратил внимание на насущную необходимость образования только совместно с воспитанием [16, с. 429]. К сожалению, России в настоящее время, о чем все чаще стали говорить отечественные исследователи, политологи, настоятельно необходима своя государственно-правовая идеология [8, с. 194; 9; 17; 20] и, представляется, что благотворительность и милосердие, являются одним из ее свойств.

Сплочение нации через развернувшееся волонтерское движение, благотворительную деятельность в период пандемии показало с одной стороны, в общем-то, несмотря на критические замечания, социальность нашего государства, мы считаем также необходимым дополнить Е.В. Аристову [2, с. 28], который относит Российскую Федерацию к синдицированной модели (от лат. syndicated), характеризующейся презумпцией совместного участия государства, бизнес структур и, на наш взгляд, еще религиозных организаций (в первую очередь православной церкви) в создании над-

лежащих условий благосостояния населения, при оставлении государством за собой обязательств по социальной поддержке нуждающихся категорий населения.

Библиографический список

1. Путин В. Патриотизм, доброта, милосердие всегда были нашими базовыми ценностями // <https://pravoslavie.ru/76536.html>.
2. Аристов Е.В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно – правового обеспечения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2017. – 35 с.
3. Ассоциация сестричеств // <https://www.mmom.ru/sestrichestvo/> (дата обращения: 01.09.2021)
4. Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2006.
5. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24–33.
6. Брылева Е.А. Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23–26.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2019.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183 – 194
9. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.
10. Крижановская Г.Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34–40.
11. Лазарев В.В. Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25–33.
12. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17–32.
13. Литвинов Н.Д. Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41–71.
14. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25–28.
15. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
16. Модзалевский Л.Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней: в 2 ч. Ч.1. / Под общ.ред. В.П.Сальникова; научн. ред. вступ. ст., предм. указ. М.В.Захарченко. – СПб.: Алетейя, 2000. – 429 с.
17. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107–114.
18. Мурсалимов К.Р. Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27–30.
19. Пермские епархиальные ведомости. – 1915. – № 12.
20. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

21. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.
22. Устав Московской Владычье-Покровской общины сестер милосердия. – М., 1872. – 39 с.
23. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21–24.
24. Церковная социальная и благотворительная деятельность в 2020 году // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5764564.html> (дата обращения: 01.09.2021)
25. Lindenmeyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914. *Sings: Journal of Women in Culture and Society*, 1993, vol. 18, no. 3, pp. 562–591.

Для цитирования: Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правозащитная деятельность на современном этапе: понятие и значение // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 23–28.
DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002

Elena A. Bryleva*
Sergey I. Zakhartsev**
Viktor P. Salnikov***

CHARITY AS A PROPERTY OF THE RUSSIAN SOVEREIGN STATE-LEGAL IDEOLOGY

Abstract. *The issues of the need for the formation of a sovereign legal ideology are considered, and a resource of such a property as charity is emphasized. Using the example of the social service of the Russian Orthodox Church, especially during a pandemic, it is shown that charity and volunteering are the key traditions that contribute to the unity of the nation. According to the authors, the inclusion of both the younger generation and future managers in the programs of national education of the themes of charity and mercy contributes to the formation of value orientations of legal ideology.*

Key words: *charity; legal ideology; welfare state; Russian Orthodox Church; mercy.*

Continuing the discussion about the need for a sovereign state and legal ideology "as one of the highest moral and legal values, which excludes the possibility of the existence of any supranational instance over the state" [21, p. 176], we note that at the present stage the importance of ideology as an effective means of influencing the consciousness and behavior of people is increasing. Public consciousness is gradually coming to the dominant idea of the need to return to the fundamental legal ideas formulated in the text of the cur-

---

* Bryleva Elena Aleksandrovna, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Perm, Russia). E-mail: elenbrylev@yandex.ru

** Zakhartsev Sergey Ivanovich, Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

*** Salnikov Viktor Petrovich, Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and Modernity", Advisor to the Administration of the Russian Christian Humanitarian Academy, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: Fonduniver@bk.ru

rent Russian constitution, the main direction of which is the formation of a social rule-of-law state, which implies a predetermined complex, a complex system of actions aimed at ensuring that members of society realized legal statehood as a personal concern [4, p. 4]. At the same time, the problem of state and legal ideology, capturing the attention of an ever larger group of thinkers, continues to remain relevant [5; 6; 10; 11; 12; 13; 14; 18; 23].

Of course, the Russian state has its own specifics, its own "special" path of development, at the same time for Russia, charity, as the President notes, has always been "a basic value, a powerful resource for the development of Russia, consolidation of society, ensuring social and interethnic harmony" [1], we add – a property of the Russian soul.

Thus, in 1909, the All-Russian Union of Institutions, Societies and Figures for Public and Private Charity were formed, which initiated two All-Russian Congresses of Charity Workers in 1910 and 1914. At the congress of 1910, the fact was noted that only 1/6 of the budget of zemstvo medicine is represented by zemstvo state benefits, and the rest is replenished through charitable donations. Women played a significant role in charity, which is understandable given the gender inequality that existed at that time, this activity gave women the opportunity to realize themselves [25, p. 591].

For example, on November 2, 1914, a Sisterhood was established in Perm under the Motovilikhinsky Holy Trinity Missionary Brotherhood. The newspaper "Permskie Diocessannye Vedomosti" published a report on the activities of this Orthodox society for five months of its work. The report shows that the main thing in the activities of women – members of society – was taking care of the church: putting in order the sacristy, vestments, lectern, etc. At the same time, the members of the society provided moral support wherever any grief or misfortune happened. Some sisters became sisters of mercy for the families of soldiers killed in the war. And although, as noted in the newspaper, "the war did not noticeably affect the residents of the Motovilikhinsky plant, where the spare <...> were not called up, and the Sisterhood Society did not develop its activities in helping families called up for military service. But on the other hand, its participants sewed underwear for the active army free of charge from material that was purchased by the parish board of trustees with the money raised" [19, p. 264].

Such communities of sisters of mercy that were created in Russia were subordinate to various departments. Basically, the communities were under the leadership of the Russian Red Cross Society, diocesan authorities, or enjoyed independent management within the Ministry of Internal Affairs [15]. This determined the degree of their independence, management structure and scope of activity. If the Red Cross communities were engaged exclusively in medical activities, then the diocesan communities also touched upon other areas of charity: 1) the provision of gratuitous shelter to poor girls and widows who want to usefully serve the Fatherland; 2) caring for the poor sick; 3) consolation of the bereaved; 4) charity and education of homeless children and children of poor clergymen; 5) special training of sisters of mercy for caring for the wounded in wartime on the battlefield, and in peacetime for duty in military hospitals, city and prison hospitals. The founders of the communities were very influential people, including members of the imperial family, prominent statesmen, famous doctors. Their significant wealth and high social status ensured the prestige and vitality of the community [22].

It should be said that at present the Russian Orthodox Church has revived the traditions of the sisters of mercy. For example, the Baltic University is training nurses who work in Kaliningrad hospitals. Back in 2010, on the initiative of the Synodal Department for Charity, the Association of Sisterhoods of Charity was created in order to consolidate and

unite the sisterhoods of charity for the development and improvement of church ministry; participation in social projects of different levels to solve social problems. [3].

It is noteworthy that Patriarch Kirill, back in 2015, at the V General Church Congress on Social Service, the main forum dedicated to the charitable work of the Church, noted the need for a conceptual approach in the development of volunteering and volunteering at the church; the creation of volunteer centers to attract lay people to social service; social service, moreover, professional service through receiving distance education of the Synodal Department for Charity; working with people with disabilities; women in difficult life situations; alcohol and drug addicts. During the pandemic, the social ministry of the Russian Orthodox Church received a new upsurge. A movement of volunteers unfolded. More than 23 million rubles were collected, more than 22 thousand food packages were sent to six countries: Russia, Moldova, Kyrgyzstan, the Philippines, Kazakhstan and even East Timor. A system of social centers was deployed – 77 shelters for mothers and 211 humanitarian aid centers. These projects became very popular during the epidemic, they focused on the distribution of products. A telephone number for church social assistance was organized, on the line of which over 6.2 thousand calls were received.

The Ukrainian Church also organized large-scale aid: hundreds of tons of food, items, equipment for doctors were donated. At the end of 2020, the social and humanitarian department of the Ukrainian Church, together with the dioceses, provided financial and material assistance to medical institutions and the population in the amount of over 2.5 million hryvnias (6.7 million rubles), 413 tons of food and 62 tons of things were transferred to those in need. His Beatitude Onuphriy donated a ventilator and protective equipment to the Alexander Hospital in Kiev. In different dioceses, aid was delivered to those in need. The Odessa diocese donated two ambulances to the doctors.

Church projects for the homeless in the dioceses took on a large burden during the pandemic. So, a social project “Bus of Mercy” was organized, where persons without a fixed abode were able to receive food. This project was launched in Yekaterinburg, Tomsk, Magnitogorsk and other cities [24].

It is interesting that the winners of the “Leaders of Russia”, “Leaders of Russia. Politics”, “School of Governors” participate in the volunteer practice of the Russian Orthodox Church through communication with the homeless, orphans, helping sick adults and children, rehabilitation of drug addicts, deaf-blind, thereby forming a system of certain moral values of the Russian elite and, accordingly, a sovereign legal ideology.

It seems that the concept of the development of charity in Russia is just beginning to form, the key, basic points of which are formed, including from national traditions. So, at the end of 2016, the State Prize for achievements in charitable activities was awarded for the first time. Its laureates were Elizaveta Glinka (also known as Doctor Liza), who helped the poor, homeless people and sick children from Donbass, and Alexander Tkachenko (Father Alexander), who created a children's hospice in St. Petersburg that supports the development of palliative medicine. In 2019, this award was received by Konstantin Khabensky, who created a fund that organizes assistance to children with oncological and other serious brain diseases.

2020 has become a kind of year of rallying the nation, showing the need for partnership between the state, non-profit organizations, philanthropists, and business. For example, Baltika LLC has launched a social campaign “Despite the Distance, We Stay Together” since March, aimed at helping the elderly, doctors, and volunteer centers. Since March, the campaign has delivered more than 500,000 items of protective equipment and more than 300,000 items of soft drinks in all regions of the company's presence.

Theory of State and Law

The autonomous non-profit organization "House of the Future" with the financial support of Gazprom Export provided support to the Scientific Research Children's Orthopedic Institute named after GI Turner and purchased the necessary personal protective equipment for the staff of the institution and the children undergoing treatment. The Source of Hope Charitable Foundation organized the delivery of hot meals to the duty shifts of doctors in the infectious diseases ward in Perm.

The Vladimir Potanin Foundation has supported projects aimed at solving problems in various fields, including education, culture, art, ecology, charity, volunteering, and support for various groups of the population during a pandemic.

And, probably not by chance, back in 2019 the Public Chamber of Russia proposed including the theme of charity and mercy in the school curriculum. The proposal was made in connection with the fact that "the importance of charity for the development of civil society can hardly be overestimated, because disinterested help to one's neighbor is a universal value for all civilizations, cultures and religions" [7, p.65]. As a positive example, the report of the Public Chamber cites the city of St. Petersburg, where all the city's schools participate in the White Flower charity event, Kindness Lessons are held, and elementary schoolchildren make about 70 thousand white flowers in support of seriously ill peers. This proposal logically fits into the direction set by the President on strengthening the educational component of the domestic educational system, given that since the 90s of the XX century, there has been a departure from the educational process and focusing only on teaching. The reduction of the moral component, unfortunately, leads to filling the vacuum with watching by minors "tik-tok", hobby for computer games and, as an extreme manifestation of executions in schools.

Back in the 19th century, the famous Russian teacher L.N. Modzalevsky (1837 – 1896) drew attention to the urgent need for education only in conjunction with upbringing [16, p. 429]. Unfortunately, Russia at the present time, about which domestic researchers and political scientists have begun to talk more and more often, urgently needs its own state and legal ideology [8, p. 194; nine; 17; 20] and it seems that charity and mercy are one of its properties.

The rallying of the nation through the expanded volunteer movement, charitable activities during the pandemic showed, on the one hand, in general, despite criticism, the sociality of our state, we also consider it necessary to supplement E.V. Aristova [2, p. 28], which classifies the Russian Federation as a syndicated model (from Latin syndicated), characterized by the presumption of joint participation of the state, business structures and, in our opinion, also religious organizations (primarily the Orthodox Church) in creating appropriate conditions for the well-being of the population, while leaving the state has obligations for social support of the needy categories of the population.

Bibliographic list

1. Putin V. Patriotism, kindness, mercy have always been our basic values // <https://pravoslavie.ru/76536.html>.
2. Aristov E.V. Sociality of the state: foreign experience of constitutional and legal support: Author's abstract. dis. ... doct. jurid. sciences. Moscow, 2017. 35 p.
3. Association of sisterhoods // <https://www.mmom.ru/sestrichestvo/> (date of access: 01.09.2021)
4. Baykov A.F. Legal ideology: essence and implementation in a legal state: Dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01. Yekaterinburg, 2006.

5. Bobrova N.A. A state without ideology is nonsense // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 7. P. 24–33.
6. Bryleva E.A. Civil society as one of the key subjects of the search for state-legal ideology // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 8. P. 23–26.
7. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2019. Moscow: Public Chamber of the Russian Federation, 2019.
8. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the foundations of Russian philosophical and legal ideology // *Legal science: history and modernity*. 2020. No. 2. P. 183–194.
9. Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V. The idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral and legal aspects // *World of politics and sociology*. 2018. No. 11. P. 188–193.
10. Krizhanovskaya G.N. On the question of the need for state ideology // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 9. P. 34–40.
11. Lazarev V.V. Ideological passions at the constitutional level // *World of politics and sociology*. 2019. No. 9. P. 25–33.
12. Lazarev V.V. Ideological support of modern justice // *World of politics and sociology*. 2019. No. 4. P. 17–32.
13. Litvinov N.D. The role of ideas in the formation and destruction of statehood // *World of politics and sociology*. 2019. No. 9. P. 41–71.
14. Mazurin S.F. State ideology and public identity // *World of politics and sociology*. 2019. No. 6. P. 25–28.
15. Ministry of Internal Affairs of Russia. 1802 – 2002: Historical sketch in 2 volumes. Volume 1 / Under total. ed. V.P. Salnikov; Gryzlov B.K., Salnikov V.P., Strelnikov A.A., Ryskin L.B., Glushachenko S.B., Aleksandrov A.I., Nizhnik N.S. Sankt-Petersburg: Fund "University", 2002. 272 p. (Series: "The Ministry of Internal Affairs of Russia is 200 years old").
16. Modzalevsky L.N. Essays on the history of education and training from ancient times to the present day: at 2 pm Part 1. / Under the general ed. V.P. Salnikov; scientific. ed. entry art., subject. decree. M.V. Zakharchenko. Sankt-Petersburg: Aleteya, 2000. 429 p.
17. Morozov A.I., Prokofiev K.G., Sergeeva A.Yu. The institution of the family as a moral and legal value (on the issue of sovereign legal ideology as the basis of family law in the Russian Federation) // *Juridical science: history and modernity*. 2019. No. 12. P. 107–114.
18. Mursalimov K.R. Some ideological principles in the legal activity of the state // *World of politics and sociology*. 2019. No. 8. P. 27–30.
19. Perm diocesan statements. 1915. No. 12.
20. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // *Legal Science: History and Modernity*. 2019. No. 11. P. 149–162.
21. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // *World of politics and sociology*. 2019. No. 9. P. 170–178.
22. Charter of the Moscow Vladychna-Pokrovskaya community of sisters of mercy. Moscow, 1872. 39 p.
23. Khabibulin A.G. Ideology is the fundamental factor of social development // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 6. P. 21–24.
24. Church social and charitable activities in 2020 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5764564.html> (date accessed: 01.09.2021)
25. Lindenmeyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914. *Sings: Journal of Women in Culture and Society*, 1993, vol. 18, no. 3, pp. 562–591.

For citation: Bryleva E.A., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Human rights activity at the present stage: concept and meaning // *Theory of state and law*. 2021. No. 4 (25). P. 28–32.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002

Научная статья

УДК 340.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.003

Ю.В. Бурбина*

РЕАЛИИ ФЕДЕРАЛИЗМА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Аннотация.** В статье рассматривается федерация как форма государственного устройства, как многоаспектное государственно-правовое явление. Раскрываются особенности федерализма, состоящие, прежде всего, в создании баланса централизации и децентрализации, совмещении единства и многообразия. Определяются плюсы и минусы указанного административно-территориального деления государства.*

***Ключевые слова:** федерация, федерализм, централизация, децентрализация, государственное устройство.*

Общество и государство постоянно сталкиваются с новыми проблемами, которые проверяют на прочность сложившиеся и стабильно существующие государственно-правовые институты. Всемирная тенденция к всеобщей интеграции, в некотором роде унификации, сталкивается с устойчивым противостоянием национальных и этнических общностей, которые не желают отказываться от идентичности, чувствуют свою уникальность и хотят ее сохранить. Данное стремление похвально, должно быть поддержано государством, необходимо принимать меры для сохранения самобытности и государственной идентичности, тем более в период острой глобализации и универсальности, легкой доступности.

Национальные традиции, язык, обряды, духовность, национальная идентичность остро нуждаются в государственной поддержке и защите. Одной из мер сохранения национальной идентичности, приемлемой в данном случае, является федеративная форма государственного устройства, которая способна сохранить тонкую грань между единством целого централизованного государства и самостоятельностью составных частей в рамках федерации. С задачами сохранения единства и поддержанием самостоятельности отдельных регионов в той или иной степени сталкиваются практически все государства. Наиболее выражена эта проблема в европейских странах, например: Испании, Великобритании, Италии, Франции, Бельгии... [4] В США данный вопрос так же не решен. Большая часть, из общего состава штатов входящих в состав США, многократно высказывались о желании стать суверенными государствами. Наиболее остро данный вопрос стоит в штатах Техас, Южная Каролина. В той или иной форме вопрос самоопределения, изменения границ, разграничения полномочий, проблемы этнического или религиозного характера знакомы каждому государству.

Федеративная форма государственного устройства находится в более выгодном положении, по сравнению с унитарным государством, в виду того, что государственные образования всегда находятся в динамике, процессы централизации и децентрализации с периодичностью сменяют друг друга в зависимости от внешних

---

* Бурбина Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: burbinajulia@ya.ru

и внутренних факторов, которые довлеют на государства в каждый конкретный момент времени. С одной стороны, проблемы самоопределения наций и народностей, сецессии, требования сепаратизма, а с другой стороны принцип государственной целостности, ценность государственного суверенитета, являются наиболее острыми гранями развития федеративных отношений. Несмотря на достаточно длительную и стабильную историю государственных образований, отметим, что практически каждое из государств в последние пятьдесят лет меняли свои государственные границы, несмотря на принцип нерушимости государственных границ. Подвижность и динамизм государственных структур надежнее всего сдерживает федеративная организация государственной власти.

Федерация – это единое государство, состоящее в свою очередь из государственно-подобных образований, наделенных определенным объемом полномочий и атрибутов власти. Федеративная форма государственного устройства предполагает наличие как минимум двух уровней власти: федерального и регионального. Именно благодаря двухзвенной системе власти, данная форма государственного устройства, при своей не стабильности и неустойчивости, способна сплотить воедино сложные многонациональные, многоконфессиональные государства. Наличие единого федерального центра со стабильной федеральной властью, позволяет нивелировать и решить региональные вопросы, так как механизмов их решения больше чем в едином унитарном государстве. Федеральные органы государственной власти, осуществляют свои полномочия на всей территории государства. Таким образом, они создают центральное звено стабильности, которое сплачивает и объединяет регионы. Органы данного уровня отстаивают общенациональные интересы, являются представительными – действующими в интересах народа, который их избрал. Однако, механизма контроля представительного органа в России не выработано. В момент выборной кампании принято высказывать радужные обещания, процедуры контроля и реализации их выполнения в стране не существует, поэтому большая часть предвыборной программы остается невыполненной.

Федеративные отношения принято считать живыми, динамично развивающимися, направления их развития часто обсуждаемая тема, как на международном уровне, так и внутри государства. Данная «подвижность» прежде всего, определяется постоянным поиском баланса между совмещением централизации и стабилизации государственных структур и тенденцией к децентрализации, стремлением к большей самостоятельности идентичности. Отметим, что централизация – это форма организации системы власти, при которой административно-территориальные единицы лишены самостоятельности. Она предполагает, что подконтрольность вышестоящим органам власти и подчинение их указаниям и решениям. В противоположность данной системе действует самоуправление. Если централизация предполагает передачу полномочий вышестоящим органам власти и управления, то децентрализация, проявляется в процедуре увеличения полномочий регионов, увеличению объема полномочий на местах. Уникальность и актуальность федеративной формы государственного устройства состоит, прежде всего, в возможности нахождения баланса между процессами централизации и децентрализации, сохраняя целостность и единство государства.

Остановимся на многоаспектности федерации. Данное понятие не ограничено только формой государственного устройства, она пронизывает и подчиняет своей структуре другие сферы жизни и деятельности общества и государства. Например,

особый способ организации экономики, в частности, налоговой сферы, юридической, точнее, определению границ и сфер распространения полномочий федерации и регионов, составляющей политической системы, национальной, этнической, религиозной и т.п. [5] Практически все структуры жизнедеятельности государства подчиняются и учитывают федеративный характер государства. Поэтому, говорят о многоаспектности, многогранности данного явления, оно явно не ограничивается административно-территориальным делением. Федерация предполагает создание сложного государства с, как минимум, двумя звеньями самостоятельности и подчинения (федеральный центр, регионы), и охватывает практически все сферы деятельности государства.

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [1]. Демократический характер государства проявляется, прежде всего, в положении о том, что единственным источником власти в России является народ. Реализация данной формы власти осуществляет как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Следующим элементом демократии российского государства является равноправие граждан и предоставление им широких прав и свобод, в том числе право участвовать в управлении делами государства. Одной из главных составляющих проявления демократии в российском государстве является выборность органов законодательной власти и представительных органов местного самоуправления, ряда руководящих должностных лиц – Президента Российской Федерации, глав региональной и местной администрации и т. д.

Характеристика российского государства в качестве федеративного указывает на форму его устройства. Федерация – это единое государство, состоящее в свою очередь из государственно-подобных образований, наделенных определенным объемом полномочий и атрибутов власти.

В соответствии с Конституцией РФ в состав Российской Федерации входят республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа. В п.1 ст. 5 Конституции РФ [1] закрепляет равноправие перечисленных субъектов государства. В то же время п. 2. ст. 5 Конституции РФ [1] предоставляет дополнительное право республикам на наличие конституции субъекта и статус президента республики лицу, возглавляющему данный субъект, а так же ст. 68 Конституции РФ закрепляет права республик в составе России устанавливать свои государственные языки.

Далее, п. 4 ст. 5 Конституции РФ [1] говорится о равноправии субъектов РФ во взаимодействии с федеральными органами государственной власти. В ст. 66 Конституции РФ [1], отмечено, что по взаимному согласию статус субъекта может быть изменен. Сразу возникает вопрос, если все субъекты равноправны, обладают равным объемом прав и обязанностей, зачем менять статус? Предполагаю, что в данном случае «статус субъекта» – это термин определяющий наименование субъекта, так как в теоретическом смысле термин «статус» складывается из имеющихся прав, свобод и обязанностей. Таким образом, в соответствии со статьей 5 Конституции РФ [1] различия в наименованиях субъектов не влекут различий в их правовом статусе, в то же время республики имеют специальные атрибуты власти, подчеркивающие их самостоятельность, и статус субъекта, при согласии центра может быть изменен.

Федеративный характер государства раскрывается, так же в организации системы государственных органов. Так, ст. 11 Конституции РФ [1] устанавливает, что государственная власть в России состоит из двух уровней: государственная власть

Российской Федерации в лице центральных органов управления – Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации и государственная власть субъекта – осуществляется созданными ими органами.

Еще один вопрос о возможности выхода субъектов федерации из ее состава. 18 марта 2014 года был подписан межгосударственный договор о принятии независимой Республики Крым в состав Российской Федерации и образовании новых субъектов Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя [2]. 21 марта 2014 года Президент России Владимир Путин подписал Федеральный конституционный закон о вхождении Крыма в состав РФ и образовании новых субъектов федерации [3]. До этого закон был принят Госдумой (20 марта) и одобрен Советом Федерации (21 марта). Вместе с законом Путин утвердил ратификацию Договора о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым [3]. Одновременно был подписан указ о создании Крымского федерального округа и назначении полномочного представителя Президента РФ.

Крым и Севастополь, являются примером сепаратизма. На данную проблему можно смотреть с разных сторон: изменения государственных границ, эмансипации или возвращения государственной территории. Каждое из утверждений имеет сторонников. Наша, точка зрения сводится к учету интересов, мнения и желания населения региона, особенностей развития региона, исторической принадлежности и этнической идентичности. Референдумом явился выражением воли народа. Решение вопроса о присоединении Крыма, и Севастополя к Российской Федерации создало прецедент в международном праве. Вопросы сепаратизма и федерализма зазвучали с новой силой. При этом мы должны учитывать, что Российская Федерация есть союз автономных образований, в которых право выхода не предусмотрено, в отличие от союзной федерации, где такое право имеется [7].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)// Российская газета, 2020, 4 июля; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 333 с.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов" (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // Российская газета, 2014, 19 марта // Интернет ресурс: <http://pravo.gov.ru/>
3. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя"// Российская газета, 2014, 24 марта // Интернет ресурс: <http://pravo.gov.ru/>
4. Указ Президента РФ от 21.03.2014 N 168 (ред. от 28.07.2016) "Об образовании Крымского федерального округа"// Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 12. – Ст. 1265.
5. Бырдин Е.Н. Проблемы развития федерализма в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: сравнительно-правовой аспект //Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018 г. // Интернет ресурс: [https://cyberleninka.ru/ article/](https://cyberleninka.ru/article/)

n/ problemy-razvitiya-federalizma-v-rossiyskoy-federatsii-i-federativnoy-respublike-germaniya-sravnitelno-pravovoy-aspekt/viewer

6. Молчанов А.Н. Многонациональные федерации и их конституционно-правовые признаки // Российское право: образование, практика, наука. – 2018 // Интернет ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogonatsionalnye-federatsii-i-ih-konstitutsionno-pravovye-priznaki/viewer>

7. См.: Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Для цитирования: Бурбина Ю.В. Реалии федерализма: вопросы теории и практики: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 33–37.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.003

Yulia V. Burbina *

REALITIES OF FEDERALISM: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. *The article examines the federation as a form of government, as a multifaceted state-legal phenomenon. The article reveals the features of federalism, consisting, first of all, in creating a balance of centralization and decentralization, combining unity and diversity. The pros and cons of the indicated administrative-territorial division of the state are determined.*

Key words: *federation, federalism, centralization, decentralization, state structure.*

Society and the state are constantly faced with new problems that test the strength of the established and stably existing state and legal institutions. The global trend towards universal integration, in some way unification, is faced with a stable confrontation between national and ethnic communities that do not want to give up their identity, feel their uniqueness and want to preserve it. This aspiration is commendable, it must be supported by the state, it is necessary to take measures to preserve the identity and state identity, especially in the period of acute globalization and universality, easy accessibility.

National traditions, language, rituals, spirituality, national identity are in dire need of state support and protection. One of the measures to preserve national identity, acceptable in this case, is a federal form of state structure, which is able to maintain a fine line between the unity of the whole centralized state and the independence of the constituent parts within the federation. Almost all states face the tasks of preserving the unity and maintaining the independence of individual regions to one degree or another. This problem is most pronounced in European countries, for example: Spain, Great Britain, Italy, France, Belgium ... [4] In the United States, this issue has not been resolved either. Most of the total composition of the states that make up the United States have repeatedly expressed their desire to become sovereign states. This issue is most acute in the states of Texas, South Carolina. In one form or another, the issue of self-determination, changing borders, delimiting powers, problems of an ethnic or religious nature are familiar to every state.

The federal form of state structure is in a more advantageous position compared to a unitary state, in view of the fact that state formations are always in dynamics, the

---

* Burbina Yulia Vladimirovna, Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan). E-mail: burbinajulia@ya.ru

processes of centralization and decentralization periodically replace each other, depending on external and internal factors that weigh on states in every specific moment in time. On the one hand, the problems of self-determination of nations and nationalities, secession, the demands of separatism, and on the other hand, the principle of state integrity, the value of state sovereignty, are the most acute facets of the development of federal relations. Despite the rather long and stable history of state formations, we note that practically every state in the last fifty years has changed its state borders, despite the principle of the inviolability of state borders. The mobility and dynamism of state structures is most reliably constrained by the federal organization of state power.

A federation is a single state, consisting, in turn, of state-like entities, endowed with a certain amount of powers and attributes of power. The federal form of government presupposes the presence of at least two levels of government: federal and regional. It is thanks to the two-tier system of power that this form of state structure, despite its instability and instability, is able to rally together complex multinational, multi-confessional states. The presence of a single federal center with a stable federal power makes it possible to level and resolve regional issues, since there are more mechanisms for their solution than in a single unitary state. Federal government bodies exercise their powers throughout the state. In this way, they create the central link of stability that brings the regions together and unites them. Bodies of this level defend national interests, are representative – acting in the interests of the people who elected them. However, the control mechanism of the representative body in Russia has not been developed. At the time of the election campaign, it is customary to make bright promises, procedures for monitoring and implementing their implementation in the country do not exist, so most of the election program remains unfulfilled.

Federative relations are considered to be living, dynamically developing, the directions of their development are a frequently discussed topic, both at the international level and within the state. This "mobility" is primarily determined by the constant search for a balance between the combination of centralization and stabilization of state structures and the tendency towards decentralization, the desire for greater independence of identity. Note that centralization is a form of organization of the system of power in which administrative-territorial units are deprived of independence. It assumes that it is under the control of higher authorities and obedience to their instructions and decisions. In contrast to this system, self-government operates. If centralization involves the transfer of powers to higher authorities and management, then decentralization is manifested in the procedure for increasing the powers of the regions, increasing the volume of powers at the local level. The uniqueness and relevance of the federal form of state structure consists, first of all, in the possibility of finding a balance between the processes of centralization and decentralization, while maintaining the integrity and unity of the state.

Let's dwell on the multidimensionality of the federation. This concept is not limited only by the form of government, it permeates and subordinates to its structure other spheres of life and activities of society and the state. For example, a special way of organizing the economy, in particular, the tax sphere, legal, more precisely, defining the boundaries and spheres of the powers of the federation and regions, a constituent of the political system, national, ethnic, religious, etc. [5] Almost all the structures of the state's life are subject to and take into account the federal nature of the state. Therefore, they talk about the multidimensionality, versatility of this phenomenon, it is clearly not limited to the administrative-territorial division. The federation presupposes the creation of a complex state with at least two links of independence and subordination (federal center, regions), and covers almost all spheres of state activity.

Theory of State and Law

The Constitution of the Russian Federation proclaims Russia a democratic federal rule of law with a republican form of government [1]. The democratic character of the state is manifested, first of all, in the position that the only source of power in Russia is the people. The implementation of this form of power is carried out both directly and through state authorities and local self-government bodies. The next element of the democracy of the Russian state is the equality of citizens and the granting of them broad rights and freedoms, including the right to participate in the management of state affairs. One of the main components of the manifestation of democracy in the Russian state is the election of legislative bodies and representative bodies of local self-government, a number of leading officials – the President of the Russian Federation, heads of regional and local administrations, etc.

The characterization of the Russian state as a federal state indicates the form of its structure. A federation is a single state, consisting, in turn, of state-like entities, endowed with a certain amount of powers and attributes of power.

In accordance with the Constitution of the Russian Federation, the Russian Federation includes republics, territories, regions, cities of federal significance, autonomous regions, and autonomous districts. In clause 1 of Art. 5 of the Constitution of the Russian Federation [1] enshrines the equality of the listed subjects of the state. At the same time, paragraph 2. of Art. 5 of the Constitution of the Russian Federation [1] provides the republics with an additional right to have the constitution of the subject and the status of the president of the republic to the person who heads this subject, as well as Art. 68 of the Constitution of the Russian Federation establishes the rights of the republics within Russia to establish their own state languages.

Further, paragraph 4 of Art. 5 of the Constitution of the Russian Federation [1] speaks of the equality of the subjects of the Russian Federation in interaction with federal bodies of state power. In Art. 66 of the Constitution of the Russian Federation [1], it is noted that by mutual agreement the status of the subject can be changed. The question immediately arises, if all subjects are equal, have an equal scope of rights and obligations, why change the status? I suppose that in this case "the status of the subject" is a term defining the name of the subject, since in the theoretical sense the term "status" is made up of the existing rights, freedoms and obligations. Thus, in accordance with article 5 of the Constitution of the Russian Federation [1], differences in the names of subjects do not entail differences in their legal status, at the same time, republics have special attributes of power that emphasize their independence, and the status of a subject, with the consent of the center, can be changed.

The federal nature of the state is revealed, also in the organization of the system of state bodies. So, Art. 11 of the Constitution of the Russian Federation [1] establishes that the state power in Russia consists of two levels: the state power of the Russian Federation represented by the central government bodies – the President of the Russian Federation, the Federal Assembly (the Federation Council and the State Duma), the Government of the Russian Federation, the courts of the Russian Federation and the state power of the subject is exercised by the bodies created by them.

One more question about the possibility of withdrawal of the subjects of the federation from its composition. On March 18, 2014, an interstate agreement was signed on the acceptance of the independent Republic of Crimea into the Russian Federation and the formation of new subjects of the Federation – the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol [2]. On March 21, 2014, Russian President Vladimir Putin signed the Federal Constitutional Law on the entry of Crimea into the Russian Federation and the formation of new sub-

jects of the federation [3]. Prior to this, the law was adopted by the State Duma (March 20) and approved by the Federation Council (March 21). Together with the law, Putin approved the ratification of the Treaty on the admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation [3]. At the same time, a decree was signed on the creation of the Crimean Federal District and the appointment of the plenipotentiary of the President of the Russian Federation.

Crimea and Sevastopol are examples of separatism. This problem can be viewed from different angles: changes in state borders, emancipation or the return of state territory. Each of the claims has supporters. Our point of view comes down to taking into account the interests, opinions and desires of the population of the region, the characteristics of the development of the region, historical belonging and ethnic identity. The referendum was an expression of the will of the people. The decision on the annexation of Crimea and Sevastopol to the Russian Federation created a precedent in international law. The issues of separatism and federalism resounded with renewed vigor. At the same time, we must take into account that the Russian Federation is a union of autonomous entities, in which the right to withdraw is not provided, in contrast to the union federation, where such a right exists [7].

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta, 2020, July 4; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 3rd ed., Rev. and add. // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurayt", 2019. 333 p.
2. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Crimea on the acceptance of the Republic of Crimea into the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation "(Signed in Moscow on March 18, 2014) // Rossiyskaya Gazeta, 2014, March 19 // Internet resource: <http://pravo.gov.ru/>
3. Federal Constitutional Law of 03/21/2014 N 6-FKZ (as amended on 07/01/2021) "On the acceptance of the Republic of Crimea into the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol" // Rossiyskaya Gazeta, 2014, March 24 // Internet resource: <http://pravo.gov.ru/>
4. Decree of the President of the Russian Federation of 03/21/2014 N 168 (as amended on 07/28/2016) "On the formation of the Crimean Federal District" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 12. Art. 1265.
5. Byrdin E.N. Problems of the development of federalism in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: a comparative legal aspect // Legal Science and Law Enforcement Practice, 2018 // Internet resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-federalizma-v-rossiyskoy-federatsii-i-federativnoy-respublike-germaniya-sravnitelno-pravovoy-aspekt/viewer>
6. Molchanov A.N. Multinational federations and their constitutional and legal characteristics // Russian law: education, practice, science. 2018 // Internet resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogonatsionalnye-federatsii-i-ih-konstitutsionno-pravovye-priznaki/viewer>
7. See: Komarov, SA General theory of state and law: a textbook for universities / SA Komarov. – 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

For citation: Burbina Yu.V. The realities of federalism: questions of theory and practice: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 37–40.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.003

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.004

Д.С. Быстров*

И.А. Кузьмин**

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, СВЯЗАННЫЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: В статье анализируются отдельные правовые и моральные проблемы, возникающие в ходе установления юридической ответственности за вред, связанный с применением технологий искусственного интеллекта. Ответственность в сфере применения технологий искусственного интеллекта затрагивает права и законные интересы как отдельно взятых граждан, так и государств, поддерживающих их разработку. Предложен авторский подход к решению вопроса об установлении юридической ответственности за вред, связанный с применением технологий искусственного интеллекта, в том числе определение субъекта-правонарушителя.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, законодательство, юридическая ответственность, этические проблемы.

В современном мире цифровые технологии активно проникают во все сферы общественной жизни, позволяя человеку оперативно выполнять поставленные перед ним задачи и прилагать к их решению меньшее количество усилий, высвобождая личностные ресурсы для иных видов деятельности. Одним из главных приоритетов цифрового прогресса на сегодняшний день является разработка технологий искусственного интеллекта, выстраиваемых по модели искусственного нейрона головного мозга человека, способных самообучаться и выполнять более сложные функции. О преимуществах данной технологии неоднократно высказывались ученые, представители крупных политических сил и бизнес-сообществ [2].

Так, в 2019 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин на конференции по искусственному интеллекту «Artificial Intelligence Journey» [14] заявил, что лидерство в применении технологий искусственного интеллекта будет определять место страны в международных экономических отношениях. Глава государства указал на необходимость обеспечения свободы творчества для тех, кто выводит на рынок прорывные технологии, а также призвал «кратно увеличить подготовку программистов, математиков, компьютерных лингвистов, которые смогут в полной мере использовать потенциал искусственного интеллекта».

Президент и Председатель Правления ПАО «Сбербанк» Г.О. Греф [6] считает, что развитие технологий искусственного интеллекта способно существенно трансформировать российское общество, его публичные и частные институты, в том числе – кардинальным образом повлиять на банковскую сферу. Генеральный директор

---

* Быстров Дмитрий Сергеевич, магистрант 1-го года обучения Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: slkattack@gmail.com

** Кузьмин Игорь Александрович, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: grafik-87@mail.ru

и главный инженер компании «SpaceX», а также генеральный директор компании «Tesla» Илон Маск [9] заявил, что «человечество уже приближается к ситуации, когда искусственный интеллект будет существенно умнее, чем люди», называя данную технологию основной угрозой для человечества.

Применение технологий искусственного интеллекта в нашей стране отнюдь не является отдаленной перспективой, а, напротив, активно продвигается со стороны государства. На данный момент планируется внедрение искусственного интеллекта в систему российского судопроизводства [4], а в некоторых регионах нашей страны нейронные сети уже тестируются судами для подготовки судебных приказов о взыскании налогов [15]. По мнению разработчиков концепции машиночитаемого права, использование нейронных сетей судами позволит «снизить затраты граждан на юристов, а также трансформировать сферу контрольно-надзорной деятельности государства».

Кроме того, технологии искусственного интеллекта внедряются Роспатентом для автоматизации экспертизы рассмотрения заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности [3]. По мнению главы федерального органа, использование нейронных сетей в деятельности Роспатента «позволит сократить время переписки эксперта с заявителями, поскольку предполагается, что они смогут воспользоваться возможностью проверить правильность заполнения заявки еще до ее подачи». Росреестр, в свою очередь, планирует применять искусственный интеллект для проверки документов, регистрации прав на недвижимое имущество, а также выявления незарегистрированных объектов капитального строительства [12].

С позиции ведомства, при обработке заявления нейронной сетью «человеку уже не надо вручную заполнять документы, а подача любого заявления будет занимать в среднем не более десяти минут». Компания «Эвокарго» совместно с Первой экспедиционной компанией (ПЭК) запускают коммерческий проект по внедрению сервиса транспортировки грузов беспилотными транспортными средствами, электронная система управления которых (EVO-1) способна взаимодействовать с интеллектуальными транспортными системами [16].

В связи с вышеизложенным возникают многочисленные вопросы правового и этического характера, включая необходимость установления юридической ответственности за вред от применения технологий искусственного интеллекта.

Установление ответственности в сфере применения технологий искусственного интеллекта относится к числу сложных практических вопросов, затрагивающих права и законные интересы как отдельно взятых граждан, так и государств, поддерживающих разработку нейронных сетей и допускающих их применение. Это подтверждается Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». В документе указано о необходимости «дальнейшей проработки механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия».

С позиции общей теории юридической ответственности одним из первых возникает вопрос о том, что является основанием юридической ответственности, и кто будет нести наказание. На первичном этапе осмысления места и роли ответственности в праве за вред, причиненный технологиями искусственного интеллекта,

следует разобраться в принципах его работы и разобраться в том, какого субъекта следует считать «ответственным» за соответствующие последствия. Учет отраслевой специфики относится к следующему шагу.

По поводу субъекта, отвечающего за вред, причиненный технологиями искусственного интеллекта, высказываются различные точки зрения.

В частности, В.А. Лаптев полагает, что ответственность за действия искусственного интеллекта обязано нести лицо, «владеющее искусственным интеллектом, в частности, для обеспечения своей производственно-хозяйственной деятельности», подчеркивая, что данное положение должно стать общим подходом в российском законодательстве. Вторым ответственным лицом исследователь предлагает признавать создателей нейронной сети, поскольку «владелец искусственного интеллекта не всегда технически способен воздействовать на работу искусственного интеллекта», равно как и предугадать поведение его разработчиков. Автором предлагается подход, в соответствии с которым на создателя технологии искусственного интеллекта ответственность может возлагаться только в случае «целенаправленного создания интеллекта в целях совершения правонарушения». Само же создание искусственного интеллекта, причиняющего вред, по мнению В.А. Лаптева, «не влечет за собой юридической ответственности его создателя» [7, с. 79–102].

Другая группа исследователей придерживается концепции «электронного лица» [19], признающей возникновение нового «цифрового» субъекта правоотношений. В частности, П.М. Морхат полагает, что присвоение искусственному интеллекту статуса «электронного лица» может разрешить ряд правовых проблем, к примеру, решение вопроса об ответственности создателей технологии искусственного интеллекта за свою разработку, о принадлежности искусственному интеллекту результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации и т.д. [10, с. 273–282]. При этом в своем диссертационном исследовании [11, с. 251–252], обобщив имеющиеся подходы, исследователь выделяет различные модели ответственности, зависящие от наличия и формы вины в действиях нейронной сети. Схожего мнения придерживается Н.Н. Апостолова, утверждая, что «субъектом юридической ответственности в сфере развития технологий искусственного интеллекта может быть достаточно широкий круг лиц» [1, с. 112–119], выделяя в качестве таковых создателя нейронной сети, лицо, обучавшее ее посредством собственной программы, а также пользователя искусственного интеллекта.

Перед тем, как обозначить собственную позицию по проблеме, полагаем необходимым рассмотреть принципы, на которых основана работа нейронных сетей. Описывая в упрощенном виде суть самой технологии, можно сказать, что современные нейросети строятся по модели искусственного нейрона головного мозга человека. Формальная модель искусственного нейрона впервые была предложена Уорреном Мак-Каллоком и Уолтером Питсом в 1943 г. в статье «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [8, с. 40–53]. Их научное достижение представляет собой математическую модель, которая имеет несколько «входов», являющихся аналогом дендритов (разветвленных отростков) биологического нейрона головного мозга человека.

На «вход» искусственной модели нейрона подается рассчитанный по формуле сигнал, задаваемый создателем нейронной сети. Вместе с тем для каждого «входа» устанавливается определенный вес, служащий подобием синапса в нейроне головного мозга. Если положительный вес усиливает входной сигнал, то отрицательный –

ослабляет его. Сигнал искусственного нейрона, поступающий на каждый «вход», умножается на вес, после чего все значения складываются и передаются на вход нелинейной функции – «функции активации», которая определяет: преодолевает нейрон порог возбуждения или нет. Для получения того или иного результата модель искусственного нейрона предусматривает «выход», на который поступает «выходной сигнал» – аналог аксона биологического нейрона (длинный отросток нервной клетки, по которому нервные импульсы идут от тела клетки к органам и другим нервным клеткам).

Иными словами, в мозг человека поступает информация, которая передает импульсы с одного нейрона на другой. У каждого нейрона есть порог возбуждения, который определяет: реагировать нейрону на поступающий сигнал или нет. В определенный момент, получив импульс, достаточный для преодоления порога возбуждения нейрона, мозг человека принимает то или иное решение. Нейросеть строится по такому же принципу, позволяя дать наиболее точный ответ по заданным условиям. На искусственную модель нейрона (сумматор, представляющий собой «функцию активации»), поступают какие-либо признаки (сигналы), и, если признак отвечает порогу возбуждения искусственного нейрона, нейросеть выдает решение [5, с. 5–10].

Исходя из принципа работы нейронных сетей, представляется, что нести юридическую ответственность за действия искусственного интеллекта в первую очередь должен создатель нейронной сети, поскольку именно он задает входные признаки, поступающие на модель искусственного нейрона, и определяет вес каждого из них. Иными словами, принимая неправильное решение и причиняя вред, искусственный интеллект руководствуется критериями, которые были определены его создателем.

Если бы разработчик нейронной сети правильно определил уровень важности для каждого признака и учел все возможные факторы для конкретной ситуации, искусственный интеллект не совершил бы ошибку при принятии того или иного решения, а значит правонарушения бы не произошло. Можно говорить о том, что в данном случае в действиях создателя технологии искусственного интеллекта прослеживается вина, поскольку между его действиями и наступившими последствиями можно усмотреть не только косвенные, но и прямые причинно-следственные связи.

Однако можно представить и ситуацию, при которой искусственный интеллект обучается с помощью программы, разработчиком которой является лицо, отличное от создателя самой нейронной сети. В данном случае логично предположить, что ответственность также должна лежать на создателе самой технологии, поскольку обучение любой нейросети так или иначе происходит на основе заданных признаков и определенного для них разработчиком «веса внимания». Под весом внимания понимается уровень важности каждого признака, подаваемого на модель искусственного нейрона при создании технологии искусственного интеллекта.

Что касается юридической ответственности третьих лиц за действия искусственного интеллекта, то она может возлагаться на его владельца (иных лиц) только в том случае, если их действия напрямую повлияли на работоспособность нейронной сети, что, в свою очередь, привело к непосредственному причинению вреда. Например, если их действия привели к сбою в работе искусственного интеллекта, они вмешались в работу нейронной сети, нарушив ее установки и т.д. В ситуации, при которой происходит передача права собственности на материальный носитель, содержащий в себе технологию искусственного интеллекта (а не отчуждение исключительного права на саму технологию), возможно применение модели несения солидарной ответственности владельца и создателя нейронной сети. Такое решение

напрашивается по аналогии с ответственностью изготовителя и продавца при причинении вреда некачественным товаром в рамках его срока службы.

Кроме того, помимо исключительно теоретической проблемы установления рассматриваемой ответственности, существует и этическая сторона данного вопроса. В частности, встает вопрос о справедливости привлечения к ответственности лица, которое создавало нейронную сеть. Разрабатывая искусственный интеллект, создатель мог не иметь умысла на причинение вреда, однако он обязан претерпеть неблагоприятные последствия от действий, совершенных его технологией.

Рассуждая над точкой зрения, в соответствии с которой отвечать за действия искусственного интеллекта должен его законный владелец, целесообразность привлечения последнего к ответственности также является весьма спорной. Лицо, которое законным способом приобрело данную технологию, может быть не только невиновно в непосредственном причинении вреда нейронной сетью, но и не иметь никакого отношения к ее разработке. Опасность объективного вменения здесь более чем очевидна.

Немаловажную роль в вопросе определения этических проблем установления юридической ответственности за вредные последствия играет взаимодействие таких социальных регуляторов, как право и мораль. Влияние морали на право заключается в том, что «право любого современного государства основывается на преобладающей в обществе морали» [17, с. 567]. Рассуждая о применении технологий искусственного интеллекта, указанное взаимодействие прослеживается особенно наглядно, поскольку в данном случае может возникнуть противоречие между нормами морали и правовыми нормами. Так, анализируя общественное мнение относительно вопроса установления субъекта, который должен нести ответственность за вред, причиняемый технологией искусственного интеллекта [18], можно заметить, что суждения представителей различных отраслей науки по этому поводу значительно разнятся.

Если с позиции правоведов усматривается стремление однозначно урегулировать этот вопрос, предлагая различные конструктивные модели и подходы к установлению юридической ответственности за действия искусственного интеллекта, то с позиции философов имеющиеся проблемы больше касаются моральной стороны установления ответственности для того или иного субъекта [13, с. 59]. Общество, основываясь на нормах морали, стремится найти виновных в причинении вреда нейронными сетями, однако не может однозначно определить субъекта, на которого возможно было бы возложить за это ответственность. Право, со своей стороны, используя различные инструменты, может предложить множество подходов к определению надлежащего субъекта, который обязан нести юридическую ответственность за вред, причиняемый технологией искусственного интеллекта, однако справедливость некоторых из этих точек зрения остается под большим вопросом. Поэтому для того, чтобы наиболее правильно подойти к решению вопроса об установлении юридической ответственности за вред, связанный с применением нейронных сетей, необходимо использовать правовые средства и методы с учетом этических требований.

Поскольку масштаб применения нейронных сетей с каждым днем возрастает, имеет смысл говорить о необходимости заключения международных договоров, закрепляющих межнациональные стандарты производства, оборота и использования технологий искусственного интеллекта, охватывающих, в том числе вопросы ответственности за причиненный вред. Проведение междисциплинарных (возможно, международных) исследований по вопросам этических ограничений (запретов) в функционировании искусственного интеллекта представляется чрезвычайно актуальным.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, разработка технологий искусственного интеллекта относится к числу приоритетных направлений научных исследований, результаты которых способны качественно повлиять на все сферы общественной жизни. В определенной степени цифровая реальность побуждает правотворческие и правоприменительные органы подстраивать юридическую практику под изменяющиеся условия.

Во-вторых, при установлении юридической ответственности за вред, причиненный технологиями искусственного интеллекта, необходимо принимать в расчет принципы, по которым строится модель искусственного нейрона головного мозга. Исходя из этого, становится очевидным, что нести юридическую ответственность за действия искусственного интеллекта обязан создатель нейронной сети, поскольку именно он задает входные признаки, поступающие на модель искусственного нейрона, определяет вес каждого из них. По той же причине ответственность должна лежать на создателе в ситуации, при которой искусственный интеллект обучается при помощи программы, разработчиком которой выступает иное лицо.

В-третьих, разрешая вопросы соотношения права и морали при установлении юридической ответственности за вред, причиненный технологиями искусственного интеллекта, следует учитывать личность создателя, владельца, пользователя и иных лиц, воздействующих на функционирование соответствующей технологии. Вопросы виновности и справедливости возложения ответственности на перечисленных субъектов следует решать исходя из степени их участия и направленности воли. Самостоятельной проблемой, требующей самого широкого обсуждения, являются этические ограничения (запреты) в самостоятельном принятии решений технологиями искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 112–119.
2. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
3. В Роспатенте рассказали, как искусственный интеллект упростит работу // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-iskusstvennyjintell> (дата обращения: 10.11.2021).
4. Власти подготовили план привлечения искусственного интеллекта в суды // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/04/2021/60690bed9a7947e1fb2426eb (дата обращения: 10.11.2021).
5. Гафаров Ф.М., Галимянов А.Ф. Искусственные нейронные сети и их приложения : учебное пособие. – Казань: Издательство Казанского университета, 2018. – 121 с.
6. Греф считает, что развитие искусственного интеллекта способно сильно изменить Россию // URL: <https://tass.ru/ekonomika/7010257> (дата обращения: 10.11.2021).
7. Лантев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
8. Мак-Каллок У.С., Питтс В. Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности // Нейрокомпьютер. – 1992. – № 3,4. – С. 40–53.
9. Маск назвал самый опасный для человечества искусственный интеллект // URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samyu-opasnyu-dlyachelovechestva-iskusstvennyu-intellekt> (дата обращения: 10.11.2021).

10. Морхат П.М. Концепт электронного лица в классификации субъектного состава лиц в гражданском праве // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 273–282.
11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.03. – Москва, 2018. – 420 с.
12. Новую платформу Росреестра оснастят искусственным интеллектом // URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fae7e4c9a7947179a738d2e> (дата обращения: 10.11.2021).
13. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. – 2019. – № 1. – С. 57–73.
14. Россия может стать одним из глобальных лидеров в области ИИ, заявил Путин // URL: <https://ria.ru/20191109/1560759619.html> (дата обращения: 10.11.2021).
15. Суды подключили искусственный интеллект к взысканию транспортного налога // URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniuu-transportnogo-naloga.html> (дата обращения: 10.11.2021).
16. Сыпченко К. Как в России внедряют беспилотные грузовики // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/606dd85e9a7947c8ff58b8be> (дата обращения: 10.11.2021).
17. Теория государства и права: учебное пособие; под редакцией А.Ю. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 620 с.
18. Этичное применение искусственного интеллекта // URL: https://ethics.cdto.center/3_3 (дата обращения: 10.11.2021).
19. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – № 2. – P. 155–179.

Для цитирования: Быстров Д.С., Кузьмин И.А. проблемы установления юридической ответственности за вред, связанный с применением технологий искусственного интеллекта: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 41–47.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.004

Dmitry S. Bystrov*
Igor A. Kuzmin**

PROBLEMS OF ESTABLISHING LEGAL LIABILITY FOR HARM ASSOCIATED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation. *The article analyzes certain legal and moral problems arising in the course of establishing legal liability for harm associated with the use of artificial intelligence technologies. Liability in the field of application of artificial intelligence technologies affects the rights and legitimate interests of both individual citizens and states that support their development. The author's approach to resolving the issue of establishing legal liability for harm associated with the use of artificial intelligence technologies, including the definition of the offender, is proposed.*

Key words: *artificial intelligence, neural networks, legislation, legal liability, ethical issues.*

---

* *Bystrov Dmitry Sergeevich*, 1st year master's student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: slkattack@gmail.com

** *Kuzmin Igor Aleksandrovich*, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: grafik-87@mail.ru

In the modern world, digital technologies are actively penetrating all spheres of social life, allowing a person to quickly fulfill the tasks assigned to him and make less effort to solve them, freeing up personal resources for other activities. One of the main priorities of digital progress today is the development of artificial intelligence technologies, built on the model of an artificial neuron in the human brain, capable of self-learning and performing more complex functions. The advantages of this technology have been repeatedly expressed by scientists, representatives of large political forces and business communities [2].

So, in 2019 the President of the Russian Federation V.V. Putin at the conference on artificial intelligence "Artificial Intelligence Journey" [14] said that leadership in the use of artificial intelligence technologies will determine the country's place in international economic relations. The head of state pointed out the need to ensure freedom of creativity for those who bring breakthrough technologies to the market, and also called on "to multiply the training of programmers, mathematicians, computer linguists who can fully use the potential of artificial intelligence".

President and Chairman of the Management Board of Sberbank PJSC G.O. Gref [6] believes that the development of artificial intelligence technologies can significantly transform Russian society, its public and private institutions, including dramatically affect the banking sector. CEO and Chief Engineer of SpaceX, as well as CEO of Tesla Elon Musk [9] said that "humanity is already approaching a situation where artificial intelligence will be significantly smarter than humans," calling this technology the main threat to humanity.

The use of artificial intelligence technologies in our country is by no means a distant prospect, but, on the contrary, is being actively promoted by the state. At the moment, it is planned to introduce artificial intelligence into the system of Russian legal proceedings [4], and in some regions of our country neural networks are already being tested by courts to prepare court orders for the collection of taxes [15]. According to the developers of the concept of machine-readable law, the use of neural networks by courts will allow "to reduce the costs of citizens for lawyers, as well as transform the sphere of control and supervisory activities of the state".

In addition, artificial intelligence technologies are being introduced by Rospatent to automate the examination of applications for registration of intellectual property objects [3]. According to the head of the federal body, the use of neural networks in the activities of Rospatent "will reduce the time of correspondence between the expert and the applicants, since it is assumed that they will be able to take advantage of the opportunity to check the correctness of filling out the application even before submitting it". Rosreestr, in turn, plans to use artificial intelligence to verify documents, register rights to real estate, and identify unregistered capital construction projects [12].

From the position of the department, when processing an application by a neural network, "a person no longer needs to manually fill in documents, and the submission of any application will take on average no more than ten minutes." The company "Evocargo" together with the First Forwarding Company (PEC) are launching a commercial project to introduce a service for the transportation of goods by unmanned vehicles, the electronic control system of which (EVO-1) is able to interact with intelligent transport systems [16].

In connection with the foregoing, numerous questions of a legal and ethical nature arise, including the need to establish legal liability for harm from the use of artificial intelligence technologies.

Establishing responsibility in the field of application of artificial intelligence technologies is one of the complex practical issues affecting the rights and legitimate interests

of both individual citizens and states that support the development of neural networks and allow their use. This is confirmed by the Order of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 No. 2129-r "On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024". The document indicates the need for "further elaboration of the mechanisms of civil, criminal and administrative liability in the event of harm caused by artificial intelligence and robotics systems with a high degree of autonomy when they make decisions, including in terms of determining the persons who will be responsible for their actions.

From the standpoint of the general theory of legal responsibility, one of the first questions that arise what is the basis of legal responsibility and who will be punished. At the initial stage of understanding the place and role of responsibility in the law for harm caused by artificial intelligence technologies, one should understand the principles of its operation and figure out which subject should be considered "responsible" for the corresponding consequences. Industry-specific considerations are the next step.

Various points of view have been expressed regarding the subject responsible for the harm caused by artificial intelligence technologies.

In particular, V.A. Laptev believes that the responsibility for the actions of artificial intelligence must be borne by a person who "owns artificial intelligence, in particular, to ensure his production and economic activities," emphasizing that this provision should become a general approach in Russian legislation. The researcher proposes to recognize the creators of the neural network as the second responsible person, since "the owner of artificial intelligence is not always technically able to influence the work of artificial intelligence," as well as to predict the behavior of its developers. The author proposes an approach according to which the creator of artificial intelligence technology can be held liable only in the case of "purposeful creation of intelligence in order to commit an offense." The very creation of harmful artificial intelligence, according to V.A. Laptev, "does not entail legal responsibility of its creator" [7, p. 79–102].

Another group of researchers adheres to the concept of "electronic person" [19], which recognize the emergence of a new "digital" subject of legal relations. In particular, P.M. Morkhat believes that assigning an artificial intelligence the status of an "electronic person" can solve a number of legal problems, for example, resolving the issue of the responsibility of the creators of artificial intelligence technology for their development, the belonging of artificial intelligence to the results of intellectual activity and means of individualization, etc. [10, p. 273–282]. Moreover, in his dissertation research [11, p. 251–252], summarizing the available approaches, the researcher identifies various models of responsibility, depending on the presence and form of guilt in the actions of the neural network. A similar opinion is shared by N.N. Apostolov, arguing that "the subject of legal responsibility in the development of artificial intelligence technologies can be a fairly wide range of persons" [1, p. 112–119], highlighting as such the creator of the neural network, the person who taught it through his own program, as well as the user of artificial intelligence.

Before defining our own position on the problem, we believe it is necessary to consider the principles on which the operation of neural networks is based. Describing in a simplified form the essence of the technology itself, we can say that modern neural networks are built on the model of an artificial neuron in the human brain. The formal model of an artificial neuron was first proposed by Warren McCulloch and Walter Peets in 1943 in the article "The Logical Calculus of Ideas Relating to Nervous Activity" [8, p. 40–53]. Their scientific achievement is a mathematical model that has several "inputs" that are analogous to dendrites (branched processes) of a biological neuron in the human brain.

At the "input" of the artificial model of a neuron, a signal calculated by the formula is supplied and is set by the creator of the neural network. At the same time, a certain weight is set for each "input", which serves as a semblance of a synapse in a neuron in the brain. If a positive weight strengthens the input signal, then a negative weight weakens it. The signal of an artificial neuron arriving at each "input" is multiplied by the weight, after which all values are added and transferred to the input of a nonlinear function – "activation function", which determines whether the neuron overcomes the excitation threshold or not. To obtain this or that result, the model of an artificial neuron provides an "output" to which an "output signal" is received – an analogue of the axon of a biological neuron (a long process of a nerve cell along which nerve impulses travel from the cell body to organs and other nerve cells).

In other words, information enters the human brain that transmits impulses from one neuron to another. Each neuron has an excitation threshold that determines whether the neuron should respond to an incoming signal or not. At a certain moment, having received an impulse sufficient to overcome the threshold of neuron excitation, the human brain makes a particular decision. The neural network is built on the same principle, allowing you to give the most accurate answer for the given conditions. An artificial model of a neuron (an adder representing an "activation function") receives any signs (signals), and if the sign meets the threshold of excitation of an artificial neuron, the neural network issues a solution [5, p. 5–10].

Proceeding from the principle of operation of neural networks, it seems that the creator of the neural network should first of all bear legal responsibility for the actions of artificial intelligence, since it is he who sets the input characteristics entering the model of the artificial neuron and determines the weight of each of them. In other words, making the wrong decision and causing harm, artificial intelligence is guided by the criteria that were determined by its creator.

If the developer of the neural network correctly determined the level of importance for each feature and took into account all possible factors for a particular situation, artificial intelligence would not make a mistake when making this or that decision, which means that no offense would have occurred. We can say that in this case, guilt can be traced in the actions of the creator of the artificial intelligence technology, since between his actions and the consequences that have occurred, one can see not only indirect, but also direct cause-and-effect relationships.

However, it is possible to imagine a situation in which artificial intelligence is trained using a program, the developer of which is a person other than the creator of the neural network itself. In this case, it is logical to assume that the responsibility should also lie with the creator of the technology itself, since the training of any neural network in one way or another takes place on the basis of the given features and the "weight of attention" defined for them by the developer. The weight of attention is understood as the level of importance of each feature supplied to the artificial neuron model in the creation of artificial intelligence technology.

As for the legal responsibility of third parties for the actions of artificial intelligence, it can be assigned to its owner (other persons) only if their actions directly affected the performance of the neural network, which, in turn, led to direct harm. For example, if their actions led to a malfunction in the work of artificial intelligence, they interfered with the operation of the neural network, disrupting its installations, etc. In a situation in which there is a transfer of ownership of a material medium containing artificial intelligence technology (and not alienation of the exclusive right to the technology itself), it is possible to use the model of bearing joint responsibility of the owner and creator of the neural network. Such a decision suggests itself by analogy with the responsibility of the manufacturer

and the seller in the event of harm caused by a poor-quality product within the framework of its service life.

In addition, in addition to the exclusively theoretical problem of establishing the liability in question, there is also an ethical side of this issue. In particular, the question arises about the fairness of bringing to justice the person who created the neural network. While developing artificial intelligence, the creator may not have the intent to cause harm, but he must suffer adverse consequences from the actions performed by his technology.

Considering the point of view according to which its rightful owner should be responsible for the actions of artificial intelligence, the advisability of bringing the latter to justice is also highly controversial. A person who legally acquired this technology may not only be innocent of directly causing harm to the neural network, but also have nothing to do with its development. The danger of objective imputation is more than obvious here.

An important role in determining the ethical problems of establishing legal responsibility for harmful consequences is played by the interaction of such social regulators as law and morality. The influence of morality on law is that "the law of any modern state is based on the prevailing morality in society" [17, p. 567]. Arguing about the use of artificial intelligence technologies, this interaction can be traced especially clearly, since in this case a contradiction may arise between moral norms and legal norms. So, analyzing public opinion regarding the issue of establishing the subject who should be responsible for the harm caused by the technology of artificial intelligence [18], it can be noted that the opinions of representatives of various branches of science on this matter differ significantly.

If from the standpoint of legal scholars there is a desire to unambiguously resolve this issue, offering various constructive models and approaches to establishing legal responsibility for the actions of artificial intelligence, then from the standpoint of philosophers, the existing problems relate more to the moral side of establishing responsibility for a particular subject [13, p. 59]. Society, based on moral norms, seeks to find those responsible for causing harm by neural networks, but it cannot unequivocally determine the subject on whom it would be possible to blame for this. The law, for its part, using a variety of tools, can offer a variety of approaches to determining the appropriate actor who must be legally responsible for harm caused by artificial intelligence technology, however, the validity of some of these points of view remains in question. Therefore, in order to most correctly approach the solution of the issue of establishing legal responsibility for harm associated with the use of neural networks, it is necessary to use legal means and methods, taking into account ethical requirements.

Since the scale of the use of neural networks is increasing every day, it makes sense to talk about the need to conclude international treaties that consolidate international standards for the production, circulation and use of artificial intelligence technologies, covering, among other things, the issues of liability for harm caused. Conducting interdisciplinary (possibly international) research on ethical restrictions (prohibitions) in the functioning of artificial intelligence seems to be extremely relevant.

So, we come to the following conclusions.

First, the development of artificial intelligence technologies is one of the priority areas of scientific research, the results of which can qualitatively affect all spheres of public life. To a certain extent, digital reality encourages lawmaking and law enforcement agencies to adapt legal practice to changing conditions.

Secondly, when establishing legal responsibility for harm caused by artificial intelligence technologies, it is necessary to take into account the principles on which a model of

an artificial neuron of the brain is built. Proceeding from this, it becomes obvious that the creator of the neural network is obliged to bear legal responsibility for the actions of the artificial intelligence, since it is he who sets the input signs entering the model of the artificial neuron, determines the weight of each of them. For the same reason, the responsibility should lie with the creator in a situation in which the artificial intelligence is trained with the help of a program, the developer of which is another person.

Thirdly, when resolving the issues of the relationship between law and morality when establishing legal responsibility for harm caused by artificial intelligence technologies, the personality of the creator, owner, user and other persons influencing the functioning of the corresponding technology should be taken into account. The issues of guilt and fairness of assigning responsibility to the listed subjects should be resolved based on the degree of their participation and direction of will. An independent problem requiring the broadest discussion is ethical restrictions (prohibitions) in independent decision-making by artificial intelligence technologies.

Bibliographic list

1. Apostolova N.N. Responsibility for harm caused by artificial intelligence // North Caucasian legal bulletin. 2021. No. 1. P. 112–119.
2. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37.
3. Rospatent told how artificial intelligence will simplify work // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/rospatent-iskusstvennyjintell> (date accessed: 10.11.2021).
4. The authorities have prepared a plan to bring artificial intelligence to court // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/04/2021/60690bed9a7947e1fb2426eb (date accessed: 11/10/2021).
5. Gafarov F.M., Galimyanov A.F. Artificial neural networks and their applications: a tutorial. – Kazan: Kazan University Publishing House, 2018. 121 p.
6. Gref believes that the development of artificial intelligence can greatly change Russia. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7010257> (date of access: 10.11.2021).
7. Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 79–102.
8. McCulloch US, Pitts V. Logical calculus of ideas related to nervous activity // Neurocomputer. 1992. No. 3.4. P. 40–53.
9. Musk named the most dangerous artificial intelligence for humanity. – URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/405911-mask-nazval-samy-opasny-dlya-chelovechestva-iskusstvenny-intellekt> (date of access: 10.11.2021).
10. Morhat P.M. The concept of an electronic person in the classification of the subject composition of persons in civil law // Perm legal almanac. 2019. No. 2. P. 273–282.
11. Morkhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: diss. ... doct. jurid. Sciences: 12.00.03. Moscow, 2018. 420 p.
12. The new Rosreestr platform will be equipped with artificial intelligence // URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fae7e4c9a7947179a738d2e> (date accessed: 11/10/2021).
13. Razin A.V. Ethics of Artificial Intelligence // Philosophy and Society. 2019. No. 1. P. 57–73.
14. Russia can become one of the global leaders in the field of AI, Putin said // URL: <https://ria.ru/20191109/1560759619.html> (date of access: 10.11.2021).
15. The courts have connected artificial intelligence to the collection of transport tax // URL: <https://rg.ru/2021/04/10/sudy-podkliuchili-iskusstvennyj-intellekt-k-vzyskaniiu-transport-nogonologa.html> (date of access: 10.11.2021).

16. Sypchenko K. How unmanned trucks are introduced in Russia. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/606dd85e9a7947c8ff58b8be> (date accessed: 10.11.2021).

17. Theory of state and law: textbook; edited by A.Yu. Yurkovskiy. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. 620 p.

18. Ethical use of artificial intelligence // URL: https://ethics.cdto.center/3_3 (date accessed: 10.11.2021).

19. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. No. 2. P. 155–179.

For citation: Bystrov D.S., Kuzmin I.A. Problems of establishing legal responsibility for harm associated with the use of artificial intelligence technologies: article // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 47–53.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.004

Научная статья

УДК 34.03

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.005

Р.Г. Валиев*

ПРАКТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: АКТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

***Аннотация.** Исследование посвящено актуализации теоретико-правового статуса практики правового регулирования. В порядке развития доктринального восприятия юридической и правовой практики изложены гносеологические основы практики правового регулирования. В контексте дуалистической диалектики раскрыта двойственная структура, определено понятие, дана сущностная и содержательная характеристика и установлен статус практики правового регулирования в общей теории права. Сформулирован вывод, что категоризация практики правового регулирования обуславливает представление о ее интегративной сущности, способной выразить собой весь спектр эмпирических проявлений регулирующего начала юридической и правовой практики.*

***Ключевые слова:** практика, юридическая практика, правовая практика, структура практики правового регулирования, правовое регулирование, юридическая деятельность, правовая деятельность.*

В условиях динамичного развития правовой системы общества важное теоретическое и методологическое значение имеет развитие категориально-понятийного аппарата общей теории права, включающего в себя осмысление прежних и формирование новых понятий, выражающих определенные закономерности развития правоорганизованной социальной практики. Как отмечает В.В. Лазарев, «любая тема, а тем более новая, требует оговорок о понятиях» [1, с. 6]. «Они всегда составляют исходную базу всякой юридической теории» [2, с. 25]. Одним из таких понятий общей теории права, которое способно существенно развить их систему в контексте динамики правовой действительности, на наш взгляд, выступает практика правового регулирования. В гносеологическом плане актуальность категоризации практики правового регулирования, как когнитивного процесса моделирования ее теоретической конструкции, выражается в следующем.

Во-первых, актуальность категоризации практики правового регулирования обуславливается неопределенностью ее теоретического статуса. В общей теории права достаточно развита доктрина правового регулирования. Однако гносеологические основы практики правового регулирования не сформированы и предметом специального фундаментального исследования не являлись. Между тем многие стороны правовой действительности, коррелирующие с вопросами социального, экономического, политического и духовного развития могут быть рассмотрены в порядке актуализации теоретической конструкции «практика правового регулирования».

Во-вторых, актуальность общетеоретического представления о практике правового регулирования обуславливается и определенными сложностями в воспри-

---

* Валиев Рафаиль Газизуллович, доцент кафедры теории и истории государства и права К(П)ФУ, кандидат политических наук, доцент. <https://orcid.org/0000-0003-3268-4526>. E-mail: raf.val.111@yandex.ru

ятии эмпирических аспектов правового регулирования в контексте взаимосвязи с объективным правом.

Так, например, судебную практику относят к источникам права. И если в контексте англосаксонской правовой семьи этот тезис не вызывает вопросов, то в контексте континентальной правовой семьи судебная практика как разновидность юридической практики является результатом той части действия права, которая связана с правовым регулированием и, следовательно, вторична по отношению к праву, которое выступает источником судебной практики. Это обстоятельство со всей очевидностью демонстрирует актуальность предметного исследования теоретического статуса практики правового регулирования как динамической составляющей правовой системы общества.

В-третьих, проблематика практики правового регулирования в целом имеет междисциплинарный характер. Её отдельные аспекты изучаются на уровне предмета отраслевых юридических наук. Она нередко фигурирует в названии трудов авторов с привязкой к тому или иному предмету исследования без обращения к анализу сущности и содержания самого понятия практики правового регулирования. В этой связи, как представляется, перед общей теорией права стоит задача восполнения пробела в вопросе о теоретических основах сущности и содержания практики правового регулирования в порядке разработки его общетеоретической конструкции.

В-четвертых, существующие в теории права понятия юридической и правовой практики олицетворяют собой отдельные формы правоорганизованной социальной практики, но будучи дифференцированы по характеру и субъектному составу, не охватывают собой весь спектр эмпирических проявлений опыта правового регулирования в единстве с его результатами. Обозначенная проблемная ситуация обуславливает актуальность общетеоретической конструкции, способной выразить собой весь спектр эмпирических проявлений результативной деятельности субъектов правового регулирования. Очевидно, что такую гносеологическую функцию в полной мере может выполнять концепт «практика правового регулирования», недооценка значения которого ограничивает возможности целостного представления о функциональной характеристике правовой системы общества.

В-пятых, категоризация практики правового регулирования позволяет в интегрированной форме изучать опыт деятельности властных и невластных, публичных и частных субъектов права по упорядочению социального взаимодействия и на этой основе производить его диагностику на предмет адекватности назначению и социально значимым целям правового регулирования. Гносеологическое значение общетеоретического конструкта «практика правового регулирования» в том, что он связывает воедино деятельность субъектов правового регулирования и ее результаты – правовые акты-документы, на основе которых можно судить о самой деятельности. Лишь в симбиозе с правовыми актами можно иметь целостное представление о логике правового регулирования как целеполагающей и результативной деятельности и, следовательно, подвергнуть правовому анализу и оценке качество и адекватность как самой деятельности, так и ее результатов.

Категоризация практики правового регулирования актуальна и в прогностических целях, для чего опыт правового регулирования в контексте его основных тенденций и противоречий может и должен постоянно изучаться и обобщаться в рамках одноименной теоретической конструкции. Как представляется, решение обозначенных задач возможно в контексте учения о практике правового регулирования,

имеющего аксиологическое значение для целей аудита как степени совершенства, эффективности правового регулирования, так и проявлений его неэффективности, поскольку «любая практика неоднородна и противоречива. В ней, наряду с открытыми позитивными и негативными, есть латентные позитивные и негативные явления» [3, с. 2448].

В юридической науке понятие практики в правовом аспекте связывают с официальной деятельностью уполномоченных субъектов по созданию, систематизации, интерпретации и реализации норм права. Сюда также можно отнести правоохранительную, правозащитную, правоисполнительную деятельность, а также деятельность по совершенствованию действия права в рамках правовой политики.

Правовые аспекты практики в разное время становились предметом исследования многих исследователей. В контексте трудов по общей теории права можно выделить, как минимум, два представления о правовом аспекте практики – юридическую и правовую практики. Юридическую практику трактуют как юридическую деятельность, рассматриваемую в единстве с ее результатами. Такая трактовка лежит в основе сложившейся парадигмы юридической практики, которая в ее целостном виде представлена трудами проф. В.Н. Карташова. По его мнению, «юридическая практика – это деятельность по изданию (толкованию, реализации, систематизации и т.п.) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным правовым опытом (социально-правовой памятью)» [5, с. 14]. В приведенной трактовке определяющим признаком юридической практики выступает издание юридических предписаний. Обозначенный признак указывает на специфику юридической деятельности, связанной с изданием, толкованием, систематизацией юридических предписаний, что образует содержание правового опыта.

Указание на юридические предписания порождает вопрос о предмете обозначенной деятельности в контексте с ее субъектами, поскольку не каждый субъект издает официальные юридические предписания. Что касается предмета юридической деятельности, то он относится к деятельности уполномоченных субъектов. В одной из своих работ, посвященной юридической деятельности, В.Н.Карташов отмечает, что она «имеет более сложную структуру, высокий уровень организации основных ее компонентов, развитую процессуальную форму» [4, с.19]. Касаясь содержания опыта как структурного компонента юридической практики, он выделяет в нем два элемента – личный опыт как «часть правосознания, подсознания и правовой культуры» и выраженный в разнообразных правовых актах-документах «объективированный вовне правовой опыт, который формируется в процессе разрешения конкретных социально-правовых ситуаций, систематизации и обобщения материалов практики и т.п.» [5, с. 13].

Среди прочих других признаков юридической практики им выделяется ее опосредованность (урегулированность) правовыми и иными социальными предписаниями, наличие компетенции ее субъектов, использование ими средств и методов деятельности, способы оформления вынесенных решений. Указание на компетенцию обуславливает восприятие юридической практики как категории, относящейся к властным субъектам, так как «компетенция – это характеристика правоспособности государственных органов» [6, с. 14]. Следовательно, определение юридической практики как деятельности по изданию (толкованию, реализации, систематизации и т.п.) юридических предписаний позволяет заключить, что ее субъектами выступают не все субъекты права, а специально уполномоченные на то субъекты, что позво-

ляет констатировать ее специальный характер. В этой связи вполне логичным представляется мнение исследователей, что «юридическую практику необходимо отличать от правовой практики как правовой деятельности и правового опыта.

Правовая деятельность, по общему правилу, осуществляется всеми субъектами – как юристами, так и не юристами, как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Юридическая практика – это сфера деятельности только юристов-профессионалов» [7, с. 254]. Разделяя такой подход, который, как представляется, служит методологической основой разграничения юридической и правовой практики, отметим, что в правовой системе широко представлены проявления и той части правоорганизованной социальной практики, которые не охватываются юридической практикой как специальной юридической деятельности по оперированию нормативными правовыми предписаниями. Это те акты юридически опосредуемой социальной активности, субъектами которых выступают невластные субъекты – граждане и их организации. «Правовому воздействию в системе управления обществом принадлежит особое место, так как оно представляет собой один из важных организационных факторов, направленных на обеспечение эффективности практической деятельности людей» [9, с. 464].

С этой точки зрения правовая практика вполне обоснованно, на наш взгляд, определяется как «сформированный на основе правовой деятельности всех субъектов (а не только компетентных органов) опыт» [8, с. 66]. Вопрос лишь в том, какую деятельность воспринимать как именно правовую, поскольку эвристический смысл категории «правовая деятельность», по признанию Р.В.Шагиевой и В.Н.Казакова, еще остается не востребованным [8, с. 67]. Очевидно, что от того смысла, который вкладывается в категорию правовой деятельности, зависит и смысл опыта, формируемого в ее рамках и, следовательно, идентичность как правовой, так и юридической практики.

Руководствуясь гносеологической функцией общей теории права, призванной выражать обобщенный опыт развития государственно-правовых явлений и процессов, рассмотрим вопрос о единой основе интеграции юридической и правовой практики в рамках общей для них теоретической конструкции «практика правового регулирования».

Во-первых, какие бы виды юридической и правовой деятельности мы не рассматривали, все они имеют единую основу – объективное и субъективное право. Будучи основаны на праве, юридическая и правовая деятельность являются правоорганизованными формами деятельности, т.е. организованные правом формы социальной деятельности.

Во-вторых, какие-бы действия в рамках юридической или правовой практики мы бы не рассматривали, все они, так или иначе сопровождаются принятием соответствующих правовых актов, с помощью и на основе которых оформляется возникновение новых, развиваются, изменяются или прекращаются прежние правовые отношения. Иными словами, общим контекстом в характеристике соотношения юридической и правовой практики выступает правовое регулирование в единстве с его результатами, т.е. практика правового регулирования как смежная, для юридической и правовой практики, интегративная общетеоретическая конструкция.

Юридическую и правовую практики объединяет то, что они сами основаны на праве, так как не могут быть не урегулированы. Соответственно представление о них не может обходиться без регулирующего начала. Как юридическая, так и пра-

вовая практика имеют в своей структуре ту часть юридически значимой активности, которая связана с регулирующим началом, основанном на принятии правовых актов-документов. Регулирующее начало выражает их единство, выступает общим знаменателем их характеристики. Оно имеет характер их устойчивой, повторяющейся связи, т.е. общей закономерности. Эта закономерность образует онтологическое основание категоризации практики правового регулирования на уровне ее одноименной общетеретической конструкции.

Изначальная урегулированность юридической и правовой деятельности как их организационно-правовая основа проявляет себя как как уровне специальной деятельности властных публичных субъектов, так и деятельности невластных частных субъектов. Регулирующее начало юридической и правовой практики коррелирует с общенормативным и индивидуальным правовым регулированием. В своей совокупности общенормативное и индивидуальное начала образуют двойственное содержание правового регулирования, субъекты которых участвуют в правовом регулировании на уровне соответственно правотворческой и правореализационной деятельности.

Итак, юридическая и правовая практики развиваются на единой праворегулирующей основе. С этой точки зрения можно говорить о едином общем знаменателе, лежащем в их основе. Этим общим знаменателем выступает правовое регулирование, которое, будучи само разновидностью юридически значимой деятельности, объединяет собой проявления ее известного разнообразия в содержании юридической и правовой практик. В контексте обозначенного общего знаменателя понятие юридической практики по своему смыслу корреспондирует понятию властного общенормативного и индивидуального правового регулирования, а правовая практика – понятию невластного, автономного индивидуального правового регулирования. Такая дискретность со всей очевидностью обуславливает актуализацию общетеретической конструкции, способной выразить единство юридической и правовой практики в той их части, которая касается опыта правового регулирования. Именно опыт правового регулирования, олицетворяющий собой симбиоз деятельности субъектов правового регулирования и его результатов, образует содержание практики правового регулирования. Онтологическое значение практики правового регулирования заключается в том, что она лежит в основе правоорганизованного характера развития социальной практики, которая является символом организованности и порядка в общественном развитии.

Актуализируя вопрос о практике правового регулирования, мы исходим из факта, что любые виды социальной практики развиваются на основе правового регулирования. Любая юридически значимая деятельность основывается на общенормативных или индивидуальных актах правового регулирования – нормативных правовых и иных правовых актах-документах, в которых выражена юридически значимая информация, связанная с установлением, реализацией и защитой объективного и субъективного права. И именно акты правового регулирования в единстве с урегулированными объективным и субъективным правом отношениями, поведением и деятельностью образуют содержание правоорганизованной социальной практики, которая детерминируется практикой правового регулирования.

Установление идентичности практики правового регулирования представляется логичным на основе дуалистической диалектики, предполагающей рассмотрение объектов в контексте двуединой сущности их содержания. В соответствии с дуа-

листической диалектикой содержание практики правового регулирования олицетворяет собой диалектическое единство двух сущностей – нормативно обусловленной юридически значимой активности субъектов правового регулирования и актов правового регулирования. Практика правового регулирования всегда связана с целеполагающей деятельностью ее субъектов по преобразованию социальной практики в правоорганизованную практику посредством средств правового регулирования. В практике правового регулирования такими средствами выступают правовые акты-документы, олицетворяющие собой результаты деятельности субъектов правового регулирования.

Правовое регулирование опосредует нормативными правовыми средствами не только социальную, но и собственно правовую и юридическую практики, которые нуждаются в регламентации для целей их юридической оценки. Даже та часть юридической практики, которая связана с защитой прав и законных интересов (правозащитная практика) и изначально урегулирована нормами права, также не обходится без установления юридически значимых фактов и издания правовых актов-документов. Так, нотариус, удостоверяя соглашение, придает ему форму юридически значимого акта-документа. Судебный пристав-исполнитель во исполнение судебного приказа сам издает правовой акт в форме постановления по вопросам исполнительного производства. Суд по делам особого производства, устанавливая наличие или отсутствие юридически значимых фактов, также принимает судебный правовой акт-документ.

Таким образом, практика правового регулирования выступает общим знаменателем, объединяющим собой регулирующее начало юридической и правовой практики, т.е. ту их часть, которая связана с деятельностью по созданию правовых актов. Практика правового регулирования – это опыт правового регулирования, в котором выделяются деятельность властных и невластных субъектов правового регулирования в органичном единстве (симбиозе) с ее результатами.

В контексте изложенного актуализация категоризации практики правового регулирования значима в аспекте гносеологической функции, которую она выполняет на уровне правовой системы.

Во-первых, она позволяет выражать процессы трансформации социальных объектов из статуса неформализованных в статус юридически формализованных объектов. При этом социальные объекты как объекты практики правового регулирования приобретают легальный статус правовых объектов.

Во-вторых, практика правового регулирования имеет значение детерминанты правоорганизованной социальной практики как правовой формы организации многогранной социальной практики. В практике правового регулирования именно преобразованию социальной действительности отводится главная роль. Этот процесс осуществляется в порядке правовой регламентации, систематизации, интерпретации и правореализации, которые в единстве с их результатами образуют содержание практики правового регулирования. В таком контексте практика правового регулирования выступает самостоятельной теоретико-правовой конструкцией.

Выводы.

1. Ограниченность доктринального восприятия юридической практики специальным субъектным составом, вызвавшая появление субсидиарного по отношению к ней понятия правовой практики с неопределенным смысловым содержанием ее деятельностной составляющей, создали проблемную ситуацию, которая обуслов-

ливают актуальность общетеоретической конструкции, способной учесть их особенности и общие для них черты. Юридическая и правовая практика содержат в себе общее регулирующее начало, выражающееся на уровне соответственно общенормативного и индивидуального правового регулирования. Такая дискретность регулирующего начала юридической и правовой практики обуславливает актуальность категоризации соответствующего знания, выражающего опыт общенормативного и индивидуального правового регулирования. Представляется, что основой категоризации этого знания может выступать концепт «практика правового регулирования», способный выразить собой весь спектр эмпирических проявлений регулирующего начала юридической и правовой практики.

2. Целостное познание практики правового регулирования актуально в контексте дуалистического подхода, позволяющего обосновать диалектическое единство деятельностной и результативной составляющих ее макроструктуры, в своей совокупности олицетворяющих собой содержание опыта правового регулирования, опосредующего циклический процесс опредмечивания и распределенности социальной сущности объективного и субъективного права.

Деятельностная составляющая как структурный элемент практики правового регулирования находит выражение в юридически значимой активности субъектов правового регулирования, выражающейся в формировании, систематизации, интерпретации и реализации предписаний нормативных и индивидуальных правовых актов (договоров), а также принципов права, юридических дефиниций, оценочных юридических конструкций и иных средств правового регулирования.

Результат правового регулирования как структурный элемент практики правового регулирования находит выражение в системе средств правового регулирования, образующих содержание нормативных и индивидуальных правовых актов (договоров).

Практика правового регулирования представляет собой опыт деятельности субъектов правового регулирования по организации упорядоченного общественного развития на основе принятия общенормативных (нормативных правовых актов и договоров) и индивидуальных правовых средств (правоприменительных и право-реализационных актов и договоров).

Библиографический список

1. Лазарев В.В. К вопросу о рисках юридической науки // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 5–20.
2. Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20–29.
3. Pogodin A.V. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law / A.V. Pogodin, E.V. Krasnov, R.G. Valiev // HELIX. 2018. Vol. 8, Is.1. P. 2448.
4. Карташов В.Н. Понятие и структура юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды: сб. науч. тр. Ярославль: ЯрГУ, 1989. – 138 с.
5. Карташов В.Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. №1 (12). С. 13–22.
6. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – Юриспруденция, 2000. – 528 с.
7. Гусарев С.Д., Тихомиров О.Д. Юридическая деонтология (Основы юридической деятельности). Учебное пособие / Киев: Знание, 2005. – 655 с.
8. Шагиева Р.В. Человек в правовой сфере: Личностно-деятельностный подход: монография / Р.В.Шагиева, В.Н.Казаков. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 208 с.

9. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Для цитирования: Валиев Р.Г. Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 54–61.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.005

Rafail G. Valiev*

THE PRACTICE OF LEGAL REGULATION: ACTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF GENERAL THEORETICAL KNOWLEDGE

Abstract. *The study is devoted to the actualization of the theoretical and legal status of the practice of legal regulation. In order to develop the doctrinal perception of legal and legal practice, the epistemological foundations of the practice of legal regulation are described. In the context of dualistic dialectics, the dual structure is revealed, the concept is defined, the essential and meaningful characteristics are given, and the status of the practice of legal regulation in the general theory of law is established. The conclusion is formulated that the categorization of the practice of legal regulation determines the idea of its integrative essence, which can express the whole range of empirical manifestations of the regulatory principle of legal and legal practice.*

Keywords: *practice, legal practice, legal practice, structure of the practice of legal regulation, legal regulation, legal activity, legal activity.*

In the context of the dynamic development of the legal system of society, the development of the categorical and conceptual apparatus of the general theory of law, which includes the comprehension of old and the formation of new concepts, expressing certain patterns of development of law-organized social practice, is of great theoretical and methodological significance. As V.V. Lazarev, “any topic, and even more so a new one, requires reservations about concepts” [1, p. 6]. “They always constitute the starting point of any legal theory” [2, p. 25]. One of such concepts of the general theory of law, which is able to significantly develop their system in the context of the dynamics of legal reality, in our opinion, is the practice of legal regulation. In the epistemological terms, the relevance of the categorization of the practice of legal regulation, as a cognitive process of modeling its theoretical structure, is expressed in the following.

First, the relevance of the categorization of the practice of legal regulation is due to the uncertainty of its theoretical status. In the general theory of law, the doctrine of legal regulation is sufficiently developed. However, the epistemological foundations of the practice of legal regulation have not been formed and were not the subject of special fundamental research. Meanwhile, many aspects of legal reality that correlate with the issues of social, economic, political and spiritual development can be considered in the order of actualizing the theoretical construction of the “practice of legal regulation”.

Secondly, the relevance of the general theoretical understanding of the practice of legal regulation is also determined by certain difficulties in the perception of the empirical aspects of legal regulation in the context of the relationship with objective law.

---

* Valiev Rafail Gazizullovich, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of K (P) FU, Candidate of Political Science, Associate Professor // <https://orcid.org/0000-0003-3268-4526>. E-mail: raf.val.111@yandex.ru

So, for example, judicial practice is referred to as sources of law. And if in the context of the Anglo-Saxon legal family this thesis does not raise questions, then in the context of the continental legal family, judicial practice as a type of legal practice is the result of that part of the action of law that is associated with legal regulation and, therefore, is secondary in relation to the law, which is the source judicial practice. This circumstance clearly demonstrates the relevance of a substantive study of the theoretical status of the practice of legal regulation as a dynamic component of the legal system of society.

Thirdly, the problematic of the practice of legal regulation in general is of an interdisciplinary nature. Its individual aspects are studied at the level of the subject of branch legal sciences. It often appears in the titles of the authors' works with reference to a particular subject of research without resorting to the analysis of the essence and content of the very concept of the practice of legal regulation. In this regard, it seems that the general theory of law is faced with the task of filling the gap in the issue of the theoretical foundations of the essence and content of the practice of legal regulation in order to develop its general theoretical structure.

Fourth, the concepts of legal and legal practice existing in the theory of law embody individual forms of law-organized social practice, but being differentiated by nature and subject composition, they do not cover the entire spectrum of empirical manifestations of the experience of legal regulation in unity with its results. The designated problematic situation determines the relevance of a general theoretical structure capable of expressing the whole range of empirical manifestations of the effective activity of the subjects of legal regulation. It is obvious that such an epistemological function can be fully fulfilled by the concept of "practice of legal regulation", the underestimation of the value of which limits the possibilities of a holistic view of the functional characteristics of the legal system of society.

Fifthly, the categorization of the practice of legal regulation allows in an integrated form to study the experience of the activities of powerful and powerless, public and private subjects of law to streamline social interaction and, on this basis, to diagnose it for its adequacy to the purpose and socially significant goals of legal regulation. The epistemological significance of the general theoretical construct "the practice of legal regulation" is that it links together the activities of the subjects of legal regulation and its results – legal acts-documents, on the basis of which one can judge the activity itself. Only in symbiosis with legal acts can one have a holistic idea of the logic of legal regulation as a goal-setting and effective activity and, therefore, subject to legal analysis and assessment of the quality and adequacy of both the activity itself and its results.

The categorization of the practice of legal regulation is also relevant for prognostic purposes, for which the experience of legal regulation in the context of its main trends and contradictions can and should be constantly studied and generalized within the framework of the theoretical structure of the same name. It seems that the solution of the designated tasks is possible in the context of the doctrine of the practice of legal regulation, which has axiological significance for audit purposes, both the degree of perfection, effectiveness of legal regulation, and manifestations of its ineffectiveness, since "any practice is heterogeneous and contradictory. In it, along with open positive and negative, there are latent positive and negative phenomena" [3, p. 2448].

In legal science, the concept of practice in the legal aspect is associated with the official activities of authorized entities to create, systematize, interpret and implement the rule of law. This also includes law enforcement, human rights, law enforcement activities, as well as activities to improve the operation of law in the framework of legal policy.

The legal aspects of practice at different times have become the subject of research by many researchers. In the context of works on the general theory of law, at least two ideas about the legal aspect of practice can be distinguished – legal and legal practice. Legal practice is interpreted as legal activity, considered in unity with its results. This interpretation underlies the existing paradigm of legal practice, which in its entirety is presented by the works of prof. V.N. Kartashov. In his opinion, "legal practice is the activity of publishing (interpretation, implementation, systematization, etc.) of legal regulations, taken in unity with the accumulated legal experience (social and legal memory)" [5, p. 14]. In the above interpretation, the decisive feature of legal practice is the publication of legal regulations. The designated feature indicates the specifics of legal activities related to the publication, interpretation, systematization of legal regulations, which forms the content of legal experience.

The reference to legal prescriptions raises the question of the subject of the designated activity in the context of its subjects, since not every entity issues formal legal prescriptions. As for the subject of legal activity, it refers to the activities of authorized entities. In one of his works on legal activity, V.N. Kartashov notes that it "has a more complex structure, a high level of organization of its main components, a developed procedural form" [4, p. 19]. Concerning the content of experience as a structural component of legal practice, he distinguishes two elements in it – personal experience as "part of legal consciousness, subconsciousness and legal culture" and expressed in various legal acts-documents "externally objectified legal experience, which is formed in the process of resolving specific social legal situations, systematization and generalization of practice materials, etc." [5, p. 13].

Among other signs of legal practice, he distinguishes its mediation (regulation) by legal and other social prescriptions, the presence of the competence of its subjects, their use of the means and methods of activity, and ways of formalizing decisions made. The reference to competence determines the perception of legal practice as a category related to powerful subjects, since "competence is a characteristic of the legal capacity of state bodies" [6, p. 14]. Consequently, the definition of legal practice as the activity of publishing (interpreting, implementing, systematizing, etc.) legal prescriptions allows us to conclude that not all subjects of law are its subjects, but specially authorized subjects, which makes it possible to state its special nature. In this regard, the opinion of researchers seems to be quite logical that "legal practice must be distinguished from legal practice as legal activity and legal experience.

Legal activity, as a general rule, is carried out by all subjects – both lawyers and non-lawyers, both on a professional and non-professional basis. Legal practice is the sphere of activity of professional lawyers only" [7, p. 254]. Sharing this approach, which seems to serve as a methodological basis for distinguishing between legal and legal practice, we note that the legal system is widely represented by manifestations of that part of law-organized social practice that is not covered by legal practice as a special legal activity to operate with regulatory legal prescriptions. These are those acts of legally mediated social activity, the subjects of which are powerless subjects – citizens and their organizations. "Legal influence in the system of management of society has a special place, since it is one of the important organizational factors aimed at ensuring the effectiveness of practical activities of people" [9, p. 464].

From this point of view, legal practice is quite justified, in our opinion, is defined as "experience formed on the basis of the legal activities of all subjects (and not just competent authorities)" [8, p. 66]. The only question is what kind of activity is perceived as legal, since the heuristic meaning of the category "legal activity", according to RV Shagieva and VN Kazakov, is still not in demand [8, p. 67]. Obviously, the meaning of the experience

formed within its framework and, therefore, the identity of both legal and legal practice depends on the meaning that is embedded in the category of legal activity.

Guided by the epistemological function of the general theory of law, designed to express the generalized experience of the development of state-legal phenomena and processes, we will consider the issue of a single basis for the integration of legal and legal practice within the framework of a common theoretical structure for them “practice of legal regulation”.

First, no matter what types of legal and legal activities we consider, they all have a single basis – objective and subjective law. Being based on law, legal and legal activity are legal forms of activity, i.e. forms of social activity organized by law.

Secondly, no matter what actions in the framework of legal or legal practice we would not consider, all of them, in one way or another, are accompanied by the adoption of appropriate legal acts, with the help and on the basis of which the emergence of new ones is formed, the old legal relations develop, change or terminate. In other words, the general context in characterizing the relationship between legal and legal practice is legal regulation in unity with its results, i.e. the practice of legal regulation as an adjacent, for legal and legal practice, an integrative general theoretical structure.

Legal and legal practice is united by the fact that they themselves are based on the law, since they cannot but be regulated. Accordingly, the idea of them cannot do without a regulating principle. Both legal and legal practice have in their structure that part of legally significant activity that is associated with the regulatory principle based on the adoption of legal acts-documents. The regulating principle expresses their unity, acts as the common denominator of their characteristics. It has the character of their stable, repeating connection, i.e. general pattern. This regularity forms the ontological basis for the categorization of the practice of legal regulation at the level of its general heretical construction of the same name.

The initial regulation of legal and legal activities as their organizational and legal basis manifests itself both at the level of special activities of powerful public entities and the activities of powerless private entities. The regulatory origin of legal and legal practice correlates with general normative and individual legal regulation. Taken together, the general normative and individual principles form the dual content of legal regulation, the subjects of which participate in legal regulation at the level of law-making and law-enforcement activities, respectively.

So, legal practices are developing on a single legal basis. From this point of view, we can talk about a single common denominator underlying them. This common denominator is legal regulation, which, being itself a kind of legally significant activity, combines the manifestations of its known diversity in the content of legal and legal practice. In the context of the designated common denominator, the concept of legal practice in its meaning corresponds to the concept of power general normative and individual legal regulation, and legal practice – to the concept of powerless, autonomous individual legal regulation. Such discreteness clearly determines the actualization of the general theoretical structure, capable of expressing the unity of legal and legal practice in that part of them that concerns the experience of legal regulation. It is the experience of legal regulation, which personifies the symbiosis of the activities of the subjects of legal regulation and its results, that forms the content of the practice of legal regulation. The ontological significance of the practice of legal regulation lies in the fact that it underlies the law-organized nature of the development of social practice, which is a symbol of organization and order in social development.

To actualize the issue of the practice of legal regulation, we proceed from the fact that any types of social practice develop on the basis of legal regulation. Any legally signifi-

cant activity is based on general normative or individual acts of legal regulation – normative legal and other legal acts-documents, which express legally significant information related to the establishment, implementation and protection of objective and subjective law. And it is the acts of legal regulation in unity with the relations, behavior and activities regulated by objective and subjective law that form the content of law-organized social practice, which is determined by the practice of legal regulation.

Establishing the identity of the practice of legal regulation seems logical on the basis of dualistic dialectics, which presupposes the consideration of objects in the context of the dual essence of their content. In accordance with the dualistic dialectics, the content of the practice of legal regulation personifies the dialectical unity of two essences – the normatively determined legally significant activity of the subjects of legal regulation and acts of legal regulation. The practice of legal regulation is always associated with the goal-setting activities of its subjects to transform social practice into law-organized practice through the means of legal regulation. In the practice of legal regulation, such means are legal acts-documents that personify the results of the activities of subjects of legal regulation.

Legal regulation mediates by regulatory legal means not only social, but also legal and legal practices proper, which need regulation for the purpose of their legal assessment. Even that part of legal practice, which is related to the protection of rights and legitimate interests (human rights practice) and is initially regulated by the norms of law, also cannot do without the establishment of legally significant facts and the publication of legal acts-documents. So, a notary, certifying an agreement, gives it the form of a legally significant act-document. The bailiff-executor, in pursuance of the court order, himself issues a legal act in the form of a resolution on issues of enforcement proceedings. The court for special proceedings, establishing the presence or absence of legally significant facts, also adopts a judicial legal act-document.

So, the practice of legal regulation acts as a common denominator that unites the regulatory basis of legal and legal practice, i.e. that part of them, which is related to the activity on the creation of legal acts. The practice of legal regulation is an experience of legal regulation, in which the activities of powerful and powerless subjects of legal regulation are distinguished in an organic unity (symbiosis) with its results.

In the context of the above, the actualization of the categorization of the practice of legal regulation is significant in the aspect of the epistemological function that it performs at the level of the legal system.

First, it allows expressing the processes of transformation of social objects from the status of non-formalized to the status of legally formalized objects. At the same time, social objects as objects of the practice of legal regulation acquire the legal status of legal objects.

Secondly, the practice of legal regulation is important as the determinants of law-organized social practice as a legal form of organizing multifaceted social practice. In the practice of legal regulation, it is the transformation of social reality that is assigned the main role. This process is carried out in the manner of legal regulation, systematization, interpretation and legal implementation, which, together with their results, form the content of the practice of legal regulation. In this context, the practice of legal regulation acts as an independent theoretical and legal structure.

Conclusions.

1. The limitation of the doctrinal perception of legal practice by a special subjective composition, which caused the emergence of a subsidiary concept of legal practice with an indefinite semantic content of its activity component, created a problematic situation that

determines the relevance of a general theoretical structure that can take into account their features and common features. Legal and legal practice contains a general regulatory principle, expressed at the level of general normative and individual legal regulation, respectively. This discreteness of the regulatory principle of legal and legal practice determines the relevance of categorizing the relevant knowledge, expressing the experience of general normative and individual legal regulation. It seems that the basis for the categorization of this knowledge can be the concept of "practice of legal regulation", which is capable of expressing the whole range of empirical manifestations of the regulatory principle of legal and legal practice.

2. The holistic knowledge of the practice of legal regulation is relevant in the context of the dualistic approach, which makes it possible to substantiate the dialectical unity of the activity and the productive components of its macrostructure, in their totality embodying the content of the experience of legal regulation, mediating the cyclical process of objectifying and de-objectifying the social essence of objective and subjective law.

The activity component as a structural element of the practice of legal regulation finds expression in the legally significant activity of the subjects of legal regulation, expressed in the formation, systematization, interpretation and implementation of the prescriptions of normative and individual legal acts (contracts), as well as principles of law, legal definitions, evaluative legal structures and others means of legal regulation.

The result of legal regulation as a structural element of the practice of legal regulation is expressed in the system of legal regulation means that form the content of normative and individual legal acts (contracts).

The practice of legal regulation is the experience of the activities of subjects of legal regulation in organizing orderly social development on the basis of the adoption of general normative (normative legal acts and agreements) and individual legal means (law enforcement and law enforcement acts and agreements).

Bibliographic list

1. Lazarev V.V. To the question of the risks of legal science // Journal of Russian law. 2019. No. 3. P. 5–20.
2. Lazarev V.V. Integrative perception of law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 2. P. 20–29.
3. Pogodin A.V. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law / A.V. Pogodin, E.V. Krasnov, R.G. Valiev // HELIX. 2018. Vol. 8, Is. 1. P. 24–48.
4. Kartashov V.N. Concept and structure of legal activity // Legal activity: essence, structure, types: collection of articles scientific. tr. Yaroslavl: YarGu, 1989. 138 p.
5. Kartashov V.N. Legal practice as an object (subject) of legal science // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (12). P. 13–22.
6. Vengerov A.B. Theory of State and Law: A Textbook for Law Schools. 3rd ed. Jurisprudence, 2000. 528 p.
7. Gusarev S.D., Tikhomirov O.D. Legal deontology (Basics of legal activity). Textbook / Kiev: Knowledge, 2005. 655 p.
8. Shagieva R.V. Man in the legal sphere: Personal-activity approach: monograph / R.V. Shagieva, V.N. Kazakov. Moscow: Norma: INFRA-M, 2015. 208 p.
9. Komarov, S.A. General theory of state and law: a textbook for universities / S.A. Komarov. – 9th ed., rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

For citation: Valiev R.G. The practice of legal regulation: actualization and categorization of general theoretical knowledge: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 61–66.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.005

Научная статья

УДК 340.13; 342.59

ББК 67.06; 67.400.2

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.006

В.А. Винокуров*

ПРОБЛЕМЫ ЧРЕЗМЕРНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам колоссального количества принимаемых Государственной Думой федеральных законов, а также связанных с этими вопросами слабым пониманием законодательных актов должностными лицами и обычными гражданами, что в результате влечет практическое неисполнение законов.*

К статье прилагается таблица, в которой приведено количество принятых федеральных законов за период с 1994 по 2020 год. Используя количественные данные, автором выявлены причины чрезмерного законодательства, условия, способствующие появлению большого числа законов.

По итогам рассмотрения изложенных вопросов автором сформулированы выводы и предложения.

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации; законодательство; Государственная Дума; федеральные конституционные законы; федеральные законы; кодексы Российской Федерации; законы Российской Федерации.*

Законодательство в теории права определяется как законодательный процесс, посвященный стадиям и действиям по подготовке, обсуждению и принятию законов [1, с. 164]. Схожее определение термину «законодательство» дается и в толковых словарях русского языка: создание, разработка законов государства [2, с. 271]. Известный теоретик права С.С. Алексеев рассматривает законодательство как синоним правотворчества, определяя его как специальную деятельность компетентных органов, завершающую процесс правообразования, в результате которой приобретает юридическую силу и вступает в действие закон [3, с. 89]. С.А. Комаров определяет правотворчество как вид государственной деятельности, в результате которой воля политических сил, находящихся у власти (народа, класса, социальной группы), возводится в закон, выражается в виде нормы права в определенном источнике права [22, с. 288].

В тексте Конституции Российской Федерации [4] термин «законодательство» не используется, но отдельные принципиальные позиции, касающиеся российских законов и процесса их принятия зафиксированы. Так, в частях 1 и 2 статьи 15 Основного Закона государства указано, что законы, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации; что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

---

* Винокуров Владимир Анатольевич, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, доктор юридических наук, доцент; заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

К проблемам законотворчества обращались многие ученые и специалисты, рассматривая отдельные аспекты этого важного для государства процесса. При этом авторами отмечались «низкое качество законопроектной работы», отсутствие у субъектов правотворчества «всей полнотой информации о процессах, протекающих в обществе» [5, с. 30; 32]; избыточная правотворческая активность [6]; отсутствие связи законопроектов с интересами населения и проблемы внесения законопроектов, не соответствующих объективным потребностям общества и государства [7, с. 54; 55]; необходимость грамотного изложения нормативных правовых актов [8, с. 37–38].

Как известно, в Российской Федерации наряду с федеральными законами и федеральными конституционными законами [4, статьи 76, 107, 108] действуют законы РСФСР, законы Российской Федерации и основы законодательства Российской Федерации, принятые Верховным Советом РСФСР и Верховным Советом Российской Федерации по сентябрь 1993 года (до момента, когда осуществление Верховным Советом Российской Федерации законодательной функции было прервано [9]).

С апреля 1994 года в соответствии с частью 1 статьи 105 Конституции Российской Федерации исключительно Государственная Дума принимает законы – федеральные конституционные и федеральные законы. Процедуры одобрения Советом Федерации, подписания Президентом Российской Федерации принятого Государственной Думой федерального закона или его отклонения, детально прописаны в соответствующих статьях Конституции Российской Федерации [4, статьи 105, 107, 108].

Одновременно с федеральными законами в современном Российском государстве стали приниматься кодексы Российской Федерации, которые формально не именованы в Основном Законе государства. При этом принимаемые кодексы, как своды законов [10, с. 286] в иерархии законодательных актов заняли место после федеральных конституционных законов, но перед федеральными законами, несмотря на то, что процедура их принятия соответствует процедуре принятия последних. Данный вывод основывается на нормах, включенных в принятые кодексы. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации [11, пункт 2 статьи 3] установлено, что «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу»; аналогичная норма содержится, в частности, в Семейном кодексе Российской Федерации [12, статья 3], Земельном кодексе Российской Федерации [13, статья 2], Трудовом кодексе Российской Федерации [14, статья 5].

Кроме того, в Российской Федерации существует такая форма закона как закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, который после вступления в силу становится частью Конституции Российской Федерации и в дальнейшем как отдельный закон не рассматривается. Данная форма законодательного акта предусмотрена Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [15], которым предусмотрена также специальная процедура принятия, одобрения и вступления в силу.

Законотворческий процесс по правилам, установленным Конституцией Российской Федерации, стал осуществляться после избрания депутатов Государственной Думы первого созыва, которые начали работу в январе 1994 года, когда было официально опубликовано первое постановление Государственной Думы Федерального [16].

Как следует из данных, имеющих в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», Государственной Думой первого созыва за 1994 год (первый год работы)

было принято 92 закона, а в 1995 году (второй – последний год работы) количество законодательных актов выросло до 253. В течение последующих лет число принимаемых названной палатой парламента России федеральных законов ежегодно в среднем составляло:

- с 1996 по 2000 год – чуть больше 210;
- с 2001 по 2005 год – 220;
- с 2006 по 2010 год – несколько больше 360;
- с 2010 по 2016 год – 450;
- с 2016 по 2020 год – почти 540.

Таблица, в которой приведено количество принятых федеральных законов за период с 1994 по 2020 год прилагается.

Как видим, за 27 лет число принимаемых законов выросло больше, чем в два раза. За период работы Государственной Думы с 1994 по 2020 год депутатами было принято 9030 законов, причем почти три четверти из них – 6610 (73,2 процента) – это законы, которыми вносятся изменения и дополнения к принятым законодательным актам.

Приведенные данные свидетельствуют о следующем.

Во-первых, качество вносимых законопроектов очень и очень низкое, а причинами невысокого уровня предлагаемых к принятию на рассмотрение Государственной Думы актов, по нашему мнению, следующие:

а) отсутствие в российском парламенте внятной законопроектной работы, то есть имеется в виду, что у депутатского корпуса нет четкого понимания о том, в какой отрасли и в каком направлении в конкретной сфере требуется законодательное регулирование или его изменение с учетом современных реалий и опыта использования существовавших советских и существующих российских законодательных норм.

Регулярное апеллирование к зарубежному опыту, а иногда и прямое его заимствование, осуществленное без учета существующих российских традиций и менталитета граждан страны, приводит к разрушению существовавшего порядка и созданию фактически неработающих моделей и механизмов при значительных материальных затратах (одним из ярких примеров подобного непродуманного решения вопроса является введение единого государственного экзамена и трехуровневой системы высшего образования);

б) формальное проведение работы по обсуждению и доработке проектов федеральных законов в комитетах и комиссиях Государственной Думы, особенно, если законопроекты предложены Президентом или Правительством Российской Федерации, которые принимаются практически без каких-либо исправлений;

в) для обсуждения новых норм весьма редко приглашаются ученые и специалисты в рассматриваемой области, равно как практически не учитывается мнение тех, кому предстоит эти новые требования исполнять.

Во-вторых, невысокое качество первоначальных текстов законов приводит в последующем к многочисленным правкам действующих норм, включая исправление орфографических и стилистических ошибок, уточнения наименований и терминов, внесение изменений в уже однажды принятые изменения, что, в свою очередь, ведет к значительным и не всегда разумным расходам из федерального бюджета.

В-третьих, тексты федеральных законов написаны языком, который сложно не только понять, но и прочитать без записок (ярким примером может послужить

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [17]). Излишняя детализация превратила законы в инструкции (см., например, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [18]). При этом отсутствуют какие-либо правила написания законов (в качестве лежащей на поверхности иллюстрации к сказанному можно отметить, что в одних законах нумерованные абзацы статей именуются частями, внутри которых пункты, в другом – пунктами, внутри которых подпункты).

В-четвертых, принимаемые законодательные акты ориентированы не на доверие или разумные требования, а на запреты, ограничения и наказания. Причем вводимые новые требования (по выполнению работы, не связанной с основной деятельностью, по составлению многочисленных и многостраничных внутренних документов, а также отчетов) обязательны для всех лиц, проживающих в государстве, даже если толчком к принятию закона послужил один выявленный факт (см., в частности, Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [19], принятый как ответная реакция на смерть усыновленного американцами ребенка – Димы Яковлева, что косвенно подтвердил и Председатель Правительства Российской Федерации в своем интервью «Российской газете», заявив, что «Закон Димы Яковлева» всего лишь выражает обеспокоенность парламентариев судьбой российских детей, что этот закон «Вне всякого сомнения, принимался на эмоциональной волне...» [20]).

В результате подобной законотворческой практики, когда число законов переваливает за полтысячи в год, а их качество весьма невысоко, выполнение заложенных в них норм, с одной стороны, требует увеличения числа государственных и муниципальных служащих, создающих невнятные требования; разъясняющих плохо сформулированные нормы, которые должны быть понятны сразу; контролирующих выполнение требований, часто противоречащих друг другу; проверяющих многостраничные отчеты, не приносящие реальной пользы государству, а с другой стороны, приводит к абсолютному неуважению закона (который непонятен и сложно исполняем), а значит, к его неисполнению населением.

В создавшейся ситуации, на наш взгляд, следует:

1) начинать ликвидировать некомпетентность лиц, подготавливающих законопроекты, для чего, в первую очередь, избавиться от лиц, занявших должности по принципу родства, знакомства или по случайности.

Для этого необходимо провести аттестацию, но не аттестационной комиссией того органа, где работают подобные специалисты, а комиссией, образованной иным органом или должностным лицом (например, по поручению главы государства), в составе которой не менее двух третей будут составлять представители науки, образования и практические специалисты;

2) принимать понятные и выполнимые законы, поскольку иначе будет как в известном высказывании, приписываемом П.А. Вяземскому, М.Е. Салтыкову-Щедрину и некоторым другим авторам, которое в одном из вариантов звучит так: «Несовершенство закона российского компенсируется возможностью его неисполнения» [21].

Чтобы данное предложение работало, неплохо было бы законодательно закрепить обязанность разработчиков смоделировать и самим фактически выполнить предлагаемые к утверждению нормы и правила, а также ввести ответственность Го-

сударственной Думы за принятие невыполнимых или плохо выполняемых законов в виде ее досрочного роспуска;

3) проверять тексты принимаемых законов на их грамотность, понятность и простоту изложения, что потребует возрождение нормальной деятельности специалистов – филологов-русистов, обладающих навыками изложения и редактирования подобного рода произведений;

4) при введении новых механизмов, особенно при неясности возможного результата, проводить эксперименты в нескольких субъектах Российской Федерации. И только при положительном эффекте распространять новые нормы на всю страну.

5) за неимением другого эффективного способа – запретить на переходный период (который может быть определен, например, в десять лет):

принимать более десяти – двенадцати законов в календарном году, не считая законов по вопросам бюджета и ратификации (денонсации) договоров;

вносить изменения и (или) дополнения в принятый закон в течение пяти лет с момента вступления его в силу, а в случае выявления в действующем акте норм, которые требуется править, признавать этот закон утратившим силу или отменять.

Предлагаемые меры, на взгляд автора, помогут ликвидировать чрезмерное законотворчество, вернуть этот процесс в нормальный режим, позволяющий принимать многочисленные, но разумные, понятные и выполнимые законы.

Таблица

КОЛИЧЕСТВО федеральных законов, принятых за период с 1994 по 2020 год

Год	Всего принято федеральных законов	Из них:			
		по вопросам бюджета	о ратификации или денонсации договоров	вносящие изменения и (или) дополнения	новые законы*
1	2	3	4	5	6**
1994	92	11	33	21	29
1995	253	16	57	74	109
1996	192	20	56	67	56
1997	187	15	55	77	48
1998	226	18	58	89	71
1999	271	31	50	142	66
2000	182	23	55	81	36
2001	222	17	45	114	54
2002	226	15	48	122	47
2003	191	18	25	121	34
2004	226	10	36	154	35
2005	236	12	40	169	22
2006	295	13	42	219	35
2007	341	19	39	269	41
2008	332	27	65	225	38
2009	394	21	54	295	44

Теория государства и права

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6**
2010	450	16	74	327	47
2011	431	13	75	309	46
2012	334	16	61	244	28
2013	453	12	43	378	33
2014	558	15	41	464	48
2015	478	21	44	395	33
2016	524	16	56	443	26
2017	512	17	42	456	12
2018	575	15	60	497	21
2019	530	15	38	489	11
2020	552	17	34	479	40
Итого	9030	436	1285	6610	1042

Примечания к таблице.

* Наименование графы 6 «новые законы» условно, поскольку в этой графе указано количество федеральных законов, принятых по всем вопросам, за исключением тех, которыми регулируются бюджетные вопросы (федеральный бюджет и бюджеты внебюджетных фондов), осуществлена ратификация или денонсация международных договоров, а также кроме тех, которыми вносятся изменения и (или) дополнения в законы (графы 3, 4 и 5 соответственно).

** Количество принятых федеральных законов, указанных в графах 3, 4, 5 и 6, в сумме не совпадает с общим количеством законов, указанных в графе 2, поскольку отдельные законы, исходя из их наименования, были включены и в другие соответствующие графы.

Библиографический список

1. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. – 656 с.
2. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 894 с.
3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М.: «Статут», 1999. – 712 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). 2020. 4 июля. № 0001202007040001.
5. Сехин И.В. Принцип своевременности правотворчества: проблемы реализации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 26–35.
6. Бордакова А.Г., Киямова А.Р. Правотворчество проблемы реализации принципа своевременности // Электронный журнал «StudNet». – 2021. – Т. 4. – № 4.
7. Станкин А.Н., Пяткин В.Н. Федеральный законотворческий процесс: анализ отдельных проблем и поиск путей совершенствования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 2 (41). – С. 52–59.
8. Напалкова И.Г. Лингво-юридические аспекты современного законотворчества // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 36–40.
9. Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 39. – Ст. 3597.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / Российская АН. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.

11. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
12. Семейный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
13. Земельный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.
15. Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 10. – Ст. 1146.
16. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 января 1994 года № 1-1 ГД «О Комиссии Государственной Думы по контролю за электронной системой Государственной Думы» // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. – 1994. – № 1. – Ст. 32.
17. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
18. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
19. Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7597.
20. Ответ в Новый свет. Дмитрий Медведев дал интервью CNN // Российская газета, 2013, 28 января.
21. Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения // Википедия – свободная энциклопедия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 31 июля 2021 года).
22. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Для цитирования: Винокуров В.А. Проблемы чрезмерного законотворчества в Российской Федерации // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 67–73.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.006

Vladimir A. Vinokurov*

PROBLEMS OF EXCESSIVE LAWMAKING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the problems of a huge number of federal laws adopted by the State Duma, as well as the weak understanding of legislative acts by officials and ordinary citizens related to these issues, which as a result entails practical non-enforcement of laws.*

The article is accompanied by a table showing the number of adopted federal laws for the period from 1994 to 2020. Using quantitative data, the author identifies

---

* Vinokurov Vladimir A., Professor of the Theory and History of State and Law Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia»; Doctor of Law; Docent; Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

the causes of excessive lawmaking, the conditions that contribute to the emergence of a large number of laws.

Based on the results of the consideration of the above issues, the author formulated conclusions and proposals.

Keywords: *The Constitution of the Russian Federation; lawmaking; The State Duma; federal constitutional laws; federal laws; codes of the Russian Federation; laws of the Russian Federation.*

Lawmaking in the theory of law is defined as a legislative process dedicated to the stages and actions for the preparation, discussion and adoption of laws [1, p. 164]. A similar definition of the term "lawmaking" is given in the explanatory dictionaries of the Russian language: the creation, development of the laws of the state [2, p. 271]. The famous legal theorist S.S. Alekseev considers lawmaking as a synonym for lawmaking, defining it as a special activity of the competent authorities, completing the process of lawmaking, as a result of which it acquires legal force and enters into force of the law [3, p. 89]. S.A. Komarov defines lawmaking as a type of state activity, as a result of which the will of the political forces in power (people, class, social group) is raised into law, expressed as a rule of law in a certain source of law [22, p. 288].

In the text of the Constitution of the Russian Federation [4], the term "lawmaking" is not used, but certain fundamental positions concerning Russian laws and the process of their adoption are recorded. So, in parts 1 and 2 of Article 15 of the Basic Law of the State, it is indicated that the laws adopted in the Russian Federation must not contradict the Constitution of the Russian Federation; that government bodies, local government bodies, officials, citizens and their associations are obliged to comply with the Constitution of the Russian Federation and laws.

Many scientists and specialists addressed the problems of lawmaking, considering certain aspects of this process, which is important for the state. At the same time, the authors noted "the low quality of legislative work", the lack of the subjects of lawmaking "full information about the processes taking place in society" [5, p. 30; 32]; excessive lawmaking activity [6]; the lack of communication of bills with the interests of the population and the problem of introducing bills that do not meet the objective needs of society and the state [7, p. 54; 55]; the need for a competent presentation of regulatory legal acts [8, p. 37–38].

As you know, in the Russian Federation, along with federal laws and federal constitutional laws [4, Articles 76, 107, 108], the laws of the RSFSR, the laws of the Russian Federation and the foundations of the legislation of the Russian Federation, adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR and the Supreme Soviet of the Russian Federation until September 1993 (until the moment when the implementation of the legislative function by the Supreme Soviet of the Russian Federation was interrupted [9]).

Since April 1994, in accordance with part 1 of Article 105 of the Constitution of the Russian Federation, exclusively the State Duma adopts laws – federal constitutional and federal laws. The procedures for approval by the Federation Council, signing by the President of the Russian Federation of a federal law adopted by the State Duma or its rejection are detailed in the relevant articles of the Constitution of the Russian Federation [4, Articles 105, 107, 108].

Simultaneously with federal laws, the modern Russian state began to adopt the codes of the Russian Federation, which are not formally named in the Basic Law of the state. At the same time, the adopted codes, as codes of laws [10, p. 286] in the hierarchy of legislative acts took their place after federal constitutional laws, but before federal laws,

despite the fact that the procedure for their adoption corresponds to the procedure for the adoption of the latter. This conclusion is based on the norms included in the adopted codes. Thus, the Civil Code of the Russian Federation [11, paragraph 2 of Article 3] establishes that “the norms of civil law contained in other laws must comply with this Code”; a similar norm is contained, in particular, in the Family Code of the Russian Federation [12, article 3], the Land Code of the Russian Federation [13, article 2], the Labor Code of the Russian Federation [14, article 5].

In addition, in the Russian Federation there is such a type of law as the Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation, which, after coming into force, becomes part of the Constitution of the Russian Federation and is not considered as a separate law in the future. This form of legislative act is provided for by the Federal Law "On the Procedure for Adopting and Coming into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation" [15], which also provides for a special procedure for adoption, approval and entry into force.

The legislative process according to the rules established by the Constitution of the Russian Federation began to be carried out after the election of the deputies of the State Duma of the first convocation, which began work in January 1994, when the first decree of the State Duma of the Federal was officially published [16].

As follows from the data available in the reference legal system "ConsultantPlus", the State Duma of the first convocation in 1994 (the first year of operation) adopted 92 laws, and in 1995 (the second is the last year of operation) the number of legislative acts increased to 253. Over the next years, the number of federal laws adopted by the said chamber of the Russian parliament averaged annually:

- from 1996 to 2000 – a little more than 210;
- from 2001 to 2005 – 220;
- from 2006 to 2010 – slightly more than 360;
- from 2010 to 2016 – 450;
- from 2016 to 2020 – almost 540.

A table showing the number of federal laws adopted for the period from 1994 to 2020 is attached.

As you can see, over 27 years the number of laws being adopted has more than doubled. During the period of the State Duma's work from 1994 to 2020, the deputies adopted 9030 laws, and almost three quarters of them – 6610 (73.2 percent) – are laws that introduce amendments and additions to the adopted legislative acts.

The given data testify to the following.

Firstly, the quality of the introduced bills is very, very low, and the reasons for the low level of the acts proposed for adoption by the State Duma, in our opinion, are as follows:

a) the lack of intelligible legislative work in the Russian parliament, that is, it means that the deputy corps does not have a clear understanding of which industry and in which direction in a particular area legislative regulation is required or its change taking into account modern realities and experience use of the existing Soviet and existing Russian legislative norms.

Regular appeal to foreign experience, and sometimes its direct borrowing, carried out without taking into account the existing Russian traditions and the mentality of the country's citizens, leads to the destruction of the existing order and the creation of virtually non-working models and mechanisms at significant material costs (one of the vivid examples of such an ill-considered solution to the issue is the introduction of a unified state examination and a three-level system of higher education);

b) formal work on the discussion and revision of draft federal laws in the committees and commissions of the State Duma, especially if the bills are proposed by the President or the Government of the Russian Federation, which are adopted practically without any corrections;

c) scientists and specialists in the area under consideration are rarely invited to discuss new norms, just as the opinion of those who have to fulfill these new requirements is practically not taken into account.

Secondly, the low quality of the original texts of the laws subsequently leads to numerous edits of the existing norms, including the correction of spelling and stylistic errors, the clarification of names and terms, the introduction of changes into the changes that have already been adopted, which, in turn, leads to significant and not always reasonable spending from the federal budget.

Thirdly, the texts of federal laws are written in a language that is difficult not only to understand, but also to read without hesitation (a vivid example is the Federal Law "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" [17]). Excessive detailing turned laws into instructions (see, for example, the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" [18]). At the same time, there are no rules for writing laws (as an illustration on the surface of what has been said, it can be noted that in some laws, numbered paragraphs of articles are referred to as parts, inside which are clauses, in another – clauses, within which there are subparagraphs).

Fourthly, the adopted legislative acts are focused not on trust or reasonable requirements, but on prohibitions, restrictions and punishments. Moreover, the new requirements introduced (for the performance of work not related to the main activity, for the compilation of numerous and multi-page internal documents, as well as reports) are mandatory for all persons living in the state, even if the impetus for the adoption of the law was one revealed fact (see, in particular, the Federal Law "On Measures of Influence on Persons Involved in Violations of Fundamental Human Rights and Freedoms, Rights and Freedoms of Citizens of the Russian Federation" [19], adopted as a response to the death of a child adopted by Americans – Dima Yakovlev, which was indirectly confirmed by the Chairman of the Government of the Russian Federation in his interview to Rossiyskaya Gazeta, stating that the "Law of Dima Yakovlev" only expresses the parliamentarians's concern about the fate of Russian children, that this law "Without a doubt, was adopted on an emotional wave ..." [20]).

As a result of such legislative practice, when the number of laws exceeds half a thousand a year, and their quality is very low, the implementation of the norms laid down in them, on the one hand, requires an increase in the number of state and municipal employees who create vague requirements; clarifying poorly formulated norms that should be understood immediately; controlling the fulfillment of requirements, often contradicting each other; checking multi-page reports that do not bring real benefit to the state, but on the other hand, leads to absolute disrespect for the law (which is incomprehensible and difficult to enforce), and therefore to its non-implementation by the population.

In this situation, in our opinion, it follows:

1) to begin to eliminate the incompetence of the persons preparing the draft laws, for which, first of all, to get rid of the persons who took up positions on the basis of kinship, acquaintance or by chance.

To do this, it is necessary to carry out certification, but not by the certification commission of the body where such specialists work, but by a commission formed by another

Theory of State and Law

body or official (for example, on behalf of the head of state), in which at least two-thirds will be representatives of science, educators and practitioners;

2) to adopt understandable and feasible laws, since otherwise it will be like in the well-known statement attributed to P.A. Vyazemsky, M.E. Saltykov-Shchedrin and some other authors, which in one of the versions sounds like this: "The imperfection of the Russian law is compensated by the possibility of its non-implementation" [21].

For this proposal to work, it would be nice to legislate the obligation of developers to model and actually implement the norms and rules proposed for approval themselves, as well as introduce the State Duma's responsibility for the adoption of unrealizable or poorly implemented laws in the form of its early dissolution;

3) check the texts of the adopted laws for their literacy, comprehensibility and simplicity of presentation, which will require the revival of the normal activities of specialists – philologists-Russianists, who have the skills of presenting and editing such kind of works;

4) when introducing new mechanisms, especially when the possible result is unclear, to conduct experiments in several constituent entities of the Russian Federation. And only with a positive effect, spread the new norms throughout the country.

5) in the absence of another effective way – to prohibit for a transitional period (which can be determined, for example, in ten years):

adopt more than ten to twelve laws in a calendar year, not counting laws on budget issues and ratification (denunciation) of treaties;

to make changes and (or) additions to the adopted law within five years from the date of its entry into force, and in case of identification in the current act of the norms that need to be edited, recognize this law as invalid or abolish.

The proposed measures, in the author's opinion, will help eliminate excessive law-making, return this process to a normal regime, allowing the adoption of few, but reasonable, understandable and enforceable laws.

Table

**NUMBER
Federal laws passed from 1994 to 2020**

Year	Total accepted federal laws	Of them:			
		on budget issues	on ratification and denunciation of treaties	making changes and / or additions	new the laws *
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6**</i>
1994	92	11	33	21	29
1995	253	16	57	74	109
1996	192	20	56	67	56
1997	187	15	55	77	48
1998	226	18	58	89	71
1999	271	31	50	142	66
2000	182	23	55	81	36
2001	222	17	45	114	54
2002	226	15	48	122	47

Теория государства и права

End of the table

1	2	3	4	5	6**
2003	191	18	25	121	34
2004	226	10	36	154	35
2005	236	12	40	169	22
2006	295	13	42	219	35
2007	341	19	39	269	41
2008	332	27	65	225	38
2009	394	21	54	295	44
2010	450	16	74	327	47
2011	431	13	75	309	46
2012	334	16	61	244	28
2013	453	12	43	378	33
2014	558	15	41	464	48
2015	478	21	44	395	33
2016	524	16	56	443	26
2017	512	17	42	456	12
2018	575	15	60	497	21
2019	530	15	38	489	11
2020	552	17	34	479	40
Итого	9030	436	1285	6610	1042

Notes to the table

* The name of column 6 "new laws" is conditional, since this column indicates the number of federal laws adopted on all issues, with the exception of those that govern budgetary issues (federal budget and budgets of extra-budgetary funds), ratification or denunciation of international contracts, as well as other than those that introduce amendments and (or) additions to laws (columns 3, 4 and 5, respectively).

** The number of adopted federal laws indicated in columns 3, 4, 5 and 6, in total, does not coincide with the total number of laws indicated in column 2, since individual laws, based on their name, were included in other relevant columns.

Bibliographic list

1. General theory of state and law. Academic course in 2 volumes. Ed. prof. M.N. Marchenko. Volume 2. Theory of law. Moscow: Publishing house "Zertsalo", 2000. 656 p.

2. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Language changes at the end of the XX century / ILI RAS; ed. G.N. Sklyarevskaya. Moscow: Astrel: AST: Transitkniga, 2005. 894 p.

3. Alekseev S.S. Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of Comprehensive Research. Moscow: "Statut", 1999. 712 p.

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Official Internet portal of legal information (<http://www.pravo.gov.ru>). 2020.4 July. No. 0001202007040001.

5. Sekhin I.V. The principle of timeliness of lawmaking: problems of implementation // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 26–35.

6. Bordakova A.G., Kiyamova A.R. Lawmaking of the problem of implementation of the principle of modernity // Electronic journal "StudNet". 2021. T. 4. No. 4.

7. Stankin A.N., Pyatkin V.N. Federal lawmaking process: analysis of individual problems and search for ways to improve // Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2020. No. 2 (41). P. 52–59.

8. Napalkova I.G. Linguistic and legal aspects of modern lawmaking // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020.Vol. 7.No. 2. P. 36–40.

9. Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 1993 No. 1400 "On stage-by-stage constitutional reform in the Russian Federation" // Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1993. No. 39. Art. 3597.

10. Ozhegov S.I. and Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological units. expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language; Russian Cultural Foundation. Moscow: Az Ltd., 1992. 960 p.

11. Part one of the Civil Code of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

12. Family Code of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

13. Land Code of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

14. Labor Code of the Russian Federation // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 3.

15. Federal Law "On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 10. Art. 1146.

16. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 11, 1994, No. 1-I GD "On the State Duma Commission for Control over the Electronic System of the State Duma" // Bulletin of the Federal Assembly of the Russian Federation. 1994. No. 1. Art. 32.

17. Federal law "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652.

18. Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.

19. Federal law "On measures of influence on persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Art. 7597.

20. Answer to the New World. Dmitry Medvedev gave an interview to CNN // Rossiyskaya Gazeta, 2013, January 28.

21. The severity of Russian laws is mitigated by the non-binding nature of their execution // Wikipedia – the free encyclopedia // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (date of access July 31, 2021).

22. Komarov, S. A. General theory of state and law: textbook for universities / S. A. Komarov. 9th ed., rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

For citation: Vinokurov V.A. Problems of excessive lawmaking in the Russian Federation // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 73–79.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.006

Научная статья

УДК 349.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.007

Ю.В. Волков*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные подходы к решению проблемы информационной правосубъектности. В ходе исследования проведён анализ основных мнений по проблеме. Выделены и рассмотрены различные подходы к понятию правосубъектности в информационной сфере, проведён сравнительный анализ. В ходе исследования применялись диалектический, формально-юридический, сравнительный методы. Констатирован базовый уровень представлений об информационной правосубъектности, которые могут быть использованы для дальнейших исследований, а также в образовательном процессе для факультативных курсов или в работе студенческих научных кружков.*

***Ключевые слова:** дееспособность, закон, информация, норма, право, правоспособность, правосубъектность.*

Актуальность вопроса об информационной правосубъектности обусловлена многими факторами, отметим лишь несколько. Первый, – общемировое стремление на развитие информационного общества. Практически все страны (165 из 205) участвуют в формировании рейтинга готовности к информационному обществу, который регулярно (с 2001 года), раз в два года (с 2012 года) публикует ООН. Генеральные Ассамблеи ООН систематически обращают внимание на необходимость развития информационного права. Второй, – в научном сообществе возобновился интерес к различным вопросам о правах субъектов, особенно в глобальном информационном обществе, о чем можно судить по росту количества публикаций [12, 13, 14, 15, 32].

Традиционное представление о правосубъектности (как юридическая конструкция с основными элементами правоспособность и дееспособность) уже не удовлетворяет многих современных исследователей и практиков. Ситуацию, весьма условно, можно сравнить с историческим периодом, когда исследования веществ, разделенных на философские основы (землю воду, ветер огонь и т. д.) заменили алхимия, затем химия (твёрдого тела; неорганическая; органическая; биохимия; электрохимия).

Следующий фактор обусловлен тем, что тема, при отсутствии научного подхода, начинает заполняться в социальных информационных сетях разного рода концептами [34]. Современный исследователь, полагаем, должен быть информирован о базовом, обывательском представлении по вопросу, который он изучает.

Еще один фактор, – регулирование информационной правосубъектности иностранных и трансграничных лиц. Должен ли и в какой мере субъект информационной деятельности соблюдать местные законы, если он не имеет присутствия (филиалов, представительств) на территории. Обсуждение проблемы [10], а также принятие закона [1], полагаем, – не есть окончательное решение вопроса. Некоторые

---

* Волков Юрий Викторович, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: yuriiivolkov@ua.ru

компании начали ребрендинг, чтобы уйти из-под его действия. Представляется, что решение лежит, прежде всего, в теоретической плоскости.

Методика исследования. В исторической ретроспективе рассмотрены основные взгляды на проблему. Представлены некоторые работы зарубежных авторов, которые позволяют получить дополнительные аргументы для решения вопроса информационной правосубъектности. Заложены основы для дальнейших исследований соотношения информационной и общей правосубъектности.

1. Информационная правосубъектность, есть основной предмет исследований ограниченного числа авторов, но это не снижает важности данного направления. Так, например, Ю. Г. Алексеев акцентирует внимание на актуальности вопроса: «в условиях формирующегося электронного государства <...> человек должен обладать так называемой информационной правосубъектностью» [4]. Это обуславливает значимость вопроса, но не раскрывает его сущности. А. А. Чеботарева констатирует, что «понятие «информационная правосубъектность» включает в себя понятие «информационная правоспособность» и «информационная дееспособность» [40]. Они автором рассматриваются как проявление соответствующих общих правоспособности и дееспособности.

С. Г. Чубукова неоднократно обращается к вопросу об информационной правосубъектности, сравнивая ее с правосубъектностью в гражданском праве, констатируя наполненность ее правоспособностью и дееспособностью в границах «информационной сферы», утверждая что «информационная деятельности» является признаком «информационной правосубъектности» и «сравнительно новым понятием» [41]. В связи с тем, что С. Г. Чубукова включила в предмет дальнейших исследований «субъектов цифровых прав» [42] ниже рассмотрен и этот аспект.

С традиционных позиций информационная правосубъектность (как правоспособность и дееспособность) рассмотрена в коллективной монографии под редакцией И. М. Рассолова. В представлении исследователей она «как бы разъединяется на относительно обособленные структурные элементы – правоспособность и дееспособность» [20, с. 49]. Деликтоспособность рассматривается авторами отдельно, в связи «с достижением гражданином определенного возраста» [20, с. 54]. Поскольку авторы классифицируют физических лиц в информационных отношениях «на 3 категории: а) граждане данного государства; б) иностранцы; в) лица без гражданства» [20, с. 53], представляется необходимым дополнить ее группой лиц, которые имеют два (бипатриды) и более гражданства (подданства).

Достаточно очевидно, что в информационной сфере лица имеющие два и более паспортов значительно отличаются по возможностям, правам и обязанностям от иных лиц. Это, в свою очередь, позволяет утверждать, что информационную правосубъектность таких лиц следует отличать от информационной правосубъектности других лиц. Поскольку С. Г. Чубукова включила в предмет исследований «субъектов цифровых прав, возможна постановка вопроса о соотношении информационной и цифровой правосубъектности. Последняя стала предметом изучения П. В. Самолысова, который констатировал, что она «состоит из трех составных частей: правоспособности, т.е. признаваемой законом способности лица иметь цифровые права и обязанности; дееспособности, понимаемой как способность по законодательству приобретать и осуществлять лично своими действиями цифровые права и обязанности; деликтоспособности, т.е. признаваемой законодательством способности лица отвечать за правонарушения в цифровой сфере» [33].

Далее, комментируя составные элементы цифровой правосубъектности, автор опирается на положения Гражданского кодекса РФ. Соответственно, «правосубъектность в (цифровом праве) цифровой сфере» представляет собой авторский концепт и вариант гражданской правосубъектности. Еще один автор, Г. Г. Камалого, рассматривает пограничную с информационной правосубъектность, в том числе вопросы «передачи сознания» и «наделение роботов правосубъектностью» [22, с. 37]. Это важное направление, но его разработка, как представляется, тесно связана с решением вопроса информационной правосубъектности.

1.2. Исследования зарубежных авторов по вопросу информационной правосубъектности также могут представлять интерес, поскольку позволяют представить научную рефлексию в параллельных юрисдикциях. Например, авторы из Кыргызстана Г. К. Абдувапова и Н. М. Нуркулова утверждают, что «информационная правосубъектность, которая включает информационную правоспособность и информационную дееспособность» является обязательной предпосылкой для «субъекта приобретать информационные права и обязанности и нести юридическую ответственность» [35].

Коллеги из Республики Беларусь О. В. Савицкая и Ж. Ч. Коновалова отмечают в информационных правоотношениях обязательный признак информационную правосубъектность, «которая включает информационную правоспособность и информационную дееспособность» [31, с. 10]. Вопрос информационной правосубъектности местного общего суда Украины выбран предметом исследований украинских правоведов А. И. Марущак и А. Н. Мозолевской (А. І. Марущак, О. М. Мозолевська). По мнению авторов «информационная правосубъектность может быть определена, как способность иметь информационные права и обязанности, а именно те, которые связаны с получением, созданием, распространением, уничтожением, защитой и другими действиями информации» [30].

Другой автор, А. А. Блинова (Г. О. Блінова), анализируя в числе прочих понятие «информационная правосубъектность», отмечает «фрагментарное регулирование» его в действующем законодательстве, по мнению автора она «включает в себя информационную правоспособность, информационную дееспособность и деликтоспособность» [5].

Подводя предварительный итог, необходимо отметить, что в большинстве случаев (практически во всех) информационная правосубъектность рассматривается как сущность, состоящая из информационной правоспособности и информационной дееспособности. В редких случаях к ним добавляется [информационная] деликтоспособность, содержание которой практически не раскрывается. Каких-либо принципиально новых концептов не установлено. Информационная деликтоспособность представляет собой самостоятельный объект исследований. Положительным является тот факт, что проблема выявлена. Исследователи начали разработку на основе традиционных подходов. Закрепление полученных результатов составляет содержание первого этапа исследований информационной правосубъектности.

2. Полагаем, что любое исследование правосубъектности неизбежно будет связано с теоретическими и отраслевыми (гражданско-правовыми) ее основаниями. Как отмечает Т. Я. Хабриева, правосубъектность «своими корнями уходит в цивилистику», а также «основополагающий элемент любой правовой системы и важнейшая теоретическая категория в праве» [39]. В этих «корнях» исследователь нуждается по разным причинам (методика, дополнительные направления, расширение отрасле-

вого подхода). Как понятие общей теории и гражданского права правосубъектность является предметом более полусотни диссертаций и множества статей и отдельных изданий. Постараемся выявить то, что позволит информационную правосубъектность рассматривать с разных позиций. Гражданская правосубъектность, по утверждениям авторов, присуща Российской Федерации в целом [29], бюджетным учреждениям [23], публично-правовым образованиям [26], муниципальным образованиям [21], государственных корпораций [27], унитарным предприятиям в целом [28], юридическим лицам [36], индивидуальным предпринимателям [43], а также гражданам Российской Федерации [37].

Множественность (многообразие) гражданской правосубъектности проявляются в разнообразии субъектного состава, в участниках правоотношений. Однако, практически все авторы сходятся в том, что правосубъектность обусловлена правоспособностью и дееспособностью. Это нашло отражение и в учебной литературе по гражданскому праву [17, с. 103, 118]. Тем не менее, это дает шанс рассматривать правосубъектность в информационной сфере для разных субъектов с непохожими функциями.

Доминирование цивилистического подхода в вопросе правосубъектности нашло отражение в научной литературе. Так, Н. Ф. Звенигородская отмечает, что «закон содержит легальные определения понятий только гражданской и гражданской процессуальной дееспособности, семейная дееспособность не определена» [19]. Другой автор, Е. В. Косенко, предлагает отказаться от «преимущественно цивилистического подхода» к определению правосубъектности, отмечая, что семейная правоспособность физического и юридического лиц наступает в результате разных факторов (возраста, здоровья, государственной регистрации) не связанных с имущественным положением [25].

Критические замечания последних авторов не умаляют значение цивилистики в разработке темы. Обращение к отмеченным исследованиям позволило выявить полезный методический прием, а именно, разграничение правосубъектности в зависимости от вида и функциональных признаков субъекта. Другой вывод, который следует сделать и (возможно) использовать в дальнейшем, – правосубъектность лиц функционирующих в одной сфере не всегда может быть равной.

Активно, но в значительно меньших масштабах ведется разработка вопросов правосубъектности в отраслевых направлениях юриспруденции. Так, например, Т. В. Твердова отмечает, что правосубъектность образовательных учреждений по своей сути и строению не выходит за рамки понимания сущности правосубъектности в целом, однако парадокс в том, что они созданы для образовательных целей, а не для извлечения прибыли [38, с. 13]. Д. В. Винницкий, рассматривая вопрос налоговой правосубъектности, наряду с традиционными выводами отмечает способность организации быть самостоятельным субъектом, и, на что следует обратить внимание, «иметь и осуществлять субъективные налоговые права и обязанности» [9]. Э. Н. Бондаренко, отмечая, что «трудовая правоспособность (трудовая правосубъектность) определяется как фактическая способность к труду» [6], фактически наталкивает на мысль о том, что способность к труду может составлять специфический признак правосубъектности.

По аналогии информационная правосубъектность должна быть обусловлена фактической способностью обрабатывать информацию. Будет ли это частью дееспособности или это иное качество, это предстоит исследовать. Оригинальным можно считать взгляд на правосубъектность Б. З. Готова. Необходимость объемного цити-

рования обусловлена в данном случае потребностью передать авторский концепт без утраты смысла: «Правосубъектность есть абстрактное понятие, парное конкретное к которому является понятие субъекта права. <...> Она является формальной частью субъекта права, его сущностью и сводится к природе субъекта, как к своему началу» [16]. Не со всем можно согласиться, особенно с «частью субъекта» и «абстрактное парное». Но правосубъектность, как набор общих и специальных элементов, как состояние может быть принято и использовано для дальнейших разработок [модели] информационной правосубъектности.

Советский период юриспруденции примечателен множеством работ, в том числе и по проблеме правосубъектности (в первую очередь гражданско-правовой). В этом контексте не случайно ежегодно проводятся научные чтения памяти профессора С. Н. Братуся. Он рассмотрел понятия «правосубъектность человека» [7, с. 41] и, в большей степени, правосубъектность юридического лица [7, с. 46, 51] прежде всего, с позиции классового подхода. В остальной части автор придерживался традиционных для своего времени подходов определяя правосубъектность на основе компонентов правоспособность и дееспособность.

Аналогичных позиций придерживались О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, отмечавшие, что «гражданская правосубъектность, как и всякая правосубъектность вообще, включает в себя способность как обладания правами и обязанностями, так и их осуществления» [11, с. 211]. Латвийский правовед советского периода Я. Р. Веберс правосубъектность (правовой статус) граждан в советском гражданском и семейном связывал в первую очередь с правоспособностью, которой давал множество определений, например: «реальная юридическая возможность граждан»; «способность иметь права и обязанности»; «суть качество или свойство лица»; «юридическая возможность иметь права и обязанности» [8].

Представитель советской белорусской теоретико-правовой школы, А.М. Абрамович, придерживаясь традиционных взглядов на правосубъектность, больше других авторов уделял вопросам свободы печати (которые в настоящее время относятся многими к информационным правам). Он дифференцировал «конкретные правоотношения» и «конституционные права и обязанности, содержание и объем которых у всех граждан одинаковы» [2, с. 7]. Выбранные работы являются своего рода функциональными точками, которые позволяют утверждать, что выделить работы советского периода, относимые к современной проблематике информационной правосубъектности, весьма проблематично, практически невозможно.

Обращение к периоду середины XIX – начала XX века является очередной попыткой выявить элементы правосубъектности сравнимые с современным представлением об информационной правосубъектности. Г. А. Жолобова обратившись к вопросам ограничения прав российских евреев во второй половине XIX – начале XX века, установила ряд особенностей в ограничении правоспособности применительно к различным группам еврейского населения России обусловленных отсутствием подданства и национальностью [18].

В начале XX века Н. Н. Алексеев отмечал, что «субъектом права может быть и неродившийся человек, зародыш в утробе матери <...> правоспособность везде одна» [3, с. 139–140]. Следует ли из этого, что информационная правосубъектность «везде одна». Очевидно, «зародыш в утробе матери» не имеет равной с матерью информационной правосубъектности. Отмеченное не умаляет значение работ Н. Н. Алексеева, вероятно, информационная правосубъектность несколько иная.

Субъект информационных отношений может обладать правоспособностью (наличием определенных прав и обязанностей), но быть лишен дееспособности. При отсутствии у субъекта права дееспособности его может заменить другое лицо, обладающее дееспособностью. Это общий концепт, но как он отработает в информационной сфере. Наличие дееспособного информационного представителя вовсе не означает, что субъект стал полноправным участником информационных отношений. Участником информационных правоотношений он стал через своего представителя. Но дело в том, что информация не вещь, которую можно принять и передать в неизменном виде подопечному.

На информационную правосубъектность влияют: физические свойства личности; состояние здоровья; социальные; культурные; моральные и многие другие. Соотношение перечисленных (и многих пропущенных) свойств и качеств должны стать предметом дальнейшего, не общего, а детального анализа информационной правосубъектности. Дополняя перечень аргументов изложенной позиции, рассмотрим несколько работ начала XX века. М. М. Ковалевский рассматривая вопрос о личных правах (свобода совести [24, с. 10]; право петиций "челобитий"; право митингов и петиций) отметил, что «основу личных прав составляет судебная ответственность, ответственность как частного лица, так и чиновника, ответственность всех и каждого, от мала до велика, кто с добрыми бы даже намерениями превысил предоставленные ему законом правомочия» [24, с. 11–12, 30].

Таким образом, в переложении на современный язык, основой информационной правосубъектности является общая дееспособность. А для дальнейших разработок следует выделить и учитывать несколько методических моментов: соотношение правового статуса отдельных субъектов в рамках отдельной юрисдикции; основной способ защиты прав личности (наличие / отсутствие специальных судов для отдельных категорий); сумма прав личности и наличие отдельных элементов. Пополняя инструментарий дальнейших исследований, отметим несколько работ, которые практически забыты, не цитируются.

В 1913 году У. Н. Хофилд (Wesley Hohfeld) отметил, что традиционные корреляты право и обязанность не всегда работают в правоотношениях. Для обозначения «права» лучше, в некоторых случаях, использовать его синоним, – «претензия» (вариант – «притязание»). С другой стороны противоположностью (антиподом) «права» более точно будет «бесправие», а не «обязанность» [44]. Он же позднее составил две таблицы (матрицы) соотношений терминов: 1) оппозиционные (право-бесправие; привилегии-обязанности), 2) корреляционные (права-обязанности; привилегии-бесправие) [45]. В таблицы вошли и другие пары терминов. Содержание правоотношения автором не ограничено правами и обязанностями. Следует признать, что данный способ напрямую, без адаптации не ведет к решению проблемы информационной правосубъектности. Однако, его вполне возможно применить при анализе информационных правоотношений в качестве альтернативного. А развитие теории информационных правоотношений будет способствовать решению проблемы информационной правосубъектности.

Выводы. Информационная правосубъектность может быть представлено традиционно, как совокупность информационной правоспособности и информационной дееспособности. В другом варианте, информационная правосубъектность – это совокупность информационной правоспособности, информационной дееспособности и информационной деликтоспособности. Информационная правосубъектность

может быть также представлена как форма общей правосубъектности в информационной сфере. Информационная правосубъектность (для личности) также может быть представлена, как совокупность прав искать, получать, производить, передавать и распространять информацию, с одной стороны, способностью самостоятельно реализовывать перечисленные информационные правомочия, а также способностью нести санкционное бремя в случае нарушения, предусмотренного законом. Это вариант полной информационной правосубъектности. В тоже время, допустимо существование вариантов частичной информационной правосубъектности (в том числе для юридических лиц), что обусловлено наличием правовых ограничений.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010014](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010014) (Дата обращения 19.10.2021.).
2. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина / А. М. Абрамович; под ред. В. И. Шабайлова. – Минск: Наука и техника, 1988. – 91 с.
3. *Алексеев Н. Н.* Общее учение о праве. – Симферополь, 1919. – С. 139–140.
4. *Алексеев Ю. Г.* Проблемные аспекты обеспечения прав человека в условиях развития информационных технологий / Материалы четырнадцатой международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2016. – Ч. 2. – С. 286–287.
5. *Блінова Г. О.* Органи публічної адміністрації як суб'єкти інформаційних відносин // Вісник ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка. – 2018. – Вип. 1 (81). – С. 144–151.
6. *Бондаренко Э. Н.* Трудовая правоспособность, дееспособность и юридические факты // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 61–69.
7. *Братусь, С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве: Понятие, виды, государственные юридические лица / С. Н. Братусь; Всесоюзный институт юридических наук Минюста СССР. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. – 364 с.
8. *Веберс Я. Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. – Рига, 1976. – С. 43; 47; 48; 54.
9. *Винницкий Д. В.* Налоговая правосубъектность организации // Журнал российского права. – 2001. – № 10. – С. 43–48.
10. *Володин В.* IT-компаниям нечего сказать против нового законопроекта о «приземлении» // Государственная Дума. 22.05.2021, 10:54 //URL: <http://www.duma.gov.ru/news/51557/> (Дата обращения 19.10.2021.)
11. Вопросы теории права / Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. – М., 1961. – 381 с.
12. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9–26.
13. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019. – С. 43–50.
14. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
15. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
16. *Готов Б. З.* Гражданская правосубъектность физических лиц // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 50-6. – С. 19–21.

17. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. – Т. 1. – М.: Статут, 2016. – С. 103; 118.
18. *Жолобова Г. А.* Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX – начале XX века // Известия вузов. – Правоведение. – 2004. – № 2. – С. 189–203.
19. *Звенигородская Н. Ф.* Проблема семейной дееспособности // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2011. – Выпуск 2(12). – С. 111–124.
20. Информационные правоотношения: теоретические аспекты: коллективная монография / под ред. И. М. Рассолова. – М., 2017. – 208 с.
21. *Камалов О. А.* Гражданская правосубъектность муниципальных образований: автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – Екатеринбург, 2001. – 28 с.
22. *Камалога Г. Г.* Вопросы правосубъектности роботов и систем искусственного интеллекта // Информационное право. – 2019. – № 2. – С. 35–39.
23. *Клещев С. Е.* Гражданская правосубъектность бюджетных учреждений : автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – Курск, 2012. – 24 с.
24. *Ковалевский М. М.* Учение о личных правах. – М., 1905. – С. 10; 11; 12; 30.
25. *Косенко Е. В.* Отраслевое определение правоспособности и дееспособности в семейном праве // Ученые записки Казанского университета. – Гуманитарные науки. – 2015. – Том 157. – Кн. 6. – С. 191–204.
26. *Крылова Е. Б.* Гражданская правосубъектность публично-правовых образований в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2011. – 28 с.
27. *Кузьминов А. А.* Гражданская правосубъектность государственных корпораций : автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2009. – 23 с.
28. *Куликова И. К.* Гражданская правосубъектность унитарных предприятий : автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – СПб., 2007. – 21 с.
29. *Левчук А. С.* Гражданская правосубъектность Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2006. – 32 с.
30. *Марущак А.І., Мозолевська О.М.* Проблема інформаційної правосуб'єктності (на прикладі місцевих загальних судів та їх суддів) // Правова інформатика. – 2012. – № 3 (35). – С. 38–45.
31. Правовое обеспечение информационной деятельности / О. В. Савицкая, Ж.Ч. Коновалова. – Гомель: БТЭУ, 2012. – 260 с.
32. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. – М., 2017. – 434 с.
33. *Самолысов П. В.* Человек как субъект цифрового права / Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 июля 2019 г. – Белгород, 2019. – С. 106–109.
34. Содержание информационной правосубъектности: информационная правоспособность и информационная дееспособность //URL: [https:// center-yf.ru/data/Yuristu/subekty-informacionnogo-prava.php](https://center-yf.ru/data/Yuristu/subekty-informacionnogo-prava.php) (Дата обращения 20.05.2021).
35. Субъекты и источники информационного права / Г. К. Абдувапова, Н. М. Нуркулова // Известия вузов Кыргызстана. – 2017. – № 12. – С. 95–96.
36. *Слугин А. А.* Гражданская правосубъектность юридических лиц: автореф. дисс. ... канд. юрид.наук. – Краснодар, 2003. – 28 с.
37. *Скоробогатова В. В.* Правосубъектность граждан в российском гражданском праве: автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.
38. *Твердова Т. В.* Правосубъектность образовательного учреждения по гражданскому праву Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 23 с.
39. *Хабриева Т.Я.* Введение / Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. – М., 2017. – С. 21–28.

40. Чеботарева А. А. Специфика информационных правоотношений на современном этапе развития информационного общества // Вестник Академии права и управления. – 2015. – № 1 (38). – С. 37–42.
41. Чубукова С. Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация // Информационное право. – 2019. – № 3. – С. 24–28.
42. Чубукова С. Г. Цифровая трансформация системы субъектов информационного права // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 74–81.
43. Якунина В. В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения: автореф. дисс. ... кандидат. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 27 с.
44. Hohfeld W. N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // The Yale Law Journal, Nov., 1913, Vol. 23, No. 1, pp. 16–59.
45. Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // The Yale Law Journal, Jun., 1917, Vol. 26, No. 8, pp. 710–770.

Для цитирования: Волков Ю.В. Информационная правосубъектность: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 80–88.
DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.007

Yuri V. Volkov*

INFORMATION LEGAL OBJECTIVITY

Abstract. *The article discusses the main approaches to solving the problem of information legal personality. In the paper an analysis of the main opinions on the problem was carried out. Various approaches to the concept of legal personality in the information sphere are highlighted and considered, a comparative analysis is carried out. In the course of the study, dialectical, formal-legal, comparative methods were used. The basic level of ideas about informational legal personality is stated. The result of the research can be used for further research and in the educational process for optional courses or student scientific circles.*

Key words: *act, information, law, legal capacity, legal personality, norms.*

The relevance of the issue of informational legal personality is due to many factors, we will note only a few. The first is the worldwide aspiration for the development of the information society. Almost all countries (165 out of 205) participate in the formation of the information society readiness rating, which the UN publishes regularly (since 2001), every two years (since 2012). The UN General Assemblies systematically draw attention to the need to develop information law. Second, there has been renewed interest in the scientific community in various issues of subjects' rights, especially in the global information society, which can be judged by the growth in the number of publications [12, 13, 14, 15, 32].

The traditional concept of legal personality (as a legal structure with the basic elements of legal capacity and legal capacity) no longer satisfies many modern researchers and practitioners. The situation, very conditionally, can be compared with the historical period when the research of substances divided into philosophical foundations (earth, water, wind, fire, etc.) was replaced by alchemy, then chemistry (solid state; inorganic; organic; biochemistry; electrochemistry).

---

* Volkov Yuri V., Associate Professor of the Department of Information Law, Associate Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: yuriiivolkov@ya.ru

The next factor is due to the fact that the topic, in the absence of a scientific approach, begins to be filled in social information networks with various kinds of concepts [34]. A modern researcher, we believe, should be informed about the basic, philistine understanding of the issue that he is studying.

Another factor is the regulation of information legal personality of foreign and cross-border persons. Whether and to what extent the subject of information activities should comply with local laws if he does not have a presence (branches, representative offices) in the territory. Discussion of the problem [10], as well as the adoption of the law [1], we believe, is not a final solution to the issue. Some companies have started rebranding to get out of it. It seems that the solution lies primarily in the theoretical plane.

Research methodology. In a historical retrospective, the main views on the problem are considered. Some works of foreign authors are presented, which allow obtaining additional arguments for solving the issue of informational legal personality. The foundations have been laid for further research on the relationship between information and general legal personality.

1. Informational legal personality is the main subject of research for a limited number of authors, but this does not diminish the importance of this area. So, for example, Yu. G. Alekseev focuses on the relevance of the issue: "in the conditions of the emerging electronic state <...> a person must have the so-called information legal personality" [4]. This determines the significance of the issue, but does not reveal its essence. A. A. Chebotareva states that "the concept of" information legal personality "includes the concept of" information legal capacity "and" information capacity "[40]. They are considered by the author as a manifestation of the corresponding general legal capacity and legal capacity.

S. G. Chubukova repeatedly refers to the issue of information legal personality, comparing it with legal personality in civil law, stating the fullness of her legal capacity and legal capacity within the boundaries of the "information sphere", arguing that "information activity" is a sign of "information legal personality" and "relatively new concept" [41]. Due to the fact that S. G. Chubukova included "subjects of digital rights" in the subject of further research [42], this aspect is also considered below.

From the traditional standpoint, informational legal personality (as legal capacity and legal capacity) is considered in a collective monograph edited by I.M.Rassolov. In the minds of researchers, it "seems to be divided into relatively isolated structural elements – legal capacity and legal capacity" [20, p. 49]. The authors consider suspiciousness separately, in connection with the "achievement of a citizen of a certain age" [20, p. 54]. Since the authors classify individuals in information relations "into 3 categories: a) citizens of a given state; b) foreigners; c) stateless persons" [20, p. 53], it seems necessary to supplement it with a group of persons who have two (bipatrides) or more citizenship (nationality).

It is quite obvious that in the information sphere, persons with two or more passports differ significantly in their capabilities, rights and obligations from other persons. This, in turn, allows us to assert that the informational legal personality of such persons should be distinguished from the informational legal personality of other persons. Since S.G. Chubukova included "subjects of digital rights" into the subject of her research, it is possible to raise the question of the relationship between information and digital legal personality. The latter became the subject of study by P. V. Samolysov, who stated that it "consists of three components: legal capacity, i.e. the legally recognized ability of a person to have digital rights and obligations; legal capacity, understood as the ability under the law to acquire and personally exercise digital rights and obligations by their actions; delin-

quency, i.e. the legally recognized ability of a person to answer for offenses in the digital sphere" [33].

Further, commenting on the constituent elements of digital legal personality, the author relies on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. Accordingly, "legal personality in (digital law) the digital sphere" is the author's concept and a variant of civil legal personality. Another author, G.G. Kamaloga, examines legal personality bordering on information, including the issues of "transfer of consciousness" and "endowing robots with legal personality" [22, p. 37]. This is an important area, but its development seems to be closely related to the solution of the issue of informational legal personality.

1.2. Studies by foreign authors on the issue of informational legal personality may also be of interest, since they allow one to present scientific reflection in parallel jurisdictions. For example, authors from Kyrgyzstan G.K. Abdurapova and N.M. Nurkulova argue that "informational legal personality, which includes informational legal capacity and informational capacity" is a prerequisite for "a subject to acquire informational rights and obligations and bear legal responsibility" [35].

Colleagues from the Republic of Belarus O.V. Savitskaya and Zh. Ch. Konovalova note in information legal relations an obligatory sign of information legal personality, "which includes information legal capacity and information capacity" [31, p. 10]. The issue of informational legal personality of the local general court of Ukraine has been chosen as the subject of research by Ukrainian jurists A. I. Marushchak and A. N. Mozolevska. According to the authors, "information legal personality can be defined as the ability to have information rights and obligations, namely those related to the receipt, creation, distribution, destruction, protection and other actions of information" [30].

Another author, A. A. Blinova (G. O. Blinova), analyzing, among others, the concept of "information legal personality", notes its "fragmentary regulation" in the current legislation, according to the author, it "includes information legal capacity, information capacity and delicacy" [5].

Summing up the preliminary result, it should be noted that in most cases (almost all) informational legal personality is considered as an entity consisting of informational legal capacity and informational capacity. In rare cases, they are supplemented with [informational] delinquency, the content of which is practically not disclosed. No fundamentally new concepts have been established. Information sensitivity is an independent object of research. On the positive side, the problem has been identified. Researchers began development based on traditional approaches. The consolidation of the results obtained is the content of the first stage of research on informational legal personality.

2. We believe that any study of legal personality will inevitably be associated with its theoretical and sectoral (civil) foundations. As T. Ya. Khabrieva notes, legal personality "has its roots in civil law", as well as "a fundamental element of any legal system and the most important theoretical category in law" [39]. The researcher needs these "roots" for various reasons (methodology, additional directions, expansion of the sectoral approach). As a concept of general theory and civil law, legal personality is the subject of more than fifty dissertations and many articles and individual publications. We will try to identify what will allow the informational legal personality to be considered from different positions. Civil personality, according to the authors, is inherent in the Russian Federation as a whole [29], budgetary institutions [23], public law formations [26], municipalities [21], state corporations [27], unitary enterprises in general [28], legal entities [36], individual entrepreneurs [43], as well as citizens of the Russian Federation [37].

Theory of State and Law

The plurality (diversity) of civil legal personality is manifested in the diversity of the subject composition, in the participants in legal relations. However, almost all authors agree that legal personality is due to legal capacity and legal capacity. This is reflected in the educational literature on civil law [17, p. 103, 118]. Nevertheless, this gives a chance to consider legal personality in the information sphere for different subjects with dissimilar functions.

The dominance of the civilistic approach in the issue of legal personality is reflected in the scientific literature. So, N.F. Zvenigorodskaya notes that "the law contains legal definitions of the concepts of only civil and civil procedural capacity, family capacity is not defined" [19]. Another author, E. V. Kosenko, proposes to abandon the "predominantly civilistic approach" to the definition of legal personality, noting that the family legal capacity of individuals and legal entities occurs as a result of various factors (age, health, state registration) not related to property status [25].

The critical remarks of the last authors do not detract from the importance of civil law in the development of the topic. Turning to the noted studies made it possible to identify a useful methodological technique, namely, the differentiation of legal personality depending on the type and functional characteristics of the subject. Another conclusion that should be drawn and (possibly) used in the future is that the legal personality of persons operating in one area may not always be equal.

Actively, but on a much smaller scale, the development of issues of legal personality in the sectoral areas of jurisprudence is underway. So, for example, T. V. Tverdova notes that the legal personality of educational institutions in their essence and structure does not go beyond understanding the essence of legal personality in general, but the paradox is that they are created for educational purposes, and not for profit [38, with. 13]. D.V. Vinnitsky, considering the issue of tax legal personality, along with traditional conclusions, notes the organization's ability to be an independent entity, and, what should be paid attention to, "to have and exercise subjective tax rights and obligations" [9]. E. N. Bondarenko, noting that "labor legal capacity (labor legal personality) is defined as the actual ability to work" [6], actually suggests that the ability to work can be a specific sign of legal personality.

By analogy, informational legal personality should be conditioned by the actual ability to process information. Whether this will be part of the legal capacity or whether it is a different quality, this remains to be investigated. The view on legal personality of BZ Gotov can be considered original. The need for a voluminous citation in this case is due to the need to convey the author's concept without losing meaning: "Legal personality is an abstract concept, paired with the concrete to which is the concept of the subject of law. <...> It is the formal part of the subject of law, its essence and is reduced to the nature of the subject, as to its beginning" [16]. Not everything can be agreed, especially with the "part of the subject" and the "abstract pair". But legal personality, as a set of general and special elements, as a state, can be accepted and used for further development [model] of information legal personality.

The Soviet period of jurisprudence is notable for its many works, including on the problem of legal personality (primarily civil law). In this context, it is no coincidence that scientific readings in memory of Professor S.N. Bratus are held annually. He considered the concept of "legal personality of a person" [7, p. 41] and, to a greater extent, the legal personality of a legal entity [7, p. 46, 51], primarily from the position of the class approach. In the rest of the article, the author adhered to the traditional approaches for his time, defining legal personality on the basis of the components of legal capacity and legal capacity.

O.S. Ioffe and M.D. Shargorodsky adhered to similar positions, noting that "civil personality, like any legal personality in general, includes the ability to both possess rights and obligations and exercise them" [11, p. 211]. The Latvian jurist of the Soviet period J.R. Vebers associated the legal personality (legal status) of citizens in the Soviet civil and family life primarily with legal capacity, which he gave many definitions, for example: "the real legal possibility of citizens"; "The ability to have rights and responsibilities"; "The essence of a quality or property of a person"; "The legal ability to have rights and obligations" [8].

Representative of the Soviet Belarusian legal theory school, A.M. Abramovich, adhering to the traditional views on legal personality, more than other authors devoted to the issues of freedom of the press (which are now referred to by many as information rights). He differentiated "specific legal relations" and "constitutional rights and obligations, the content and scope of which are the same for all citizens" [2, p. 7]. The selected works are a kind of functional points that make it possible to assert that it is very problematic, almost impossible to single out the works of the Soviet period, attributed to the modern problems of information legal personality.

An appeal to the period of the middle of the XIX – beginning of the XX century is another attempt to identify the elements of legal personality comparable to the modern concept of information legal personality. G.A. Zholobova, referring to the issues of limiting the rights of Russian Jews in the second half of the XIX – early XX century, established a number of features in the limitation of legal capacity in relation to various groups of the Jewish population of Russia due to the lack of citizenship and nationality [18].

At the beginning of the 20th century, N.N. Alekseev noted that "the subject of law can also be an unborn person, an embryo in the womb <...> legal capacity is the same everywhere" [3, p. 139–140]. Does it follow from this that informational legal personality is "the same everywhere"? Obviously, the "embryo in the womb" has no informational legal personality equal to that of the mother. The above does not diminish the importance of N.N. Alekseev's works; it is likely that the informational legal personality is somewhat different.

The subject of information relations may have legal capacity (the presence of certain rights and obligations), but be deprived of legal capacity. If the subject has no legal capacity, he can be replaced by another person with legal capacity. This is a general concept, but how it will work in the information field. The presence of a capable information representative does not at all mean that the subject has become a full-fledged participant in information relations. He became a participant in information legal relations through his representative. But the fact is that information is not a thing that can be accepted and transmitted unchanged to the ward.

Informational legal personality is influenced by: physical properties of a person; health status; social; cultural; moral and many others. The ratio of the listed (and many missing) properties and qualities should become the subject of further, not general, but detailed analysis of informational legal personality. Complementing the list of arguments for the stated position, let us consider several works of the early twentieth century. M. M. Kovalevsky, considering the issue of personal rights (freedom of conscience [24, p. 10]; the right to petitions, petitions; the right to rallies and petitions) noted that "the basis of personal rights is judicial responsibility, responsibility of both a private person and an official, the responsibility of everyone and everyone, from small to large, who, with good intentions, even exceeded the powers granted to him by law" [24, p. 11–12, 30].

Thus, translated into modern language, the basis of informational legal personality is general legal capacity. And for further development, several methodological points should

be highlighted and taken into account: the ratio of the legal status of individual entities within a particular jurisdiction; the main way to protect individual rights (presence / absence of special courts for certain categories); the sum of individual rights and the presence of individual elements. Replenishing the toolkit for further research, we note several works that are practically forgotten, not cited.

In 1913, Wesley Hohfeld noted that the traditional correlates of right and duty do not always work in legal relationships. To denote "right" it is better, in some cases, to use its synonym - "claim" (option - "claim"). On the other hand, the opposite (antipode) of "right" will more accurately be "lack of rights", and not "duty" [44]. He later compiled two tables (matrices) of term relationships: 1) oppositional (right-lawlessness; privileges-duties), 2) correlation (rights-duties; privileges-lawlessness) [45]. The tables also include other pairs of terms. The content of the legal relationship by the author is not limited by rights and obligations. It should be recognized that this method directly, without adaptation, does not lead to a solution to the problem of informational legal personality. However, it is quite possible to apply it in the analysis of information legal relations as an alternative. And the development of the theory of information legal relations will contribute to solving the problem of information legal personality.

Conclusions. Informational legal personality can be presented traditionally as a combination of informational legal capacity and informational capacity. In another version, informational legal personality is a combination of informational legal capacity, informational capacity and informational delinquency. Informational legal personality can also be presented as a form of general legal personality in the information sphere. Information legal personality (for a person) can also be represented as a set of rights to seek, receive, produce, transmit and distribute information, on the one hand, the ability to independently exercise the listed information powers, as well as the ability to bear the sanction burden in the event of a violation provided for by law. This is a variant of full informational legal personality. At the same time, the existence of options for partial informational legal personality (including for legal entities) is permissible, due to the presence of legal restrictions.

Bibliographic list

1. Federal Law of 01.07.2021 No. 236-FZ "On the Activities of Foreign Persons in the Information and Telecommunication Network" Internet "on the Territory of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information // URL: [http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010014](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010014) (Date of treatment 10/19/2021.).
2. Abramovich A. M. Legal status of a Soviet citizen / A. M. Abramovich; ed. V. I. Shabailova. Minsk: Science and technology, 1988. 91 p.
3. Alekseev N.N. General doctrine of law. Simferopol, 1919. P. 139–140.
4. Alekseev Yu. G. Problematic aspects of ensuring human rights in the context of the development of information technology / Materials of the fourteenth international scientific and practical conference. Barnaul, 2016. Part 2. P. 286–287.
5. Blinova GO Public administration bodies as subjects of information relations // Visnyk LDUVS im. E.O. Didorenko. 2018. Vip. 1 (81). P. 144–151.
6. Bondarenko E. N. Labor legal capacity, legal capacity and legal facts // Journal of Russian law. 2003. No. 1. P. 61–69.
7. Bratus, S.N. Legal entities in Soviet civil law: Concept, types, state legal entities / SN Bratus; All-Union Institute of Legal Sciences of the USSR Ministry of Justice. Moscow: Yurid. publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 1947. 364 p.

8. Vebers Ya. R. Legal personality of citizens in Soviet civil and family law. Riga, 1976. P. 43; 47; 48; 54.
9. Vinnitskiy DV Tax legal personality of the organization // Journal of Russian law. 2001. No. 10. P. 43–48.
10. Volodin V. IT-companies have nothing to say against the new draft law on "landing" // State Duma. 05/22/2021, 10:54 // URL: <http://www.duma.gov.ru/news/51557/> (Date of treatment 10/19/2021.)
11. Questions of the theory of law / Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Moscow, 1961. 381 p.
12. Vorobiev S.M., Komarov S.A. The influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in conditions of information dependence: theoretical and legal aspects: article // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 9–26.
13. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Cybernetic (informational) civilization: problem statement: article // In collection: All-Russian scientific-practical conference "The problem of municipalities in the context of legal social science" (Ufa, November 14, 2019) // Ed. ed. F. M. Ryanov. Ufa, 2019. P. 43–50.
14. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Risks in an information civilization: theoretical and legal comprehension: article // Theory of state and law. 2019. No. 3. P. 20–36.
15. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37.
16. Ready B.Z. Civil legal personality of individuals // Trends in the development of science and education. 2019. No. 50-6. P. 19–21.
17. Civil law: Textbook. In 2 volumes / Ed. B. M. Gongalo. T. 1. Moscow: Statut, 2016. P. 103; 118.
18. Zholobova G.A. Commercial legal capacity of Jews in Russia in the second half of the XIX – early XX century // Izvestiya vuzov. Jurisprudence. 2004. No. 2. P. 189–203.
19. Zvenigorodskaya N.F. The problem of family capacity // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2011. Issue 2 (12). P. 111–124.
20. Information legal relations: theoretical aspects: collective monograph / ed. I. M. Rassolova. Moscow, 2017. 208 p.
21. Kamalov O.A. Civil legal personality of municipalities: abstract of thesis. ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2001. 28 p.
22. Kamaloga G.G. Questions of legal personality of robots and artificial intelligence systems // Information law. 2019. No. 2. P. 35–39.
23. Kleshev S.E. Civil legal personality of budgetary institutions: abstract of thesis. ... candidate of legal sciences. Kursk, 2012. 24 p.
24. Kovalevsky M.M. The doctrine of personal rights. Moscow, 1905. P. 10; 11; 12; 30.
25. Kosenko E.V. Industry-specific definition of legal capacity and capacity in family law // Scientific notes of Kazan University. Humanitarian sciences. 2015. Volume 157. Book. 6. P. 191–204.
26. Krylova E.B. Civil legal personality of public-law formations in the Russian Federation: author. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2011. 28 p.
27. Kuzminov A. A. Civil legal personality of state corporations: author. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2009. 23 p.
28. Kulikova IK Civil legal personality of unitary enterprises: author. diss. ... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2007. 21 p.
29. Levchuk A. S. Civil legal personality of the Russian Federation: abstract of thesis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2006. 32 p.
30. Marushchak A.I., Mozolevskaya O.M. The problem of information legal personality (on the example of local general courts and their judges) // Legal Informatics. 2012. No. 3 (35). P. 38–45.
31. Legal support of information activities / OV Savitskaya, Zh.Ch. Konovalov. Gomel: BTEU, 2012. 260 p.

32. Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: a collection of materials for the XII Annual Scientific Readings in memory of Professor SN Bratus. Moscow, 2017. 434 p.

33. Samolysov P. V. Man as a subject of digital law / Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on July 31, 2019 Belgorod, 2019. Pp. 106–109.

34. The content of information legal personality: information legal capacity and information capacity // URL: <https://center-yf.ru/data/Yuristu/subekty-informacionnogo-prava.php> (Date of treatment 05/20/2021).

35. Subjects and sources of information law / G. K. Abduvapova, N. M. Nurkulova // *Izvestia of the universities of Kyrgyzstan*. 2017. No. 12. S. 95–96.

36. Slugin A. A. Civil legal personality of legal entities: author. diss. ... candidate of legal sciences. Krasnodar, 2003. 28 p.

37. Skorobogatova V. V. Legal personality of citizens in the Russian civil law: author. diss. ... candidate of legal sciences. Yekaterinburg, 2010. 26 p.

38. Tverdova TV Legal personality of an educational institution in civil law of the Russian Federation: author. diss. ... candid. jurid. sciences. Moscow, 2003. 23 p.

39. Khabrieva T.Ya. Introduction / Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: a collection of materials for the XII Annual Scientific Readings in memory of Professor SN Bratus. Moscow, 2017. P. 21–28.

40. Chebotareva A. A. Specificity of information legal relations at the present stage of development of the information society // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2015. No. 1 (38). P. 37–42.

41. Chubukova S. G. Information legal personality: digital transformation // *Information law*. 2019. No. 3. P. 24–28.

42. Chubukova S. G. Digital transformation of the system of subjects of information law // *Bulletin of the University. O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy)*. 2019. No. 2. P. 74–81.

43. Yakunina V. V. Civil legal personality of an individual entrepreneur: problems of origin and termination: author. diss. ... candid. jurid. sciences. Krasnodar, 2009. 27 p.

44. Hohfeld W. N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // *The Yale Law Journal*, Nov., 1913, Vol. 23, No. 1, pp. 16–59.

45. Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // *The Yale Law Journal*, Jun., 1917, Vol. 26, No. 8, pp. 710–770.

For citation: Volkov Yuri V. Problems of excessive lawmaking in the Russian Federation // *Theory of State and Law*. 2021. No. 4 (25). P. 88–95.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.007

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.008

Ф.Х. Галиев*

А.Х. Султанов**

ТЕОРИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Аннотация. Как известно, в современных условиях в большинстве государств законодательно предусмотрены меры обособления органов одной власти от другой, с той целью, чтобы она ограничивалась собственной компетенцией и, в конечном счете, не допустить нарушений полномочий каждого органа в отдельности. Однако, следует учитывать, что соотношение между полномочиями органов всех ветвей государственной власти определяется в конституции в строгом соответствии с господствующим пониманием в данном государстве сущности демократии и народоправства.

В литературе также принято ссылаться на американский парламентаризм, который в течение двух столетий развивается в условиях двухпартийной системы. В Соединенных Штатах Америки подобный механизм способствует тому, что демократам и республиканцам с определенной степенью частоты удается попеременно сменять друг друга. В этом отношении картина политической борьбы между партией, преобладающей в конгрессе, и главой государства, представляющим противоположную силу, содержит черты, которые в крайне невыгодном свете отражают особенности американской политической жизни. Достаточно вспомнить ожесточенные схватки между Президентом США Дональдом Трампом (республиканцем) и палатой представителей Конгресса, где преобладали демократы. В столь ожесточенной борьбе дело доходило до процедуры импичмента, вершиной же подобного противостояния стало то, что больше месяца американцы не могли получить официальные результаты итогов выборов нового главы государства.

Авторы статьи делают вывод о том, что следует стремиться к тому, чтобы в представительном учреждении депутаты различных политических партий постоянно взаимодействовали, а не противостояли друг другу. Подобный подход будет способствовать реализации всех законодательно закрепленных функций парламента. В этом нам видится один из главных инструментов, который позволит преодолеть парадокс XX века, когда теория разделения властей на практике подчас приобретала центробежный характер.

Ключевые слова: разделение властей, представительное учреждение, парламент, депутаты.

Своим происхождением одного из общепринятых в современной литературе положений, согласно которому разделение властей является способом ограничения личности от произвола государства, мы обязаны английскому философу Дж. Локку. Исходя из его концепции, необходимо признать законодательной ту власть, «кото-

---

* Галиев Фарит Хатипович, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета», доктор юридических наук, доцент. E-mail: galievfarkhat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4849-4367>

** Султанов Ахсан Харисович, преподаватель Уфимского колледжа статистики, информатики и вычислительной техники, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: harisovich58@mail.ru

рая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов», исполнительной – власть, непрерывно исполняющую создаваемые «однократно и в короткое время», но обладающие «постоянной и устойчивой силой» законы [1, с. 83–84].

Общепринятой также считается констатация в научной литературе тезиса о том, что более подробная разработка идеи разделения властей принадлежит непосредственно Ш. Л. Монтескье.

В своем трактате «О духе законов» Шарль Монтескье подчеркивает, что «необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга». Подобное взаимное сдерживание властей – необходимое условие их правомерного и согласованного функционирования в законно очерченных границах. «Казалось бы, – пишет он, – эти три власти должны прийти в состояние покоя и бездействия. Но так как необходимое течение вещей заставит их действовать, то они будут вынуждены действовать согласованно» [2].

Подобное разделение и взаимное сдерживание властей должны, согласно Монтескье, стать главным условием для обеспечения политической свободы в ее отношениях к государственному устройству. «Если, – подчеркивает он, – власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц» [2].

Как известно, в современных условиях в большинстве государств законодательно предусмотрены меры обособления органов одной власти от другой, с той целью, чтобы она ограничивалась собственной компетенцией и, в конечном счете, не допустить нарушений полномочий каждого органа в отдельности. Однако, следует, на наш взгляд, учитывать, что соотношение между полномочиями органов всех ветвей государственной власти определяется в конституции в строгом соответствии с господствующим пониманием в данном государстве сущности демократии и народоправства.

Как известно, гарантией против концентрации власти в руках одной из ветвей является создание системы сдержек и противовесов. Впервые данная модель была апробирована в Конституции США 1787 г. С течением времени в каждой отдельном (случае) государстве возникало свое видение данной модели взаимоотношений между различными ветвями власти. В частности, русский юрист Ф. Кокошин указывал следующие элементы сдерживания управленческого аппарата от произвола. Для сдерживания исполнительной власти – это контроль представительного органа за бюджетом, ответственность министров, для судебной власти – право проверять законность распоряжений правительства. Для законодательной – вето главы исполнительной власти, бикамеральный парламент, права граждан и изменение конституции особыми процедурами [3].

Очевидно, что система разделения властей неизбежно исходит от признания единства государственной политики и согласованных действий всех ветвей по стратегическим вопросам общественного развития. В этом плане представляется наиболее ёмкой характеристикой выдающегося российского теоретика права Г. Шершеневича, согласно которой «законодательство, исполнение и суд – это не три власти, это только три формы проведения единой, неделимой государственной власти или, как выражаются, три функции власти» [4, с. 34].

Следует обратить внимание на тот факт, что наличие парламента в той или иной стране еще не означает существование парламентаризма. Данная картина представляется характерной для тех стран, где функционирует сильная исполнительная власть, возглавляемая главой государства. В подобных случаях глава государства пользуется прерогативой созыва и роспуска парламента, законодательная власть, в свою очередь, не обладает полномочиями по формированию правительства и контролю за его деятельностью.

Формирование новых принципов взаимоотношений исполнительной и законодательной власти – становление так называемого «ответственного правительства» стало завоеванием буржуазно-демократической революции XVII в. в Англии. Тогда утвердился принцип формирования правительства партийным большинством в парламенте, причем это происходило независимо от воли монарха; министры, в свою очередь, получили право избираться в нижнюю палату парламента; получило окончательное закрепление зависимость исполнительной власти от парламента. Для управления делами государства кабинет должен был гарантировать поддержку большинства в палате общин. В противном случае кабинет уходил в отставку в полном составе, палата общин распускалась, назначались новые выборы.

Следует отметить, что подобный принцип «партийного правления» со всей очевидностью нарушает принцип разделения властей. Действительно, кабинет располагает большинством в нижней палате парламента, что однозначно свидетельствует об огромном воздействии на законодательный процесс. К тому же правительство, сославшись на полномочия главы государства, в отдельных случаях инициирует отставку нижней палаты парламента. Но, с другой стороны, парламента может вмешиваться в деятельность кабинета посредством процедуры парламентского контроля, или поставив вопрос о лишения его доверия. Таким образом, продолжает обеспечиваться баланс властей и функционировать система сдержек и противовесов. Как отмечал Р. Фенно: «Любая отдельно взятая ветвь управления не обладает властью в достаточном объеме, чтобы управлять в одиночку, поэтому все они должны между собой сотрудничать» [5, с. 79].

Исследователи согласны с тем, что введение всеобщего избирательного права способствовало формированию политических партий, которые впоследствии стали участниками избирательных кампаний. Говоря о многопартийности, следует остановиться на следующих моментах. С одной стороны, без утвердившейся в обществе многопартийной системы парламентаризм не может получить своего окончательного закрепления, ибо политический плюрализм формирует в полной мере демократическое правление и отражает различный спектр социальных интересов на политической арене.

В литературе принято ссылаться на американский парламентаризм, который в течение двух столетий развивается в условиях двухпартийной системы. В Соединенных Штатах Америки подобный механизм способствует тому, что демократам

и республиканцам с определенной степенью частоты удается попеременно сменять друг друга. Это позволяет с различной степенью успеха обеспечить стабильность государственно-правового развития страны, реализацию механизма сдержек и противовесов (иногда, даже в гипертрофированной форме), когда одна партия представлена президентом, а другая имеет большинство в конгрессе, или в одной из его палат.

В этом отношении картина политической борьбы между партией, преобладающей в конгрессе, и главой государства, представляющим противоположную силу, содержит черты, которые в крайне невыгодном свете отражают особенности американской политической жизни. Достаточно вспомнить ожесточенные схватки между Президентом США Дональдом Трампом (республиканцем) и палатой представителей Конгресса, где преобладали демократы. В столь ожесточенной борьбе дело доходило до процедуры импичмента, вершиной же подобного противостояния стало то, что больше месяца американцы не могли получить официальные результаты итогов выборов нового главы государства.

В США официальным властям пришлось также столкнуться с противодействием судебной ветви власти. Достаточно напомнить о противодействии большинства судей Верховного Суда страны предложенным администрацией Ф. Д. Рузвельта радикальным законопроектам, направленным на выход из тяжелого экономического кризиса в 30-е годы XX века. Франклину Делано Рузвельту понадобилось определенное время, чтобы «заполнить» высший судебный орган своими сторонниками. В этой связи следует напомнить и о том, что ему не удалось провести через Конгресс законопроект, фактически направленный на ограничение сроков пребывания судей Верховного Суда страны в своей должности.

Ярким примером партийного противостояния между главой государства и Национальным собранием стал период в новейшей истории Франции, когда Президентом Республики был Франсуа Миттеран. После своей победы в 1981 году лидер партии социалистов поначалу приступил к осуществлению программы своих однопартийцев, которая была согласована с коммунистами. Были национализированы несколько крупных промышленных групп, около 40 банков, усилен государственный контроль над валютными операциями, заморожены цены и зарплаты. Подобное направление деятельности властей не оправдало надежд избирателей. Как результат стали расти безработица, инфляция, бюджетный дефицит, курс франка стал падать.

На этом фоне произошло усиление влияния сторонников правых сил («Национального фронта» во главе с бессменным Жаном-Мари Ле Пеном). В подобных условиях Президенту пришлось пойти на поиск внутреннего компромисса. Как показали дальнейшие события, Ф.Миттеран, образно говоря, проявил себя последовательным социалистом. Убедившись в провале своих первоначальных шагов, он сначала приостановил реформы, а затем фактически способствовал осуществлению поворота назад: были запущены механизмы денационализации, либерализации цен и т. д. В конечном счёте, он смог удержаться у власти и благодаря своему прагматизму был избран на второй срок [6, с. 23].

Характерной чертой парламентаризма является осуществление депутатской деятельности на постоянной профессиональной основе, что, безусловно, способствует повышению качества законотворчества – главному направлению работы современного органа представительной власти. В свое время в литературе высказывалось предложение, чтобы лица, представленные в парламенте, не должны быть профессиональными политиками и им не следует работать на освобожденной, т. е.

оплачиваемой основе [7, с. 242]. В пользу такого утверждения приводились доводы, что сохранение за депутатом прежнего рабочего места дает ему возможность поддерживать постоянные контакты с населением. Однако, приходится констатировать очевидное: депутат, постоянно занятый на своей прежней работе, не может продуктивно участвовать в правотворческом процессе. А это приводит, несомненно, к существенному снижению качества нормативно-правовых актов, подготовленных в стенах парламента.

В западных странах при парламентской системе депутаты, традиционно, обладают свободным мандатом. Основы подобного подхода были сформулированы английским государственным деятелем Э. Берком. Он подчеркивал, что желания и мнения избирателей, безусловно, должны оказывать влияние на депутата. Однако, депутат является представителем всего народа, а не только своего избирательного округа: «Вы выбираете члена законодательного собрания, но, когда вы его уже избрали, он становится не представителем Бристоля, а членом парламента». В подобной трактовке принцип свободного мандата означает, что депутаты не связаны наказами избирателей, не отчитываются перед ними и не могут быть ими досрочно отозваны (за исключением случаев отзыва избирателями депутатов, не оправдывающих их доверия, либо совершивших неблагоприятные поступки). Депутат выступает по отношению к избирателю как лицо, которое в своих поступках связано лишь совестью, то есть избранник свободен от права, но не свободен от норм морали [8, с. 41–42].

Говоря об особенностях политического развития Великобритании, следует отметить значительное влияние традиций, особое внимание, которое официальные представители, средства массовой информации и простые граждане уделяют главе государства и членам ее семьи. Как известно, королева выполняет чисто представительские функции и осуществляет их весьма успешно в течении семи десятилетий. Как отмечает британская пресса, сдержанность, способность на протяжении значительного времени пребывать на официальных мероприятиях, поддерживая при этом великосветскую беседу на любую тему, – всё это, к сожалению, не передалось всем наследникам королевы. И первым в этом ряду британские издания называют принца Чарльза. Как выяснили дотошные журналисты, ещё в 1985 г. он написал письмо тогдашнему премьер-министру страны Маргарет Тэтчер, где заявил об опасности раскола страны в результате действий правительства консерваторов. Автор письма заявил, что данное обстоятельство не может не волновать его, как будущего наследника британского престола.

М. Тэтчер была настолько уязвлена подобным отношением, что тут же позвонила в Букингемский дворец и заявила Чарльзу: «Не вы, сэр, а я руковожу этой страной!» [9].

Подобная активность наследника престола получила свое продолжение и в дальнейшем. В мае 2015 года британские газеты были заполнены публикациями о 10 посланиях, отправленных принцем премьер-министру страны Тони Блэру и некоторым из самых высокопоставленных министров в 2004 – 2005 гг. Даже приближенные к королевской семье лица обратили внимание на подобную активность Чарльза, что явно диссонировало со столь характерным задумчивым молчанием его матери по всем политическим вопросам.

В письмах, написанных в период с сентября 2004 г. по апрель 2005 г. во время второго срока пребывания у власти Блэра и его правительства, принц придерживается серьезного тона с министрами, давая советы по отдельным вопросам, и факти-

чески подталкивая к действиям в различных сферах: от школьного питания до обеспечения военной техникой.

Представители Чарльза настаивали на том, что письма не являлись попыткой некорректным образом повлиять на правительство, а представляли всего лишь позицию принца, предлагавшего свою «уникальную точку зрения» по множеству вопросов, которая основывалась как на его собственных знаниях, так и на знаниях людей, с которыми он встречался в ходе официальных мероприятий.

Тем не менее содержание писем отчетливо демонстрирует тот очевидный факт, что принц использовал свое положение, чтобы обращаться с просьбами к самым влиятельным политикам страны.

В некоторых случаях указанные письма получали соответствующую реакцию. В частности, Блэр ответил на просьбу принца о мерах по борьбе с директивой Европейского Союза, которая ограничивала действие определенных лекарственных трав. Премьер – министр предложил шестилетнюю отсрочку выполнения подобного решения.

В другом послании Блэру в самом конце 2004 года Чарльз затронул тему о характеристиках вертолетов Линкс, применявшихся британскими войсками в Ираке. Тональность письма была совершенно иной: правительство посылает в бой фактически невооруженных солдат.

Естественно, что подобные публикации вызвали недовольство. Речь шла о фактическом вмешательстве представителя королевской фамилии в дела государственного управления. Тональность газетных публикаций свидетельствовала о том, что в определенной части общества существует сдержанное противодействие сохранению института монархии в стране.

Вместе с тем нашлись и те, кто фактически стал на сторону Чарльза. Его сторонники, утверждали, что эти послания продемонстрировали, что взгляды принца по многим вопросам были созвучны общественным настроениям. Депутат от консерваторов Майкл Эллис подчеркнул: «то, что он хороший человек, свидетельствуют эти письма. Его интересуют многие проблемы, при этом принц делает ненавязчивые предложения. Полагаю, что многие люди, в том числе и в вооруженных силах, проникнутся его равнодушным отношением» [10].

В современных условиях в Великобритании приобрел особую остроту вопрос о взаимоотношениях исполнительной и судебной властей. В 2019 году премьер-министр страны Борис Джонсон своим распоряжением на пять недель приостановил деятельность британского парламента. Председатель Верховного Суда страны Бренда Хейл заявила о несоответствии подобного решения принципам британского законодательства. Следуя вековым традициям политического маневрирования, Джонсон признал решение судебной инстанции и одновременно подверг его критике.

Ответный удар не заставил себя ждать. Консерваторы с большим численным перевесом выиграли выборы и стали готовиться к соответствующим действиям. Одним из первых после выборов заявлений премьера стало его высказывание о намерении создать комиссию по вопросам конституции, демократии и прав человека с целью пересмотра самой концепции разделения властей.

Однако, специалисты области теории и практики юриспруденции в самой Великобритании подчеркивают сам факт громоздкости предстоящей работы по адаптации законодательства к требованиям времени. К тому же исследователи отмечают сохраняющееся в обществе почтительное отношение к служителям Фемиды. Результаты опросов общественного мнения показывают, что 4/5 британцев положи-

тельно оценивает деятельность судей. В то же время только каждый седьмой житель страны относится с доверием к политическим деятелям [11, с. 24–25].

Для парламентаризма характерно привилегированное, законодательно закрепленное положение депутатов. В этой связи депутат должен обладать свободой слова, не нести ответственность за свои выступления в парламенте. Парламентарий вправе участвовать в работе парламента, его комиссий, свободно выступать и голосовать, иметь право запроса или вопроса к высшим должностным лицам государства на заседаниях парламента, а также обладать правом депутатской неприкосновенности. Кроме того, депутаты принимают участие в парламентских дебатах. Дебаты в парламенте – один из компонентов, реализующих его представительность, которая начинается с делегирования избирателями своих полномочий депутатам [12, с. 86]. В свою очередь, депутаты обязаны присутствовать на сессиях парламента, участвовать в пленарных заседаниях палат, принимать меры по обеспечению прав, свобод и законных интересов своих избирателей, вести прием граждан и т.п.

В современной России депутатский мандат привлекателен тем, что его владелец обладает неприкосновенностью, которую на территории нашего государства органам, производящим следственные действия, достаточно трудно преодолеть. Кроме того, должность народного избранника привлекает еще и «появлением возможностей, которые обеспечиваются властными полномочиями». Мы считаем, что при парламентаризме существенна неприкосновенность депутата лишь за свободу слова и за мысли, высказанные на заседаниях парламента, а также в процессе обсуждения законопроектов, но никак не обладание иммунитетом от правоохранительных структур на протяжении осуществления всей парламентской деятельности.

В заключение хотелось подчеркнуть, что сегодня, как и в начале XX века, со всей остротой встает вопрос о необходимости выбора наиболее оптимальных форм сочетания взаимоотношений представительной и исполнительной властей. В современных условиях, когда происходит усиление влияния непосредственно органов управления во главе с лицом, олицетворяющим вершину пирамиды исполнительной власти, необходимо четко и строго определить параметры деятельности, которой призваны заниматься представители законодательных органов. Следует также стремиться к тому, чтобы в представительном учреждении депутаты различных политических партий постоянно взаимодействовали, а не противостояли друг другу. Подобный подход будет способствовать реализации всех законодательно закрепленных функций парламента. В этом нам видится один из главных инструментов, который позволит преодолеть парадокс XX века, когда теория разделения властей на практике подчас приобретала центробежный характер.

Библиографический список

1. Локк, Джон. Избранные философские произведения [Текст] : В 2 т. / [Вступ. статьи И. С. Нарского с. 5–54]. – М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2 / Под общ. ред. и с примеч. А. А. Макаровского. – 1960. – 532 с.
2. История политических и правовых учений [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovyh-ucheniy-2/35.htm> (дата обращения: 03.05.2021).
3. Кокошин Ф. Ф. Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права. М., 1908. – 88 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1911. – 163 с.

5. Фенно Р. Американский конгресс и демократия // Общественные науки и современность. 1990. № 5. – С. 70–75.
6. Миттеран и его эпоха. Противоречивое правление // Коммерсантъ, 1996, 20 января, с. 23.
7. Величко А.М. Философия русской государственности. СПб.: Изд-во Юридического института, 2001. – 333 с.
8. Савельев В. А. Капитолий США. М., 1989. – 300 с.
9. The Sun, 2017, April, 6 th.
10. The Independent, 2015, May, 14 th.
11. The Economist, 2020. February, 22 th.
12. Евзеров Р. Я. Парламентаризм и разделение властей в современной России // Общественные науки и современность. 1999. № 1. – С. 83–94.

Для цитирования: Галиев Ф.Х., Султанов А.Х. Теория разделения властей: современное прочтение: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 96–103.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.008

Farit Kh. Galiev*
Akhsan Kh. Sultanov**

THEORY OF SEPARATION OF AUTHORITIES: A MODERN READING

Abstract. Obviously, in modern conditions in most states, legislative measures are provided for separating the bodies of one government from another, in order to limit it to its own competence and, ultimately, to prevent violations of the powers of each body separately. However it should be borne in mind that the correlation between the powers of the bodies of all branches of state power is determined in the constitution in strict accordance with the prevailing understanding in the given state of the essence of democracy and the rule of the people.

In the literature, it is also customary to refer to American parliamentarism, which has been developing in a two-party system for two centuries. In the United States of America, this arrangement encourages Democrats and Republicans to alternate with a certain degree of frequency. In this regard, the picture of the political struggle between the dominant party in Congress and the head of state representing the opposite force contains features that reflect in an extremely unfavorable light the peculiarities of American political life. Suffice it to recall the fierce battles between US President Donald Trump (Republican) and the Democratic-dominated House of Representatives. In such a fierce struggle, the matter came to the impeachment procedure, the peak of such a confrontation was that for more than a month the Americans could not get the official results of the election of the new head of state.

The authors of the article conclude that one should strive to ensure that in a representative institution the deputies of various political parties constantly interact, and not oppose each other. This approach will contribute to the implementation of all

---

* Galiev Farit Khatipovich, Head of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: galievfarkhat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4849-4367>

** Sultanov Akhsan Kharisovich, teacher of the Ufa College of Statistics, Informatics and Computer Science, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: harisovich58@mail.ru

Теория государства и права

---

legislatively enshrined functions of the parliament. Thus, we see one of the main tools that will allow us to overcome the paradox of the 20th century, when the theory of separation of powers in practice sometimes acquired a centrifugal character.

Key words: *separation of powers, representative institution, parliament, deputies.*

The origin of one of the generally accepted positions in modern literature, according to which the separation of powers is a way of limiting the individual from the arbitrariness of the state, we owe to the English philosopher J. Locke. Based on his concept, it is necessary to recognize the legislative power "which has the right to indicate how the power of the state should be used to preserve the community and its members "and steady force" laws [1, p. 83–84].

It is also generally accepted that a statement in the scientific literature of the thesis that a more detailed development of the idea of separation of powers belongs directly to C. L. Montesquieu.

In his treatise *On the Spirit of Laws*, Charles Montesquieu emphasizes that "an order of things is needed in which different authorities could mutually restrain each other". Such mutual restraint of the authorities is a necessary condition for their lawful and coordinated functioning within lawfully delineated boundaries. "It would seem," he writes, "that these three powers should come to a state of rest and inaction. But since the necessary course of things will force them to act, they will be forced to act in concert" [2].

Such division and mutual restraint of powers should, according to Montesquieu, become the main condition for ensuring political freedom in its relations to the state structure. "If," he emphasizes, "the legislative and executive powers are united in one person or institution, then there will be no freedom, since one can fear that this monarch or the Senate will create tyrannical laws in order to also tyrannically apply them. There will be no freedom even if the judiciary is not separated from the legislative and executive powers. If it is combined with the legislative power, then the life and freedom of citizens will be at the mercy of arbitrariness, for the judge will be the legislator. If the judiciary is combined with the executive, then the judge gets the opportunity to become the oppressor. Everything would perish if in one and the same person or institution, made up of dignitaries, nobles or ordinary people, these three powers were combined: the power to create laws, the power to enforce decisions of a national character and the power to judge crimes or private litigation" [2].

As you know, in modern conditions in most states, legislative measures are provided for separating the bodies of one government from another, with the aim that it is limited to its own competence and, ultimately, to prevent violations of the powers of each body separately. However, in our opinion, it should be borne in mind that the correlation between the powers of the bodies of all branches of state power is determined in the constitution in strict accordance with the prevailing understanding in the given state of the essence of democracy and rule of the people.

As you know, the creation of a system of checks and balances is a guarantee against the concentration of power in the hands of one of the branches. For the first time, this model was tested in the US Constitution of 1787. Over time, each individual (case) state has its own vision of this model of relationships between different branches of government. In particular, the Russian lawyer F. Kokoshin pointed out the following elements of restraining the administrative apparatus from arbitrariness. To restrain the executive power, this is the control of the representative body over the budget, the responsibility of ministers, for the judiciary, the right to check the legality of government orders. For the legislature – the

Theory of State and Law

---

veto of the head of the executive branch, the bicameral parliament, the rights of citizens and the amendment of the constitution by special procedures [3].

It is obvious that the system of separation of powers inevitably comes from the recognition of the unity of state policy and concerted actions of all branches on strategic issues of social development. In this regard, the most capacious characteristic of the outstanding Russian theorist of law G. Shershenevich, according to which "legislation, enforcement and court are not three powers, these are only three forms of holding a single, indivisible state power or, as they say, three functions of power" [4, p. 34].

Attention should be paid to the fact that the presence of a parliament in a particular country does not mean the existence of parliamentarism. This picture seems to be typical for those countries where there is a strong executive branch headed by the head of state. In such cases, the head of state uses the prerogative of convening and dissolving parliament, while the legislature, in turn, does not have the authority to form the government and control its activities.

The formation of new principles of the relationship between the executive and the legislative branch – the formation of the so-called "responsible government" was the conquest of the bourgeois-democratic revolution of the 17th century in England. Then the principle of the formation of the government by the party majority in parliament was established, and this happened regardless of the will of the monarch; ministers, in turn, received the right to be elected to the lower house of parliament; the dependence of the executive branch on parliament was finally consolidated. To manage the affairs of state, the cabinet had to guarantee the support of a majority in the House of Commons. Otherwise, the entire cabinet resigned, the House of Commons was dissolved, and new elections were called.

It should be noted that this principle of "party rule" clearly violates the principle of separation of powers. Indeed, the cabinet has a majority in the lower house of parliament, which clearly demonstrates the enormous impact on the legislative process. In addition, the government, referring to the powers of the head of state, in some cases initiates the resignation of the lower house of parliament. But, on the other hand, the parliament can interfere in the activities of the cabinet through the parliamentary control procedure, or by raising the issue of depriving it of confidence. Thus, the balance of power continues to be maintained and the system of checks and balances continues to function. As R. Fenno noted: "Any separate branch of government does not have sufficient power to govern alone, so they all must cooperate with each other" [5, p. 79].

Researchers agree that the introduction of universal suffrage contributed to the formation of political parties, which subsequently became participants in election campaigns. Speaking about the multiparty system, one should dwell on the following points. On the one hand, without a multi-party system established in society, parliamentarism cannot receive its final consolidation, because political pluralism forms a fully democratic government and reflects a different spectrum of social interests in the political arena.

In the literature, it is customary to refer to American parliamentarism, which has been developing for two centuries in a two-party system. In the United States of America, such a mechanism encourages Democrats and Republicans to alternate with a certain degree of frequency. This allows, with varying degrees of success, to ensure the stability of the state and legal development of the country, the implementation of the mechanism of checks and balances (sometimes, even in an exaggerated form), when one party is represented by the president, and the other has a majority in Congress, or in one of its chambers.

In this regard, the picture of the political struggle between the dominant party in Congress and the head of state representing the opposite force contains features that reflect in an extremely unfavorable light the peculiarities of American political life. Suffice it to recall the fierce battles between US President Donald Trump (Republican) and the Democratic-dominated House of Representatives. In such a fierce struggle, the matter came to the impeachment procedure, the peak of such a confrontation was that for more than a month the Americans could not get the official results of the election of the new head of state.

In the United States, the authorities also had to face opposition from the judiciary. Suffice it to recall the opposition of the majority of the judges of the country's Supreme Court to the radical bills proposed by the F.D. Roosevelt administration aimed at overcoming the severe economic crisis in the 30s of the XX century. It took Franklin Delano Roosevelt some time to "fill" the highest judicial body with his supporters. In this regard, it should be recalled that he did not succeed in passing through Congress a bill actually aimed at limiting the terms of office of the judges of the country's Supreme Court.

A striking example of the party confrontation between the head of state and the National Assembly was the period in the modern history of France, when François Mitterrand was the President of the Republic. After his victory in 1981, the leader of the Socialist Party first began to implement the program of his fellow party members, which was coordinated with the Communists. Several large industrial groups, about 40 banks were nationalized, state control over foreign exchange operations was tightened, prices and wages were frozen. This direction of the authorities' activity did not meet the expectations of the voters. As a result, unemployment, inflation, budget deficits began to grow, and the franc began to fall.

Against this background, there was an increase in the influence of supporters of the right-wing forces (the "National Front" led by the permanent Jean-Marie Le Pen). In such conditions, the President had to seek an internal compromise. As subsequent events showed, F. Mitterrand, figuratively speaking, proved himself to be a consistent socialist. Convinced of the failure of his initial steps, he first suspended the reforms, and then actually contributed to the implementation of a turn back: mechanisms of denationalization, price liberalization, etc. were launched. Ultimately, he was able to stay in power and, thanks to his pragmatism, was elected for a second term [6, p. 23].

A characteristic feature of parliamentarism is the implementation of parliamentary activities on a permanent professional basis, which undoubtedly contributes to improving the quality of lawmaking – the main direction of the work of a modern body of representative power. At one time in the literature there was a proposal that persons represented in parliament should not be professional politicians and they should not work on an exempt, that is, paid basis [7, p. 242]. In favor of this assertion, arguments were made that retaining the former workplace for the deputy gives him the opportunity to maintain constant contacts with the population. However, we have to state the obvious: a deputy who is constantly engaged in his previous job cannot productively participate in the law-making process. And this, undoubtedly, leads to a significant decrease in the quality of normative legal acts prepared within the walls of parliament.

In Western countries, with a parliamentary system, deputies traditionally have a free mandate. The foundations of this approach were formulated by the English statesman E. Burke. He stressed that the desires and opinions of voters, of course, should influence the deputy. However, the MP is the representative of the entire people, not just his constituency: "You elect a member of the legislature, but when you have already elected him, he becomes not a representative of Bristol, but a member of parliament". In this inter-

pretation, the principle of a free mandate means that the deputies are not bound by the orders of the voters, do not report to them and cannot be recalled by them ahead of schedule (except for cases when voters recall deputies who do not justify their trust or who have committed unseemly acts). The deputy acts in relation to the voter as a person who in his actions is bound only by conscience, that is, the chosen one is free from law, but not free from moral norms [8, p. 41–42].

Speaking about the peculiarities of the political development of Great Britain, one should note the significant influence of traditions, special attention that officials, the media and ordinary citizens pay to the head of state and her family members. As you know, the queen performs purely representative functions and has been performing them very successfully for seven decades. As the British press notes, restraint, the ability to stay at official events for a considerable time, while maintaining a high society conversation on any topic – all this, unfortunately, was not passed on to all the heirs of the Queen. And the first in this series, British publications call Prince Charles. As meticulous journalists found out, back in 1985, he wrote a letter to the then Prime Minister of the country, Margaret Thatcher, in which he announced the danger of a split in the country as a result of the actions of the Conservative government. The author of the letter stated that this circumstance cannot but worry him, as the future heir to the British throne.

M. Thatcher was so wounded by this attitude that she immediately phoned Buckingham Palace and told Charles: "Not you, sir, but I run this country!" [9].

This activity of the heir to the throne was continued in the future. In May 2015, British newspapers were filled with 10 messages sent by the Prince to Prime Minister Tony Blair and some of the most senior ministers in 2004–2005. Even those close to the royal family drew attention to such activity of Charles, which was clearly discordant with such a characteristic pensive silence of his mother on all political issues.

In letters written between September 2004 and April 2005 during the second term in office of Blair and his government, the prince takes a serious tone with ministers, giving advice on specific issues, and actually pushing for action in various areas: from school meals to providing military equipment.

Charles's representatives insisted that the letters were not an attempt to improperly influence the government, but represented only the position of the prince, who offered his "unique point of view" on many issues, which was based both on his own knowledge and on the knowledge of people, with whom he met during official events.

Nevertheless, the content of the letters clearly demonstrates the obvious fact that the prince used his position to make requests to the most influential politicians in the country.

In some cases, these letters received an appropriate response. In particular, Blair responded to the prince's request for measures to combat a directive from the European Union that limited the effects of certain medicinal herbs. The Prime Minister has proposed a six-year grace period for the implementation of such a decision.

In another message to Blair at the very end of 2004, Charles raised the topic of the characteristics of the Lynx helicopters used by the British forces in Iraq. The tone of the letter was completely different: the government was sending virtually unarmed soldiers into battle.

Naturally, such publications caused dissatisfaction. It was about the actual interference of a representative of the royal family in the affairs of state administration. The tonality of newspaper publications testified to the fact that in a certain part of society there is a restrained opposition to the preservation of the institution of monarchy in the country.

At the same time, there were also those who actually took the side of Charles. His supporters argued that these messages demonstrated that the prince's views on many issues were in tune with public sentiment. Conservative MP Michael Ellis said, "These letters show that he is a good person. He is interested in many problems, while the prince makes unobtrusive proposals. I believe that many people, including those in the armed forces, will be imbued with his caring attitude" [10].

In modern conditions in Great Britain the question of the relationship between the executive and the judiciary has acquired particular urgency. In 2019, the Prime Minister of the country Boris Johnson, by his order, suspended the activities of the British Parliament for five weeks. The President of the Supreme Court of the country, Brenda Hale, declared that such a decision was inconsistent with the principles of British law. Following age-old traditions of political maneuvering, Johnson acknowledged the court's decision and at the same time criticized it.

The retaliatory strike was not long in coming. The Conservatives won the elections by a large margin and are preparing to take action. One of the first statements made by the prime minister after the elections was his statement about his intention to create a commission on constitutional issues, democracy and human rights in order to revise the very concept of separation of powers.

However, specialists in the field of theory and practice of jurisprudence in Great Britain itself emphasize the very fact that the forthcoming work on adaptation of legislation to the requirements of the time is cumbersome. In addition, researchers note the continuing respectful attitude towards the servants of Themis in society. Opinion polls show that 4/5 of Britons positively assess the activities of judges. At the same time, only every seventh citizen of the country has confidence in politicians [11, p. 24–25].

Parliamentarism is characterized by a privileged, legislatively secured position of deputies. In this regard, a deputy must have freedom of speech, not be held accountable for his speeches in parliament. A parliamentarian has the right to participate in the work of parliament, its commissions, to speak freely and vote, to have the right to make inquiries or questions to the highest officials of the state at parliamentary sessions, as well as to have the right of parliamentary immunity. In addition, MPs take part in parliamentary debates. Debates in parliament are one of the components that implement its representativeness, which begins with the delegation of their powers by voters to deputies [12, p. 86]. In turn, the deputies are obliged to attend sessions of parliament, participate in plenary sessions of the chambers, take measures to ensure the rights, freedoms and legitimate interests of their voters, receive citizens, etc.

In modern Russia, the deputy mandate is attractive in that its owner has immunity, which on the territory of our state is quite difficult for the bodies carrying out investigative actions to overcome. In addition, the position of the people's deputy also attracts with "the emergence of opportunities that are provided by the powers of power". We believe that in parliamentarism, the immunity of a deputy is essential only for freedom of speech and for thoughts expressed at parliamentary sessions, as well as in the process of discussing bills, but not in any way having immunity from law enforcement structures throughout the entire parliamentary activity.

In conclusion, I would like to emphasize that today, as well as at the beginning of the 20th century, the question of the need to choose the most optimal forms of combining the relationship between the representative and executive powers arises with all the urgency. In modern conditions, when there is an increase in the influence of direct governing bodies,

headed by a person personifying the top of the pyramid of executive power, it is necessary to clearly and strictly define the parameters of the activities that representatives of legislative bodies are called upon to engage in. It should also strive to ensure that in a representative institution, deputies of different political parties constantly interact, and not oppose each other. This approach will contribute to the implementation of all legislatively enshrined functions of the parliament. In this we see one of the main tools that will allow us to overcome the paradox of the 20th century, when the theory of separation of powers in practice sometimes acquired a centrifugal character.

Bibliographic list

1. Locke, John. Selected philosophical works [Text]: In 2 volumes / [Entry. articles by I.S.Narsky p. 5-54]. Moscow: Sotsekgiz, 1960. Vol. 2 / Under total. ed. and with a note. A. A. Makarovsky. 1960. 532 p.
2. History of political and legal doctrines [Electronic resource] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoria-politicheskikh-i-pravovykh-ucheni-2/35.htm> (date accessed: 05/03/2021).
3. Kokoshin F.F. Russian state law in connection with the basic principles of general state law. Moscow, 1908. 88 p.
4. Shershenevich G.F. General doctrine of law and state. Moscow, 1911. 163 p.
5. Fenno R. American Congress and Democracy // Social Sciences and Modernity. 1990. No. 5. P. 70-75.
6. Mitterrand and his era. Contradictory management // Kommersant, 1996, January 20, p. 23.
7. Velichko A.M. Philosophy of Russian statehood. St. Petersburg: Publishing house of the Legal Institute, 2001. 333 p.
8. Saveliev V. A. US Capitol. Moscow, 1989. 300 p.
9. The Sun, 2017, April, 6 th.
10. The Independent, 2015, May, 14 th.
11. The Economist, 2020. February, 22 th.
12. Evzerov R. Ya. Parliamentarism and separation of powers in modern Russia // Social sciences and modernity. 1999. No. 1. – S. 83-94.

For citation: Galiev F.Kh., Sultanov A.Kh. The theory of separation of powers: modern reading: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 103-109.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.008

Научная статья

УДК 340.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.009

А.М. Дроздова*

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. *Статья посвящена основным проблемам, связанным с пониманием процесса формирования правозащитных механизмов в мире и России и правозащитной деятельности как таковой. Отдельно затронуты вопросы структуры механизма реализации и защиты прав человека на основе принципов равенства прав людей, концепции о защите нарушенных прав, идей о социальном статусе личности в обществе. Анализу подвергается понимание сущности деятельности правозащитников и классификации правозащитников на основе реализации принципа справедливости в процессе защиты нарушенных прав и противостояния несправедливости; полученное образование и изначальная профессия значения не имеют, все строится на велении совести. Рассматривается современное состояние правозащитной деятельности и обосновывается ее необходимость для оздоровления общества, для уверенности граждан в защите своих нарушенных прав и борьбы с произволом.*

Ключевые слова: правосознание, мировоззрение, культурные ценности, правозащитный механизмы, правозащитная деятельность и правозащитники.

В настоящее время мы все чаще говорим о том, что одним из приоритетных направлений политики любого современного государства в сфере права и российского в том числе, становится понимание того, что человеку, личности, гражданину, конституционно гарантированы механизмы обеспечения и защиты прав и свобод с предоставлением множества различных возможностей по их реализации, что в свою очередь возможно при условии обеспечения ему охраны, гарантии и защиты предоставленных прав и свобод [1]. Это возможно при условии создания правовой системы и механизма защиты прав и свобод человека и гражданина на основе современных, эффективных и соответствующих международным стандартам правовых институтах, с учетом создания, развития, совершенствования механизмов правозащитной деятельности всех ее субъектов на всех уровнях в процессе функционирования данной системы.

Необходимо отметить, что *деятельность* понимается нами как процесс для достижения определенной цели при активном взаимодействии субъектов ради удовлетворения определенных потребностей, она характеризует сознательную и активную стороны личности, осуществляемую со смыслом. Общепринято выделять определенные этапы деятельности, такие как: этап вовлечения в деятельность; этап целеполагания; этап планирования действий; этап самого осуществления

---

* Дроздова Александра Михайловна, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь), доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант №20-011-00344 А).

действий и в завершении – этап анализа результатов и сравнения с поставленными целями.

Формирование правозащитного механизма в мире и России и стремление мудрейших к правовой защите прав человека началось не сегодня и не вчера, общеизвестны попытки создания названных механизмов с момента возникновения государственности. Так, например, уже древнегреческие правоведы и философы предпринимали попытки, чтобы обосновать идеальную форму государства, с идеалами справедливости, общего блага, и процветания государства, понимая закон как порождение разума, так как «закон есть сила природы, он – ум и сознание умного человека, он – мерило права и бесправия» [2]. По этой причине М.Т. Цицерон указывал на обязанность каждого гражданина соблюдать права, чтить законы страны, а на главу государства возлагал обязанность еще и заботиться об интересах людей, поясняя в работе «О государстве», что «интерес – это, прежде всего, согласие и связь человека с другим человеком, т.е. связь между людьми» [3], поскольку в основе гармоничного государства должны быть согласованные интересы граждан; в противном случае возникнут ссоры и раздоры, придется усиливать государственное регулирование, поскольку благополучие государства во многом зависит от учета интересов граждан, от создания правителями гармонии для всех, от соблюдения прав и выполнения требований законов, принятых в государстве.

Мыслители самых разных научных направлений на протяжении столетий пытались разработать механизмы *реализации и защиты* прав человека на основе принципов равенства прав людей, концепции о защите нарушенных прав, идей о социальном статусе личности в каждом периоде развития общества. Российской Федерацией ратифицировано достаточное количество международных правовых актов в названной сфере для защиты прав человека и гражданина, что потребует их знания чиновниками и гражданами, их исполнения всеми участниками правоотношений, что является актуальным и в настоящий период времени для России. Следует отметить активное восприятие концепции прав человека в России и в мире, как учеными правоведами, так и практическими работниками, общественниками и гражданами. Понимание того, что человек наделен правами, которые могут быть нарушены и нуждаются в защите пришло сразу после двух мировых войн, когда люди поняли, что жертвы были так велики, что человечество могло исчезнуть вовсе на планете Земля, что такого допустить больше не можно, в результате в 1945 году появилась Организация Объединенных Наций (ООН), в Уставе которой провозглашались основные права человека, его ценность и достоинство.

Через три года Генеральной Ассамблеей ООН была подготовлена и принята Всеобщая декларация прав человека как стандарт прав человека для всех стран мира (10 декабря 1948 г.) [4], первым постулатом Преамбулы которой стало «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав, которые являются основой свободы, справедливости и всеобщего мира».

Если *механизм реализации* прав человека и гражданина воспринимать в виде системы методов и инструментов функционирования того или иного права, действующего на основе законодательства, а *механизм защиты* прав человека и гражданина рассматривать как международные стандарты прав человека, его абстрактные обязанности в международно-правовой сфере, конституционные нормы, решения Конституционного Суда Российской Федерации, то что тогда представляет собой *правозащитная деятельность*? Это деятельность государственных органов, неком-

мерческих правозащитных структур, общественных объединений, отдельных граждан или всех заинтересованных участников общественной жизни?

Например, Ким Ю.В. воспринимает правозащитную деятельность как содержание правозащитной функции государства [5, с. 27–35]. Однако на лицо в определенной степени объективное противоречие, т.к. правозащитная деятельность правоохранительных органов будет защищать права человека от произвола государственных органов, тогда как сама является таковым. А являясь государственным органом власти и суд и прокуратура, рассматривая нарушения прав личности этими же государственными органами, будут согласно закону защищать интересы государства и соотносить их с интересами личности, тогда как иные *правозащитные структуры* буду решать дело по защите нарушенных прав с позиций приоритета прав личности, прав гражданина, прав человека.

Если обратиться к перечню правозащитных организаций и проанализировать основные виды их деятельности, выясняется, что они крайне разнообразны [6], пять из них заняты защитой прав заключенных, осужденных, осуществляют общественный контроль в местах принудительного содержания. Достаточно активны женские движения, например, Информационный центр независимого женского форума (ИЦ НЖФ) и др. Есть и такие как Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [7], Общероссийское общественное движение «За права человека» [8], Правозащитный центр Всемирного Русского Народного Собора [9]; Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль» и Межрегиональная общественная благотворительная правозащитная организация «Комитет за гражданские права» и др.

В свое время Омбудсмен России Владимир Лукин, отмечал пользу от наличия в России неправительственных организаций вообще, и правозащитных в том числе, однако был недоволен тем, что многие из них работают за счёт иностранных грантов [10]. И это верно, т.к. «кто платит, тот и музыку заказывает». Вместе с тем тот же В. Лукин допускал мысли о том, что есть гранты, предоставленные дружественными структурами, а есть недружественными, которые выделялись для проведения политизированных мероприятий даже правозащитными организациями.

Следует отметить, что после того, как 1975 г. в Хельсинки Советским Союзом был подписан «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» [11], появившиеся правозащитники в нашей стране стали требовать от чиновников реализации и защиты прав человека в их общечеловеческом значении, что предусматривало не только исполнение законов своего государства, но и международных нормативных правовых актов; для чего была создана Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (Московская Хельсинкская группа, МХГ) [12], в состав которой вошли: Л. Алексеева, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург, П. Григоренко, А. Корчак, М. Ланда, А. Марченко, В. Рубин, А. Щаранский. Некоторое время спустя Хельсинкские группы появились на Украине, в Грузии, Армении и Литве.

Кто же такие правозащитники? Обычно правозащитниками называют людей, которые отстаивают права человека законными мирными средствами совместно с другими или в одиночку, независимо от возраста, должности, профессии защищает права других людей. Всех правозащитников можно объединить на основе реализации принципа *справедливости* в процессе защиты нарушенных прав и противостояния несправедливости, полученное образование и изначальная профессия значения

не имеют, все строится на велении совести. А кто и как определит, что справедливо, а что нет. Справедливо для кого, законно ли это или иное требование в борьбе за справедливость и т.д. А справедливость – это что такое? Общеизвестно, что философское понимание справедливости заключается в понимании представлений о должном, в определении связи действий и результатов, при необходимости действий и наказания, о соответствии прав, свобод и обязанностей, о соответствии вложенного труда и ожидаемого вознаграждения, о соответствии функций, задач, значения общественных классов и групп и отдельных людей, их общественного статуса. Как узнать есть или нет этого соответствия?

Много сказано и написано о социальном равенстве, которое приведет к справедливости, однако, социальное равенство, которое выражается в основном в имущественном равенстве, о котором мечтали мыслители во все времена и на котором создавали свои учения, для людей в обществе невозможно, поскольку все мы разные и живем в разных условиях и уравнивание экономическое для всех может привести только к неравенству. В данной ситуации правильнее говорить не о социальном равенстве, а о социальном *равноправии*. И опять проблемные вопросы, а именно: о социальном равноправии для кого, для каких субъектов, да для всех, для всех. А такое возможно в социуме, где так много разных интересов, признаков, разграничений (богатые и бедные, специалисты и необразованные, ученые и чиновники, родители и дети, старые и молодые, начальники и подчиненные) и т.д. Можно ли справедливо рассуждать о равноправии всех без исключения людей, таких разных по ряду признаков; можно ли говорить о равноправии общественных организаций и объединений), различного вида и форм собственности юридических лиц; иных участников экономических отношений в стране; различных по составу, целям и задачам политических партий и даже самих государств; справедливо ли это?

Обсуждая социальное равноправие, зададимся вопросом: кто сможет обладать правом устанавливать данное общественное равноправие? Это должно быть само общество, но в лице каких своих структур? Если это будет государство, то опять-таки в лице каких структур? Если будет решать проблему государство, то оно должно взять на себя ответственность по обеспечению гарантий и защите при необходимости нарушения принципа справедливости. Ежели это так, то «правила реализации данного принципа, его закрепление и т.д.» во всех сферах жизни и деятельности человеческого общества должны разрабатываться и контролироваться также государством. Не стоит при этом забывать про тесную связь прав и обязанностей в процессе реализации юридических принципов и норм. Перед нами много поставлено вопросов, на которые следует искать ответы теоретикам и практикам.

А зачем собственно нужны правозащитники и правозащитные организации, если всю работу и ответственность возлагает на себя государство?

Общепринято считать, что правозащитник – человек, который законными и мирными средствами осуществляет деятельность по защите прав личности от произвола государственных органов и чиновников, порой от тех, кто по роду своей деятельности должен гарантировать и защищать эти самые права своих граждан. Общеизвестно также, что каждодневно происходит масса нарушений прав личности в самых различных сферах жизни общества и государства, которые трудно предусмотреть и остановить, но в целом данному процессу вполне можно противостоять, что и возлагают на себя правозащитники, которые особенно защищают по справедливости тех, кто сам не в состоянии себя защитить. Обычно правозащитник-это об-

щественик, но с определенным запасом знаний и умений в сфере права, психологии, политологии, социологии и т.д., который осуществляет свою деятельность наравне с профессионалами защитниками прав человека-омбудсменами; иногда правозащитника также называют профессионалом, хотя такой профессии нет.

Правозащитная деятельность имела место уже в римском праве, хотя современное правозащитное направление в деятельности государства и общества связано с принятой в 1948 году Всеобщей декларацией прав человека [4]; самым известным правозащитником принято считать Мартина Лютера Кинга младшего [13]. Существует мнение, что основным защитником прав личности является адвокат и никакой иной правозащитник не нужен. Однако, адвокат – это профессия, это юрист, который в силу своей деятельности будет защищать любого и преступника в том числе, спасая его от наказания. Тогда как перед правозащитником другая цель, а именно: он встает на защиту тех, чьи права нарушены государственными или иными органами власти, осуществляя свою защитную деятельность на основании закона, нравственности, морали, общественного мнения и СМИ. Если нарушены права личности, то защита требуется каждому из них.

Нельзя не отметить тот факт, что в честь 50-летия Всеобщей декларации прав человека была разработана и принята Декларация правозащитников под названием «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» [14], первая статья которой гласит: *«Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях»*, хотя и нет в тексте самого термина «правозащитник», который, по сути, никому и ничего не должен.

Вместе с тем, правозащитное движение, критикуя в определенной степени власть и ее политику, не является оппозицией к этой власти, т.к. не борется за место под солнцем, власть правозащитникам не нужна. А защищая права человека, правозащитник защищает национальные ценности, общечеловеческие принципы, мировоззренческие представления и т.д., т.е. не заменяет правоохранителей, а реализует гражданскую активность, пытается и стремится стать активным гражданином, пытается восполнять недостаток свободы и справедливости в определенных сферах жизнедеятельности человека, ставя в перспективе принесенную своей деятельностью пользу конкретному лицу, стране, обществу.

Как стать правозащитником? Для каждого свой путь, диплома такого не получишь, поскольку нет такой специальности, но юридическое образование при этом лишним не будет и расширит возможности правозащитника. Опасна ли деятельность правозащитника, особенно в борьбе с чиновниками? Конечно, опасна и порой самим правозащитникам требуется защита, или необходимо защищать их семьи, друзей, знакомых. И при всем при том, всегда находятся справедливые честные люди, которые не могут мириться с произволом и несправедливостью по отношению к другим, которые и приходят в правозащиту для того, чтобы оздоравливать наше общество, чтобы граждане были уверены, что их права будут защищены, что им помогут бороться с произволом; правозащита это деятельность, а не работа, это предназначение, это миссия, которая не каждому под силу. Это деятельность для особого рода людей: сильных, образованных и порядочных.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)// Российская газета, 2020, 4 июля; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 333 с.
2. Цицерон М.Т. О законах. Кн.1. Диалоги. М.: Научно-издательский центр «Ладомир» – «Наука», 1994 // Перевод с латинского и комментарии В. О. Горенштейна // Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414880001>
3. Цицерон М.Т. Диалоги / Цицерон; Изд. подгот. И. Н. Веселовский и др.; [Пер. В. О. Горенштейн; Рос. АН]. – [Репринт. изд.]. – М.: Науч.-изд. центр "Ладомир": Наука, 1994. – 222 с.
4. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
5. Ким Ю.В. О понятиях правоохранительной и правозащитной системы или же к вопросу об организационно-правовых предпосылках «Всенародного счастья» // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 27–35.
6. Правозащитные организации. Фонд «В защиту прав заключенных» // Режим доступа: <https://shikaree.livejournal.com/1546.html>
7. Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека // <http://www.sovetpamfilova.ru>
8. Общероссийское общественное движения «За права человека» // <http://www.zaprava.ru>
9. Правозащитный центр Всемирного Русского Народного Собора // http://vrns.ru/index_pravozash.htm.
10. Лукин В. Интервью «Московскому комсомольцу» // Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2010/09/19/530524-ekzamen-na-prava-cheloveka.html>
11. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, <https://web.archive.org/web/20041225181442/http://www.hro.org/docs/ilex/intconf/hels75.php> http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_ru.pdf.
12. Об образовании общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР // <http://www.mhg.ru/history/14454FE> (Архивная копия от 28 сентября 2007 на Wayback Machine).
13. Мартин Лютер Кинг (младший), (урожденный Майкл Кинг) (1929–1968) – американский баптистский служитель и активист, ставший лидером движения за гражданские права чернокожих // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%9B%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г. N 53/144 "Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы" // Режим доступа: <https://base.garant.ru/2565418/>

Для цитирования: Дроздова А.М. Правозащитная деятельность на современном этапе: понятие и значение: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 110–115.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.009

HUMAN RIGHTS ACTIVITIES AT THE CONTEMPORARY STAGE: CONCEPT AND MEANING

Annotation. *The article is devoted to the main problems associated with understanding the process of formation of human rights mechanisms in the world and in Russia and human rights activities as such. The issues of the structure of the mechanism for the implementation and protection of human rights on the basis of the principles of equality of human rights, the concept of protecting violated rights, ideas about the social status of an individual in society are separately touched upon. The analysis examines the understanding of the essence of the activities of human rights defenders and the classification of human rights defenders based on the implementation of the principle of justice in the process of protecting violated rights and countering injustice; the education received and the original profession do not matter, everything is based on the dictates of conscience. The current state of human rights activity is considered and its necessity is substantiated for the improvement of society, for the confidence of citizens in the protection of their violated rights and the fight against arbitrariness.*

Key words: *legal awareness, worldview, cultural values, human rights mechanisms, human rights activities and human rights defenders.*

Nowadays, more and more often we say that one of the priority directions of the policy of any modern state in the field of law, including the Russian one, is the understanding that a person, an individual, a citizen is constitutionally guaranteed mechanisms for ensuring and protecting rights and freedoms. with the provision of many different possibilities for their implementation, which in turn is possible subject to the provision of protection, guarantee and protection of the granted rights and freedoms [1]. This is possible subject to the creation of a legal system and a mechanism for the protection of human and civil rights and freedoms on the basis of modern, effective legal institutions that meet international standards, taking into account the creation, development, improvement of mechanisms for the human rights activity of all its subjects at all levels in the process of the functioning of this system.

It should be noted that activity is understood by us as a process for achieving a certain goal with active interaction of subjects for the sake of satisfying certain needs, it characterizes the conscious and active side of the personality, carried out with meaning. It is generally accepted to distinguish certain stages of activity, such as: the stage of involvement in the activity; goal setting stage; action planning stage; the stage of the actual implementation of actions and, at the end, the stage of analyzing the results and comparing them with the set goals.

The formation of a human rights mechanism in the world and in Russia and the striving of the wisest for the legal protection of human rights did not begin today or yesterday; attempts to create these mechanisms are well known since the emergence of state-

---

* *Drozdova Alexandra Mikhailovna*, Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Faculty of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North Caucasus Federal University" (Stavropol), Doctor of Law, Professor. E-mail: temp17@rambler.ru

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 20-011-00344 A).

hood. So, for example, already ancient Greek jurists and philosophers made attempts to substantiate the ideal form of the state, with the ideals of justice, the common good, and the prosperity of the state, understanding the law as a product of reason, since “the law is the force of nature, it is the mind and consciousness of an intelligent person, he is a measure of law and lawlessness” [2]. For this reason, M.T. Cicero pointed out the duty of every citizen to observe the rights, to honor the laws of the country, and the head of state also assigned the duty to take care of the interests of the people, explaining in his work “On the State” that “interest is, first of all, the consent and connection of a person with another person, i.e. communication between people [3], since the basis of a harmonious state should be the agreed interests of citizens; otherwise, quarrels and contentions will arise, state regulation will have to be strengthened, since the welfare of the state largely depends on taking into account the interests of citizens, on the creation of harmony by the rulers for all, on the observance of rights and compliance with the requirements of laws adopted in the state.

Over the centuries, thinkers of various scientific directions have tried to develop mechanisms for the implementation and protection of human rights based on the principles of equality of human rights, the concept of protecting violated rights, ideas about the social status of an individual in each period of development of society. The Russian Federation has ratified a sufficient number of international legal acts in this area to protect human and civil rights, which will require their knowledge by officials and citizens, their implementation by all participants in legal relations, which is still relevant for Russia at the present time. It should be noted the active perception of the concept of human rights in Russia and in the world, both by legal scholars and practitioners, social activists and citizens. The understanding that a person is endowed with rights that can be violated and need protection came immediately after two world wars, when people realized that the sacrifices were so great that humanity could disappear altogether on planet Earth, that this can no longer be allowed. As a result, in 1945, the United Nations Organization (UN) appeared, the Charter of which proclaimed fundamental human rights, its value and dignity.

Three years later, the UN General Assembly prepared and adopted the Universal Declaration of Human Rights as a standard of human rights for all countries of the world (December 10, 1948) [4], the first postulate of the Preamble of which was “recognition of the inherent dignity of all members of the human family, and equal and inalienable rights, which are the foundation of freedom, justice and universal peace”.

If the mechanism for the realization of human and civil rights is perceived as a system of methods and tools for the functioning of a particular law, acting on the basis of legislation, and the mechanism for the protection of human and citizen rights is considered as international human rights standards, its abstract obligations in the international -the legal sphere, constitutional norms, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, what then is human rights activity? Is this the activity of government bodies, non-commercial human rights structures, public associations, individual citizens or all interested participants in public life?

For example, Kim Yu.V. perceives human rights activities as the content of the state's human rights function [5, p. 27–35]. However, to a certain extent, there is an objective contradiction on the face the human rights activities of law enforcement agencies will protect human rights from the arbitrariness of state bodies, while it is itself such. And as a state authority and the court and prosecutor's office, considering violations of individual rights by these same state bodies, will, according to the law, protect the interests of the state and correlate them with the interests of the individual, while other human rights structures will

decide the case for the protection of violated rights from the standpoint of the priority of individual rights. citizen rights, human rights.

If we turn to the list of human rights organizations and analyze the main types of their activities, it turns out that they are extremely diverse [6], five of them are engaged in protecting the rights of prisoners, convicts, and exercise public control in places of detention. Women's movements are quite active, for example, the Information Center of the Independent Women's Forum (IC NWF) and others. There are also such as the Council under the President of the Russian Federation for promoting the development of civil society institutions and human rights [7], the All-Russian public movement "For Human Rights" [8], Human Rights Center of the World Russian People's Council [9]; Public Human Rights Organization "Civil Control" and Interregional Public Charitable Human Rights Organization "Committee for Civil Rights", etc.

At one time, the Ombudsman of Russia Vladimir Lukin noted the benefits of the presence in Russia of non-governmental organizations in general, including human rights organizations, but he was dissatisfied with the fact that many of them work at the expense of foreign grants [10]. And this is true, since "Who pays, he orders the tune." At the same time, the same V. Lukin admitted the idea that there are grants provided by friendly structures, and there are unfriendly ones, which were allocated for carrying out politicized events even by human rights organizations.

It should be noted that after the "Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe" was signed by the Soviet Union in 1975 in Helsinki [11], human rights activists who appeared in our country began to demand that officials implement and protect human rights in their universal meaning that provided not only for the execution of the laws of their state, but also of international normative legal acts; for which the Moscow Group for Assistance to the Implementation of the Helsinki Agreements in the USSR (Moscow Helsinki Group, MHG) [12] was created, which included: L. Alekseeva, M. Bernshtam, E. Bonner, A. Ginzburg, P. Grigorenko, A. Korchak, M. Landa, A. Marchenko, V. Rubin, A. Sharansky. Some time later, Helsinki groups appeared in Ukraine, Georgia, Armenia and Lithuania.

Who are human rights defenders? Usually, human rights defenders are called people who defend human rights by legal peaceful means together with others or alone, regardless of age, position, profession, defend the rights of other people. All human rights defenders can be united on the basis of the implementation of the principle of justice in the process of protecting violated rights and opposing injustice, the education received and the original profession do not matter, everything is based on the dictates of conscience. And who and how will determine what is fair and what is not. Is it fair for whom, is it legal or any other requirement in the struggle for justice, etc. And what is justice? It is well known that the philosophical understanding of justice lies in the understanding of ideas about what should be done, in determining the connection between actions and results, if necessary, actions and punishment, on the conformity of rights, freedoms and obligations, on the conformity of the labor invested and expected remuneration, on the conformity functions, tasks, values of social classes and groups and individuals, their social status. How to find out whether or not this correspondence exists?

Much has been said and written about social equality, which will lead to justice, however, social equality, which is expressed mainly in property equality, which thinkers have dreamed of at all times and on which they created their teachings, is impossible for people in society. because we are all different and live in different conditions and economic equalization for all can only lead to inequality. In this situation, it is more correct to speak

Theory of State and Law

---

not about social equality, but about social equality. And again problematic questions, namely: about social equality for whom, for which subjects, and for everyone, for everyone. And this is possible in a society where there are so many different interests, signs, distinctions (rich and poor, specialists and uneducated, scientists and officials, parents and children, old and young, bosses and subordinates), etc. Is it possible to fairly argue about the equality of all, without exception, people who are so different in a number of signs; can we talk about the equality of public organizations and associations), various types and forms of ownership of legal entities; other participants in economic relations in the country; different in composition, goals and objectives of political parties and even the states themselves; is it fair?

When discussing social equality, let us ask ourselves the question: who will be able to have the right to establish a given social equality? It should be society itself, but in the face of which of its structures? If it is a state, then again, in the person of what structures? If the state is going to solve the problem, then it should take responsibility for providing guarantees and protection, if necessary, violation of the principle of justice. If this is so, then "the rules for the implementation of this principle, its consolidation, etc." in all spheres of life and activities of human society should be developed and controlled by the state as well. At the same time, one should not forget about the close connection of rights and obligations in the process of implementing legal principles and norms. We are faced with many questions to which theorists and practitioners should seek answers.

And why are human rights defenders and human rights organizations needed, if all the work and responsibility is assumed by the state?

It is generally accepted that a human rights defender is a person who, through legal and peaceful means, carries out activities to protect the rights of the individual from the arbitrariness of state bodies and officials, sometimes from those who, by the nature of their activities, must guarantee and protect these very rights of their citizens. It is also well known that every day there are a lot of violations of individual rights in various spheres of society and the state, which are difficult to foresee and – the outburst of those who are unable to defend themselves. Usually a human rights defender is a public figure, but with a certain stock of knowledge and skills in the field of law, psychology, political science, sociology, etc., who carries out his activities on an equal basis with professional human rights defenders-ombudsmen; sometimes a human rights defender is also called a professional, although there is no such profession.

Human rights activity took place already in Roman law, although the modern human rights direction in the activities of the state and society is associated with the Universal Declaration of Human Rights adopted in 1948 [4]; Martin Luther King Jr. is considered the most famous human rights activist [13]. There is an opinion that the main defender of individual rights is a lawyer and no other human rights defender is needed. However, a lawyer is a profession, it is a lawyer who, by virtue of his activity, will defend anyone, including a criminal, saving him from punishment. Whereas the human rights defender has a different goal, namely: he stands up to protect those whose rights are violated by state or other authorities, carrying out his protective activities on the basis of the law, morality, morality, public opinion and the media. If individual rights are violated, then protection is required for each of them.

It should be noted that in honor of the 50th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights, the Declaration of Human Rights Defenders was developed and adopted under the title "Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Funda-

mental Freedoms" [14], the first article of which reads: "Everyone has the right, individually and in community with others, to promote and strive to protect and exercise human rights and fundamental freedoms at the national and international levels", although the text itself does not contain the term "human rights defender", which, according to in fact, owes nothing to anyone.

At the same time, the human rights movement, criticizing to a certain extent the government and its policies, is not an opposition to this government, because does not fight for a place in the sun, human rights defenders do not need power. While defending human rights, a human rights defender defends national values, universal human principles, ideological ideas, etc. does not replace law enforcement officers, but implements civic activity, tries and strives to become an active citizen, tries to make up for the lack of freedom and justice in certain areas of a person's life, putting in perspective the benefits brought by his activities to a specific person, country, society.

How to become a human rights defender? You will not get such a diploma for everyone, since there is no such specialty, but legal education will not be superfluous and will expand the possibilities of a human rights defender. Is the activity of a human rights defender dangerous, especially in the fight against officials? Of course, it is dangerous and sometimes human rights defenders themselves need protection, or it is necessary to protect their families, friends, acquaintances. And for all that, there are always just honest people who cannot put up with arbitrariness and injustice towards others, who come to human rights in order to heal our society, so that citizens are sure that their rights will be protected, that they will be helped to fight arbitrariness; human rights protection is an activity, not a job, it is a mission, it is a mission that not everyone can do. This is an activity for a special kind of people: strong in spirit, educated and decent.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta, 2020, July 4; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 3rd ed., Rev. and add. // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurayt", 2019. 333 p.

2. Cicero M.T. About laws. Book 1. Dialogues. Moscow: Scientific publishing center "Ladomir" – "Science", 1994 // Translated from Latin and comments by V.O. Gorenstein // Access mode: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414880001>

3. Cicero M.T. Dialogues / Cicero; Ed. prepare I.N. Veselovsky and others; [Per. V.O. Gorenstein; Grew up. AN]. [Reprint. ed.]. Moscow: Scientific-ed. center "Ladomir": Science, 1994. 222 p.

4. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly on December 10, 1948. Access mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

5. Kim Yu.V. On the concepts of the law enforcement and human rights system, or to the question of the organizational and legal prerequisites of "National Happiness" // Constitutional and municipal law. 2021. No. 1. P. 27–35.

6. Human rights organizations. Fund "In Defense of the Rights of Prisoners" // Access regime: <https://shikaree.livejournal.com/1546.html>

7. Council under the President of the Russian Federation for promoting the development of civil society institutions and human rights // <http://www.sovetpamfilova.ru>

8. All-Russian public movement "For Human Rights" // <http://www.zaprava.ru>
9. Human Rights Center of the World Russian People's Council // http://vrns.ru/index_pravozash.htm.
10. Lukin V. Interview "Moskovsky Komsomolets" // Access mode: <https://www.mk.ru/politics/2010/09/19/530524-ekzamen-na-prava-cheloveka.html>
11. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, <https://web.archive.org/web/20041225181442/http://www.hro.org/docs/ilex/intconf/hels75.php> http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_ru.pdf.
12. On the formation of a public group to promote the implementation of the Helsinki agreements in the USSR // <http://www.mhg.ru/history/14454FE> (Archived September 28, 2007 at the Wayback Machine).
13. Martin Luther King Jr., (née Michael King) (1929–1968) – American Baptist minister and activist who became the leader of the black civil rights movement // Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%9B%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80
14. Resolution of the UN General Assembly of December 9, 1998 N 53/144 "Declaration on the right and responsibility of individuals, groups and organs of society to promote and protect universally recognized human rights and fundamental freedoms" // Access mode: <https://base.garant.ru/2565418/>

For citation: Drozdova A.M. Human rights activities at the contemporary stage: concept and meaning // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 116–121.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.009

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.010

С.И. Захарцев*

Г.Н. Крижановская**

М.В. Сальников***

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ О ПРАВЕ ЖЕНЩИН ПОЛУЧАТЬ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАНИМАТЬСЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ

Аннотация. Исследуется широкий спектр взаимосвязанных вопросов: борьба женщин за право получения высшего юридического образования и применения его на практике в качестве присяжных поверенных и их помощников. Отдельное внимание уделяется активным попыткам научного сообщества и юристов-практиков убедить правительство и законодателей принять положительное решение по данному вопросу.

Ключевые слова: юридическое образование, высшее образование, адвокатура, присяжные поверенные, Учреждения судебных установлений, судебная реформа.

XIX век сыграл особую роль в судьбе Российской империи. В это время произошло существенное расширение ее границ, повлекшее множество разных последствий как позитивного, так и негативного характера. Промышленный переворот подтолкнул развитие общественных отношений. Расширялось общественное движение, законодательство стремительно менялось, подстраиваясь под новые реалии. После Николая I, стремившегося укреплять самодержавие и продвигавшего охранительную идеологию, на престол вступил Александр II, разделявший ряд постулатов либеральной идеологии и рискнувший провести реформы, в основе которых лежали ее принципы.

Все изменения, происходившие в стране, не могли не повлиять на мировоззрение женщины и ее правовое положение в обществе. Новые экономические отношения оторвали женщин от традиционного уклада жизни и подтолкнули их искать себе применение за границами семьи. Как отмечала в своей статье «О женской адвокатуре» Е.А. Флейшиц: «Новые условия борьбы за существование сделали для значительного числа женщин лишним их труд дома и необходимым вне дома» [36, с. 68]. Новые общественные отношения побудили женщин воспринимать свой труд как

---

* Захарцев Сергей Иванович, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

** Крижановская Галина Николаевна, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: imyarec@list.ru

*** Сальников Михаил Викторович, Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

товар, который можно продавать на рынке труда и извлекать из этого доход. Постепенно расширялась сфера применения женского труда. Появлялись женщины учителя и воспитатели, врачи, в том числе и дантисты, фармацевты, инженеры, архитекторы, женский труд применялся на фабриках. В итоге женщины, оставаясь женами и матерями, приобретали новый социальный и правовой статус, нуждались в образовании вообще и в юридических знаниях в частности. Женщины стали требовать право получать высшее образование, в чем были поддержаны общественностью. Формировались различные кружки, собиравшие подписи под петициями о допущении женщин в университеты наравне с мужчинами [20].

Именно Екатерина Абрамовна Флейшиц внесла существенный вклад в обеспечение допуска женщин к юридической профессии и была первой женщиной-адвокатом в России [9; 14].

В 1869 г. присутствие женщин на университетских лекциях было санкционировано Министром народного просвещения. А уже с 1870 г. стали открываться Высшие женские курсы в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе и других городах Российской империи. На этих курсах, среди прочих, давали знания и по праву.

Вопрос о необходимости получения женщинами юридического образования поднимался особо. Делегаты I Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного российской лигой равноправия женщин в Санкт-Петербурге в своих выступлениях отмечали, что женщинам необходимо юридическое образование для того, чтобы не быть подвергнутыми обману, защититься от домашнего насилия [20, с. 97]. Один из докладчиков на съезде, профессор П. В. Верховской подчеркивал важность подготовки именно женщин-юристов, так как именно женщина может лучше понять другую женщину, оказавшуюся в сложном положении [34, с. 156]. Более того, по мнению сторонников допуска женщин к высшему юридическому образованию эта мера могла бы способствовать уменьшению женской преступности.

Русские ученые в XIX в. отмечали падение роли религии в воспитании населения и указывали на то, что освобождающуюся нишу в деле формирования гражданственности должно занять юридическое образование. А так как основная роль в процессе воспитания детей принадлежала женщинам, то им должен был быть предоставлен доступ к юридическому образованию. О роли образованной женщины в деле воспитания детей и формирования гражданственности в целом писали философы В. В. Розанов и С. М. Соловьев, доктор Е. Л. Покровский. Педагог, писатель, редактор В. П. Острогорский в статье «Жены и мужья» привлекал внимание общественности к необходимости укрепления института семьи в первую очередь через образование женщины. Ведь женщина должна быть духовной опорой для мужа, а необразованная женщина таковой быть не может. Более того, по мнению В. П. Острогорского, необразованная женщина могла потерять авторитет в глазах получавших образование детей.

Мотивы, побуждавшие девушек поступать на юридические факультеты и Высшие женские юридические курсы, были различны. Дамы начинали испытывать потребность участия в общественной жизни и думали, что получение знаний в области юриспруденции даст им «наибольшую возможность плодотворной общественной деятельности» [16, с. 166]. Немало среди девушек было идеалисток, желавших «показать людям, что наказывать нельзя и стыдно, что преступников нет, что законы не считаются с человеческой природой» [16, с. 164]. Некоторые искали «чистого знания» и испытывали «бескорыстный интерес к общественным наукам» [16, с. 164].

Особую роль в получении женщинами права на доступ к высшему юридическому образованию сыграло принятие Судебных уставов. До 1864 г. государство не ощущало потребность в подготовке большого количества квалифицированных юридических кадров. В ходе судебной реформы 1864 г. в Российской империи появились адвокаты в лице присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных [1; 2; 13; 23; 37]. Согласно статье 354 Учреждения судебных установлений присяжными поверенными могли быть лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений «об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках» [35]. Чтобы занять должность присяжного поверенного, нужно было пять лет прослужить в должности помощника присяжного поверенного. К последним же предъявлялись требования высшего юридического образования и пятилетней стажировки у присяжного поверенного. Соответственно, женщины, не имевшие на тот момент права получать юридическое образование, не могли занимать такие должности.

Но в последней четверти XIX в. присяжных поверенных стало не хватать для ведения судебных тяжб. В связи с этим, 25 мая 1874 г. был введен институт частных поверенных, причем в законе о частных присяжных поверенных не были установлены образовательный и половой цензы. Так как законодательство Российской империи в тот момент прямо не запрещало принимать участие женщинам в представительстве интересов сторон, в отдельных округах свидетельства частных поверенных и помощников присяжных поверенных получали женщины.

В связи с этим А.Ф. Кони писал, что женщинам крайне важно получать юридическое образование, без соответствующего образования их не стоит допускать к юридической практике. По его мнению, «грубые приемы и проявления незнания» права «поражали бы судей» и вызывали бы столкновения с последними [19, с. 427].

В силу всего выше сказанного в Российской империи были открыты Высшие женские юридические курсы Е.И. Песковской, «Историко-литературные и юридические женские курсы действительного статского советника Н. П. Раева», Киевские высшие женские курсы, общественно-юридические курсы были основаны княгиней С. К. Голицыной и княгиней В. А. Полторацкой в Москве. Однако их популярность не была устойчивой и, просуществовав какое-то время, юридические курсы реорганизовывались или закрывались. Так, например, «к 1912 г. желающих поступить на юридический факультет вовсе не стало, и Н. П. Раев вынужден был ходатайствовать перед попечителем округа об увольнении многих преподавателей» [20].

В числе Высших женских юридических курсов особое место занимал юридический факультет Бестужевских курсов. Но и он испытывал указанные выше трудности с набором слушательниц [26].

Причин сравнительно невысокой популярности юридических женских курсов было несколько. Во-первых, в отличие от других направлений подготовки, правительство очень часто закрывало женщинам доступ к юридическому образованию. Обусловлено это было тем, что многие девушки, являясь слушательницами высших женских курсов, вовлекались в деятельность революционных организаций. Кроме того, противников получения женщинами юридического образования беспокоил тот факт, что получение такого образования могло негативно повлиять на нравственный облик женщины.

Второй причиной неустойчивого интереса женщин к поступлению на юридические факультеты было отсутствие возможности применять свои знания на прак-

тике. Дело в том, что женщины не могли занимать должности на государственной службе, быть присяжными поверенными. Тем не менее, получившие юридическое образование женщины могли быть приняты на подчиненные должности в органах земского и городского самоуправления, благотворительных, просветительских и коммерческих учреждениях. Нотариусы и присяжные поверенные нуждались в опытных помощниках для подготовки дел к слушанию. Но эта работа низко оплачивалась, в силу чего воспринималась женщинами как эксплуатация их труда [20, с. 99]. При этом препятствия создавала не только политическая элита, но и деятели земств [20, с. 99].

Можно сказать, что общественное мнение второй половины XIX – начала XX веков разделилось на сторонников и противников занятия женщинами юридической практикой. Аргументы противников были следующие. Во-первых, отмечалось, что, согласно законодательству, присяжные поверенные имеют право быть судьями, соответственно, получение женщинами права быть присяжным поверенным автоматически предоставит им право занять должность судьи [19, с. 427].

Опасались также и того, что женщины могут попасть в Совет присяжных поверенных и получить дисциплинарную власть. Предупреждали, что данная мера открывает женщинам путь на государственную службу. Часть противников получения женщинами должности присяжного поверенного апеллировали к законам национальных окраин, в частности Прибалтики, где женщины даже по своим имущественным делам могли ходатайствовать только с разрешения мужа.

А. Ф. Кони считал, что нельзя равняться на законодательство Прибалтики, иначе руководящее начало будет идти «не из центра к окраинам, а от окраин к центру» [19, с. 428]. По его мнению, нужно либо в рамках адвокатуры отменить правило, по которому супруге для того, чтобы стать ходатаем по чужому делу, нужно получить разрешение мужа, либо предоставить женщинам право заниматься адвокатурой, а вопрос, представлять ли даме интересы доверителя в судебном процессе оставить на усмотрение каждой конкретной семьи.

Относительно права женщин заниматься юридической практикой существовали и возражения общего плана. Первое возражение сводилось к отсутствию «неотложной необходимости» привлечения женщин к деятельности присяжных поверенных. Большинство противников считало, что место женщины в семье, а ее деятельность должна ограничиваться заботой о муже и детях.

И наконец, акцент делался на том, что с одной стороны, ввиду «особых свойств женской природы» занятие адвокатской практикой будет противоречить их нравственности, так как им придется выступать публично, надевать особого рода одежду, встречаться с клиентами «в кабаках», общаться с разными людьми, а с другой стороны – эти же свойства женской природы помогут дамам оказывать влияние на судей кокетством и красотой.

О различиях мужской и женской природы говорил член Государственного совета протоирей Т.И. Буткевич. Апеллируя к писанию, он указывал, что Бог сотворил мужчину и женщину разными способами и тем показал различие мужской и женской природы и подчеркивал, что в церковных книгах нигде не говорится о том, что Бог сотворил мужчину и женщину равными [8, с. 810]. А.Ф. Кони не согласился с Т.И. Буткевичем, сказав, что согласно Библии «И сотворил Бог мужчину и женщину по образу и подобию своему, следовательно, сотворил их равными» [19, с. 436], а Ф.М. Достоевский в «записной книжке» подчеркивал: «Вся ошибка женского вопроса в том, что делят неделимое. Берут мужчину и женщину раздельно, тогда как это единый, цело-

стный организм: «мужа и жену – создал их» [19, с. 442]. Данная мысль великого писателя, философа и философа права весьма значима, она свидетельствует не только о глубиной философско-правовом содержании его творчества [3; 4, с. 74–85; 5; 6; 7; 10; 12; 30; 32], но и о суверенном характере русской философии права [15, с. 83–92; 17; 18, с. 284–290; 28; 29; 31; 33]. На это хотелось бы обратить особое внимание с учетом 200-летия со дня рождения и 140-летия кончины этого великого человека России.

И, наконец, имел место аргумент противников женской адвокатуры о том, что люди не станут доверять женщине, исполняющей обязанности присяжного поверенного, считая их неразвитыми и практически не подготовленными, тем более что по закону женщины не могли быть свидетелями при составлении завещания. Не станут нанимать женщину в качестве ходатая и потому, что она может оказаться временной и в любой момент отказаться от ведения дела, бросив клиента.

Все эти аргументы прекрасно оспорил А. Ф. Кони в своей статье «О допущении женщин в адвокатуру», написанной по итогам его доклада на заседании Государственного совета 23 января 1913 г. Он считал, что позаботиться о женской нравственности и стыдливости должен не закон, а председатель суда, распределяющий дела между присяжными поверенными [19, с. 438].

А.Ф. Кони привел множество аргументов, опровергающих мнение о женщинах, как о существах неразвитых, приведя в пример научные исследования женщин в области истории права, деятельность госпожи Измайловской, занимавшую должность заведующей юридическим отделением Московской городской управы [19, с. 437].

В этом вопросе согласен с ним был И. Г. Щегловитов. Будучи еще прокурором, он писал: «Я думаю, никто не сможет настаивать на том, что женщина не сможет быть хорошим юристом. Ее добросовестность, настойчивость, чуткость, сильное и законное стремление к независимости – все это создало из нее бесспорно полезную, разумную общественную единицу. Я положительно того мнения, что нужно предоставить женщинам полный, широкий доступ к занятиям юриспруденцией, убежден, что они сумеют выдвинуть из своей среды много талантливых и полезных деятельниц в борьбе с народной беспомощностью и невежеством [38, с. 226].

Приводя множество примеров из истории, когда, осознавая потребности общества, при условии отсутствия «неотложной необходимости» Петр I учредил Академию наук, Николай I построил Царскосельскую железную дорогу, а Александр II отменил крепостное право, А.Ф. Кони доказывал, что предоставление женщинам права быть присяжными поверенными такая же назревающая потребность, способная в будущем принести пользу обществу и государству.

Важным показателем того, что данная потребность общества созрела, А.Ф. Кони считал изменившееся положение женщины в мире и в Российской Империи, в частности. Он указывал на то, что в последнее время «брак становится все больше, что очень печально, предметом роскоши, часто недоступным по экономическим условиям жизни» [19, с. 431]. Например, офицер в Российской империи мог жениться, достигнув определенного возраста, почтовое ведомство ограничило круг лиц, за которых могут выходить замуж почтовые и телеграфные служащие-девушки, учительницам городских училищ Санкт-Петербурга и вовсе запрещалось выходить замуж [19, с. 431]. Поэтому А.Ф. Кони указывал на обязанность государства позаботиться об этих девушках, предоставив им возможность легального получения доходов.

А. Ф. Кони подчеркивал, что после принятия закона 11 ноября 1911 г., предоставившего женщинам право на получение юридического образования в Российской

империи, открылось пять учебных заведений, оказывающих подобные образовательные услуги. При этом, не все девушки могут применить свои знания на практике. Государство, не предоставляя выпускницам право найти рабочее место по профилю, само толкает их на путь, не соответствующий общепринятым представлениям о женской нравственности, так как, преодолев все трудности, в том числе и материальные, и получив образование, девушка, не сумевшая выйти замуж и не имеющая приданного вынуждена пускаться в ход кокетство, «чтобы изловить мужа» либо добыть себе средства к существованию. По мнению А. Ф. Кони, государство должно быть последовательным и предоставив дамам право заниматься медициной, позволить заниматься и юриспруденцией, а опасения их проникновения, в связи с этим на государственную службу, являются недоразумением, так как «под государственной службой законом понимается деятельность, сопряженная с властью, правом делать общие распоряжения, такими элементами, которых нет в адвокатуре [19, с. 433]. При этом А. Ф. Кони указывал, что в некоторых сферах, особенно связанных с деньгами, женщины менее мужчин подвержены соблазнам и работают эффективнее мужчин.

Позиция А.Ф. Кони имела существенное значение. Он как государственный деятель, судебно-прокурорский работник и теоретик права пользовался авторитетом у царствующих особ и интеллектуальной общественности Российской империи, ибо всегда служил не лицам, и не себе, а делу [11; 21; 27, с. 5–7].

Право женщин занимать должности присяжных поверенных поддерживали профессор И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский, В.Д. Набоков, В.Д. Спасович, А.Л. Боровиковский, Н.Н. Мясоедов, и Н.А. Неклюдов [22, с. 500; 24, с. 2473; 25, с. 293].

В особом мнении, представленном Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законодательства по судебной части 1864 г., Н.Н. Мясоедов назвал недопущение женщин в адвокатуру мерой, «устарелой и несогласной с новым положением и деятельностью женщины в обществе и со взглядом на нее правительства» [36, с. 270].

Таким образом, с развитием государства и укоренением в политической системе Российской Империи демократических принципов активные дискуссии в обществе вызывало право женщин на получение высшего юридического образования и занятие юридической практикой. Несмотря на то, что эпоха либеральных реформ сменилась консервативными преобразованиями последней четверти XIX века, а затем революционными событиями начала XX века, государству и обществу в данном вопросе удалось наладить конструктивный диалог в обществе, результатом которого стало законодательное закрепление указанного права.

Библиографический список

1. *Алексеева Н.И., Ботанцова Л.В.* Жизнь и профессиональная деятельность Николая Платоновича Карабчевского, его роль в развитии судопроизводства и адвокатуры во второй половине XIX – начале XX века // *Юридическая наука: история и современность.* – 2019. – № 9. – С. 68–72.
2. *Ананских И.А., Тюленева М.А.* Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // *Мир политики и социологии.* – 2015. – № 8. – С. 37–43.
3. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // *Юридическая наука: история и современность.* – 2021. – № 6. – С. 176–181.

4. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея права нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // Правовое государство в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 395 с.
5. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 6. – С. 170–177.
6. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия Ф.М. Достоевского в исканиях европейского гуманизма второй половины XIX столетия // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9.
7. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 165–172.
8. Государственный совет. Стенографические отчеты 1912–19913 гг. – СПб., 1913. – XXXI с., 2822 стр.
9. *Грязнова Д.С.* Роль Е.А. Флейшиц в появлении женщины на юридической арене // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 85–87.
10. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4–7.
11. *Иконникова И.С.* Справедливость в правосудии – его ремесло. К 170-летию со дня рождения А.Ф. Кони // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 36–45.
12. *Иларион, митр. (Алфеев).* Евангелие Достоевского. – М.: Познание, 2021. – 232 с.
13. *Иневаткина К.Д., Тарасов А.С.* Карабчевский Николай Платонович: личность, деятельность и вклад в развитие адвокатской деятельности в конце XIX – начале XX вв. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 165–169.
14. *Исакович А.С., Коряковцев В.В.* Первая женщина-адвокат в России Екатерина Абрамовна Флейшиц // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 2. – С. 171–175.
15. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – 243 с.
16. *Кауфман А.А.* О задачах и постановке юридического образования в высших женских школах России // Труды I Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного российской лигой равноправия женщин в Санкт-Петербурге. Т.1. – СПб.: Российская лига равноправия женщин, 1914. – 324 с.
17. *Керимов А.Д., Масленников Д.В.* Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14–18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
18. *Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – 306 с.
19. *Кони А.Ф.* О допущении женщин в адвокатуру // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в 8 т. Т. 4 / Под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. – М.: Юридическая литература, 1967. – 542 с.
20. *Крижановская Г.Н.* Деятельность общественных организаций Российской империи по защите права женщин на получение высшего юридического образования на рубеже XIX–XX веков // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 95–103.

21. *Кулешова Л.В., Рыбин Д.В., Трофимов Е.В.* Анатолий Федорович Кони – рыцарь российского правосудия (обзор материалов Межвузовских научных чтений памяти Анатолия Федоровича Кони) // *Юридическая наука: история и современность.* – 2018. – № 3. – С. 57–67.
22. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. Т. 1. / Фойницкий И.Я., орд. проф. С. Петерб. ун-та. 4-е изд. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912. – 579 с.
23. *Легкий Д.М.* Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 424 с.
24. *Набоков В. Д.* Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом // *Право.* – 1909. – 15 ноября.
25. *Неклюдов Н.А.* Руководство для мировых судей. Т. 1. – СПб.: тип. Н. Тиблена и К°, 1867. – 337 с.
26. *Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Сальников В.П.* Нравственное воспитание благородных девиц (женское образование в Российской империи) – историко-правовой и идейно-нравственный аспект // *Юридическая мысль.* – 2015. – № 2(88). – С. 29–35.
27. *Сальников В.П., Иванов В.А.* «...И всегда служил не лицам, и не себе, а делу»: Вступительная статья // А.Ф. Кони. Избранные произведения. В 3-х томах. Том. 1. Воспоминания / Вступительная статья В.П. Сальникова и В.А. Иванова. – СПб.: Лексикон; Фонд «Университет», 2001. – 287 с. – (Серия: «Сокровищница российской юриспруденции»).
28. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И.* Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // *Юридическая наука: история и современность.* – 2021. – № 1. – С. 182–194.
29. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И.* Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.).* В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176–187.
30. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И.* Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // *Мир политики и социологии.* – 2018. – № 9–10. – С. 171–183.
31. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // *Юридическая наука: история и современность.* – 2019. – № 12. – С. 185–193.
32. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // *Юридическая наука: история и современность.* – 2020. – № 11. – С. 163–180.
33. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // *Мир политики и социологии.* – 2019. – № 9. – С. 170–178.
34. Труды I Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного российской лигой равноправия женщин в Санкт-Петербурге. Т.1. – СПб.: Российская лига равноправия женщин, 1914. – 324 с.
35. Учреждение судебных установлений // СПС «Гарант» // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/>
36. *Флейшиц Е.А.* О женской адвокатуре // *Право.* – 1910. – № 2. – С. 65–73.
37. *Черепанов С.И.* Институт присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и институт адвокатуры в Российской Федерации (хронодискретное исследование). – М.: Юрлитинформ, 2020. – 154 с.

38. Щегловитов И.Г. Заметки из уголовной практики // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – Кн. 5. – 320 с.

Для цитирования: Захарцев С.И., Крижановская Г.Н., Сальников М.В. Общественная мысль Российской Империи второй половины XIX – начала XX веков о праве женщин получать юридическое образование и заниматься юридической практикой: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 122–130.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.010

Sergey I. Zakhartsev *

Galina N. Krizhanovskaya **

Mikhail V. Salnikov ***

PUBLIC THOUGHT OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES ON THE RIGHT OF WOMEN TO RECEIVE LEGAL EDUCATION AND PRACTICE LAW

Abstract. *The article explores a wide range of interrelated issues: the struggle of women for the right to receive higher legal education and its application in practice as sworn attorneys and their assistants. Special attention is paid to the active attempts of the scientific community and legal practitioners to convince the government and legislators to make a positive decision on this issue.*

Key words: *legal education, higher education, advocacy, sworn attorneys, Institutions of judicial institutions, judicial reform.*

The 19th century played a special role in the fate of the Russian Empire. At this time, there was a significant expansion of its borders, which entailed many different consequences, both positive and negative. The industrial revolution pushed the development of social relations. The social movement was expanding; legislation was changing rapidly, adjusting to new realities. After Nicholas I, who sought to strengthen the autocracy and promoted a protective ideology, Alexander II ascended the throne, sharing a number of postulates of liberal ideology and risking reforms based on its principles.

All the changes taking place in the country could not but affect the woman's worldview and her legal position in society. New economic relations have torn women away from the traditional way of life and pushed them to seek employment outside the family. As noted in her article "On the women's advocacy" E.A. Fleishits: "The new conditions of the struggle for existence have made their work at home superfluous for a significant number of women and necessary outside the home" [36, p. 68]. The new social relations prompted women to perceive their work as a commodity that can be sold on the labor market and derived from it. The scope of female labor was gradually expanded. There were

---

* *Zakhartsev Sergey Ivanovich*, Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

** *Krizhanovskaya Galina Nikolaevna*, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Military Order of Zhukov, Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia). E-mail: imyarec@list.ru

*** *Salnikov Mikhail Viktorovich*, President of the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement "University", Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

women teachers and educators, doctors, including dentists, pharmacists, engineers, architects, female labor was used in factories. As a result, women, while remaining wives and mothers, acquired a new social and legal status, needed education in general and legal knowledge in particular. Women began to demand the right to receive higher education, in which they were supported by the public. Various circles were formed, collecting signatures for petitions to admit women to universities on an equal basis with men [20].

It was Ekaterina Abramovna Fleishits who made a significant contribution to ensuring the admission of women to the legal profession and was the first woman lawyer in Russia [9; fourteen].

In 1869, the presence of women at university lectures was authorized by the Minister of Public Education. And already in 1870, Higher Courses for Women began to open in Moscow, St. Petersburg, Kiev, Kharkov, Odessa and other cities of the Russian Empire. In these courses, among others, they gave knowledge and law.

The question of the need for women to receive legal education was raised especially. The delegates of the I All-Russian Congress on the Education of Women, organized by the Russian League of Equality for Women in St. Petersburg, noted in their speeches that women need legal education in order not to be deceived, to protect themselves from domestic violence [20, p. 97]. One of the speakers at the congress, Professor PV Verkhovskaya, emphasized the importance of training women lawyers, since it is a woman who can better understand another woman who finds herself in a difficult situation [34, p. 156]. Moreover, in the opinion of supporters of admitting women to higher legal education, this measure could help to reduce female crime.

Russian scientists in the 19th century noted the decline in the role of religion in educating the population and pointed out that the vacant niche in the formation of citizenship should be occupied by legal education. And since the main role in the process of raising children belonged to women, they should have been given access to legal education. The philosophers V.V. Rozanov and S.M. Soloviev, Doctor E.L. Pokrovsky wrote about the role of an educated woman in raising children and shaping citizenship in general. The teacher, writer and editor V. P. Ostrogorsky in his article "Wives and Husbands" drew public attention to the need to strengthen the institution of the family, primarily through the education of women. After all, a woman should be a spiritual support for her husband, and an uneducated woman cannot be. Moreover, according to V.P. Ostrogorsky, an uneducated woman could lose credibility in the eyes of children who were receiving education.

The motives that prompted girls to enroll in law faculties and the Higher Women's Law Courses were different. Ladies began to feel the need to participate in public life and thought that acquiring knowledge in the field of jurisprudence would give them "the greatest opportunity for fruitful social activities" [16, p. 166]. There were many idealists among the girls who wanted to "show people that it is impossible to punish and shame, that there are no criminals, that laws do not take into account human nature" [16, p. 164]. Some were looking for "pure knowledge" and experienced "disinterested interest in the social sciences" [16, p. 164].

The adoption of the Judicial Charters played a special role in obtaining the right for women to have access to higher legal education. Until 1864, the state did not feel the need to train a large number of qualified legal personnel. In the course of the judicial reform of 1864, lawyers appeared in the Russian Empire in the person of attorneys at law and assistants to attorneys at law [1; 2; 13; 23; 37]. According to Article 354 of the Institution of Judicial Institutions, sworn attorneys could be persons who had certificates from universi-

ties or other higher educational institutions "on completing a course in legal sciences or passing an exam in these sciences" [35]. To take the position of attorney at law, it was necessary to serve as an assistant attorney for five years. The latter were required to have a higher legal education and a five-year internship with a sworn attorney. Accordingly, women, who at that time did not have the right to receive legal education, could not hold such positions.

But in the last quarter of the 19th century attorneys at law became insufficient to conduct legal proceedings. In this regard, on May 25, 1874, the institution of private attorneys was introduced, and the educational and sex qualifications were not established in the law on private attorneys at law. Since the legislation of the Russian Empire at that time did not explicitly prohibit women from taking part in representing the interests of the parties, in some districts women received certificates from private attorneys and assistant attorneys at law.

In this regard, A.F. Koni wrote that it is extremely important for women to receive a legal education; without an appropriate education, they should not be allowed to practice law. In his opinion, "crude methods and manifestations of ignorance" of the law "would amaze the judges" and would cause collisions with the latter [19, p. 427].

In view of the above, the Higher Women's Law Courses of E.I. Peskovskaya, "Historical, literary and legal courses for women of the actual state councilor N. P. Raev", Kiev higher courses for women, public legal courses were founded by Princess S. K. Golitsyna and Princess V. A. Poltoratskaya in Moscow. However, their popularity was not sustainable and, having existed for some time, legal courses were reorganized or closed. So, for example, "by 1912 there were no more people wishing to enter the Faculty of Law, and N.P. Raev was forced to petition the district trustee to dismiss many teachers" [20].

Among the Higher Women's Law Courses, a special place was occupied by the Law Faculty of the Bestuzhev Courses. But he also experienced the above-mentioned difficulties with the recruitment of listeners [26].

There were several reasons for the relatively low popularity of women's legal courses. First, in contrast to other areas of training, the government very often denied women access to legal education. This was due to the fact that many girls, being students of higher courses for women, were involved in the activities of revolutionary organizations. In addition, opponents of legal education for women were concerned that such education could negatively affect the moral character of a woman.

The second reason for the unsustainable interest of women in entering law schools was the lack of opportunities to apply their knowledge in practice. The fact is that women could not hold positions in the civil service, be attorneys at law. Nevertheless, women who received a legal education could be accepted into subordinate positions in the bodies of rural and city self-government, charitable, educational and commercial institutions. Notaries and attorneys at law needed experienced assistants to prepare cases for the hearing. But this work was poorly paid, due to which it was perceived by women as the exploitation of their labor [20, p. 99]. At the same time, obstacles were created not only by the political elite, but also by the leaders of the zemstvos [20, p. 99].

It can be said that public opinion in the second half of the 19th and early 20th centuries was divided into supporters and opponents of women's legal practice. The arguments of the opponents were as follows. Firstly, it was noted that, according to the law, attorneys at law have the right to be judges, respectively, the receipt by women of the right to be a sworn attorney will automatically give them the right to take the office of a judge [19, p. 427].

Theory of State and Law

They also feared that women might get into the Council of Attorneys at Law and receive disciplinary authority. They warned that this measure would open the way for women to enter the civil service. Some opponents of women's getting the position of attorney at law appealed to the laws of the borderlands, in particular the Baltic states, where women, even on their own property matters, could apply only with the permission of their husbands.

A. F. Koni believed that one should not be equal to the legislation of the Baltic States, otherwise the leading principle would go "not from the center to the outskirts, but from the outskirts to the center" [19, p. 428]. In his opinion, it is necessary either within the framework of the legal profession to abolish the rule according to which the spouse, in order to become an intercessor in someone else's case, needs to obtain the husband's permission, or to give women the right to practice law, and leave the question of whether to represent the interests of the client in the trial discretion of each particular family.

There were general objections to women's right to practice law. The first objection was that there was no "urgent need" to involve women in attorneys at law. Most opponents believed that a woman's place in the family, and her activities should be limited to caring for her husband and children.

And finally, the emphasis was on the fact that, on the one hand, due to the "special properties of female nature," engaging in advocacy would be contrary to their morality, since they would have to speak in public, wear special clothes, meet with clients "in taverns", communicate with different people, and on the other hand – the same properties of feminine nature will help the ladies to influence the judges with coquetry and beauty.

The differences between masculine and feminine nature were discussed by Archpriest T.I. Butkevich. Appealing to the scriptures, he pointed out that God created man and woman in different ways and thus showed the difference between masculine and feminine nature and emphasized that the church books never say that God created man and woman equal [8, p. 810]. A.F. Koni disagreed with T.I. Butkevich, saying that according to the Bible "And God created man and woman in his own image and likeness, therefore, He created them equal" [19, p. 436], and F.M. Dostoevsky emphasized in his "notebook": "The whole mistake of the women's question is that they divide the indivisible. They take a man and a woman separately, while this is a single, integral organism: "husband and wife – created them" [19, p. 442]. This thought of the great writer, philosopher and philosopher of law is very significant, it testifies not only to the deep philosophical and legal content of his work [3; 4, p. 74–85; 5; 6; 7; 10; 12; 30; 32], but also about the sovereign nature of Russian philosophy of law [15, p. 83–92; 17; 18, p. 284–290; 28; 29; 31; 33]. I would like to draw special attention to this, taking into account the 200th anniversary of the birth and 140th anniversary of the death of this great man of Russia.

And, finally, there was the argument of opponents of the women's legal profession that people would not trust a woman acting as a sworn attorney, considering them undeveloped and practically unprepared, especially since, according to the law, women could not be witnesses when drawing up a will. They will not hire a woman as an intercessor also because she may be pregnant and at any time refuse to do business, leaving the client.

All these arguments were perfectly contested by A.F. the chairman of the court, distributing cases between the attorneys at law [19, p. 438].

A.F. Koni cited many arguments refuting the opinion about women as undeveloped creatures, citing as an example the scientific research of women in the history of law, the activities of Mrs. Izmailovskaya, who served as head of the legal department of the Moscow City Council [19, p. 437].

I. G. Shcheglovitov agreed with him on this issue. While still a prosecutor, he wrote: "I think no one can insist that a woman cannot be a good lawyer. Her conscientiousness, perseverance, and sensitivity, strong and legitimate desire for independence – all this has created from her an undeniably useful, reasonable social unit. I am positive of the opinion that it is necessary to provide women with full, wide access to jurisprudence, I am convinced that they will be able to nominate from their midst many talented and useful people in the fight against people's helplessness and ignorance [38, p. 226].

Citing many examples from history, when, realizing the needs of society, provided that there was no "urgent need", Peter I established the Academy of Sciences, Nicholas I built the Tsarskoye Selo railway, and Alexander II abolished serfdom, A.F. Koni argued that granting women the right to be jury attorneys is an equally maturing need that can benefit society and the state in the future.

An important indicator that this need of society has matured, A.F. Koni considered the changed position of women in the world and in the Russian Empire, in particular. He pointed out that recently "marriage is becoming more and more, which is very sad, a luxury item, often inaccessible due to the economic conditions of life" [19, p. 431]. For example, an officer in the Russian Empire could marry after reaching a certain age, the post office limited the circle of persons whom postal and telegraph employees-girls could marry, teachers of city schools in St. Petersburg were completely forbidden to marry [19, p. 431]. Therefore A.F. Koni pointed out the duty of the state to take care of these girls, giving them the opportunity to legally receive income.

A.F. Koni stressed that after the adoption of the law on November 11, 1911, which granted women the right to receive legal education in the Russian Empire; five educational institutions were opened that provide such educational services. At the same time, not all girls can apply their knowledge in practice. The state, not giving graduates the right to find a job according to their profile, pushes them on a path that does not correspond to generally accepted ideas about female morality, since, having overcome all difficulties, including material ones, and having received an education, a girl who has not been able to get married and she who does not have a dowry is forced to use coquetry "in order to catch her husband" or to get herself a livelihood. According to A.F. Koni coupled with power, the right to make general orders, such elements that are not in the legal profession [19, p. 433]. At the same time, A. F. Koni pointed out that in some areas, especially those related to money, women are less susceptible to temptations than men and work more efficiently than men.

The position of A.F. Koni the horses were essential. He, as a statesman, a forensic prosecutor and a legal theorist, enjoyed authority among the reigning persons and the intellectual community of the Russian Empire, for he always served not to individuals, and not to himself, but to the cause [11; 21; 27, p. 5–7].

The right of women to hold positions of attorney at law was supported by Professor I.Ya. Foinitsky, V.K. Sluchevsky, V.D. Nabokov, V.D. Spasovich, A.L. Borovikovsky, N.N. Myasoedov, and N.A. Neklyudov [22, p. 500; 24, p. 2473; 25, p. 293].

In a dissenting opinion presented by the Imperially established commission for the revision of legislation on the judicial part of 1864, N.N. Myasoedov called the non-admission of women into the legal profession a measure "outdated and disagreeing with the new position and activities of women in society and with the view of the government on her" [36, p. 270].

Thus, with the development of the state and the establishment of democratic principles in the political system of the Russian Empire, active discussions in society aroused

the right of women to receive a higher legal education and practice law. Despite the fact that the era of liberal reforms was replaced by conservative transformations of the last quarter of the 19th century, and then by the revolutionary events of the early 20th century, the state and society in this matter managed to establish a constructive dialogue in society, which resulted in the legislative consolidation of this right.

Bibliographic list

1. Alekseeva N.I., Botantsova L.V. The life and professional activities of Nikolai Platonovich Karabchevsky, his role in the development of legal proceedings and the legal profession in the second half of the XIX – early XX century // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 9. P. 68–72.
2. Ananskikh I.A., Tyuleneva M.A. The prosecutor's office and the legal profession in the judicial reform of 1864: positions of V.D. Spasovich // *World of Politics and Sociology*. 2015. No. 8. p. 37–43.
3. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The interrelation of the idea of absolute goodness and human freedom in the philosophy of law of F.M. Dostoevsky // *Legal Science: History and Modernity*. 2021. No. 6. P. 176–181.
4. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of modern law and the philosophical heritage of F.M. Dostoevsky: ideological opposition of two models // *Legal state in the modern world: Collection of materials of the International scientific-practical conference (Ufa, May 18, 2021) /Ed. ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RITs BashGU, 2021. 395 p.*
5. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The creative heritage of F.M. Dostoevsky in modern European philosophy: the search for ways to overcome the spiritual alienation of man // *Legal science: history and modernity*. 020. No. 6. P. 170–177.
6. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Philosophy of F.M. Dostoevsky in his quest for European humanism in the second half of the twentieth century // *Legal science: history and modernity*. 2020. No. 9.
7. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Man and people as the highest values in the philosophy of law F.M. Dostoevsky // *Legal Science: History and Modernity*. 2021. No. 3. P. 165–172.
8. Council of State. Verbatim Records 1912–19913. Sankt-Petersburg, 1913. XXXI p., 2822 p.
9. Gryaznova D.S. The role of E.A. Fleischitz in the appearance of a woman in the legal arena // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 8. P. 85–87.
10. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Freedom as the Concreteness of the Idea of Absolute Goodness in Dostoevsky's Philosophy of Law // *Monitoring of Law Enforcement*. 2020. No. 1. P. 4–7.
11. Ikonnikova I.S. Justice in justice is his craft. To the 170th anniversary of the birth of A.F. Horses // *World of Politics and Sociology*. 2013. No. 11. P. 36–45.
12. Hilarion, Met. (Alfeev). *Dostoevsky's Gospel*. Moscow: Poznanie, 2021. 232 p.
13. Inevatkina K.D., Tarasov A.S. Karabchevsky Nikolai Platonovich: personality, activity and contribution to the development of advocacy in the late 19th – early 20th centuries // *Legal science: history and modernity*. 2018. No. 5. P. 165–169.
14. Isakovich A.S., Koryakovtsev V.V. The first woman lawyer in Russia Ekaterina Abramovna Fleishits // *Legal science: history and modernity*. 2018. No. 2. P. 171–175.
15. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Philosophy of F.M. Dostoevsky as a source of sovereign Russian philosophy of law // *Human rights in the dialogue between state power and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020)*. In 2 parts. Ch. 1 / Resp. ed. E.O. Tulupova. Ufa: RITs BashGU, 2020. Ufa, 2020. 243 p.

16. Kaufman A.A. On the tasks and formulation of legal education in higher schools for women in Russia // Proceedings of the I All-Russian Congress on the Education of Women, organized by the Russian League of Equality for Women in St. Petersburg. Vol. 1. – Sankt-Petersburg: Russian League of Equality of Women, 1914. 324 p.
17. Kerimov A.D., Maslennikov D.V. Scientific work of St. Petersburg legal scholars in the perspective of the sovereign philosophy of law // Monitoring of law enforcement. – 2019. No. 4. P. 14–18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
18. Kerimov A.D., Salnikov V.P., Khabibulin A.G. Hegelian philosophy as a theoretical prerequisite for a sovereign philosophy of law // Creative heritage of Hegel: philosophy, theology, law, economics: Collection of materials of the Interregional conference with international participation dedicated to the 250th anniversary of the birth of G.V.F. Hegel (St. Petersburg, November 19–21) / Resp. editor D.V. Maslennikov. Sankt-Petersburg: RHGA, 2020. 306 p.
19. Horses A.F. On the admission of women to the legal profession // A.F. Horses. Collected works in 8 volumes. Vol. 4 / Under total. ed. V. G. Bazanov, L. N. Smirnov, K. I. Chukovsky. Moscow: Legal literature, 1967. 542 p.
20. Krizhanovskaya G.N. The activities of public organizations of the Russian Empire to protect the right of women to receive higher legal education at the turn of the XIX – XX centuries // Legal science: history and modernity. 2021. No. 6. P. 95–103.
21. Kuleshova L. V., Rybin D. V., Trofimov E. V. Anatoly Fedorovich Koni – a knight of Russian justice (a review of the materials of the Interuniversity scientific readings in memory of Anatoly Fedorovich Koni) // Legal science: history and modernity. 2018. No. 3. P. 57–67.
22. The course of criminal proceedings. In 2 volumes. Vol. 1. / Foinitskiy I.Ya., ord. prof. St. Petersburg. un-that. 4th ed. St. Petersburg: Type. t-va "Societies. Benefit ", 1912. 579 p.
23. Light D.M. Dmitry Vasilievich Stasov: Judicial Reform of 1864 and the Formation of the Sworn Bar in the Russian Empire. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011. 424 p.
24. Nabokov V.D. Can a woman defend herself before a criminal court // Law. 1909. November 15.
25. Neklyudov N.A. A guide for justices of the peace. T. 1. St. Petersburg: type. N. Tiblena and Co., 1867. 337 p.
26. Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R., Salnikov V.P. Moral education of noble maidens (female education in the Russian Empire) – historical, legal and ideological and moral aspect // Legal thought. 2015. No. 2 (88). P. 29–35.
27. Salnikov V.P., Ivanov V.A. "... And he always served not to persons, and not to himself, but to the cause": Introductory article // A.F. Horses. Selected works. In 3 volumes. Volume. 1. Memoirs / Introductory article by V.P. Salnikov and V.A. Ivanova. St. Petersburg: Lexicon; Fund "University", 2001. 287 p. (Series: "Treasury of Russian jurisprudence").
28. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. Hegel's philosophy as a theoretical prerequisite for the sovereign philosophy of law in Russia. A brief overview of reports, articles and speeches at the Interregional Conference with International Participation "Hegel's Creative Legacy: Philosophy, Theology, Law, Economics" dedicated to the 250th anniversary of the birth of G.V.F. Hegel // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 1. P. 182–194.
29. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I. A person in the system of moral and legal values and the task of forming a sovereign philosophy of law // Human rights in the dialogue between government and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Ch. 1 / Resp. ed. E.O. Tulupova. Ufa: RITs BashGU, 2020. P. 176–187.
30. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. Philosophy of F.M. Dostoevsky as an object of interpretive reconstruction // World of Politics and Sociology. 2018. No. 9–10. P. 171–183.
31. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

32. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Dostoevsky's "Pushkin speech" and the moral idea of the state (To the 140th anniversary of FM Dostoevsky's speech) // Juridical science: history and modernity. 2020. No. 11. P. 163–180.

33. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // World of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

34. Proceedings of the I All-Russian Congress on the Education of Women, organized by the Russian League for Women's Equality in St. Petersburg. Vol. 1. St. Petersburg: Russian League of Equality of Women, 1914. 324 p.

35. Institution of judicial rulings // ATP "Garant" // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/>

36. Fleishits E.A. On the women's advocacy // Law. 1910. No. 2. P. 65–73.

37. Cherepanov S.I. Institute of Attorneys at Law in the Russian Empire on Judicial Reform of 1864 and the Institute of the Bar in the Russian Federation (chrono discrete research). Moscow: Jurlitinform, 2020. 154 p.

38. Shcheglovitov I.G. Notes from criminal practice // Journal of civil and criminal law. 1875. Book 5. 320 p.

For citation: Zakhartsev S.I., Krizhanovskaya G.N., Salnikov M.V. Public thought of the Russian empire of the second half of the XIX – early XX centuries on the right of women to receive legal education and practice law: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 130–137.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.010

Научная статья

УДК 341

ББК 67.9

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.011

С.А. Иванов*

Е.В. Середа**

ЭКСТРАДИЦИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДВУСТОРОННИХ И МНОГОСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятие экстрадиции, а также двусторонние и многосторонние международные соглашения, заключенные по вопросам выдачи подозреваемых, обвиняемых и осужденных, подписанные и ратифицированные государствами Европы, а также всеми государствами – членами Организации Объединенных Наций. Особое внимание в статье уделено договорам, заключенным между государствами, входящими в СНГ, что объясняется активными миграционными процессами, характерными для наших стран, а также нашей общей историей. В статье акцентируется внимание на необходимости дальнейшего развития института экстрадиции и в качестве примера указывается на возможность создания такого единого института для отдельно взятой группы стран по подобию Европейского ордера на арест.*

***Ключевые слова:** конвенция, соглашения, экстрадиция, заключенные, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, Содружество независимых государств, ордер.*

Проблема экстрадиции осужденных остается актуальной на протяжении многих лет. Связана такая ситуация со многими факторами: с отношениями государств, правоохранительные органы которых должны осуществлять такую экстрадицию, с состоянием внутреннего законодательства этих государств, и, в конечном итоге, с особенностями регулирования процессов передачи подозреваемых, обвиняемых и осужденных в международных соглашениях.

Однако надо понимать, что такое экстрадиция, какие процедуры и действия она может в себя включать.

В отечественной литературе можно обратиться к предложенному В.К. Звирбуль и В.П. Шупиловым определению экстрадиции, согласно которому это «акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора» [1, с. 11]. Что касается зарубежной доктрины, то в работе А. Ауст экстрадиция определена как процедура, в которой лицо, обвиняемое в совершении преступления или осужденное за преступление, в официальном порядке передается в государство, запрашивающее такое лицо, для суда над ним или отбывания наказания [2, р. 246].

---

* Иванов Сергей Анатольевич, доцент кафедры «Международное право» Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук. E-mail: seregatambov@mail.ru

** Середа Елена Васильевна, профессор кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: evs.54@mail.ru

Из приведенных дефиниций можно вывести следующие элементы, отражающие суть экстрадиции.

Во-первых, экстрадиция является актом правовой помощи между государствами. Взаимная правовая помощь – это «совокупность различных форм сотрудничества государств» [3, с. 34].

Во-вторых, в центре экстрадиции находится передача лица, обвиняемого в совершении преступления или осужденного за преступление, в официальном порядке. Такая передача совершается, как правило, в соответствии с формальной процедурой.

В-третьих, экстрадиция, в соответствии с Европейской конвенцией о выдаче 1957 г., осуществляется между государствами, которые именуется «запрашивающее» и «выдающее» [4].

Нормативно-правовой базой экстрадиции, по мнению В.К. Звирбуль и В.П. Шупилова, являются «специальные договоры и нормы национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [1, с. 11]. Как справедливо отмечает Д.Н. Шурухнова, в этот перечень должно быть добавлено и конституционное законодательство [5, с. 14]. Однако не все из перечисленных норм требуются для осуществления экстрадиции. Так, наличие международного договора не является для нее обязательным.

Кроме того, экстрадицию регулируют и международные соглашения. Такие соглашения могут быть двух видов: многосторонние, подписанные и ратифицированные несколькими государствами, приобретающие чаще всего вид конвенции, и двусторонние соглашения, заключенные между двумя конкретными государствами.

В настоящее время имеется более восьмидесяти договоров, в которых закрепляются положения, действующие в области передачи подозреваемых, обвиняемых и осужденных, и имеющие правовое значение лишь для государств, подписавших данное соглашение. Причем именоваться такие договоры могут по-разному: в некоторых случаях это соглашение для отбывания наказания в виде лишения свободы, либо соглашение о правовой помощи или о выдаче. Часто они именуется конвенциями.

Конечно же, интересно проанализировать и те и другие, и выделить сходство, различие, а также определить, какие из них наиболее полно регулируют интересующую нас область правоотношений.

В Содружестве Независимых Государств, на наш взгляд, фактическое отсутствие двусторонних договоров об экстрадиции осужденных между государствами говорит о хорошем качестве многосторонних договоров, заключенных между государствами, входящими в данное Содружество. Речь идет о Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. [6] и Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (в рамках СНГ) [7], принятой в Москве 6 марта 1998 года, которые регулируют отношения по экстрадиции между государствами, входящими в Содружество независимых государств.

Что касается вопросов регулирования при выдаче подозреваемых в совершении преступления другому государству, не входящему в СНГ, то таким документом является Европейская конвенция о выдаче 1957 г. [4].

Однако взаимодействие правоохранительных органов в области борьбы с преступностью не исчерпывается действиями по выявлению и розыску подозреваемых и обвиняемых в другом государстве. Часто возникает необходимость выдачи лиц, уже признанных иностранным государством виновными в совершении преступлений, для отбывания наказания на родине.

Эти вопросы довольно подробно урегулированы в трех международных конвенциях: в Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, принятой в Берлине 19 мая 1978 года [8] (далее – Конвенция ООН); в Конвенции о передаче осужденных лиц, принятой в Страсбурге 21 марта 1983 года [9] и в Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (в рамках СНГ) [7] от 6 марта 1998 года.

Несомненно, что законодательство об экстрадиции необходимо развивать, в том числе и международное. Делать это нужно обоснованно и последовательно.

Можно, например, упростить процедуру экстрадиции и присоединиться к институту Европейского ордера на арест (ЕОА) или, по аналогии, создать такой ордер совместно с отдельными странами СНГ, с кем у нашего государства сложились хорошее взаимодействие в реализации процедур передачи подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Европейский ордер на арест (ЕОА) есть результат развития правовой формы института экстрадиции в Европейском союзе. Чтобы он эффективно заработал в нашей стране, нужно будет перестроить под него национальные уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, что будет сделать совсем непросто, учитывая законодательную разницу и непростые отношения России со странами Европейского союза.

Гораздо проще создать подобие единого института экстрадиции со странами СНГ. Но и здесь нужно будет вовлечь данные страны в процесс по созданию такого института и также учесть их законодательные особенности, которые, конечно же, проявились на протяжении тридцатилетней истории после распада СССР.

Таким образом, многие аспекты развития института экстрадиции на международном уровне подлежат дальнейшему развитию и обсуждению, в которое должно быть включено и максимальное количество стран.

Библиографический список

1. *Звирбуль В.К., Шупилов В.П.* Выдача уголовных преступников. – М., 1974. – 102 с.
2. *Aust A.* Handbook of international law. 2nd ed. Cambridge, 2010. 527 p.
3. *Волженкина В.М.* Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: Учеб. пособие. – СПб., 1999. – 112 с.
4. Европейская конвенция о выдаче (Париж, 13 декабря 1957 года) // [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121346/. (дата обращения: 27.09.2021).
5. *Шурухнова Д.Н.* Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств (права, законные интересы и их гарантии). – М., 2006. – 141 с.
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // [Электронный ресурс] // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942 (дата обращения: 27.09.2021).
7. Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (Москва, 6 марта 1998 г.) (в рамках СНГ) // [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/1154626/> (дата обращения: 27.09.2021).
8. Конвенция ООН «О передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются» (Берлин, 19 мая 1978 года) // [Электронный ресурс] // URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15162#09513682076937269 (дата обращения: 27.09.2021).

9. Европейская Конвенция о передаче осужденных лиц (Страсбург, 21 марта 1983 года) // [Электронный ресурс] // URL: <http://conventions.coe.int> (дата обращения: 27.09.2021).

Для цитирования: Иванов С.А., Серeda Е.В. Экстрадиция и отдельные аспекты ее регулирования в двусторонних и многосторонних международных соглашениях: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 138–141.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.011

Sergey A. Ivanov*
Elena V. Sereda**

EXTRADITION AND CERTAIN ASPECTS OF ITS REGULATION IN BILATERAL AND MULTILATERAL INTERNATIONAL AGREEMENTS

Abstract. *Article discusses the concept of extradition, as well as bilateral and multilateral international agreements concluded on the extradition of suspects, accused and convicted persons, signed and ratified by European States, as well as by all Member States of the United Nations. The article pays special attention to the agreements concluded between the CIS member states, which is explained by the active migration processes characteristic of our countries, as well as our common history. The article focuses on the need for further development of the institution of extradition and, as an example, points to the possibility of creating a single such institution for a single group of countries in the likeness of a European arrest warrant.*

Keywords: *convention, agreements, extradition, prisoners, suspects, accused, convicted, commonwealth of Independent States, warrant.*

The problem of extradition of convicts has remained relevant for many years. This situation is associated with many factors: with the relations of states whose law enforcement agencies must carry out such extradition, with the state of the domestic legislation of these states, and, ultimately, with the specifics of regulating the transfer of suspects, accused and convicted in international agreements.

However, one must understand what extradition is, what procedures and actions it may include.

In the domestic literature, you can refer to the proposed V.K. Zvirbul and V.P. Shupilov's definition of extradition, according to which it is "an act of legal assistance carried out in accordance with the provisions of special treaties and norms of national criminal and criminal procedural legislation, which consists in transferring a criminal to another state for his trial or for the execution of a sentence" [1, With. eleven]. With regard to foreign doctrine, in the work of A. Aust, extradition is defined as a procedure in which a person accused of a crime or convicted of a crime is officially transferred to the state requesting such a person for trial or serving a sentence [2, p. 246].

From the above definitions, the following elements can be derived that reflect the essence of extradition.

---

* *Ivanov Sergey Anatolyevich*, Associate Professor of the Department of International Law of Tambov State Technical University, Candidate of Law. E-mail: seregatambov@mail.ru,

** *Sereda Elena Vasilievna*, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Advanced Doctor (Law), Professor. E-mail: evs.54@mail.ru

First, extradition is an act of legal assistance between states. Mutual legal assistance is "a set of various forms of cooperation between states" [3, p. 34].

Secondly, at the center of extradition is the official transfer of a person accused of a crime or convicted of a crime. This transfer usually follows a formal procedure.

Thirdly, extradition, in accordance with the 1957 European Convention on Extradition, is carried out between states that are called "requesting" and "extraditing" [4].

The legal basis for extradition, according to V.K. Zvirbul and V.P. Shupilov, are "special agreements and norms of national criminal and criminal procedure legislation" [1, p. eleven]. As D.N. Shurukhnov, constitutional legislation should also be added to this list [5, p. fourteen]. However, not all of the listed rules are required for extradition. So, the presence of an international treaty is not obligatory for her.

In addition, international agreements govern extradition. Such agreements can be of two types: multilateral, signed and ratified by several states, which most often acquire the form of a convention, and bilateral agreements concluded between two specific states.

Currently, there are more than eighty treaties, which enshrine the provisions in force in the field of transfer of suspects, accused and convicted, and are of legal significance only for the states that have signed this agreement. Moreover, such agreements can be named in different ways: in some cases, this is an agreement for serving a sentence in the form of imprisonment, or an agreement on legal assistance or extradition. They are often referred to as conventions.

Of course, it is interesting to analyze both those and others, and highlight the similarities, differences, and also determine which of them most fully regulate the area of legal relations that interests us.

In the Commonwealth of Independent States, in our opinion, the actual absence of bilateral treaties on the extradition of convicted persons between states speaks of the good quality of the multilateral treaties concluded between the states that are members of this Commonwealth. We are talking about the Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases of 1993 [6] and the Convention on the Transfer of Sentenced to Deprivation of Liberty for Further Serving of Sentence (within the CIS) [7], adopted in Moscow on March 6 1998, which regulate extradition relations between states belonging to the Commonwealth of Independent States.

Regarding the issues of regulation in the extradition of suspects in committing a crime to another state outside the CIS, such a document is the 1957 European Convention on Extradition [4].

However, the interaction of law enforcement agencies in the field of combating crime is not limited to actions to identify and search for suspects and accused in another state. It is often necessary to extradite persons already found guilty of crimes by a foreign state to serve their sentences at home.

These issues are regulated in some detail in three international conventions: the Convention on the Transfer of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty to Serve Sentences in the State of Which They Are Citizens, adopted in Berlin on May 19, 1978 [8] (hereinafter – the UN Convention); in the Convention on the Transfer of Sentenced Persons, adopted in Strasbourg on March 21, 1983 [9] and in the Convention on the Transfer of Sentenced to Deprivation of Liberty for Further Serving of Sentence (within the CIS) [7] of March 6, 1998.

There is no doubt that the legislation on extradition needs to be developed, including the international one. This must be done reasonably and consistently.

It is possible, for example, to simplify the extradition procedure and join the institution of the European Warrant of Arrest (EOA) or, by analogy, create such a warrant together with individual CIS countries, with whom our state has developed good cooperation in the implementation of procedures for the transfer of suspects, accused and convicted persons.

The European Arrest Warrant (ERA) is the result of the development of the legal form of the institution of extradition in the European Union. In order for it to work effectively in our country, it will be necessary to restructure the national criminal and criminal procedural legislation for it, which will not be easy to do, given the legislative difference and the difficult relations between Russia and the countries of the European Union.

It is much easier to create a semblance of a single institution for extradition with the CIS countries. But even here it will be necessary to involve these countries in the process of creating such an institution and also take into account their legislative features, which, of course, manifested themselves over the course of thirty years of history after the collapse of the USSR.

So, many aspects of the development of the institution of extradition at the international level are subject to further development and discussion, which should include the maximum number of countries.

Bibliographic list

1. Zvirbul V.K., Shupilov V.P. Extradition of criminals. Moscow, 1974. 102 p.
2. Aust A. Handbook of international law. 2nd ed. Cambridge, 2010. 527 p.
3. Volzhenkina V.M. Provision of legal assistance in criminal cases in the field of international cooperation: Textbook. allowance. St. Petersburg, 1999. 112 p.
4. European Convention on Extradition (Paris, December 13, 1957) // [Electronic resource]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121346/. (date of access: 09/27/2021).
5. Shurukhnova D.N. Extradition, transfer and expulsion of persons in relations between states (rights, legitimate interests and their guarantees). Moscow, 2006. 141 p.
6. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Concluded in Minsk on January 22, 1993) (as amended on March 28, 1997) (entered into force on May 19, 1994, for the Russian Federation on December 10, 1994) // [Electronic resource] // URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942 (date of access: 09/27/2021).
7. Convention on the Transfer of Sentenced to Deprivation of Liberty for Further Serving of Sentence (Moscow, March 6, 1998) (within the CIS) // [Electronic resource] // URL: <https://base.garant.ru/1154626/> (date of access: 09/27/2021).
8. UN Convention "On the Transfer of Persons Sentenced to Deprivation of Liberty to Serve Sentences in the State of Which They Are Citizens" (Berlin, May 19, 1978) // [Electronic resource] // URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15162#09513682076937269 (date accessed: 09/27/2021).
9. European Convention on the Transfer of Sentenced Persons (Strasbourg, March 21, 1983) // [Electronic resource] // URL: <http://conventions.coe.int> (date accessed: 09/27/2021).

Please cite this paper as: Ivanov S.A., Sereda E.V. Extradition and certain aspects of its regulation in bilateral and multilateral international agreements: article // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 141–143.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.011

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.012

П.В. Ивлиев*

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются некоторые аспекты регулирования деятельности отечественных средств массовой информации. Проводится анализ норм российского законодательства, начиная с общих положений основного закона государства, федерального законодательства в области свободы печати и слова, норм административного, гражданского и уголовного права в сфере организации и функционирования указанных юридических лиц. Кроме того, автором рассматриваются органы и учреждения, уполномоченные регулировать отдельные вопросы деятельности СМИ.

Ключевые слова: основной закон, нормы отечественного законодательства, средства массовой информации, регулирование, свобода слова и печати.

Современное общество уже давно стало зависимым от информационных процессов, происходящих во всем мире. Современные средства массовой информации (далее – СМИ) стали тем необходимым средством, позволяющим донести информацию до потребителя. Именно такой подход к деятельности СМИ в качестве уполномоченного лица, способного выразить общественное мнение и как своеобразного инструмента его закрепления, как поставщика общественно значимой информации, находит свое отображение в нормах законов разных государств.

Они не только являются эффективным механизмом распространения и получения информации, но и приобрели особый характер в создании основ демократии, политического разнообразия, открытости государства и различных сфер государственной и общественной жизни, в защите прав и свобод человека и гражданина.

Права и обязанности участников информационных отношений, установленные законом нормы и принципы правовых актов, обогатили свободу слова, печати, критики, закрепили недопустимость злоупотребления правом на получение доступа и использование информации, политический плюрализм и многое другое [10, 14].

В связи с активным участием России в глобальных интеграционных процессах и международной политике, наличием проблем законодательного регулирования СМИ и устареванием правил и норм законодательства, не способных повлиять на новые проблемы в области СМИ, на фоне разнообразных дискуссий все чаще раздаются призывы к созданию новой правовой базы и актуализации механизмов нормативно-правового регулирования деятельности СМИ.

Законодательство о средствах массовой информации в Российской Федерации представляет собой систему нормативных правовых актов, начиная с норм Конституции Российской Федерации, которая, обладая наивысшей юридической силой

---

* Ивлиев Павел Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

в Российской Федерации, устанавливает права и принципы свободы слова, выражения мнений и печати, которые стали гарантом и основой существования массового института информации в России [17].

Статья 29 Конституции России устанавливает, что свобода слова и мысли гарантирована каждому человеку и гражданину [1, 15]. Также эта статья закрепляет свободы и права, непосредственно связанные с развитием равных возможностей для абсолютно каждого человека и гражданина для общения с разными людьми на основе конкуренции мнений и идей, а также самовыражения. Все права и свободы, перечисленные в этой статье, а именно мысли, слова, агитация, пропаганда, мнения, убеждения, информация и свобода цензуры, имеют одинаковое и сходное значение и также не могут применяться без учета существующей системной связи друг с другом.

Конституция России рассматривает свободу мысли и речи как единое и неразрывное право выражать собственное мнение и мысли свободно.

Понятия «свободы слова», «свободы массовой информации» ограничиваются нормами Конституции и специального закона, а именно Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [5]. Так, например в ст. 1 сказано о свободе СМИ, что в первую очередь означает: не могут быть ограничены – прием, поиск, распространение, а также производство массовой информации; учреждение масс медиа, владение, распоряжение и использование ими, а также приобретение, изготовление, эксплуатация оборудования, технических устройств, их хранения и складирования материалов, сырья, предназначенного для продажи и производства продукции СМИ.

В последние годы система законодательного регулирования, определяющая работу российских СМИ, претерпела значительные изменения, что привело к заметному обострению характера и увеличению случаев ограничения свободы прессы, и конкретно в отношении использования Интернета. Эти законодательные изменения могут оказать серьезное влияние на условия деятельности журналистов и сотрудников новостных источников в нашей стране. В связи с этим стоит рассмотреть проблему правового регулирования деятельности СМИ в современных условиях с учетом введения в их деятельность цифровых технологий и других коммуникаций.

Если сравнивать терминологию, применимую к деятельности СМИ в России и зарубежных странах, то можно убедиться, что в нашей стране и Европейском Союзе термин «свобода слова» определен четкими содержательными и правовыми рамками, установленными законодательством трех сторон [11].

Современные международные стандарты в области масс медиа требуют, чтобы каждое государство гарантировало соблюдение права на свободу слова и заботилось о том, чтобы это право было реализовано во внутреннем законодательстве. Любой законодательный акт, ограничивающий право на свободу мнения и выражения, должен выполнять орган, не зависимый от любого политического, коммерческого или иного нежелательного влияния, без своеволия или дискриминации, с обеспечением достаточных мер предосторожности против злоупотребления, включая возможность опротестования и средства юридической защиты против его неправомерного применения [12].

Отдельная тема – это то, что входит в перечень понятия «СМИ». В России это «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиостанция, телевизионная программа, радиопрограмма, видеопрограмма, еженедельная программа, другая форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием» [16].

На уровне Европейского Союза термин «средства массовой информации» не установлен законодательством. Толкование этого определения в основном дается национальным законодательством государств-членов Европейского Союза [13]. Однако, Европейский союз, проработав деятельность интернет медиа, предусмотрел их доминирующее положение на будущее и глобализацию всех СМИ на площадки подобных ресурсов.

Так для регулирования выражения мнений в Интернете руководством ЕС по правам человека в области свободы слова, выражения собственного мнения были разработаны и утверждены определенные правила, в которых даются понятия и определения, а также констатируются наличие определенных дефиниций, необходимых для деятельности в интернет пространстве [18].

Если обратить внимание на «делового партнера» России, то при сравнении механизмов понятийного аппарата, регулирования организации и деятельности, можно заметить, что в США, например, нет единой законодательной системы, регулирующей деятельность средств массовой информации. Там существуют лишь отдельные федеральные законы и законы отдельных штатов, которые регулируют свободу информации и слова, деятельность СМИ [9].

Интересным является вопрос об ответственности за нарушение законодательства о масс медиа. Необходимо отметить, что в России она определена рамками Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [5], а также различными кодексами [2, 3, 4]. Так, например ответственность за нарушение норм регулирующих деятельность СМИ установлена Законом Российской Федерации «О государственной тайне» [6] и иными нормативными правовыми актами [19].

Закон Российской Федерации «О государственной тайне» предусматривает возмещение ущерба, который был нанесен собственнику информации. И размер данной компенсации определяется решением суда [6]. В данной ситуации речь идет о том, что органы государственной власти могут принимать решения о засекречивании информации, которая принадлежит разным организациям. И данного рода засекречивание может причинить ущерб собственнику или ограничить его в правах. Защитить свои права собственник информации может путем подачи в суд. А суд уже своим решением осуществит защиту прав данной организации, являющейся собственником информации.

Также необходимо отметить, что масс медиа напрямую подпадают под действие норм конституционного права. Конституция РФ в себе содержит гарантии информационного разнообразия, что соответствует принципу плюрализма, а также нормы регулирующие свободу деятельности СМИ.

Возвращаясь к кодифицированному регулированию масс медиа, необходимо отметить, что отечественное гражданское законодательство своими нормами регулирует имущественные, а также связанные с ними личные неимущественные отношения, которые возникают в сфере массовой медиа деятельности во время распространения и сбора информации. Необходимо отметить, что нормами гражданского права регулируются защита интеллектуальной собственности, честь, достоинство, а также деловая репутация не только отдельно взятых СМИ, но и журналистов. Авторское право и смежные с ним права также основываются на нормах Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку практически все материалы в своем представлении и транслировании, создании и подаче являются уникальными [2].

Административное право, в свою очередь, регулирует порядок взаимодействия СМИ непосредственно с органами исполнительной власти и как следствие устанавливает ответственность за административные проступки в сфере масс медиа. Так, например, административное законодательство содержит в себе нормы, устанавливающие ответственность за распространение средством массовой информации сведений, о разного рода организациях или объединениях, в отношении которых уже принято и действует судебное решение о ликвидации данных структур либо о запрете их деятельности, в случае если данное СМИ в своем сообщении не указало о том, что деятельность данной организации запрещена или организация ликвидирована. За данное правонарушение предусмотрен штраф в размере до пятидесяти тысяч рублей. Также необходимо отметить, что административное законодательство содержит норму о злоупотреблении свободой массовой информации, в которой содержится запрет на распространение информации, содержащей всевозможные скрытые вставки, которые воздействуют на подсознание людей и могут оказать вредное влияние на их здоровье. За подобного рода проступки установлено максимальное наказание в виде штрафа до пятидесяти тысяч рублей [3].

На законодательном уровне определены процессы финансового обеспечения СМИ и другие вопросы, связанные с необходимостью их содержания. Поскольку можно различить государственные или как их ещё иначе называют бюджетные новостные источники, а также платные масс медиа, существующие за счёт средств потребителей, подписные, общественные – финансируемые за счет средств фондов общественных организаций и добровольных пожертвований частных лиц и организаций, и, конечно же, коммерческие или самокупаемые за счет рекламы и арендные СМИ, то и возможности получения финансирования будет разделяться соответственно. Сегодня финансирование СМИ производится с помощью адресных дотаций или субсидий, разрешено использовать для деятельности масс медиа и частный капитал. Возможно использование средств спонсорства через рекламу. Ведь в настоящее время феномен активного развития и продвижения рекламных изданий – это явление, которое вызвано необходимостью быстрой адаптации к меняющимся условиям жизни общества.

Уголовное законодательство устанавливает ответственность за совершение ряда преступлений в сфере деятельности СМИ. Например, статья 128.1 Уголовного кодекса РФ «Клевета» предусматривает наказание, в случае если она содержится в публичном выступлении лица, например через масс медиа, и для данного субъекта заранее понятно что информация является заведомо ложной. Также необходимо отметить, что УК РФ содержит ответственность, в случае публичного распространения общественно значимой информации, под видом достоверных сообщений при условии, что данный субъект заведомо понимает, что данная информация ложная. Наказание предусмотренное за такого рода деяние может быть до пяти лет лишения свободы. А в случае распространения информации, которая также является заведомо ложной для данного субъекта, представляющая угрозу жизни и безопасности граждан предусматривается ответственность до трех лет ограничения свободы [4].

Кроме норм законодательного характера существуют механизмы регулирования СМИ органами, контролирующими деятельность прессы. Заложив основу для всей индустрии СМИ, печатные масс медиа сегодня являются старейшей формой новостных источников. Этот факт, несомненно, влияет на правопорядок функционирования этой отрасли и позволяет более глубоко понять основные принципы ее регулирования по сравнению с другими формами средств массовой информации.

В настоящее время регистрация и надзор за печатными СМИ установлены в России законодательством, например в Законе Российской Федерации о СМИ [5] и Постановлении Правительства от 16.03.2009 № 228 [7], относительно полномочий Роскомнадзора. Последний, как федеральный орган исполнительной власти, находится в ведении Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. Стоит отметить, что полномочия данного органа распространяются на все формы СМИ, в том числе и на печатные.

Роскомнадзор, в соответствии с пунктом 5 статьи 4 Постановления Правительства № 228, в настоящее время осуществляет выдачу регистрационного разрешения на осуществление полиграфической деятельности. При регистрации СМИ взимается плата на основании налогового законодательства – госпошлина. В Законе о СМИ установлен ряд условий для отказа в выдаче регистрации и причина приостановления действия уже выданного разрешения.

Между тем, компетенция Министерства связи и массовых коммуникаций РФ в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 2 июня 2008 г. № 418 охватывает: внедрение проектов федеральных законов Правительству и самостоятельное принятие нормативных правовых актов по вопросам, отнесенным к установленной сфере компетенции Министерства и сферы компетенции Федеральной службы и федеральных органов власти, которые относятся в сфере надзора за СМИ и т.д. [8].

Отметим, что регулирование деятельности печатных СМИ в Германии довольно либерально. Создание печатных СМИ не требует разрешения, а для выхода в свет газеты или журнала, как правило, нужно выполнить лишь несколько формальных требований (в наличии должен быть список сотрудников редакции, имени и адреса издателя, эксплуатационные характеристики, тираж и т. д.).

Основная ответственность за содержание материалов, которые будут опубликованы, в том числе проверка источников информации лежит на самих СМИ. В то же время, созданная в соответствии с принципами саморегулирования специальная независимая структура – Совет по печати оказывает контролирующее влияние на прессу. В том виде, в каком он существует сейчас, Совет ведет свою историю с 1985 году. Эта структура была создана 4 организациями: Союзом издателей газет, Союзом издателей журналов, Немецким союзом журналистов и Профсоюзом работников масс медиа и культуры.

Необходимо отметить, что анализ механизма правового регулирования масс медиа, а также, входящих в него органов исполнительной власти в России, США и Германии показывает, что, в отличие от западных стран в России, инстанция, которая регулирует деятельность СМИ, входит в состав исполнительной ветви власти, и, следовательно, зависит от нее, организации, которые осуществляют контроль за телерадиовещанием непосредственно подчиняются законодательным органам. В США таким органом является Конгресс, в Германии – правительства земель, а в России Роскомнадзор подотчетен Министерству связи и массовых коммуникаций.

Однако, в целом, в США и Германии регулирование деятельности прессы носит более либеральный характер, основывающийся на принципе саморегулирования, что в целом совпадает с механизмом правового регулирования деятельности СМИ, которая выстроена в России.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ, часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // www.consultant.ru
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // www.consultant.ru
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // www.consultant.ru
5. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // www.consultant.ru
6. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 11.06.2021) «О государственной тайне» // www.consultant.ru
7. Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 (ред. от 17.08.2021) «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // www.consultant.ru
8. Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 (ред. от 29.09.2021) «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» // www.consultant.ru
9. Анализ законов о СМИ разных стран показал реальную картину со свободой слова в мире. – (Электронный ресурс) // URL: <https://politexpert.net/145042-analiz-zakonov-o-smi-raznykh-stran-pokazal-realnyu-kartinu-so-svobodoi-slova-v-mire> (дата обращения 02.11.2021 г.).
10. Воробьев С.М., Зотова Н.В., Комаров С.А., Лещенко О.В., Курмаев Р.М. Правосознание и правовая культура граждан России: теоретико-правовые проблемы: статья // *Dilemas contemporáneos: educación, política y valores* // <http://www.dilemascontemporaneoseduccionpoliticaayvalores.com/> Año: VII Número: Edición Especial Artículo №: 108 Período: Noviembre, 2019.
11. Горниг Г., Витвицкая О. Право Европейского союза. – СПб: Питер, 2005. – 226 с.
12. Доклад 2011 г. СД ООН Франка Ля Рю (Frank La Rue) о свободе выражения мнений: A/HRC/17/27. – (Электронный ресурс) // URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения 02.11.2021 г.).
13. Коливер С. Сравнительный анализ законодательства о прессе в Европейских и других демократиях // *Законы и практика СМИ в одиннадцати демократиях мира (сравнительный анализ)*. – М.: «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА», 1998. – С. 162–185.
14. Комаров С.А., Ревнов Б.А. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // *Oxford Journal of Legal Studies*, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. P. 1188–1197.
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
16. Омарова А.М. Средства массовой информации в правовом пространстве России: теоретический аспект // *Юридический вестник ДГУ*. – Т. 32. – 2019. – № 4. – С. 51–57.
17. Рубцова Е., Давдариани Н. Сравнительный анализ систем правового регулирования средств массовой информации в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Европейском союзе // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2018. – Т. 7. – № 4(25). – С. 356–358.
18. Руководство ЕС по правам человека в области свободы выражения мнений в интернете и вне его. – (Электронный ресурс) // URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_human_rights_guidelines_on_freedom_of_expression_online_and_offline_ru.pdf#:~:text=Любой%20законодательный%20акт%2C%20ограничивающий%20право,защиты%20против%20его%20незаконного%20применения8 (дата обращения 02.11.2021 г.).
19. Стровский, Д.Л. Отечественная журналистика новейшего периода. Учебное пособие / Д.Л. Стровский. – М.: Юнити, 2018. – 199 с.

Для цитирования: *Ивлиев П.В.* Механизм правового регулирования деятельности СМИ в современной России: сравнительный анализ: статья // *Теория государства и права*. – 2021. – № 4 (25). – С. 144–149.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.012

THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF MEDIA ACTIVITY IN MODERN RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. *This study examines some aspects of the regulation of the activities of domestic media. The article analyzes the norms of domestic legislation, starting with the general provisions of the main law of the state, federal legislation in the field of freedom of the press and speech, norms of administrative, civil and criminal law in the field of organization and functioning of these legal entities. In addition, the author examines the bodies and institutions authorized to regulate certain issues of the media.*

Keywords: *basic law, norms of domestic legislation, mass media, regulation, freedom of speech and press.*

Modern society has long become dependent on information processes taking place all over the world. Modern mass media (hereinafter referred to as mass media) have become the necessary means to convey information to the consumer. It is this approach to the activities of the media as an authorized person capable of expressing public opinion and as a kind of instrument for securing it, as a provider of socially significant information, which is reflected in the laws of different states.

They are not only an effective mechanism for disseminating and receiving information, but also acquired a special character in creating the foundations of democracy, political diversity, openness of the state and various spheres of state and public life, in protecting human and civil rights and freedoms.

The rights and obligations of participants in information relations, the norms and principles of legal acts established by law have enriched freedom of speech, press, criticism, reinforced the inadmissibility of abuse of the right to access and use information, political pluralism and much more [10, 14].

Due to the active participation of Russia in global integration processes and international politics, the presence of problems of legislative regulation of the media and the obsolescence of the rules and regulations of legislation that are unable to influence new problems in the field of the media, amid various discussions, calls are increasingly being heard for the creation of a new legal framework and updating the mechanisms of legal regulation of media activities.

The legislation on the mass media in the Russian Federation is a system of normative legal acts, starting with the norms of the Constitution of the Russian Federation, which, possessing the highest legal force in the Russian Federation, establishes the rights and principles of freedom of speech, expression of opinion and the press, which have become the guarantor and basis of existence mass institute of information in Russia [17].

Article 29 of the Constitution of Russia establishes that freedom of speech and thought is guaranteed to every person and citizen [1, 15]. Also, this article enshrines freedoms and rights directly related to the development of equal opportunities for absolutely every person and citizen to communicate with different people on the basis of competition of opinions and ideas, as well as self-expression. All rights and freedoms listed in this ar-

---

* *Ivliev Pavel Valentinovich*, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Institute for the Training of State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. E- mail: ivliev_pv@mail.ru

title, namely thoughts, words, agitation, propaganda, opinions, beliefs, information and freedom of censorship, have the same and similar meaning and also cannot be applied without taking into account the existing systemic connection with each other.

The Russian Constitution considers freedom of thought and speech as a single and indissoluble right to express one's own opinion and thoughts freely.

The concepts of "freedom of speech", "freedom of the media" are limited by the norms of the Constitution and a special law, namely the Law of the Russian Federation "On the Mass Media" [5]. So, for example, in Art. 1 says about freedom of the media, which primarily means: the reception, search, distribution, and production of mass information cannot be limited; the establishment of mass media, their possession, disposal and use, as well as the acquisition, manufacture, operation of equipment, technical devices, their storage and storage of materials, raw materials intended for the sale and production of media products.

In recent years, the system of legislative regulation that determines the work of the Russian media has undergone significant changes, which led to a noticeable aggravation of the nature and an increase in cases of restrictions on freedom of the press, and specifically in relation to the use of the Internet. These legislative changes could have a serious impact on the working environment for journalists and news workers in our country. In this regard, it is worth considering the problem of legal regulation of media activities in modern conditions, taking into account the introduction of digital technologies and other communications into their activities.

If we compare the terminology applicable to the activities of the media in Russia and foreign countries, we can be convinced that in our country and the European Union the term "freedom of speech" is defined by a clear content and legal framework established by the legislation of the three parties [11].

Modern international standards in the field of mass media require each state to guarantee the observance of the right to freedom of speech and to ensure that this right is realized in domestic legislation. Any piece of legislation that restricts the right to freedom of opinion and expression must be carried out by a body independent of any political, commercial or other unwanted influence, without arbitrariness or discrimination, with adequate safeguards against abuse, including the possibility of opposition and remedies against it unauthorized use [12].

A separate topic is what is included in the list of the concept of "mass media". In Russia, this is "a periodical printed publication, a network publication, a TV channel, a radio station, a television program, a radio program, a video program, a weekly program, and another form of periodic distribution of mass information under a permanent name" [16].

At the level of the European Union, the term "mass media" is not established by law. The interpretation of this definition is mainly given by the national legislation of the Member States of the European Union [13]. However, the European Union has worked out the activities of Internet media, foreseeing their dominant position in the future and the globalization of all media on sites of such resources.

So for the regulation of expression of opinions on the Internet, the EU leadership on human rights in the field of freedom of speech, expression of one's own opinion developed and approved certain rules, which give concepts and definitions, and also state the presence of certain definitions necessary for activities in the Internet space [18] ...

If we pay attention to the "business partner" of Russia, then when comparing the mechanisms of the conceptual apparatus, regulation of organization and activity, it can be

noted that in the United States, for example, there is no single legislative system that regulates the activities of the media. There are only separate federal laws and laws of individual states that regulate freedom of information and speech, media activities [9].

An interesting question is the question of responsibility for violation of legislation on mass media. It should be noted that in Russia it is determined by the framework of the Law of the Russian Federation "On the Mass Media" [5], as well as by various codes [2, 3, 4]. So, for example, responsibility for violation of the norms governing the activities of the media is established by the Law of the Russian Federation "On State Secrets" [6] and other regulatory legal acts [19].

The Law of the Russian Federation "On State Secrets" provides for compensation for damage that was caused to the owner of the information. And the amount of this compensation is determined by a court decision [6]. In this situation, we are talking about the fact that public authorities can make decisions on classifying information that belongs to different organizations. And this kind of classification can harm the owner or limit his rights. The owner of the information can protect his rights by filing a lawsuit. And the court, by its own decision, will protect the rights of this organization, which is the owner of the information.

It should also be noted that the mass media are directly subject to the norms of constitutional law. The Constitution of the Russian Federation contains guarantees of information diversity, which corresponds to the principle of pluralism, as well as norms regulating the freedom of the media.

Returning to the codified regulation of the mass media, it should be noted that the domestic civil legislation, with its norms, regulates property and personal non-property relations associated with them that arise in the field of mass media activities during the dissemination and collection of information. It should be noted that the norms of civil law regulate the protection of intellectual property, honor, dignity, as well as the business reputation of not only individual media outlets, but also journalists. Copyright and related rights are also based on the norms of the Civil Code of the Russian Federation, since almost all materials in their presentation and broadcasting, creation and presentation are unique [2].

Administrative law, in turn, regulates the procedure for interaction of the media directly with the executive authorities and, as a result, establishes responsibility for administrative violations in the field of mass media. So, for example, administrative legislation contains norms establishing responsibility for the dissemination of information by the mass media about various kinds of organizations or associations, in respect of which a court decision has already been made and is in force on the liquidation of these structures or on the prohibition of their activities, if this The media in their message did not indicate that the activities of this organization were prohibited or that the organization was liquidated. For this offense, a fine of up to fifty thousand rubles is provided. It should also be noted that the administrative legislation contains a rule on abuse of freedom of the media, which contains a ban on the dissemination of information containing all kinds of hidden inserts that affect the subconscious of people and may have a harmful effect on their health. For such offenses, the maximum penalty is established in the form of a fine of up to fifty thousand rubles [3].

Financial law establishes at the legislative level the processes of financial support of the media and other issues related to the need for their content. Since it is possible to distinguish between state or, as they are called otherwise, budget news sources, as well as paid mass media, existing at the expense of consumers, subscription, public – funded by funds of public organizations and voluntary donations from individuals and organizations, and of course commercial or self-sustaining through advertising and rental media, then

funding opportunities will be shared accordingly. Today, the funding of the media is carried out with the help of targeted grants or subsidies; it is allowed to use the media and private capital for the activities. It is possible to use sponsorship funds through advertising. Indeed, at present, the phenomenon of active development and promotion of advertising publications is a phenomenon that is caused by the need to quickly adapt to the changing conditions of society.

Criminal legislation establishes responsibility for the commission of a number of crimes in the field of media activities. For example, article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Libel" provides for punishment if it is contained in a public statement of a person, for example through the mass media, and it is clear to the given subject in advance that the information is deliberately false. It should also be noted that the Criminal Code of the Russian Federation contains responsibility, in the event of public dissemination of socially significant information, under the guise of reliable messages, provided that the subject knowingly understands that this information is false. The punishment provided for this kind of act can be up to five years in prison. And in the case of dissemination of information, which is also deliberately false for the given subject, posing a threat to the life and safety of citizens, liability is provided for up to three years of restriction of freedom [4].

In addition to legislative norms, there are mechanisms for regulating the media by the bodies that control the activities of the press. Having laid the foundation for the entire media industry, print media are today the oldest form of news sources. This fact undoubtedly affects the legal order of the functioning of this industry and allows a deeper understanding of the basic principles of its regulation in comparison with other forms of mass media.

Currently, registration and supervision of print media are established in Russia by legislation, for example, in the Law of the Russian Federation on Mass Media [5] and Government Decree No. 228 of March 16, 2009 [7], regarding the powers of Roskomnadzor. The latter, as a federal executive body, is under the jurisdiction of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation. It should be noted that the powers of this body apply to all forms of media, including print media.

Roskomnadzor, in accordance with paragraph 5 of Article 4 of Government Decree No. 228, is currently issuing a registration permit for printing activities. When registering a media outlet, a fee is charged on the basis of tax legislation – state duty. The Law on Mass Media establishes a number of conditions for refusing to issue registration and the reason for the suspension of an already issued permit.

Meanwhile, the competence of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation in accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation of June 2, 2008 No. 418 covers: the introduction of draft federal laws to the Government and the independent adoption of regulatory legal acts on issues related to the established sphere of competence of the Ministry and the sphere of competence of the Federal services and federal authorities that relate to media supervision, etc. [8].

Note that the regulation of print media in Germany is quite liberal. The creation of print media does not require permission, and for the publication of a newspaper or magazine, as a rule, only a few formal requirements need to be fulfilled (there must be a list of editorial staff, the name and address of the publisher, operational characteristics, circulation, etc.).

The main responsibility for the content of materials to be published, including verification of sources of information, lies with the media themselves. At the same time, a special independent structure, the Press Council, created in accordance with the principles of

self-regulation, exerts a controlling influence on the press. In the form in which it exists now, the Council traces its history since 1985. This structure was created by 4 organizations: the Union of Newspaper Publishers, the Union of Magazine Publishers, the German Union of Journalists and the Trade Union of Media and Culture Workers.

It should be noted that the analysis of the mechanism of legal regulation of the mass media, as well as the executive authorities in Russia, the USA and Germany, which are part of it, shows that, in contrast to Western countries in Russia, the authority that regulates the activities of the media is part of the executive branch of authorities, and therefore dependent on it, the organizations that exercise control over television and radio broadcasting are directly subordinate to the legislature. In the United States, such a body is the Congress, in Germany – the government of the states and in Russia Roskomnadzor is accountable to the Ministry of Communications and Mass Media.

However, in general, in the United States and Germany, regulation of the press is more liberal in nature, based on the principle of self-regulation, which generally coincides with the mechanism of legal regulation of media activities, which is built in Russia.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Civil Code of the Russian Federation: part one of November 30, 1994 No. 51-FZ, part two of January 26, 1996 No. 14-FZ, part three of November 26, 2001 No. 146-FZ, part four of 18 December 2006 No. 230-FZ // www.consultant.ru
3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 No. 195-FZ // www.consultant.ru
4. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ // www.consultant.ru
5. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on July 1, 2021) "On the Mass Media" (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2021) // www.consultant.ru
6. Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 No. 5485-1 (as amended on June 11, 2021) "On state secrets" // www.consultant.ru
7. Decree of the Government of the Russian Federation of March 16, 2009 No. 228 (as revised on August 17, 2021) "On the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media" // www.consultant.ru
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.06.2008 No. 418 (as amended on 29.09.2021) "On the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation" // www.consultant.ru
9. Analysis of media laws in different countries showed a real picture of freedom of speech in the world. (Electronic resource) // URL: <https://politexpert.net/145042-analiz-zakonov-o-smiraznykh-stran-pokazal-realnyu-kartinu-so-svobodoi-slova-v-mire> (access date 02.11.2021).
10. Vorobiev S.M., Zotova N.V., Komarov S.A., Leshchenko O.V., Kurmaev R.M. Legal awareness and legal culture of Russian citizens: theoretical and legal problems: article // Dilemas contemporáneos: educación, política y valores // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpolitica-y-valores.com/> Año: VII Número: Edición Especial Artículo No: 108 Período: Noviembre, 2019.
11. Gornig G., Vitvitskaya O. Law of the European Union. Saint Petersburg: Peter, 2005. 226 p.
12. 2011 UNSC Frank La Rue Report on Freedom of Expression: A / HRC / 17/27. (Electronic resource) // URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (access date 02.11.2021).

13. Coliver S. Comparative analysis of press legislation in European and other democracies // Laws and practice of mass media in eleven democracies of the world (comparative analysis). Moscow: "HUMAN RIGHTS", 1998. P. 162–185.

14. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. P. 1188–1197.

15. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 333 p. – (Series: Professional Commentary).

16. Omarova A.M. Mass media in the legal space of Russia: theoretical aspect // Legal Bulletin of DSU. T. 32. 2019. No. 4. P. 51- 57.

17. Rubtsova E., Davdariani N. Comparative analysis of the systems of legal regulation of the media in the Russian Federation, the United States of America and the European Union // Baltic Humanitarian Journal. 2018. T. 7. No. 4 (25). P. 356–358.

18. EU Human Rights Guidelines on Freedom of Expression Online and Offline. – (Electronic resource) // URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_human_rights_guidelines_on_freedom_of_expression_online_and_offline_en.pdf #: ~: text = Any% 20 legislative% 20act% 2C% 20bounding% 20volt% 20protection% 20 20% 20 unauthorized% 20 use8 (date of circulation 02.11.2021).

19. Strovsky, D.L. Domestic journalism of the latest period. Study guide / D.L. Strovsky. Moscow: Unity, 2018. 199 p.

For citation: Ivliev Pavel V. The mechanism of legal regulation of media activity in modern Russia: comparative analysis // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 150–155.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.012

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.013

И.И. Корякин*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА

***Аннотация.** В статье рассматривается правовой статус прокуратуры Российской Федерации, как государственного органа. Характеризуются понятие и признаки, принципы и механизмы ее формирования, основное статусное положение и полномочия, правовое регулирование деятельности прокуратуры Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** Прокуратура Российской Федерации, правовой статус, федеральный государственный орган, правовое регулирование.*

В сфере правового регулирования определение статуса любого субъекта права предполагает ответ на вопросы о том, что является содержанием его статуса, что входит в него, как решается та или иная проблема и на каком основании.

Правовое регулирование государственного управления – это деятельность государства по установлению правил организации и функционирования (деятельности) государственных органов. Его предназначением является упорядочение полномочий организационных структур и управленческой деятельности государственных органов.

С другой стороны, правовое регулирование – процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права) [3, с. 466].

Рассмотрим правовое регулирование государственного управления, в центре которого находится правовой статус государственного органа – прокуратуры Российской Федерации. Правовой статус прокуратуры Российской Федерации, как государственного органа характеризуется, во-первых тем, какое место прокуратура Российской Федерации занимает в системе государственных органов. Деятельность государства и его органов охватывает различные сферы жизни: законодательную, исполнительную и судебную власти (по горизонтали) или федеральный уровень, уровень субъектов Федерации либо местному самоуправлению (по вертикали), а также какая-либо подсистема органов исполнительной власти создает основу для формирования их правовых статусов.

Правовой статус государственного органа – прокуратуры Российской Федерации характеризует ее государственно-правовую природу и место в системе государственного управления.

Во-вторых, правовой статус прокуратуры Российской Федерации определяет совокупность управленческих функций и полномочий как государственного органа.

В-третьих, правовой статус государственного органа предполагает юридическое закрепление его структуры, формы и методов функционирования, правовой ор-

---

* Корякин Иван Иннокентьевич, доцент кафедры конституционного, муниципального и международного права Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ivaninnok@mail.ru

ганизации – деятельности в единой централизованной системе органов прокуратуры Российской Федерации, осуществляющих от имени государства надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории РФ. Компетенция каждой структуры прокуратуры Российской Федерации должна быть реализована соответствующими должностными лицами, в определенных правовых формах при использовании правовых методов.

Таким образом, составными предмета правового регулирования деятельности прокуратуры Российской Федерации являются цели, полномочия, принципы, структуры, формы, методы, стадии, операции, процедуры и другие государственно-правовые структуры государственного управления.

В свете этих требований в правовом регулировании государственного регулирования в сфере деятельности прокуратуры Российской Федерации основополагающее значение принадлежит Конституции Российской Федерации [1; 7]. В ней, как известно, содержатся как общие нормы, закрепляющие в качестве высшей ценности права и свободы человека и гражданина, отсюда признание, соблюдение, защита которых является обязанностью государства, так и конкретные нормы, определяющие основные направления функционирования прокуратуры в российском государстве.

В статье 129 Конституции Российской Федерации определен правовой статус прокуратуры:

- единая федеральная централизованная система органов;
- осуществляет надзор: за соблюдением Конституции Российской Федерации; за исполнением законов; за соблюдением прав и свобод человека и гражданина;
- осуществляет уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями [1, 7].

Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Основные положения о деятельности структурных подразделений прокуратуры определяются нормативными правовыми актами, в каждый из них включены положения о статусе, компетенции и деятельности соответствующих звеньев системы прокуратуры. Ведомственные нормативные правовые акты регулируют отдельные направления их деятельности.

Исходя из российского законодательства и правовой теории, прокуратура Российской Федерации – самостоятельный орган государства, не принадлежит ни одной ветви государственной власти. Поэтому нет смысла постановки вопроса о том, к органам какой ветви государственной власти отнести прокуратуру.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2] органы прокуратуры есть единая централизованная система органов, осуществляющая как надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации от имени государства, так и осуществление надзора за исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Определим вкратце обстоятельства, выясняющие сферу правового регулирования деятельности прокуратуры Российской Федерации:

- действия субъектов права устанавливаются федеральными законами и подзаконными актами;
- правовое регулирование осуществляется в силу объективных и субъективных факторов;

– определяется, кто решает тот или другой вопрос на том или ином основании.

В юридической науке существует общепринятый тезис о том, что право регулирует поведение людей, их действия и поступки; объектом регулирования становится и информационно-цифровая сфера права; центральным фактором в пространстве права является юридическая ответственность.

В связи с созданием прокуратуры юридическая наука выделяет такие основные этапы ее становления и развития [4, с. 334–338; 5, с. 177–182]:

I этап: 1772–1864 – дореформенная (петровская) прокуратура;

II этап: 1864–1917 – пореформенная прокуратура;

III этап: 1922–1991 – советская прокуратура;

IV этап: с 1991 года – новая российская прокуратура.

Статус прокуратуры (его права и обязанности) определяет ее функции. Функциями петровской прокуратуры были: надзор за наполнением казны, снабжением войск, деятельностью правительственных учреждений, судами, а также российскими подданными.

В последующие годы прокурор надзирал за исполнением законов, выступал в роли министра финансов, внутренних дел, затем после создания Министерства юстиции с 1802 г. прокурор стал одновременно министром юстиции.

Прокуратура, созданная Петром I, стала осуществлять надзор за исполнением законов органами власти, учреждениями и подданными, выполнять функции уголовного преследования.

Проведенная Александром II судебная реформа 1864 г. намного изменила функции прокуратуры, изменился ее статус: от всеобщего блюстителя законности к обеспечению уголовного преследования на следствии в суде («обличения обвиняемого перед судом»).

Расширены полномочия прокуроров: отнесены наблюдения за работой судебных следователей, присутствие при производстве отдельных следственных действий, право давать необходимые указания о их проведении, контроль за обоснованностью ареста обвиняемых.

Прокурор на основе поступивших от следователей материалов составлял обвинительный акт и поддерживал обвинение в суде, имел право на принесение кассационных и апелляционных протестов.

22 ноября 1917 г. вышел декрет № 1 «О суде», где упразднился институт прокурорского надзора, некоторые функции прокуратуры были переданы Наркомату юстиции РСФСР.

В.И. Ленин написал письмо «О двойном подчинении и законности», где обосновал необходимость иметь такой государственный орган, который обеспечил бы исполнение законности в государстве, сформулировал принципы организации и деятельности советской прокуратуры, которые были закреплены в Положении о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г., хотя прокуратура не была самостоятельным органом.

Значительным событием в истории прокуратуры явилось принятие 20 июня 1933 г. постановления ЦИК и СНК СССР «Об учреждении прокуратуры Союза ССР» и 17 декабря 1932 г. было утверждено Положение о прокуратуре СССР и прокуратура стала самостоятельным органом. Были определены ее функции, порядок их осуществления и отрасли прокурорского надзора, которые сохранились и поныне: общий

надзор, надзор за законностью и правильностью действий ОГПУ и милиции; надзор за предварительным расследованием; надзор (наблюдение) за правильным и единообразным применением законов судебными органами; надзор за законностью и правильностью деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Следующим этапом в развитии прокуратуры явились принятие 24 мая 1955 г. «Положения о прокурорском надзоре в СССР». В Положении определялись задачи, полномочия прокуроров, методы прокурорского реагирования на обнаруженные нарушения законов в уголовном и гражданском судопроизводстве. Некоторые из норм Положения были впоследствии включены в основы уголовного и гражданского судопроизводства, исполнительно-трудового законодательства.

Подверглась преобразованию и военная прокуратура, которая вошла в общую систему прокуратуры и стала подотчетна Генеральному прокурору СССР.

Из этого следует, совершенствуется статус прокуратуры – государственного органа.

Обновилась теория и практика прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации», были существенно определены объем и полномочия прокурорского надзора по сравнению с тем, что было ранее.

Действующее российское законодательство о прокуратуре на сегодня подверглось изменению и дополнению 34 раза, что не способствует стабильности законодательства, создает определенные сложности в применении Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

В Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. в главе 7 «Судебная власть и прокуратура» внесены изменения и поправка в соответствии с законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [1].

В научных исследованиях просматривается два направления, которые конкретизируют правовой статус современной прокуратуры [5, с. 182].

Во-первых, это связано с созданием нового направления деятельности – контрольной, к которой относятся Уполномоченный по правам человека Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации и другие контрольные органы.

Во-вторых, подчинение прокуратуры Президенту Российской Федерации. Согласно законодательству Президент Российской Федерации принимает на себя ответственность за состояние государственной правовой системы и правопорядка, отсюда прокуратура становится силой, поддерживающей государственную власть в деятельности по укреплению законности в стране.

Понятие о государственных органах не получило должного по статусу закрепления в Конституции Российской Федерации, что отрицательно сказывается на качестве реализации функций государственного управления. Категория «государственные органы» закреплена в нормативных правовых актах, регламентированы правовые основы его образования и деятельности. Нужно учитывать, что государственный аппарат – это часть механизма государства, представляющий собой совокупность государственных органов, наделенных властными полномочиями для реализации государственной власти. Государственные органы, наряду с государственными учреждениями, государственными предприятиями составляют механизм го-

сударства. Они осуществляют конкретные функции по предметам ведения и в объеме установленной компетенции [6, с. 111].

Государственный аппарат специально предназначается для осуществления государственной власти, на его структуру и принципы формирования оказывали и оказывают влияние различные факторы экономического, политического, исторического, религиозного и иного характера, причем сущностные или функциональные изменения с неизбежностью требуют совершенствования государственного аппарата, появления новых органов государства [6, с. 112].

В Республике Саха (Якутия) в целях выполнения задач и осуществления государственной власти действуют Администрация Главы и Правительства РС (Я); – органы государственного контроля; органы, осуществляющие административный надзор и т.п.

Основная функция государственных органов прокуратуры Российской Федерации – организация деятельности в конкретной области или сфере по предметам ведения и в объеме компетенции по решению задач и функций управления, не осуществляя функции органов законодательной, исполнительной и судебной властей.

Правовые нормы регулируют управленческие отношения в процессе деятельности государственных органов, в том числе, прокуратуры Российской Федерации. В нормативных актах закладываются структура, принципы и механизмы ее формирования, основное статусное Положение и полномочия, что значимо в правовом регулировании деятельности прокуратуры Российской Федерации – федерального государственного органа, 300-летний юбилей которой будет отмечаться в январе 2022 года.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) // www.consultant.ru
3. Большой юридический словарь. Под редакцией А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М., 2001.
4. *Гуценко К.Ф., Ковалев М.А.* Правоохранительные органы. – М., 2007. – 440 с.
5. *Дмитриев, Ю. А.* Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / [Дмитриев Ю. А., Шапкин М. А., Шумилов Ю. И.]; под ред. Ю. А. Дмитриева. – 7-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2009. – 381 с.
6. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

Для цитирования: *Корякин И.И.* Правовой статус прокуратуры Российской Федерации как федерального государственного органа: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 156–160.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.013

STATUS OF PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION – FEDERAL GOVERNMENT BODY

Abstract. *The paper explores the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a government body. The concept and features, principles and mechanisms for its formation, the main status provision and authority, legal regulation of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation are described and characterized.*

Key words: *Prosecutor's Office of the Russian Federation, legal status, federal government body, legal regulation.*

In the sphere of legal regulation, determining the status of any subject of law involves answering questions about what is the content of its status, what is included in it, how this or that problem is solved and on what basis.

Legal regulation of public administration is the activity of the state to establish the rules for the organization and functioning (activity) of state bodies. Its purpose is to streamline the powers of organizational structures and management activities of state bodies.

On the other hand, legal regulation is the process of state influence on social relations with the help of legal norms (legal norms) [3, p. 466].

Consider the legal regulation of public administration, in the center of which is the legal status of a state body – the prosecutor's office of the Russian Federation. The legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a state body is characterized, firstly, by the place the Prosecutor's Office of the Russian Federation occupies in the system of state bodies. The activities of the state and its bodies cover various spheres of life: the legislative, executive and judicial authorities (horizontally) or the federal level, the level of the subjects of the Federation or local self-government (vertically), as well as any subsystem of executive bodies creates the basis for the formation of their legal statuses.

The legal status of the state body – the prosecutor's office of the Russian Federation characterizes its state-legal nature and place in the system of public administration.

Secondly, the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation determines the totality of managerial functions and powers as a state body.

Thirdly, the legal status of a state body presupposes the legal consolidation of its structure, form and methods of functioning, legal organization – activities in a single centralized system of prosecutorial bodies of the Russian Federation, exercising on behalf of the state supervision over the observance of the Constitution of the Russian Federation and the implementation of laws in force on the territory of the Russian Federation. ... The competence of each structure of the Prosecutor's Office of the Russian Federation must be implemented by the relevant officials, in certain legal forms when using legal methods.

Thus, the components of the subject of legal regulation of the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation are the goals, powers, principles, structures, forms, methods, stages, operations, procedures and other state-legal structures of public administration.

In the light of these requirements in the legal regulation of state regulation in the sphere of activities of the prosecutor's office of the Russian Federation, the fundamental

---

* Koryakin Ivan Innokentyevich, Associate Professor Department of Constitutional and Municipal Law M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Candidate of Law Sciences, Associate Professor. E-mail: ivaninnok@mail.ru

importance belongs to the Constitution of the Russian Federation [1; 7]. As you know, it contains both general norms that secure as the highest value the rights and freedoms of man and citizen, hence the recognition, observance, the protection of which is the responsibility of the state, and specific norms that determine the main directions of the functioning of the prosecutor's office in the Russian state.

Article 129 of the Constitution of the Russian Federation defines the legal status of the prosecutor's office:

- a single federal centralized system of bodies;
- oversees: compliance with the Constitution of the Russian Federation; for the implementation of laws; for the observance of human and civil rights and freedoms;
- carries out criminal prosecution in accordance with its powers [1, 7].

The powers and functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, its organization and procedure for its activities are determined by the federal law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" [2].

The main provisions on the activities of structural subdivisions of the prosecutor's office are determined by regulatory legal acts, each of which includes provisions on the status, competence and activities of the relevant links in the prosecutor's office. Departmental normative legal acts regulate certain areas of their activities.

Based on Russian legislation and legal theory, the Prosecutor's Office of the Russian Federation is an independent body of the state, it does not belong to any branch of state power. Therefore, there is no point in raising the question of which branch of state power should include the prosecutor's office.

According to Art. 1 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" [2] the prosecutor's office is a single centralized system of bodies exercising both supervision over the observance of the Constitution of the Russian Federation on behalf of the state and overseeing the implementation of laws in force on the territory of the Russian Federation.

Let us briefly define the circumstances that clarify the scope of legal regulation of the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation:

- the actions of the subjects of law are established by federal laws and by-laws;
- legal regulation is carried out due to objective and subjective factors;
- it is determined who decides this or that issue on this or that basis.

In legal science, there is a generally accepted thesis that law regulates the behavior of people, their actions and deeds; the information and digital sphere of law is also becoming an object of regulation; the central factor in the space of law is legal responsibility.

In connection with the creation of the prosecutor's office, legal science identifies such main stages of its formation and development [4, p. 334–338; 5, p. 177–182]:

Stage I: 1772–1864 – pre-reform (Peter's) prosecutor's office;

Stage II: 1864–1917 – post-reform prosecutor's office;

Stage III: 1922–1991 – Soviet prosecutor's office;

Stage IV: since 1991 – a new Russian prosecutor's office.

The status of the prosecutor's office (its rights and obligations) determines its functions. The functions of the Petrine Prosecutor's Office were: overseeing the filling of the treasury, the supply of troops, the activities of government agencies, courts, as well as Russian subjects.

In subsequent years, the prosecutor supervised the implementation of laws, acted as the Minister of Finance, Internal Affairs, then after the creation of the Ministry of Justice in 1802, the prosecutor became at the same time the Minister of Justice.

Theory of State and Law

The prosecutor's office, created by Peter I, began to supervise the implementation of laws by government bodies, institutions and subjects, and to perform the functions of criminal prosecution.

The judicial reform of 1864 carried out by Alexander II greatly changed the functions of the prosecutor's office, its status changed: from the general guardian of the rule of law to ensuring criminal prosecution during the investigation in court ("denouncing the accused before the court.")

The powers of prosecutors have been expanded: observation of the work of judicial investigators, presence during the performance of certain investigative actions, the right to give the necessary instructions on their conduct, control over the justification of the arrest of the accused have been included.

The prosecutor, based on the materials received from the investigators, drew up the indictment and supported the accusation in court, had the right to bring cassation and appeal protests.

On November 22, 1917, decree No. 1 "On the court" was issued, where the institute of prosecutor's supervision was abolished, some functions of the prosecutor's office were transferred to the People's Commissariat of Justice of the RSFSR.

V.I. Lenin wrote a letter "On double subordination and legality", where he substantiated the need to have such a state body that would ensure the enforcement of legality in the state, formulated the principles of the organization and activities of the Soviet prosecutor's office, which were enshrined in the Regulations on prosecutorial supervision of May 28, 1922, although the prosecutor's office was not an independent body.

A significant event in the history of the prosecutor's office was the adoption on June 20, 1933 of the resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR "On the establishment of the USSR prosecutor's office" and on December 17, 1932, the Regulation on the USSR prosecutor's office was approved and the prosecutor's office became an independent body. Its functions were determined, the procedure for their implementation and the branches of prosecutorial supervision, which have survived to this day: general supervision, supervision over the legality and correctness of the actions of the OGPU and the police; supervision of the preliminary investigation; supervision (observation) over the correct and uniform application of laws by the judicial authorities; supervision over the legality and correctness of the activities of correctional labor institutions.

The next stage in the development of the prosecutor's office was the adoption on May 24, 1955, of the "Regulations on the prosecutor's supervision in the USSR." The Regulation determined the tasks, powers of prosecutors, methods of prosecutorial response to detected violations of laws in criminal and civil proceedings. Some of the provisions of the Regulations were subsequently incorporated into the foundations of criminal and civil proceedings, executive labor legislation.

The military prosecutor's office was also transformed, which entered the general system of the prosecutor's office and became accountable to the USSR Prosecutor General. It follows from this that the status of the prosecutor's office, a state body, is being improved.

The theory and practice of prosecutorial supervision was updated in connection with the adoption of the Federal Law of January 17, 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"; the scope and powers of prosecutorial supervision were significantly determined in comparison with what was previously.

The current Russian legislation on the Prosecutor's Office has been amended and supplemented 34 times, which does not contribute to the stability of the legislation, creates certain difficulties in the application of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation."

The Constitution of the Russian Federation, adopted by a popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020, in Chapter 7 "Judicial Power and the Prosecutor's Office" were amended and amended in accordance with the law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation. Federation of February 5, 2014 No. 2-FKZ "On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation" [1].

In scientific research, there are two directions that concretize the legal status of the modern prosecutor's office [5, p. 182].

Firstly, this is due to the creation of a new direction of activity – control, which includes the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation, the Accounts Chamber of the Russian Federation and other control bodies.

Secondly, the subordination of the prosecutor's office to the President of the Russian Federation. According to the legislation, the President of the Russian Federation assumes responsibility for the state of the state legal system and the rule of law; hence the prosecutor's office becomes a force that supports the state power in strengthening the rule of law in the country.

The concept of state bodies has not received due status in the Constitution of the Russian Federation, which negatively affects the quality of implementation of public administration functions. The category "state bodies" is enshrined in normative legal acts, the legal basis for its formation and activity is regulated. It should be borne in mind that the state apparatus is a part of the state mechanism, which is a set of state bodies endowed with powers of authority for the implementation of state power. State bodies, along with state institutions, state enterprises constitute the mechanism of the state. They carry out specific functions on the subjects of jurisdiction and in the scope of the established competence [6, p. 111].

The state apparatus is specifically intended for the exercise of state power, its structure and principles of formation have been and are influenced by various factors of an economic, political, historical, religious and other nature, and essential or functional changes inevitably require the improvement of the state apparatus, the emergence of new state bodies [6, p. 112].

In the Republic of Sakha (Yakutia), the Administration of the Head and the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) operates in order to fulfill the tasks and exercise state power; – state control bodies; bodies exercising administrative supervision, etc.

The main function of the state bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation is to organize activities in a specific area or sphere on the subjects of competence and in the scope of competence for solving problems and management functions, without performing the functions of legislative, executive and judicial authorities.

Legal norms regulate management relations in the course of the activities of state bodies, including the prosecutor's office of the Russian Federation. The regulatory acts lay down the structure, principles and mechanisms of its formation, the main status position and powers, which is significant in the legal regulation of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation – a federal state body, the 300th anniversary of which will be celebrated in January 2022.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 No. 2202-1 (as amended on 01.07.2021) // www.consultant.ru
3. A large legal dictionary. Edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. Moscow, 2001.
4. Gutsenko K.F., Kovalev M.A. Law enforcement agencies. Moscow, 2007. 440 p.
5. Dmitriev, Yu. A. Law enforcement agencies of the Russian Federation: textbook / [Dmitriev Yu. A., Shapkin MA, Shumilov Yu. I.]; ed. Yu. A. Dmitrieva. 7th ed., rev. Moscow: Omega-L, 2009. 381 p.
6. Komarov, SA General theory of state and law: textbook for universities / SA Komarov. – 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.
7. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 333 p. (Series: Professional Commentary).

For citation: Koryakin I.I. The legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation as a federal state body: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 161–165.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.013

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.014

А.А. Максимов*

ПОНЯТИЕ «ПРИЗНАНИЯ» В УЧЕНИИ О ПРАВЕ

Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ В РУКОПИСИ «ЙЕНСКАЯ РЕАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»

***Аннотация.** В статье дается анализ «признания» как существенного элемента правовых отношений, что у Г.В.Ф. Гегеля означает отношение к «Другому» как к свободному и как к равному мне в этой свободе индивидууму. Понимание права в контексте проблематики «признания» составляет важную отличительную черту гегелевской теории права. В своем развернутом и систематизированном виде учение о «признании» в праве было изложено в параграфе «Бытие в признанности» (Annerkantsein) в неопубликованной рукописи «Йенская реальная философия», которая именно поэтому сохраняет свою актуальность для истории и теории государства и права.*

***Ключевые слова:** Гегель, «Йенская реальная философия», признание, право, личность, труд, преступление, наказание.*

Признанным водоразделом между ранним и зрелым этапами творчества Г.В.Ф. Гегеля является его неопубликованная при жизни рукопись, вошедшая в историю философской и правовой мысли под именем «Йенская реальная философия» (1805–1806 гг.). Эта рукопись содержит первый опыт системного изложения Г.Гегелем учения о личности, обществе, праве и государстве.

Центральное место в рукописи занимает проблематика становления человека в качестве субъекта правовых отношений, которую Г.Гегель связывает со сложной диалектикой процесса отчуждения и последующего признания человеком «Другого» в качестве равного себе и свободного субъекта. Результатом этого признания является определение человека как личности (Person). Именно понятая в таком специфическом ключе личность трактуется Г.Гегелем в его поздней «Философии права» как субъект правовых отношений. Но генезис этого субъекта в моменте перехода от «естественного» состояния к состоянию правовому он раскрывает именно в своей ранней рукописи «Йенская реальная философия».

Проблематика признания, вообще, является одной из центральных в учении Г.Гегеля о праве, поскольку составляет ключевой момент в учении о становлении права [8, с. 4 – 9]. Впервые в развернутом виде мы встречаем проблематику признания прежде всего в «Йенской реальной философии», хотя определенные элементы ее содержания можно найти в работах «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» и в «Системе нравственности».

---

* Максимов Александр Александрович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: sanchomaa@gmail.com

Научный руководитель – Комаров Сергей Александрович, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: SVKumarov2008@yandex.ru

Научный консультант – Масленников Дмитрий Владимирович, заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. E-mail: dwm61@inbox.ru

Рефлексию такой трактовки права мы можем видеть также и в его определении И. Кантом как «совокупности условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [2, с. 285]. Обязательное включение в это содержание наряду с межличностной коммуникацией также определений свободы или абсолюта относит нас к всеобщему содержанию.

Но лишь Г.Гегель в соответствии со своим методом конкретного мышления всеобщего в единичном непосредственно включает в процесс становления права отношение к всеобщему – к идее абсолютного добра и справедливости [5, с. 79 – 81]. Само признание, т.е. отношение к «Другому» как к равному и свободному, таким образом, невозможно без знания всеобщего – абсолютного добра и зла [4, с. 42 – 43]. Без этого знания сознание человека будет обречено на то, чтобы оставаться рабским сознанием, не пройдя испытания диалектикой раба и господина, описанной позднее в «Феноменологии духа» [6]. Правовое же состояние будет для человека с таким сознанием вовсе невозможным.

Это не единственный важный момент, которого достигает Г.Гегель в своей трактовке правового признания, причем в этом процессе важна не только актуализация знания всеобщего – добра и зла – важен и объективный процесс коммуникативного элемента признания. Г.Гегель ясно показывает, что признание для него – это не просто коммуникация двух индивидов, это процесс массового социального взаимодействия. Это взаимодействие носит системный характер. Его системность задается следующими моментами: трудом и всеобщим разделением труда; принципом договора как основной формы закрепления результатов обмена продуктами труда; законом.

Таким образом, значительную часть этого раздела «Йенской реальной философии», посвященного праву, занимает проблематика политической экономии. Нужно заметить, что сам Г.Гегель знал и использовал этот термин. Этим, во многом, определяется и особая ценность рукописи «Йенская реальная философия», поскольку и в «Энциклопедии философских наук», и в «Философии права» данное содержание присутствует лишь конспективно. Таким образом, «Йенская реальная философия» не только предваряет, но и дополняет зрелое учение Г.Гегеля о государстве и праве. К. Лёвит в связи с этим писал: «Насколько в этом своем намерении опосредовать противоречия Гегель оставался в высшей степени реалистичным и дальновидным, показывает первый параграф «Системы потребностей», в котором он выказывает такое серьезное отношение к новой науке – государственной экономике, которое встречается разве что у Маркса» [3, с. 442].

Проработав основные политико-экономические предпосылки правовой теории, Г.Гегель окончательно убеждается в том, что право невозможно дедуцировать, исходя из характеристик индивида и его коммуникаций, как это делали его предшественники и даже сам И.Фихте. Непосредственным субъектом права выступает все гражданское общество, народ, которые, в свою очередь, немислимы без единящей и смыслообразующей силы государства.

Г.Гегель убеждается в том, что подлинно первичным оказывается единство личности, общества и государства, а не какой-либо отдельный элемент этой триады. Следовательно, все более актуальной вырисовывается задача приоритетного развития метода изображения этого единства, целостность которого скрепляется проекцией всеобщего содержания – абсолютного добра и абсолютной справедливости. Ближайшие годы своей плодотворной научной деятельности Г.Гегель непосредст-

венно посвятит разработке этого метода, который позволит совершить коренной переворот в правопонимании своего времени и создать концепцию права и государства, во многом определившую лицо политико-правовой мысли не только XIX, но XX столетий.

Базовые элементы понятия права Г.Гегель раскрывает в параграфе, условно обозначенном «Бытие в признанности» (Annerkantsein). В соответствии со сказанным выше становится понятным, что речь здесь будет идти не о взаимном признании двух лиц в их коммуникативном взаимодействии, а о всеобщей стихии, складывающейся в социуме, основанном на отношениях признания. Аналогом этого содержания в современной системе правовых категорий, пожалуй, более всего соответствовало бы понятие правовой жизни.

Признание как всеобщее признание осуществляется через включение индивида в систему всеобщего разделения труда. Благодаря этому его труд приобретает черты абстрактного труда, а значит, в реальном социальном отношении все его особые черты отходят на второй план. На первый же план и для него самого, и для других выступает как раз его всеобщее определение как абстрактного лица, личности как таковой: «В своем абстрактном *труде* он [индивид] созерцает всеобщность самого себя, своей формы, или созерцает свое бытие *для другого*» [1, с. 325]. И только в таком качестве индивид может стать и быть признан в качестве субъекта права. «Это признание есть право», – пишет Г.Гегель [1, с. 316].

Далее он детально исследует природу труда, основанного на всеобщем разделении: «То, что индивид производит, опредмечивая себя в своем наличном бытии, не может служить удовлетворению всех его потребностей. Всеобщий труд [есть, таким образом], разделение труда, экономия; десять человек могут сделать столько булавок, сколько делают сто. Каждый отдельный (индивид), следовательно, поскольку он является отдельным, работает для удовлетворения какой-то одной потребности. Содержание его труда выходит за пределы его потребности; он трудится для удовлетворения потребностей многих [индивидов], и так [делает] каждый... Так как *его* труд есть такой абстрактный труд, то он выступает как абстрактное Я...» [1, с. 324]. Здесь же Г.Гегель обосновывает необходимость трансформации труда, основанного на принципе всеобщего разделения, в машинное производство.

Всеобщее разделение труда требует обмена продуктами труда («в обмене я хотел, я положил мою вещь как стоимость, то есть как внутреннее движение, внутреннее делание, подобно тому, как труд [есть] труд, погруженный в бытие; [и в том и в другом случае] имеет место одно и то же отчуждение» [1, с. 327]). Этот обмен опосредован процессом взаимного признания индивидов равными и свободным, а значит в этом обмене «... я созерцаю свое бытие в признанности, бытие как знающее себя; там – мое непосредственное Я, здесь – мое для-себя-бытие, я как лицо» [1, с. 327]. Закрепление этого отношения на уровне идеального, т.е. в сознании, и его вербальное выражение означает придание ему формы договора [1, с. 328]. Достигнутое таким образом понятие договора, которое Г.Гегель надеется считать выведенным и доказанным, является важным элементом общего понятия права.

Поскольку речь идет уже об отношениях права, то договор относится не только к единичной вещи, но и к всеобщему содержанию, сфокусированному в понятии личности: «Здесь положено не только *мое имущество* и [моя] собственность, но также и я как лицо, и это постольку, поскольку в моем наличном бытии заключено мое *целое*: честь и жизнь» [1, с. 331]. Нарушение договора означает нарушение процесса

и результата признание, что ущемляет права личности (честь и жизнь). Таким образом, оно есть преступление. Обращение к этой проблематике дает Г.Гегелю повод рассмотреть категории преступления и наказания в их понятийной всеобщности.

Если в акте признания из индивида как субъекта социальных отношений выделяется и фиксируется в социально признанной форме его чистое, абстрактное Я, которое Г.Гегель и определяет как «лицо» – субъект права, то в преступлении именно оно становится предельным объектом посягательства: «Я считаю себя оскорбленным, а именно как лицо, согласно понятию» [1, с. 332]. В преступлении, поэтому, Г.Гегель выделяет прежде всего момент посягательства на само чистое Я: «Принуждению я противопоставляю, таким образом, свое для-себя-бытие, не свое вообще оскорбленное Я, как это имело место в движении признания, а свое оскорбленное признанное Я» [1, с. 333].

Суть преступления, таким образом, не в частном ущербе, нанесенном лицу, а в посягательстве на его права как всеобщего лица, а через – это и в посягательстве на саму ткань правовых отношений. Однако преступник, посягая на личность другого и через это посягая на само право, тем самым отрицает и себя в качестве субъекта, признающего другого равным себе и свободным лицом.

Поэтому возмездие, наказание, согласно Г.Гегелю, не только восстанавливает права потерпевшего, но и в своем роде «отрицает» преступника, т.е. отрицает его именно как субъекта, отрицающего признание другого и отрицающего право. Тем самым наказание восстанавливает в своих правах, как потерпевшего, так и преступника. Согласно Г.Гегелю, виртуозно применившего в своей теории преступления и наказания диалектику «отрицания отрицания», наказание есть право не только потерпевшего, но и право самого преступника. Поскольку объектом преступления является всеобщее – абстрактное лицо, а все особенные объекты преступления – это лишь его изменчивые формы, постольку и возмездие имеет, согласно Г.Гегелю, всеобщий характер.

На этом основании он отвергает все имевшие место в его время концепции наказания преступления, сводя наказание преступления опять-таки к всеобщему содержанию, на этот раз зафиксированному в категории справедливости: «Преступление оборачивается *наказанием* – возмездием всеобщей воли. *Сущность* возмездия коренится не в договоре, она не основана ни на устрашении, ни на исправлении преступника – сущность, понятие возмездия есть то, чем оборачивается оскорбленное всеобщее бытие в признанности... Месть может быть справедливой, но здесь это сама справедливость» [1, с. 335].

«Признание» как стержневое определение правового состояния, по Г.Гегелю, это не некоторое достигнутое и застывшее состояние. По своему качеству «признание» – это постоянный процесс. Находиться в состоянии становления составляет его основное качество.

Правовое состояние, как показал Г.Гегель,

– во-первых, возможно только в условиях всеобщего разделения труда (позже К. Маркс более определенно свяжет его с капиталистической общественно-экономической формацией и с буржуазным обществом);

– во-вторых, его становление и воспроизводство осуществляется в процессе признания лицами друг друга в качестве всеобщих абстрактных субъектов права и внешней формой этого признания является форма договора;

– в-третьих, достигнутое состояние «бытия в признанности» как условия правового состояния поддерживается обществом, осуждающим отступление от него

как преступление и возвращающее инвалидов к состоянию «признанности» посредством наказания.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – 630 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб, 1995. – 528 с.
3. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. – СПб: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002. – 669 с.
4. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42 – 47.
5. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Диалектика субъективного и объективного в обосновании права классиками немецкой философии // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 74–91.
6. Kuch H. Herr und Knecht: Anerkennung und symbolische Macht im Anschluss an Hegel. – Frankfurt am Main ; New York : Campus, cop. 2013.
7. Schaber P. Recht als Sittlichkeit. Eine Untersuchung zu den Grundbegriffen der Hegelschen Rechtsphilosophie. – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1989.
8. Siep L. Anerkennung als Prinzip der praktischen Philosophie. Untersuchungen zu Hegels Jenaer Philosophie des Geistes. Freiburg, München, 1979.

Для цитирования: Максимов А.А. Понятие «признания» в учении о праве Г.В.Ф. Гегеля в рукописи «Йенская реальная философия»: статья // Теория государства и права. – 2021. – No. 4 (25). – С. 166–170.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.014

Alexander A. Maksimov*

THE CONCEPT OF "RECOGNITION" IN THE TEACHING OF LAW G.V.F. HEGEL IN THE MANUSCRIPT "THE JENA REAL PHILO-SOPHIA"

Abstract. *The article analyzes the "recognition" as an essential element of legal relations, that G.V.F. Hegel means the attitude to the "Other" as to the free and as an individual equal to me in this freedom. Understanding law in the context of the "recognition" problem is an important distinguishing feature of Hegel's theory of law. In its expanded and systematized form, the doctrine of "recognition" in law was set forth in the paragraph "Being in recognition" (Annerkantsein) in the unpublished manuscript "Jena's real philosophy", which for this reason remains relevant for the history and theory of state and law.*

Key words: *Hegel, Jena's real philosophy, recognition, law, personality, labor, crime, punishment.*

---

* *Maksimov Alexander Alexandrovich*, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg). E-mail: sanchomaa@gmail.com

Scientific adviser – *Komarov Sergey Aleksandrovich*, professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg). E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Scientific consultant – *Maslennikov Dmitry Vladimirovich*, Head of the Department of General Humanitarian Disciplines of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: dwm61@inbox.ru

Theory of State and Law

The recognized watershed between the early and mature stages of the work of G.V.F. Hegel's is his unpublished manuscript during his lifetime, which entered the history of philosophical and legal thought under the name "Jena's real philosophy" (1805–1806). This manuscript contains the first experience of Hegel's systematic presentation of the doctrine of personality, society, law and state.

The central place in the manuscript is occupied by the problem of the formation of a person as a subject of legal relations, which Hegel associates with a complex dialectic of the process of alienation and subsequent recognition by a person of the "Other" as an equal and free subject. The result of this recognition is the definition of a person as a person (Person). It is precisely the personality understood in such a specific way that is interpreted by Hegel in his later "Philosophy of Law" as the subject of legal relations. But he reveals the genesis of this subject at the moment of transition from the "natural" state to the legal state precisely in his early manuscript "Jena's Real Philosophy".

The issue of recognition, in general, is one of the central ones in Hegel's doctrine of law, since it constitutes a key point in the doctrine of the formation of law [8, p. 4–9]. For the first time in an expanded form, we meet the problem of recognition primarily in Jena's real philosophy, although certain elements of its content can be found in the works "On scientific methods of studying natural law, its place in practical philosophy and its relation to the science of positive law" and in "The system of morality".

We can also see a reflection of this interpretation of law in its definition by I. Kant as "a set of conditions under which the arbitrariness of one person is compatible with the arbitrariness of another from the point of view of the universal law of freedom" [2, p. 285]. The obligatory inclusion in this content, along with interpersonal communication, also of definitions of freedom or the absolute refers us to the general content.

But only G. Hegel, in accordance with his method of concrete thinking of the universal in the individual, directly includes in the process of the formation of law the attitude to the universal – to the idea of absolute goodness and justice [5, p. 79–81]. The very recognition, i.e. the attitude to the "Other" as to equal and free, thus, is impossible without knowledge of the universal – absolute good and evil [4, p. 42–43]. Without this knowledge, the human consciousness will be doomed to remain a slave consciousness, without passing the test of the dialectic of a slave and a master, described later in the "Phenomenology of Spirit" [6]. The legal state will be completely impossible for a person with such a consciousness.

This is not the only important point that Hegel achieves in his interpretation of legal recognition, and in this process, not only the actualization of the knowledge of the universal – good and evil – is important – the objective process of the communicative element of recognition is also important. G. Hegel clearly shows that recognition for him is not just communication between two individuals, it is a process of mass social interaction. This interaction is systemic. Its consistency is set by the following points: labor and the general division of labor; the principle of the contract as the main form of consolidating the results of the exchange of labor products; law.

Thus, a significant part of this section of Jena's real philosophy, devoted to law, is occupied by the problem of political economy. It should be noted that Hegel himself knew and used this term. This, in many respects, determines the special value of the manuscript "Jena Real Philosophy", since both in the "Encyclopedia of Philosophical Sciences" and in the "Philosophy of Law" this content is present only concisely. Thus, "Jena's real philosophy" not only precedes, but also supplements the mature teaching of Hegel about the state and

law. K. Löwith wrote in this connection: "To what extent Hegel remained extremely realistic and far-sighted in this intention to mediate contradictions, is shown in the first paragraph of the "System of Needs", in which he expresses such a serious attitude to the new science – the state economy, which is encountered unless Marx" [3, p. 442].

Having worked out the basic political and economic prerequisites of legal theory, Hegel is finally convinced that the law cannot be deduced based on the characteristics of the individual and his communications, as his predecessors and even I. Fichte himself did. The direct subject of law is the entire civil society, the people, which, in turn, are inconceivable without the unifying and meaning-making force of the state.

G. Hegel is convinced that the unity of the individual, society and the state turns out to be truly primary, and not any separate element of this triad. Consequently, the task of the priority development of the method of depicting this unity, the integrity of which is fastened by the projection of the universal content – absolute goodness and absolute justice – is emerging more and more urgently. The next years of his fruitful scientific activity, G. Hegel will directly devote to the development of this method, which will make it possible to make a radical revolution in the legal thinking of his time and create a concept of law and state, which largely determined the face of political and legal thought not only of the 19th, but of the 20th centuries.

G. Hegel reveals the basic elements of the concept of law in the paragraph conventionally designated "Being in recognition" (Annerkantsein). In accordance with the above, it becomes clear that we are not talking about the mutual recognition of two persons in their communicative interaction, but about the universal element that is developing in a society based on the relationship of recognition. An analogue of this content in the modern system of legal categories, perhaps most of all, would correspond to the concept of legal life.

Recognition as universal recognition is carried out through the inclusion of the individual in the system of the general division of labor. Thanks to this, his work acquires the features of abstract labor, which means that in a real social relation all his special features fade into the background. It is his universal definition as an abstract person, personality as such that comes to the fore both for himself and for others: "In his abstract work, he [the individual] contemplates the universality of himself, his form, or contemplates his being for another" [1, p. 325]. And only in this capacity can an individual become and be recognized as a subject of law. "This recognition is a right," writes G. Hegel [1, p. 316].

Further, he examines in detail the nature of labor based on universal division: "What an individual produces, objectifying himself in his present being, cannot serve to satisfy all his needs. Universal labor [is thus] division of labor, economy; ten people can make as many pins as a hundred. Each individual (individual), therefore, since he is separate, works to satisfy any one need. The content of his labor goes beyond his needs; he works to meet the needs of many [individuals], and so [does] everyone ... Since his work is such an abstract work, he acts as an abstract I ..." [1, p. 324]. Here, G. Hegel substantiates the need for the transformation of labor, based on the principle of universal division, into machine production.

The general division of labor requires the exchange of products of labor ("in exchange I wanted, I put my thing as value, that is, as an internal movement, internal doing, just as labor [is] labor immersed in being; [in both in another case] the same alienation takes place" [1, p. 327]). This exchange is mediated by the process of mutual recognition of individuals as equal and free, which means that in this exchange "... I contemplate my being in recognition, being as knowing myself; there is my immediate I, here is my for-myself-

being, I am like a person" [1, p. 327]. Consolidation of this relationship at the level of the ideal, i.e. in the mind, and its verbal expression means giving it the form of a contract [1, p. 328]. The concept of a treaty achieved in this way, which Hegel hopes to consider as derived and proven, is an important element of the general concept of law.

Since we are already talking about the relationship of law, the contract refers not only to a single thing, but also to the general content, focused in the concept of personality: "Here is not only my property and [my] property, but also I as a person insofar as my whole being is contained in my present being: honor and life" [1, p. 331]. Violation of the contract means a violation of the process and the result of the recognition, which infringes upon the rights of the individual (honor and life). Thus, it is a crime. Addressing this issue gives Hegel a reason to consider the categories of crime and punishment in their conceptual universality.

If in the act of recognition from an individual as a subject of social relations his pure, abstract I is singled out and fixed in a socially recognized form, which Hegel defines as a "person" – a subject of law, then in a crime it is this person who becomes the ultimate object of encroachment: "I think himself insulted, namely as a person, according to the concept" [1, p. 332]. In crime, therefore, Hegel singles out, first of all, the moment of encroachment on the pure I itself: "Thus, I oppose to compulsion my for-myself-being, not my generally offended I, as was the case in the movement of recognition, but my insulted recognized I" [1, p. 333].

The essence of the crime, therefore, is not in private damage inflicted on a person, but in an encroachment on his rights as a universal person, and through – this is an encroachment on the very fabric of legal relations. However, the criminal, encroaching on the personality of another and through this encroaching on the right itself, thereby denies himself as a subject who recognizes the other as an equal and free person.

Therefore, retaliation, punishment, according to Hegel, not only restores the rights of the victim, but in its own way "denies" the offender, i.e. denies it precisely as a subject that denies the recognition of another and denies the right. Thus, the punishment restores the rights of both the victim and the offender. According to Hegel, who masterly applied the dialectic of "denial of denial" in his theory of crime and punishment, punishment is not only the right of the victim, but also the right of the criminal himself. Since the object of a crime is a universal – an abstract person, and all special objects of a crime are only its changeable forms, so retribution has, according to Hegel, a universal character.

On this basis, he rejects all the concepts of punishment of a crime that took place in his time, reducing the punishment of a crime again to a general content, this time recorded in the category of justice: "A crime turns into punishment – the retribution of the general will. The essence of retaliation is not rooted in the contract, it is not based either on intimidation or on the correction of the criminal – the essence, the concept of retribution is what the offended universal existence in recognition turns out to be ... Revenge may be just, but here it is justice itself" [1, c. 335].

"Recognition" as a pivotal definition of the legal state, according to Hegel, is not some achieved and frozen state. In terms of quality, "recognition" is an ongoing process. Being in a state of becoming is its main quality.

The legal status, as shown by G. Hegel,

– firstly, it is possible only under conditions of a general division of labor (later K. Marx will more definitely associate it with the capitalist socio-economic formation and with bourgeois society);

- secondly, its formation and reproduction is carried out in the process of recognition by persons of each other as universal abstract subjects of law and the external form of this recognition is the form of a contract;
- thirdly, the achieved state of “being in recognition” as a condition of the legal state is supported by society, which condemns deviation from it as a crime and returns disabled people to the state of “recognition” through punishment.

Bibliographic list

1. Hegel G.V.F. Works of different years. T. 1. Moscow: Mysl, 1972. 630 p.
2. Kant I. Foundations of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals. St. Petersburg, 1995. 528 p.
3. Loewith K. From Hegel to Nietzsche. A revolutionary turning point in 19th century thinking. St. Petersburg: University Foundation, Vladimir Dal, 2002. 669 p.
4. Maslennikov D.V. Law as a form of distinguishing between good and evil // Legal thought. 2015. No. 6. P. 42–47.
5. Maslennikov D.V., Revnova M.B. Dialectics of the subjective and objective in the substantiation of law by the classics of German philosophy // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 74–91.
6. Kuch H. Herr und Knecht: Anerkennung und symbolische Macht im Anschluss an Hegel. – Frankfurt am Main; New York: Campus, cop. 2013.
7. Schaber P. Recht als Sittlichkeit. Eine Untersuchung zu den Grundbegriffen der Hegelschen Rechtsphilosophie. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1989.
8. Siep L. Anerkennung als Prinzip der praktischen Philosophie. Untersuchungen zu Hegels Jenaer Philosophie des Geistes. Freiburg, München, 1979.

For citation: Maksimov A.A. The concept of "recognition" in the doctrine of law GVF Hegel in the manuscript "Jena real philosophy": article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 170–174.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.014

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.015

Н.В. Мамитова*

Д. А. Полищук**

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИСПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК, ВЫЯВЛЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по новым обстоятельствам на основании постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми выявлены судебные ошибки национальных судов Российской Федерации. Автор предлагает введение на законодательном уровне нового механизма пересмотра судебных постановлений российских судов, который будет гарантировать право граждан на справедливое судебное разбирательство, путем пересмотра решений национальных судов, содержащих идентичные судебные ошибки.*

***Ключевые слова:** новые обстоятельства, судебная ошибка, правовая определенность, справедливое судебное разбирательство, Европейский суд по правам человека, российская судебная система.*

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» предусмотрел внесение изменений в главы 3–8 Конституции Российской Федерации в целях совершенствования организации и функционирования публичной власти как инструмента достижения конституционно значимых целей, следующих из положений глав 1 и 2 Конституции [2].

В силу этого встает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Справедливо подчеркивается в юридической литературе, что после окончания Второй мировой войны и создания новых норм и принципов международного права встал вопрос об их значении для национальных правовых систем. Целый ряд госу-

---

* Мамитова Наталья Викторовна, профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nvmitova@mail.ru

** Полищук Дмитрий Александрович, аспирант Московского университета им. С.Ю.Витте. E-mail: dapolischuk@mail.ru

Научный руководитель – Мамитова Наталья Викторовна, профессор кафедры государственного управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nvmitova@mail.ru

дарств, принимавших в то время конституции, закрепили приоритет норм пактов и конвенций, к которым они присоединились, перед национальным законодательством. В некоторых государствах признавался приоритет общепризнанных принципов международного права перед их национальной правовой системой [12, с. 119].

Однако многие страны такого приоритета до сих пор не признают, считая, что общепризнанные принципы международного права, заключаемые договоры, пакты, к которым они присоединились, должны быть имплементированы в текущее законодательство. Сказанное относится не только к такой стране, как Норвегия, где до сих пор действует Конституция 1814 г., хотя и со значительными изменениями и дополнениями, но и к странам, где конституции приняты в послевоенное время (Конституция Дании 1953 г., «Форма правления Швеции» в 1974 г., Основной закон Финляндской Республики в 1999 г.). [13].

В этой связи актуализируется проблема пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по новым обстоятельствам на основании постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми выявлены судебные ошибки национальных судов Российской Федерации

В соответствии со статьей 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГПК РФ) судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Согласно пункту 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ к новым обстоятельствам относятся установление Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5] (далее – Конвенция) при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ.

Между тем Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в пункте 17 постановления от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [6] более расширено толкуем указанную норму ГПК РФ со ссылкой на положения статьи 46 Конвенции, истолкованными с учетом Рекомендации Комитета министров Совета Европы № К (2000) 2 от 19 января 2000 года «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» [7], в соответствии с которым, основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое установленное ЕСПЧ нарушение Российской Федерацией (далее – РФ, Россия) положений Конвенции или Протоколов к ней.

Далее в указанном постановлении ВС РФ разъясняет нижестоящим национальным судам, что судебный акт подлежит только пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта (например, если лицо продолжает находиться под стражей в нарушение положений Конвенции) и выплаченная заявителю справедливая компенсация, присужденная ЕСПЧ во исполнение статьи 41 Конвенции, либо иные средства, не связанные с пересмотром, не обеспечивают восстановление нарушенных прав и свобод. Одновременно установленное ЕСПЧ нарушение позволяет прийти хотя бы к одному из следующих выводов: о том, что решение суда противоречит Конвенции по существу (например, постановление об административном выдворении лица за пределы Российской Федерации, принято, как установлено ЕСПЧ, в нарушение статьи 8 Конвенции);

о том, что допущенное нарушение Конвенции или Протоколов к ней, носящее процессуальный характер, ставит под сомнение результаты рассмотрения дела (например, отказ суда в удовлетворении ходатайства о вызове в судебное заседание свидетеля, показания которого могли иметь решающее значение для дела (статья 6 Конвенции)).

Данное утверждение ВС РФ полностью противоречит позиции ЕСПЧ.

ЕСПЧ постоянно в своих постановлениях напоминает, что присуждение компенсации морального вреда не прекращает правового обязательства властей государства-ответчика по устранению нарушения, установленного ЕСПЧ, а каждое вынесенное постановление ЕСПЧ в отношении России и является основанием для пересмотра судебных постановлений в соответствии с пунктом 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ в свете конвенциональных принципов, разработанных ЕСПЧ [8].

Данная позиция полностью согласуется с еще одной позицией ЕСПЧ, согласно которой в случае, когда заявитель стал жертвой нарушения права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного статьей 6 Конвенции, должна быть восстановлена та ситуация, которая существовала бы, если бы положения данной статьи не были нарушены. Пересмотр дела является наиболее адекватным способом восстановления права в том случае, когда нарушение связано с процессуальными ошибками и недостатками настолько серьезного характера, что это позволяет сомневаться в справедливости исхода спорного дела. Между тем, действующий механизм рассмотрения заявления по новым обстоятельствам, установленный пунктом 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ, не предопределяет решения судов РФ относительно необходимости пересмотра дела в зависимости от фактов конкретного дела, с учетом принципа *res judicata* (лат. – решенное дело) или принципа правовой определенности [9].

Таким образом, постановление ЕСПЧ, где суд указывает на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, установленного положениями статьи 6 Конвенции, является основанием для обязательного пересмотра решений национальных судов, путем запуска механизма нового судебного разбирательства с учетом нарушений Конвенции, выявленных ЕСПЧ.

Ссылка вышестоящего национального суда на то обстоятельство, что гражданин может воспользоваться иными способами защиты нарушенного права, по мнению автора статьи, является явно несправедливым, так как компенсации, которые предусмотрены в настоящее время в РФ, носят иной характер и введены в результате реализации законодателем пилотных проектов ЕСПЧ, связаны с выплатами компенсации за нарушение права на судопроизводство или на исполнение судебного акта в разумный срок [9].

Для того, чтобы получить данную компенсацию, во-первых, нужно отменить на основании постановления ЕСПЧ судебные акты об отказе в требованиях заявителя, а во-вторых, принять новый судебный акт в удовлетворении этих требований. И только в этом случае возможно получение компенсации и то только при третьем условии – неисполнении судебного акта со стороны органов государственной власти более 6 месяцев. Получить надлежащую компенсацию со стороны государства весьма проблематично и бесперспективно, так как заявления, поданные на основании пункта 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ, которые были удовлетворены национальными судами можно посчитать по пальцам.

Если говорить о компенсации в виде убытков, понесенных заявителями в результате рассмотрения дела, то здесь без отмены незаконного решения суда не обойтись, так как иным способом деликт не доказать.

Так, проанализировав, например, судебные акты Первого кассационного суда общей юрисдикции (регион – Московская область) или Второго кассационного суда общей юрисдикции (регион – г. Москва), которые были приняты ими за их небольшое время существования, то можно констатировать, что судами было отказано практически всем заявителям в пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам на основании принятого постановления ЕСПЧ. Причинами отказа являются, по мнению судов, необходимость соблюдения принципа правовой определенности, который гласит, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового судебного постановления. Полномочия суда по пересмотру дела по новым обстоятельствам должны осуществляться в целях исправления судебных ошибок, связанных с неправильным отправлением правосудия, а не пересмотр судебного акта по существу. Отступления от этого принципа оправданы, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера.

Между тем, пересмотр решения по новым обстоятельствам, по своей сути направлен на преодоление законной силы судебного решения, вступившего в силу и носящего обязательный характер на территории РФ. Выводы судов о нарушении принцип неопределенности и то, что суд при рассмотрении заявления в порядке, установленном пунктом 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ, не проверят законность и правильность принятого решения, не соответствует действительности, так как суду необходимо установить обстоятельства, повлиявшие на принятия решения судом до подачи данного заявления, но с учетом уже нового обстоятельства, свидетельствующего о судебной ошибке, явившегося основанием для обращения заявителя с жалобой в ЕСПЧ.

Таким образом, для восстановления нарушенного права необходимо обязательно запускать механизм нового судебного разбирательства, который будет учитывать нарушения Конвенции, выявленные ЕСПЧ.

При этом, по мнению авторов статьи, на реализации права граждан на справедливое правосудие по результатам пересмотра решений национальных судов по новым обстоятельствам на основании постановления ЕСПЧ, влияет закрепление на законодательном уровне права рассмотрения данных заявлений за судами первой инстанции.

В этом случае пересмотр решений по новым обстоятельствам, в силу положений процессуального законодательства, осуществляется нижестоящими судьями, которые принимают судебное постановление единолично. От решения судьи первой инстанции будет зависеть реализация прав граждан, отстоявшие свои нарушенные права и добились справедливости в ЕСПЧ.

Фактически на плечи суда первой инстанции возлагаются полномочия по разрешению вопроса, касающегося как возможности рассмотрения заявления по новым обстоятельствам, так и отмены судебных актов вышестоящих судов, учитывая, что для подачи заявления в ЕСПЧ заявитель должен пройти все вышестоящие национальные инстанции.

На практике довольно часто возникают ситуации, когда решения нижестоящих судов отменяются вышестоящими судами в рамках процессуального обжалования принятых решений, то есть фактически складывается ситуация, что в ЕСПЧ оспаривается решения вышестоящего суда, которым было отменено решение нижестоящей инстанции.

Такая ситуация во многом определяется тем, что вопрос имплементации международных соглашений гуманитарной сферы на уровне национального законодательства всегда был и остается одним из самых сложных и неоднозначно решаемых. Это обусловлено различием политических систем в тех или иных странах, степенью их экономической развитости, особенностями идеологического, религиозного плана и т.д. [11, с. 50].

Между тем, суды первой инстанции не наделены процессуальным правом отменять судебные акты, вступившие в законную силу. Таким образом, механизм пересмотра решений по новым обстоятельствам в РФ, по своей сути вступает в противоречие с процессуальной компетенцией суда первой инстанции.

Авторы статьи не подвергают сомнению квалификацию судей первой инстанции, а учитывая, например, позицию Верховного Суда РФ (постановление от 27 июня 2013 г. № 21) или председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина (1991 – 1993 г.г., с 2003 года по настоящее время) [10, с. 384], как раз на плечи данных судей ложится основная обязанность применения положений Конвенции и постановлений ЕСПЧ при разрешении дела по существу. В связи с чем, последующие нарушения применения положений Конвенции, выявленных ЕСПЧ, по своей сути являются серьезными судебными ошибками, совершенными национальными судами при рассмотрении дела по существу.

Пересмотр решений по новым обстоятельствам отнесен законодателем к самоконтролю. Между тем, отнесение пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам к самоконтролю суда, по результатам последующей жалобы в ЕСПЧ, которым установлено нарушения Конвенции, по мнению автора статьи, довольно смелый подход со стороны законодателя.

Судья, который, по мнению ЕСПЧ, совершил нарушения Конвенции, фактически будет решать вопрос о наличии либо об отсутствии его же судебной ошибки, допущенной им же при рассмотрении дела. В данном случае возникает риск, что судья имеет возможность скрыть ее существование, сославшись на формальные принципы правовой определенности гражданско-правового процесса.

Также авторы статьи считают, что сам факт установления судебной ошибки по новым обстоятельствам на основании постановления ЕСПЧ, является объективно сложным мероприятием, которое, во-первых, касается соотношения международного и национального права, во-вторых, может свидетельствовать о системности данной судебной ошибке, которая может распространяться на аналогичные дела и нарушать прав не только одного заявителя, участника судебного разбирательства. Квалификация новых обстоятельств является объективно сложной процедурой и требует не только знания законов и национальной судебной практики, но и влияние позиций ЕСПЧ на национальную правовую систему РФ в целом, то есть фактически связана с действующей в настоящий момент правовой доктриной, учитывающей национальные интересы на международной арене.

По мнению авторов статьи, выходом из данной ситуации является разработка и закрепление на законодательном уровне механизма пересмотра решений национальных судов по новым обстоятельствам на основании постановлений ЕСПЧ за ВС РФ, как вышестоящим судом для арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Тем самым перенаправить законодательную инициативу при пересмотре решений по новым обстоятельствам не на самоконтроль со стороны суда, совершившего судебную ошибку, а в сторону контроля и анализа решений, принимаемых националь-

ными судами, с учетом принятого постановления ЕСПЧ против РФ, в целях выявления системных ошибок в национальном законодательстве, повлекшим нарушения положений Конвенции и прав граждан.

В свете данных предложений ВС РФ должен анализировать каждое постановление ЕСПЧ вынесенное против РФ и в случае, когда ВС РФ не установит нарушения или недостатки в функционировании правовой системы, направит без участия заявителя дело в нижестоящий суд для принятия объективного решения с учетом новых обстоятельств и доводов ЕСПЧ.

В случае, когда ВС РФ установит системность недостатков национального законодательства при реализации прав граждан, гарантированных Конвенцией, вынесет решение, где укажет на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по делам со схожими фактическими обстоятельствами.

Тем самым будет гарантировано лицам, не подававшим жалобу в ЕСПЧ, равные возможности по судебной защите своих прав, что полностью соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции РФ).

Не секрет, что в большинстве постановлений, принятых по заявлениям против РФ, ЕСПЧ констатирует наличие аналоговых судебных ошибок, связанных с реализацией гражданами РФ права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции).

Предлагаемые авторами процессуальные изменения в механизме рассмотрения заявлений по новым обстоятельствам на основании постановлений ЕСПЧ обеспечат восстановление права на справедливое судебное разбирательство, нарушенное национальными судами при вынесении решений по идентичным обстоятельствам, тем самым уменьшит как количество обращений в ЕСПЧ в отношении РФ, так и устраним негативные имиджевые риски РФ, связанные с нарушением положений Конвенции. Указанные изменения требуют дополнительной проработки компетентными структурами.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8 (август).
7. Рекомендация № R (2000) 2 Комитета министров Совета Европы «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с ре-

шениями Европейского суда по правам человека» от 19 января 2000 г. // Журнал российского права. – 2000. – № 9.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 ноября 2016 г. «Дело «Артеменко (Artemenko) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского Суда. – 2018. – № 2.

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 марта 2018 г. «Дело «Игранов и другие (Igranov and Others) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – 2019. – № 3.

10. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке, взгляд с Ильинки. – М.: Норма, 2007. – С. 384.

11. Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование). – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1995. – 206 с.

12. Комаров С.А., Лантева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация норм Конвенции и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд. /Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.-СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2015. – 426 с.

13. Могунова М.А. Имплементация норм международного права и региональных организаций в национальные правовые системы стран Северной Европы // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 144–152.

Для цитирования: Мамитова Н.В., Полищук Д.А. Совершенствование механизма исправления судебных ошибок, выявленных европейским судом по правам человека: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 175–181.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.014

Natalia V. Mamitova *
Dmitry A. Polishchuk **

IMPROVING THE MECHANISM FOR CORRECTING JUDICIAL ERRORS IDENTIFIED BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Abstract. *The article deals with the issues of revision of court decisions that have entered into legal force under new circumstances on the basis of the decisions of the European Court of Human Rights, which revealed judicial errors of the national courts of the Russian Federation. The author suggests the introduction at the legislative level of a new mechanism for reviewing judicial decisions of Russian courts, which will guarantee the right of citizens to a fair trial, by reviewing the decisions of national courts containing identical judicial errors.*

Keywords: *new circumstances, judicial errors, legal certainty, fair trial, European Court of Human Rights, Russian judicial system.*

The law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation "On improving regulation of certain issues of the organization and func-

---

* Mamitova Natalia Viktorovna, Professor of the Department of state studies of the Institute of public service and management of the Russian Academy of national economy and public administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation, doctor of law, Professor. E-mail: nvmamitova@mail.ru

** Polishchuk Dmitry Alexandrovich, Graduate student of Moscow University. S.Yu. Witte. E-mail: dapolishchuk@mail.ru. Scientific adviser – Mamitova Natalia Viktorovna, Professor of the Department of state studies of the Institute of public service and management of the Russian Academy of national economy and public administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation, doctor of law, Professor. E-mail: nvmamitova@mail.ru

tioning of public authority" provided for the introduction of amendments to chapters 3–8 of the Constitution of the Russian Federation in order to improve the organization and functioning of public authority as a tool to achieve constitutionally significant goals following from the provisions chapters 1 and 2 of the Constitution [2].

By virtue of this, the question arises of the possibility of executing decisions of interstate bodies adopted on the basis of the provisions of international treaties of the Russian Federation in their interpretation, contrary to the Constitution of the Russian Federation, as well as the possibility of executing a decision of a foreign or international (interstate) court, an arbitration court (arbitration) imposing obligations to the Russian Federation, if this decision contradicts the foundations of public order in the Russian Federation.

It is rightly emphasized in the legal literature that after the end of the Second World War and the creation of new norms and principles of international law, the question arose about their significance for national legal systems. A number of states that adopted constitutions at that time, enshrined the priority of the norms of the covenants and conventions to which they joined, over national legislation. In some states, the priority of the generally recognized principles of international law over their national legal system was recognized [12, p. 119].

However, many countries still do not recognize such a priority, believing that the generally recognized principles of international law, treaties being concluded, pacts to which they have joined, should be implemented in current legislation. The above applies not only to a country like Norway, where the Constitution of 1814 is still in force, albeit with significant amendments and additions, but also to countries where constitutions were adopted in the post-war period (Constitution of Denmark 1953, "Form of government "Sweden" in 1974, the Basic Law of the Republic of Finland in 1999) [13].

In this regard, the problem of revising court decisions that have entered into legal force on new circumstances on the basis of judgments of the European Court of Human Rights, which revealed judicial errors of the national courts of the Russian Federation

In accordance with Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation [4] (hereinafter referred to as the Code of Civil Procedure of the Russian Federation), court decisions that have entered into legal force may be revised due to newly discovered or new circumstances.

According to paragraph 4 of part 4 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the new circumstances include the establishment by the European Court of Human Rights (hereinafter – the ECHR) of a violation of the provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [5] (hereinafter – the Convention) when the court is considering a specific case, in connection with the adoption of the decision on which the applicant applied to the ECHR.

Meanwhile, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (hereinafter – the RF Armed Forces) in paragraph 17 of the resolution of June 27, 2013 No. 21 "On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the Protocols thereto" [6] we interpret the said provision of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation more extensively with reference to the provisions of Article 46 of the Convention, interpreted taking into account the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe No. judgments of the European Court of Human Rights" [7], according to which, not every violation by the Russian Federation (hereinafter referred to as the RF, Russia) of the provisions of the Convention or the Protocols thereto is the basis for revising a judicial act due to new circumstances.

Further, in the said ruling, the RF Armed Forces explains to the lower national courts that the judicial act is only subject to revision if the applicant continues to experience the adverse consequences of such an act (for example, if the person continues to be in custody in violation of the provisions of the Convention) and the fair compensation awarded to the applicant The ECHR pursuant to Article 41 of the Convention, or other means not related to revision, do not ensure the restoration of violated rights and freedoms. At the same time, the violation found by the ECHR allows one to come to at least one of the following conclusions: that the court's decision contradicts the Convention on the merits (for example, the decision on the administrative expulsion of a person from the Russian Federation was adopted, as established by the ECHR, in violation of Article 8 of the Convention); that a procedural violation of the Convention or the Protocols thereto casts doubt on the results of the consideration of the case (for example, the refusal of the court to grant a motion to summon a witness whose testimony could be decisive for the case (Article 6 of the Convention)).

This statement of the RF Armed Forces completely contradicts the position of the ECHR.

The ECHR constantly reminds in its judgments that the award of compensation for non-pecuniary damage does not terminate the legal obligation of the authorities of the respondent state to eliminate the violation established by the ECHR, and each judgment of the ECHR in relation to Russia is the basis for reviewing judicial decisions in accordance with paragraph 4 of part 4 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in the light of the conventional principles developed by the ECHR [8].

This position is fully consistent with another position of the ECHR, according to which, in the event that an applicant has become a victim of a violation of the right to a fair trial guaranteed by Article 6 of the Convention, the situation that would have existed had the provisions of this Article not been violated must be restored. Reconsideration of the case is the most adequate way of restoring the right in the case when the violation is associated with procedural errors and shortcomings of such a serious nature that it makes it possible to doubt the fairness of the outcome of the disputed case. Meanwhile, the current mechanism for considering an application under new circumstances, established by paragraph 4 of part 4 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, does not predetermine the decisions of the courts of the Russian Federation regarding the need to review the case depending on the facts of a particular case, taking into account the principle of *res judicata* (lat. – a resolved case) or the principle of legal certainty [9].

Thus, the judgment of the ECHR, where the court indicates a violation of the right to a fair trial established by the provisions of Article 6 of the Convention, is the basis for mandatory review of decisions of national courts, by launching a new trial mechanism, taking into account the violations of the Convention identified by the ECHR.

The reference of the higher national court to the fact that a citizen can use other means of protecting the violated right, according to the author of the article, is clearly unfair, since the compensations that are currently provided in the Russian Federation are of a different nature and were introduced as a result of the implementation of pilot projects of the ECHR by the legislator, are related to the payment of compensation for violation of the right to legal proceedings or to execute a judicial act within a reasonable time [9].

In order to receive this compensation, firstly, it is necessary to cancel, on the basis of the ECtHR ruling, the judicial acts on the refusal of the applicant's claims, and secondly, to adopt a new judicial act to satisfy these requirements. And only in this case it is possible to

receive compensation, and then only on the third condition – non-execution of the judicial act by the state authorities for more than 6 months. It is very problematic and unpromising to obtain adequate compensation from the state, since the applications filed on the basis of paragraph 4 of part 4 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which were satisfied by the national courts, can be counted on the fingers.

If we talk about compensation in the form of losses incurred by the applicants as a result of the consideration of the case, then here it is impossible to do without canceling the illegal court decision, since the tort cannot be proved in any other way.

So, having analyzed, for example, the judicial acts of the First General Jurisdiction Court of Cassation (region – Moscow region) or the Second General Jurisdiction Court of Cassation (region – Moscow), which were adopted by them for their short time of existence, it can be stated that the courts were almost all applicants were denied to review judicial acts on new circumstances on the basis of the adopted judgment of the ECHR. The reasons for the refusal are, in the opinion of the courts, the need to comply with the principle of legal certainty, which states that neither party can demand a revision of a final and final judgment only for the purpose of holding a re-hearing and obtaining a new judgment. The power of the court to review a case on new circumstances should be exercised in order to correct miscarriages of justice, and not to review a judicial act on the merits. Departures from this principle are justified only when they are mandatory due to circumstances of a significant and compelling nature.

Meanwhile, the revision of the decision on new circumstances, in its essence, is aimed at overcoming the legal force of the court decision, which entered into force and is binding on the territory of the Russian Federation. The conclusions of the courts about the violation of the principle of uncertainty and the fact that the court, when considering an application in the manner prescribed by paragraph 4 of part 4 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, will not check the legality and correctness of the decision taken, is not true, since the court needs to establish the circumstances that influenced the decision court before filing this application, but taking into account the already new circumstance, indicating a miscarriage of justice, which was the basis for the applicant's appeal to the ECHR.

Thus, in order to restore the violated right, it is imperative to launch a new trial mechanism, which will take into account the violations of the Convention identified by the ECHR.

At the same time, according to the authors of the article, the implementation of the right of citizens to fair justice based on the results of the revision of decisions of national courts on new circumstances on the basis of a judgment of the ECHR is influenced by the consolidation at the legislative level of the right to consider these applications for the courts of first instance.

In this case, the revision of decisions on new circumstances, by virtue of the provisions of procedural legislation, is carried out by lower judges, who take the court decision individually. The decision of the judge of first instance will determine the implementation of the rights of citizens who have defended their violated rights and achieved justice in the ECHR.

In fact, the court of first instance is entrusted with the authority to resolve the issue regarding both the possibility of considering an application under new circumstances and canceling judicial acts of higher courts, given that to submit an application to the ECHR, the applicant must go through all higher national instances.

In practice, situations often arise when decisions of lower courts are canceled by higher courts as part of a procedural appeal against decisions made, that is, in fact, a situa-

tion arises that the ECHR contested the decisions of a higher court, which overturned the decision of a lower instance.

This situation is largely determined by the fact that the issue of the implementation of international agreements in the humanitarian sphere at the level of national legislation has always been and remains one of the most difficult and controversially resolved. This is due to the difference in political systems in certain countries, the degree of their economic development, the characteristics of the ideological, religious plan, etc. [11, p. 50].

Meanwhile, the courts of first instance are not endowed with the procedural right to annul judicial acts that have entered into legal force. Thus, the mechanism for reviewing decisions on new circumstances in the Russian Federation, in essence, conflicts with the procedural competence of the court of first instance.

The authors of the article do not question the qualifications of the judges of first instance, and given, for example, the position of the Supreme Court of the Russian Federation (Resolution of June 27, 2013 No. 21) or the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin (1991–1993, from 2003 to the present) [10, p. 384], these judges bear the main responsibility to apply the provisions of the Convention and judgments of the ECHR when resolving the case on the merits. In this connection, the subsequent violations of the application of the provisions of the Convention, identified by the ECHR, are inherently serious miscarriages of justice committed by national courts when considering the case on the merits.

Revision of decisions due to new circumstances is referred by the legislator to self-control. Meanwhile, referring the revision on the basis of newly discovered circumstances to the self-control of the court, based on the results of a subsequent complaint to the ECHR, which found violations of the Convention, in the opinion of the author of the article, is a rather bold approach on the part of the legislator.

The judge, who, in the opinion of the ECHR, has committed violations of the Convention, will in fact decide whether or not his own miscarriage of justice was committed by him in the consideration of the case. In this case, there is a risk that the judge has the ability to hide its existence, referring to the formal principles of legal certainty of the civil process.

Also, the authors of the article believe that the very fact of establishing a miscarriage of justice due to new circumstances on the basis of the ECHR ruling is an objectively complex measure, which, firstly, concerns the relationship between international and national law, and secondly, it may indicate the systematic nature of this miscarriage of justice, which may extend to similar cases and violate the rights of not only one applicant, a participant in the proceedings. The qualification of new circumstances is an objectively complex procedure and requires not only knowledge of laws and national judicial practice, but also the influence of the positions of the ECHR on the national legal system of the Russian Federation as a whole, that is, in fact, it is connected with the current legal doctrine that takes into account national interests in the international arena.

According to the authors of the article, the way out of this situation is to develop and consolidate at the legislative level a mechanism for reviewing decisions of national courts on new circumstances on the basis of decisions of the ECHR for the Armed Forces of the Russian Federation, as a higher court for arbitration courts and courts of general jurisdiction. Thus, to redirect the legislative initiative when revising decisions on new circumstances not to self-control on the part of the court that committed a miscarriage of justice, but towards the control and analysis of decisions taken by national courts, taking into account the adopted judgment of the ECHR against the Russian Federation, in order to identi-

fy systemic errors in national legislation entailing a violation of the provisions of the Convention and the rights of citizens.

In the light of these proposals, the RF Armed Forces must analyze each judgment of the ECHR rendered against the RF and in the event that the RF Armed Forces does not establish violations or shortcomings in the functioning of the legal system, it will send the case to a lower court without the participation of the applicant for an objective decision taking into account the new circumstances and arguments of the ECHR.

In the event that the Armed Forces of the Russian Federation establish the systematic nature of the shortcomings of national legislation in the exercise of the rights of citizens guaranteed by the Convention, it will issue a decision where it will indicate the possibility of revising judicial acts that have entered into legal force in cases with similar factual circumstances.

Thus, persons who have not filed a complaint with the ECHR will be guaranteed equal opportunities for judicial protection of their rights, which is fully consistent with the constitutional principle of the equality of all before the law and the court (Article 19 of the Constitution of the Russian Federation).

It is no secret that in most of the judgments adopted on applications against the Russian Federation, the ECHR states the existence of analogous judicial errors related to the exercise by the citizens of the Russian Federation of the right to a fair trial (Article 6 of the Convention).

The procedural changes proposed by the authors in the mechanism for considering applications for new circumstances on the basis of ECHR judgments will ensure the restoration of the right to a fair trial violated by national courts when making decisions on identical circumstances, thereby reducing the number of applications to the ECHR in relation to the Russian Federation, risks of the Russian Federation associated with violation of the provisions of the Convention. These changes require additional study by the competent authorities.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. The law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities" // www.consultant.ru
3. Federal Law of April 30, 2010 No. 68-FZ "On compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 18. Art. 2144.
4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
5. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 2. Art. 163.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 No. 21 "On the application by the courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the Protocols thereto" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. No. 8 (August).
7. Recommendation No. R (2000) 2 of the Committee of Ministers of the Council of Europe "On the review of cases and the resumption of proceedings at the domestic level in connection with the decisions of the European Court of Human Rights" dated January 19, 2000 // Journal of Russian Law. 2000. No. 9.

8. Judgment of the European Court of Human Rights of November 22, 2016 "Case" Artemenko (Artemenko) v. Russian Federation" // Russian Chronicle of the European Court. 2018. No. 2.

9. Judgment of the European Court of Human Rights of March 20, 2018 "Case" Igranov and Others v. Russian Federation" // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2019. No. 3.

10. Zorkin V.D. Russia and the Constitution in the XXI century, a view from Ilyinka. Moscow: Norma, 2007. P. 384.

11. Komarov S.A. Personality in the political system of Russian society (political and legal research). Saransk: Publishing house of the Mordovian University, 1995. 206 p.

12. Komarov S.A., Lapteva I.V., Titenkov D.I. Human rights and legal infiltration of the norms of the Convention and decisions of the European Court of Human Rights into the legal system of the Russian Federation: monograph. 2nd ed. / Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow-St. Petersburg: Publishing house of the Legal Institute (St. Petersburg), 2015. 426 p.

13. Mogunova M.A. Implementation of the norms of international law and regional organizations in the national legal systems of the Nordic countries // Journal of Russian Law. 2002. No. 5. P. 144–152.

For citation: Mamitova N.V., Polishchuk D.A. Improving the mechanism for correcting judicial errors identified by the European Court of Human Rights: article // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 181–187.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.014

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.016

Л.С. Мустафина*

ТИПОЛОГИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В статье приводится анализ таких средств познания исторического развития государства, как классификация и типологизация. Автор рассматривает классификацию государства по типам посредством типологизации государств как метод познания исторического процесса развития государства и права, отражая историческую неизбежность смены одного типа государства другим. При этом, автором делается акцент на том, что типология является более широким понятием, чем классификация.*

***Ключевые слова:** типологизация государства, тип государства, правовое государство, сущность государства, права человека, классификация государства, функции государства.*

Будет справедливым сказать, что одним из самых важных компонентов предмета теории и истории государства и права является взаимосвязь государства и права в контексте истории и в современных реалиях. Именно важность данной взаимосвязи и подтверждает констатацию взаимообусловленности государства и права. Этим объясняется научный интерес к сравнительной характеристике государства и права на разных этапах ее развития, к их взаимной классификации, которая дает возможность сопоставления таких важных явлений общественной жизни, как право и государство, выявление закономерностей в их развитии, их отношений в определенную эпоху развития обществ и цивилизаций, анализа современного состояния таких отношений и связей [8, с. 38].

Аристотель так и писал, что «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [3, с. 1]. В работах Аристотеля и Платона эта тенденция античной общественной мысли выразилась наиболее отчетливо и полно, именно в государстве эти мыслители древности видели всякого рода общение для достижения блага [9, с. 206–207].

Процесс типологизации государства и права вовсе не является процессом мыслительной, аналитической и умозрительной операции, которая оторвана от реальности и действительной жизни. Для отнесения государства к тому или иному ти-

---

* Мустафина Лилия Салаватовна, аспирант кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета. E-mail: to86-mustafina@fas.gov.ru

Научный руководитель – Галиев Фарит Хатипович, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

пу в процессе типологизации используются как юридические, так и неюридические науки, в первую очередь, юридические науки – теория государства и права, история государства и права, иные юридические науки, а также социология, политология и др.

По результатам анализа и синтеза полученного материала определяются и раскрываются не только взаимосвязи между правом и государством, но и между социальным, экономическим и политическим устройством жизни общества. Устанавливаются объективные и субъективные факторы, приведшие к естественно-историческому процессу развития государства и права, первоочередной из которых выступает экономический базис, то есть материально-производственные отношения в обществе. Выясняются и анализируются общие закономерности развития исторических типов государства и права, а также смены одного исторического типа государства другим, цикличность, характерность закономерности такой смены. Анализируется и распространенное в общетеоретической юридической науке положение о том, что «античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества» [4, с. 65].

Таким образом, исходя из различных этапов развития экономики, развития общественной жизни, с учетом закономерностей их этапов развития и функционирования выделяются соответственно этапы развития или типы государства и права и закономерности существования и функционирования государства и права. Само понятие «тип государства» тоже трактуется по-разному. Например, С.А. Комаров пишет, что «под типом государства понимаются взятые в единстве наиболее общие черты различных государств, система их важнейших свойств и сторон, порождаемых соответствующей эпохой, характеризующихся общими сущностными признаками» [5, с. 137].

Нельзя отрицать тесную взаимосвязь и взаимозависимость между типами государства и общими закономерностями развития экономики и общества, с одной стороны и государства и права – с другой. Однако надо сказать, что прямой и жесткой связи между данными явлениями общественной жизни нет.

Закономерности развития и исторической смены одного типа государства другим, хоть и соответствуют закономерностям развития и смены различных типов экономического базиса и общества, все же имеют свои специфические особенности и свою относительную самостоятельность.

Как и любой процесс классификации, типологизация государства и права осуществляется на строго определенном базисе, который выработан самой жизнью социальной, экономической и политической практикой объективным критериям [12]. Среди таких критериев можно выделить социально-классовую сущность, содержание государственной власти и его направленность, уровень развития производительных сил, их характер, а также производственные отношения, которые им соответствуют, принципы организации и функционирования государства и т.д.

В теории юридической науки традиционно выделяли и рассматривали категорию «тип государства», который служит для обобщения в себе близких «родственных» черт, признаков и свойств государств, определяющих их формальную и (или) содержательную близость. В связи с этим, специфичные классификации таких общих характеристик, которые позволяют объединять различные государства на основе типологических сравнений, определяются в юридической науке как типологии государств.

Классификация государства по типам посредством типологизации государств представляет собой объективно закономерные и необходимые методы познания исторического процесса развития государства и права, отражая историческую неизбежность смены одного типа государства другим. Это обусловлено тем, что типология есть один из важнейших приемов или средств познания исторического процесса развития государства и права [7, с. 145].

Теоретические подходы к классификации типов государства базируются на построении типологии общества, при котором используется техника типологизации, которая позволяет определить наиболее главные признаки локальных и региональных объединений, сообществ и отделять их отличным от них по содержанию признакам иных сообществ.

Основными методами таких подходов признаются:

- метод историзации т.е. через выявление исторических типов при рассмотрении каждого нового типа как трансформирующегося из предыдущего;
- метод идеализации, при котором определенные характерные признаки берутся в «чистом» виде для построения идеального типа с соответствующими признаками.

Методы типологизации, который основывается на способах и критериях отбора наиболее распространенных, то есть типичных характеристик для изучения государства и его институтов, как общественного явления заложены еще в античности, когда умы философов были заняты поиском идеального государства и обоснования того, какой же он на самом деле.

К примеру, Платон предпринял попытку систематизировать формы государства по тому, каково было состояние законности в выделяемых им государственных образованиях. В трудах Платона люди по своей природе слабы перед лицом искушений, порочны и склонны больше к злу, чем к добру. Ввиду чего государству необходимо детально разработанная и достаточно эффективная законодательная база, ставящая своей целью подробное регламентирование всех сфер человеческой жизни. И в зависимости от строгости законов в государстве и их реальной возможности осуществления Платон выделял два типа государства: основанное на законности и государство без законов [13, с. 45].

Аристотель же в качестве критерия использовал пользу, преследуемую правителем страны, т.е. правитель преследовал какую именно цель при осуществлении своей государственной политики? служение общественному благу или же каким-либо своим личным корыстным интересам. Для Аристотеля идеалом государства являлась полиция, в которой правители осуществляли свою власть в интересах большинства и при этом руководствовались естественным правом, которое создавало конкретные законодательные нормы, которые регулировали отношения между людьми. При этом, он делил государства на правильные – политии, и отклоняющиеся от политий – неправильные [2, с. 89].

В своих воззрениях Полибий, рассматривая закономерности политической жизни общества, отмечал цикличность проявления государственности. Любые государства, в процессе своего исторического развития проходят стадию появления, роста, а затем прекращают существование ввиду каких-либо внутренних разногласий и трансформируются в иные противоположные виды и формы: к примеру, легитимная власть в форме монархии уступает место незаконной деспотии и тирании, которая в последующем меняется аристократией как властью меньшинства, у кото-

рой имеется право на правление по своему происхождению. На место аристократии приходит олигархия, в которой незаконно без понимания умеренности руководят стяжатели. Разрастающееся недовольство со стороны простых людей и последующий бунт и революции с их стороны выдворяет олигархов и строит на руинах олигархии демократию как законную власть, которая уже позволяет народу непосредственно управлять государством. Однако, и в демократии есть свои подводные камни в виде власти черни, при которой управляют государством выделившиеся из толпы и потакающие этой толпе демагоги [1].

Никколо Макиавелли разделял государства на те государства, в которых подданные привыкли повиноваться государю, и на те государства, где подданные жили свободно. В своей знаменитой работе «Государь» Никколо Макиавелли пишет о том, что «все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания – таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью» [6, с. 52].

В XIX столетии Г. Спенсер как основные общественные типы и взаимосвязанные с ним государства выделял высшие (промышленные) и предшествовавшие им образования как примитивные (военные). А немецкий государствовед Г. Еллинек в своем «Общем учении о государстве» называет существующие современные государства, то есть государства конца XIX века просто современными, а государства, существовавшие в ранние эпохи просто как древневосточное, греческое, римское и средневековое [7, с. 206].

В.В. Шкатулла и В.В. Надвикова пишут, что одним из критериев типологии государства можно назвать классификацию по политическим режимам: тоталитарный, авторитарный, либеральный и демократический политические режимы [14, с. 28].

Вместе с тем, надо понимать, что государства можно классифицировать по различным основаниям, так как порой основаниями для классификаций являются самые различные критерии, однако, это не означает, что все это – типы государства. В нашем понимании, типологизация представляет собой более глубокий, более подробный и объективный процесс, включающий в себя порой несколько различных классификаций на подлинно научной основе, и опирающийся на реальные и конкретные исторические факты.

Научная типологизация же играет важную роль в изучении и познании, так как является одним из главных средств теоретического воспроизведения объекта изучения – государства.

Как отмечает Р.А. Ромашов, «образ государства – явление субъективное, формирующееся под воздействием различных исторических факторов. На различных этапах политогенеза государство предстает перед современниками в меняющихся ипостасях и качественно отличных образах» [10, с. 17]. По мнению М.Н. Марченко, «неоднозначность восприятия государства – его сути, представления о нем, о его понятии, роли и назначении, обусловлена прежде самим временем, в рамках которо-

го оно возникает и развивается, а, следовательно, уровнем развития общества, общественного сознания и мышления» [7, с. 154].

Авторы учебника под редакцией Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова пишут, что «используемые в теории государства методы формационной и цивилизационной типологии на современном этапе в основном утратили свою функциональность. В качестве альтернативы может быть предложен циклический метод, предполагающий рассмотрение в качестве критерия типизации государств совокупность факторов в комплексе характеризующих эффективность функционирования политико-правовой системы. По данному критерию представляется возможным осуществлять выделение и последующее сопоставление завершенных и длящихся этапов (циклов) политогенеза» [11, с. 98].

Безусловно, развитие государства и права – основополагающая часть процесса развития любого общества и человечества. Процесс познания генезиса и развития, посредством познания государства, как важнейшего правового института общества, является составной частью познания и всего исторического процесса.

Процесс перехода государства от одного типа к другому сочетает в себе как элементы, как бы это парадоксально не звучало, и постоянности и непрерывности и плавного естественно-исторического развития, так и элементы скачкообразных резких изменений, и являющихся дополнением друг друга.

Однако нельзя не отметить, что процесс трансформации государства с одного типа в другой неразрывно связан с постоянным развитием самого социума, с вызовами той современности, в которой существует такое государство и в связи с необходимыми ответами на такие вызовы, развитием сущности, содержания и социального назначения самого государства.

В юриспруденции государство является фундаментальным и одним из самых сложных объектов для исследования в силу многомерности самого объекта и многосторонности его проявлений.

Таким образом, типологизация, будучи более широким и объемным понятием, чем классификация, играет огромную роль в изучении происхождения и развития государства, ввиду того, что данный метод систематизации научного знания являются незаменимым средством познания объективной реальности на теоретическом уровне.

Библиографический список

1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Магистр-Пресс, 2019. – 470 с.; *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права: учебник /Под общ. ред. С.А. Комарова. – СПб.: Питер, 2003. – 576 с.
2. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 608 с.
3. *Аристотель.* Политика. Риторика. – М.: Эксмо, 2019. – 384 с.
4. *Гогин А.А., Липинский Д.А., Малько А.В. и др.* Теория государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. – М.: Проспект, 2016. – 324 с.
5. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
6. *Макиавелли Н.* Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2006. – 160 с.
7. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: учебник. В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 743 с.

8. *Оксамытный В.В.* Общая теория государства и права. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 512 с.
9. *Платон.* Государство. Книга IV // Платон. Сочинения в 4-х т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
10. *Ромашов Р.А.* Государство: понятие, общая характеристика и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 16–34.
11. *Ромашов Р.А., Сальников В.П.* Теория государства и права: Учебник / 2-е изд., доп., перераб. – В 3-х т. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2010. – 214 с.
12. *Хабибуллин, А.Г.* Идеологическая деятельность государства и типология государственности [Текст] : монография / А. Г. Хабибуллин, Р. А. Рахимов; М-во внутр. дел РФ. С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – Санкт-Петербург, 1998. – 191 с.
13. *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. – М.: Прометей, 2017. – 330 с.
14. *Шкатулла В.В., Надвикова В.В.* Правоведение: учебник / В.И. Шкатулла, В.В. Надвикова. – М.: ЮСТИЦИЯ, (Бакалавриат), 2017. – 486 с.

Для цитирования: *Мустафина Л.С.* Типология как важнейшее средство познания исторического процесса развития государства: статья // Теория государства и права. – 2021. – No. 4 (25). – С. 188–193.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.016

Lilia S. Mustafina *

TYOLOGY AS THE MOST IMPORTANT MEANS OF KNOWING THE HISTORICAL PROCESS OF THE STATE DEVELOPMENT

Abstract. *The article provides an analysis of such means of knowing the historical development of the state as classification and typology. The author considers the classification of the state by types through the typologization of states as a method of cognition of the historical process of the state and law development. Such an analysis reflects the historical inevitability of the replacement of one type of state by another. At the same time, the author emphasizes that typology is a broader concept than classification.*

Key words: *typology of the state, type of government, rule of law, essence of the state, human rights, classification of the state, functions of the state.*

It would be fair to say that one of the most important components of the subject of the theory and history of state and law is the relationship between state and law in the context of history and in modern realities. It is the importance of this relationship that confirms the statement of the interdependence of state and law. This explains the scientific interest in the comparative characteristics of the state and law at different stages of its development, in their mutual classification, which makes it possible to compare such important phenomena of social life as law and the state, to identify patterns in their development,

---

* *Mustafina Lilia Salavatovna*, postgraduate student of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University. E-mail: to86-mustafina@fas.gov.ru

Scientific adviser – *Galiev Farit Khatipovich*, Head of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

their relations in a certain era of development of societies and civilizations, analysis of the current state of such relations and ties [8, p. 38].

Aristotle wrote that "Since, as we can see, every state is a kind of communication, all communication is organized for the sake of some good (after all, every activity means a supposed good), then, obviously, all communication tends to or some other good, moreover, more than others, and towards the highest of all good, the communication that is the most important of all and embraces all other communication strives. This communication is called the state or political communication" [3, p. 1]. In the works of Aristotle and Plato, this tendency of ancient social thought was expressed most clearly and fully, it was in the state that these ancient thinkers saw all kinds of communication to achieve good [9, p. 206–207].

The process of typologization of state and law is not at all a process of mental, analytical and speculative operation, which is divorced from reality and real life. To classify the state as one or another type in the process of typologization, both legal and non-legal sciences are used, first of all, legal sciences – the theory of state and law, history of state and law, other legal sciences, as well as sociology, political science, etc.

Based on the results of the analysis and synthesis of the material obtained, not only the relationship between law and the state is determined and disclosed, but also between the social, economic and political structure of society. The objective and subjective factors are established that led to the natural-historical process of the development of state and law, the primary of which is the economic basis, that is, material production relations in society. The general patterns of development of historical types of state and law, as well as the replacement of one historical type of state by another, the cyclical nature of the pattern of such a change, are clarified and analyzed. The article also analyzes the position widespread in general theoretical legal science that "ancient society, feudal society, bourgeois society are such aggregates of production relations, each of which at the same time marks a special stage in the historical development of mankind" [4, p. 65].

Thus, based on the various stages of economic development, the development of social life, taking into account the patterns of their stages of development and functioning, respectively, the stages of development or types of state and law and the patterns of existence and functioning of state and law are distinguished. The very concept of "type of state" is also interpreted in different ways. For example, S.A. Komarov writes that "the type of state is understood as the most common features of various states taken in unity, the system of their most important properties and sides, generated by the corresponding era, characterized by common essential features" [5, p. 137].

One cannot deny the close relationship and interdependence between the types of the state and the general laws of development of the economy and society, on the one hand, and the state and law, on the other. However, it must be said that there is no direct and rigid connection between these phenomena of social life.

The patterns of development and historical change of one type of state to another, although they correspond to the patterns of development and change of various types of economic basis and society, still have their own specific features and their own relative independence.

Like any classification process, the typologization of state and law is carried out on a strictly defined basis, which was developed by the life itself of social, economic and political practice by objective criteria [12]. Among such criteria, one can single out the social-class essence, the content of state power and its orientation, the level of development of

productive forces, their nature, as well as production relations that correspond to them, the principles of organization and functioning of the state, etc.

In the theory of state and law, the category "type of state" has traditionally been identified and considered, which serves to generalize in itself close "related" features, signs and properties of states that determine their formal and (or) substantive proximity. In this regard, specific classifications of such general characteristics, which make it possible to unite different states on the basis of typological comparisons, are defined in legal science as a typology of states.

Classification of the state by types through the typologization of states is objectively natural and necessary methods of understanding the historical process of the development of state and law, reflecting the historical inevitability of the replacement of one type of state by another. This is due to the fact that typology is one of the most important techniques or means of cognition of the historical process of development of state and law [7, p. 145].

Theoretical approaches to the classification of types of state are based on the construction of a typology of society, in which the typologization technique is used, which allows one to determine the most important features of local and regional associations, communities and separate them from them in terms of content of features of other communities.

The main methods of such approaches are recognized:

- the method of historicization i.e. through the identification of historical types when considering each new type as transforming from the previous one;
- the method of idealization, in which certain characteristic features are taken in a "pure" form to build an ideal type with the corresponding features.

Methods of typologization, which is based on the methods and criteria for selecting the most common, that is, typical characteristics for the study of the state and its institutions, as a social phenomenon, were laid back in antiquity, when the minds of philosophers were busy looking for an ideal state and justification of what it really is ...

For example, Plato made an attempt to systematize the forms of the state according to what was the state of legality in the state formations allocated to him. In Plato's writings, people are by nature weak in the face of temptation, vicious and inclined more towards evil than good. In view of this, the state needs a detailed and sufficiently effective legislative base, which aims at detailed regulation of all spheres of human life. And depending on the severity of the laws in the state and their real possibility of implementation, Plato singled out two types of state: based on legality and a state without laws [13, p. 45].

Aristotle, on the other hand, used the benefit pursued by the ruler of the country as a criterion, i.e. the ruler pursued what purpose in the implementation of his state policy? serving the public good or any of their personal selfish interests. For Aristotle, the ideal of the state was polity, in which the rulers exercised their power in the interests of the majority and at the same time were guided by natural law, which created specific legislative norms that governed relations between people. At the same time, he divided the states into correct - polities, and those deviating from polities - incorrect [2, p. 89].

In his views, Polybius, considering the laws of the political life of society, noted the cyclical nature of the manifestation of statehood. Any states, in the process of their historical development, go through the stage of appearance, growth, and then cease to exist due to any internal disagreements and are transformed into other opposite types and forms: for example, legitimate power in the form of a monarchy gives way to illegal despotism and tyranny, which in subsequently changed by the aristocracy as a minority power, which has

the right to rule by its origin. The aristocracy is replaced by an oligarchy, in which money-grubbers rule illegally without understanding moderation. The growing discontent on the part of ordinary people and the subsequent revolt and revolution on their part expel the oligarchs and build democracy on the ruins of the oligarchy as a legitimate government, which already allows the people to directly rule the state. However, democracy also has its pitfalls in the form of the power of the rabble, under which demagogues who stand out from the crowd and indulge this crowd rule the state [1, p. 167].

Niccolo Machiavelli divided the states into those states in which the subjects were accustomed to obeying the sovereign, and those states where the subjects lived freely. In his famous work "The Sovereign" Niccolo Machiavelli writes that "all states, all powers that possessed or have power over people, were the essence of either republics or states governed by autocracy. The latter can be either inherited – if the family of the sovereign ruled for a long time, or new. Either the state as a whole can be new – this is Milan for Francesco Sforza; or a part of it, annexed to the inherited state as a result of conquest – such is the Kingdom of Naples for the king of Spain. The new states are divided into those where the subjects are accustomed to obey the sovereigns, and those where they have lived freely from time immemorial; states are acquired either by their own or by someone else's weapon, or by the grace of fate, or by valor "[6, p. 52].

In the 19th century, G. Spencer singled out the higher (industrial) and preceding formations as primitive (military) as the main social types and states interconnected with it. And the German state scientist G. Jellinek in his "General Doctrine of the State" calls the existing modern states, that is, the states of the late 19th century simply modern, and the states that existed in early eras simply as ancient Eastern, Greek, Roman and medieval [7, p. 206].

V.V. Shkatulla and V.V. Nadvikova write that one of the criteria for the typology of the state can be called the classification by political regimes: totalitarian, authoritarian, liberal and democratic political regimes [14, p. 28].

At the same time, one must understand that states can be classified on various grounds, since sometimes the grounds for classifications are very different criteria, however, this does not mean that all these are types of states. In our understanding, typologization is a deeper, more detailed and objective process, sometimes including several different classifications on a truly scientific basis, and based on real and specific historical facts.

Scientific typology, however, plays an important role in the study and cognition, as it is one of the main means of theoretical reproduction of the object of study – the state.

As noted by R.A. Romashov, "the image of the state is a subjective phenomenon, formed under the influence of various historical factors. At various stages of political genesis, the state appears before contemporaries in changing hypostases and qualitatively different images" [10, p. 17]. According to M.N. Marchenko, "the ambiguity of the perception of the state – its essence, ideas about it, its concept, role and purpose, is primarily due to the time itself, within which it arises and develops, and, consequently, the level of development of society, social consciousness and thinking" [7, With. 154].

The authors of the textbook, edited by R.A. Romashov and V.P. Salnikov, they write that "the methods of formational and civilizational typology used in the theory of the state at the present stage have basically lost their functionality. As an alternative, a cyclical method can be proposed, which implies considering as a criterion for the typification of states a set of factors in a complex that characterize the effectiveness of the functioning of the political and legal system. According to this criterion, it seems possible to carry out the selec-

tion and subsequent comparison of completed and ongoing stages (cycles) of political genesis" [11, p. 98].

Of course, the development of state and law is a fundamental part of the development process of any society and humanity. The process of cognition of genesis and development, through cognition of the state, as the most important legal institution of society, is an integral part of cognition and the entire historical process.

The process of transition of a state from one type to another combines both elements, no matter how paradoxical it sounds, and constancy and continuity and smooth natural-historical development, as well as elements of abrupt changes that complement each other.

However, it should be noted that the process of transformation of a state from one type to another is inextricably linked with the constant development of society itself, with the challenges of the modernity in which such a state exists and in connection with the necessary responses to such challenges, the development of the essence, content and social purpose of the very the state.

In jurisprudence, the state is fundamental and one of the most difficult objects for research due to the multidimensionality of the object itself and the versatility of its manifestations.

So, typologization, being a broader and more voluminous concept than classification, plays a huge role in the study of the origin and development of the state, in view of the fact that this method of systematizing scientific knowledge is an irreplaceable means of cognizing objective reality at a theoretical level.

Bibliographic list

1. Abdulaev M.I. Theory of State and Law: A Textbook for Higher Educational Institutions. Moscow: Magister-Press, 2019. 470 p.; Abdulaev M.I., Komarov S.A. Problems of the theory of state and law: textbook / Ed. S.A. Komarov. St. Petersburg: Peter, 2003. 576 p.
2. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy: textbook. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: TK Welby, Prospect Publishing House, 2005. 608 p.
3. Aristotle. Politics. Rhetoric. Moscow: Eksmo, 2019. 384 p.
4. Gogin A.A., Lipinsky D.A., Malko A.V. et al. Theory of state and law: textbook / ed. A.V. Malko, D.A. Lipinsky. Moscow: Prospect, 2016. 324 p.
5. Komarov, SA General theory of state and law: textbook for universities / SA Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.
6. Machiavelli N. Sovereign // Machiavelli N. Sovereign: Works. Moscow: Eksmo Publishing House; Kharkiv: Folio Publishing House, 2006. 160 p.
7. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law: textbook. In 2 volumes, 2nd ed., Revised. and add. T. 1. Moscow: Prospect, 2017. 743 p.
8. Oksamytny V.V. General theory of state and law. Moscow: UNITY-DANA, 2012. 512 p.
9. Plato. State. Book IV // Plato. Works in 4 volumes. Vol. 3 / Per. from ancient Greek; General ed. A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Taho-Godi; Auth. entry Art. and Art. in the note. A. F. Losev; Note. A.A.Takho-Godi. Moscow: Mysl, 1994. 654 p.
10. Romashov R.A. State: concept, general characteristics and essence // Legal science: history and modernity. 2019. No. 2. P. 16–34.
11. Theory of state and law [Text]: textbook / [Artamonova G. K., Babadzhyanov I. Kh., Gorozhanin A. V.]; under the editorship of Doctors of Law, Professors, Honored Scientists of the Russian Federation R. A. Romashov, V. P. Salnikov; Foundation for the support of science and education in the field of law enforcement "University". St. Petersburg: University Foundation, 2010. Vol. 1. 214 p.

12. Khabibulin, A.G. Ideological activity of the state and typology of statehood [Text]: monograph / A. G. Khabibulin, R. A. Rakhimov; Int. cases of the Russian Federation. St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. St. Petersburg, 1998. 191 p.

13. Tsechoev, V.K. Theory of state and law [Text]: textbook / V. K. Tsechoev, A. R. Shvandrova. Moscow: Prometheus, 2017. 330 p.

14. Shkatulla V.V., Nadvikova V.V. Jurisprudence: textbook / V.I. Shkatulla, V.V. Nadvikova. Moscow: JUSTICE, (Bachelor's degree), 2017. 486 p.

For citation: Mustafina L.S. Typology as the most important means of understanding the historical process of state development: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 193–198.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.016

Научная статья

УДК 347.211

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.017

А.В. Попова*

С.И. Семцова **

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИНСТИТУТА «ФЕНОМЕНА НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT-TOKEN)» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

***Аннотация.** Современный период развития российского общества характеризуется цифровизацией основных институтов общества, которая, однако, идёт гораздо интенсивнее, чем развитие российского законодательства. Статья посвящена анализу сущности невзаимозаменяемого токена (NFT, non-fungible token), особенностям их создания и обращения, а также необходимости внедрения данного феномена в законодательство РФ как предмета интеллектуальной собственности, цифровых прав, а также урегулирование вопроса перехода исключительных прав на сами NFT объекты. Автор видит перспективы для введения института цифровых прав, в частности таких правовых феноменов, как NFT, в законодательство отдельных стран. В статье предложены конкретные изменения в статьи гражданского, а также уголовного и семейного законодательства, направленные на устранение существующих пробелов правового регулирования данного вопроса и развитие NFT в будущем.*

***Ключевые слова:** цифровые права, токены, NFT, SFT, фарминг и минтинг, интеллектуальная собственность, информационно-телекоммуникационные технологии, совершенствование законодательства, виды NFT, информационное общество.*

Активный процесс цифровизации основных институтов общества и реформирования их структуры в условиях цифровой реальности подтолкнуло общество к осознанию необходимости создания новых элементов. Для установления вектора развития цифрового общества в 2017 г. указом Президента РФ была утверждена Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы [9]. Она акцентирует внимание на элементах, которые необходимо создать для формирования высоко развитого информационного общества. В соответствии с п. «ж» ст. 43 данной Стратегии «в процессе реализации национальных интересов в области цифровой экономики необходимо вносить в законодательство Российской Федерации изменения, направленные на обеспечение соответствия нормативно-правового регулирования темпам развития цифровой экономики». В условиях стремительного развития науки и техники значительный рост возможностей человеческого разума способствует изменению правовых систем (как национальных, так и международной).

В настоящее время существование и стремительное распространение информационно-телекоммуникационной сети Интернет, иных Интернет-ресурсов, прило-

---

* Попова Анна Владиславовна, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru

** Семцова Станислава Игоревна, студентка юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: stasya-s02@mail.ru

жений для стационарных и мобильных устройств, пользовательских интерфейсов и иных цифровых ресурсов, представляющих информацию в электронно-цифровой форме, способствует нарушению интеллектуальных прав (авторских, патентных), а также цифровых прав человека, содержание и условия осуществления которых, определяются в соответствии с правилами информационной системы (например, право на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование электронных устройств, сети Интернет и т.д.), так называемому «цифровому пиратству», распространённому как в РФ, так и в мире в целом.

Цифровые права могут быть не только индивидуальными, но и коллективными, так же находящиеся в собственности объекты NFT могут представлять собой предметы общей собственности. Платформа Metis, например, недавно объявила о запуске первой в мире NFT, созданного сообществом. 3000 тысячи человек будут заниматься фармингом «Восстановления Вавилонской башни» [29]. Стоит также отметить, что не только люди могут являться субъектами цифрового права в сфере NFT. Так, робот «София», которая несколько лет назад была принята в подданство Саудовской Аравии, создала собственный объект искусства в формате NFT-токена и продала его на аукционе [30].

Развитие информационного общества предполагает совершенствование правового регулирования. К сожалению, на данный момент в законодательстве РФ нет упоминания NFT (невзаимозаменяемых токенов). Совсем недавно, в июле 2020 г. был опубликован Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], который, однако, в соответствии со ст. 1 «регламентирует отношения, возникающие при выпуске, учёте и обращении цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации, то есть цифровые права, включающие денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам и т.д.». Перечисленные в данной статье НПА цифровые активы являются взаимозаменяемыми, то есть могут обмениваться друг на друга, так как имеют одинаковую ценность, а операции с невзаимозаменяемыми токенами в законодательстве не регулируются.

Невзаимозаменяемые токены (NFT) являются формой цифровых активов и криптовалюты [8]. Их основным отличием от остальных цифровых активов является то, что они представляют собой произведения искусства музыку, видео, коллекционные карты, землю и недвижимость в виртуальных мирах, видео игры, игровые предметы и персонажи, предметы коллекционирования, твиты (короткие заметки в формате блога в социальной сети «Твиттер») и т.д. стоит отметить, что, несмотря на то, что NFT не имеют материального выражения, их ценность может быть даже выше, чем ценность материальных предметов и определяется спросом на культурные цифровые ценности, а также актуальностью такого феномена как NFT в целом [32].

Термин «невзаимозаменяемый» в названии NFT подразумевает, что каждый актив уникален, и не может быть обменен на какой-либо другой токен. Обладание NFT можно сравнить с обладанием оригинального автографа. Разумеется, существует множество отпечатанных копий, снятых с оригинальной подписи, но обладание копией и оригиналов имеет разную ценность. То же самое относится к изображениям NFT, музыке, твитам, 3-D моделям, а также результатам иных видов цифрового искусства (цифровая фотография, нет-арт, интерактивные инсталляции, гейм-арт, ASCII и ANSI арт, Пиксель-арт, Chiptune, демосцена (киберскульптура), демо (искус-

ство мультимедийных презентаций и стилизация нейронными сетями). С юридической точки зрения, NFT представляет собой цифровой сертификат, удостоверяющий право собственности на некий объект (реальный или виртуальный), например, произведение искусства. Когда происходит сделка с NFT, приобретается только сертификат на произведение, который по структуре представляет собой всего лишь строчки кода, записанные на блокчейне.

Определения блокчейна в законодательстве РФ нет, так же, как и в правовых системах иных государств, однако данное понятие упоминается в Гражданском Кодексе Франции [10] и определяется как «распределенный электронный реестр». Научная зарубежная мысль определяет блокчейн как децентрализованный журнал записи транзакций, являющийся частью более широкой вычислительной инфраструктуры, которая также должна включать в себя функции хранения, коммуникации, обслуживания файлов и архивирования [16]. В мировой практике государства прибегают к использованию блокчейна при ведении земельных реестров, цифровых удостоверений личности, аутентификации дипломов и аттестатов.

Наиболее резонансным в иностранной практике является пример швейцарского проекта Cardossier Association, объединяющий крупных частных и государственных субъектов, а также компаний – разработчиков программного обеспечения в многостороннюю блокчейн платформу [31]. NFT подтверждает владение оригинальной копией, но при этом не отменяет того факта, что её может посмотреть или скачать каждый: точно так же, как музейный экспонат может принадлежать музею или частному лицу, но посетители при этом могут свободно увидеть его на выставке, имеют открытый доступ к содержащему данный оцифрованный объект каталогу [20].

Одной из основных проблем, которые тормозят внедрение NFT технологий, заключается в неравномерном развитии технологии и общества в целом, а также законодательства [15]. Даже появлению взаимозаменяемых токенов в российском законодательстве предшествовала достаточно длительная процедура законотворчества. Так, законопроект «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» поступил в Государственную думу Федерального Собрания РФ на рассмотрение ещё в 2018 г [18]. Также стоит отметить, что совершенствование законодательства в сфере цифрового права является дискуссионным.

Принятый ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» был оценен специалистами в сфере права неоднозначно. Согласно экспертному заключению Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства установление в кодификационном акте базовых понятий цифрового права «представляется преждевременным, поскольку они еще не являются устоявшимися не только в науке и юриспруденции, но и в экономике» [11].

По мнению А. Г. Гузнова данный федеральный закон, как и ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» представляют ценность как средство перевода «дискуссии о правовом регулировании результатов применения новейших цифровых технологий в плоскость обсуждения конкретных текстов». При этом он отмечает, что в законе сделан упор на терминологию в ущерб юридическому содержанию, а именно, закреплению прав и обязанностей субъектов правоотношений в цифровой сфере. Л. А. Новоселова считает, что изменения, внесённые в ГК РФ

(в частности в ст. 128) выгодно отличаются технологической нейтральностью и достаточно четким определением места цифровых активов в системе объектов гражданских прав». Несмотря на в целом положительную оценку данных нововведений Новоселова критикует наименование «цифровые права», указывая на громоздкость конструкции «права на права», при этом она отмечает, что «это вопрос терминологии, а не сути» [13].

NFT способствуют разрешению проблемы «двойной траты активов данных», так как содержащаяся в них информация было частично невзаимозаменяемой. Данный феномен имеет перспективы для дальнейшего развития не только в сфере искусства и коллекционирования, как уже было указано ранее. Невзаимозаменяемые данные можно использовать в сфере торговли и оборота данных, что определяет их преимущество перед существующими на данный момент платформами управления данными на основе блокчейна. При этом NFT продаются на децентрализованных биржах (маркетплейсах), которые взаимодействуют между собой посредством различных учётных записей. Однако, как сети, представляющие ценность данных, они находятся на очень ранней стадии развития и внедрения [32].

Стоит также отметить, что термин «токен» в российском законодательстве Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ» [7] был заменён на, как отмечается в пояснительной записке, «отвечающий традициям российского права» [19] термин – «цифровые права». Изначально термин «токен» вводился для обозначения устройства для идентификации, сейчас – используется в сфере IT для обозначения шифров, владение которыми даёт в сети определенные возможности.

Сущность «цифрового права» как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под цифровым правом предлагается понимать совокупность электронных данных (например, цифровой код), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав в соответствии с п. 1 ст. 141.1 ГК РФ (введена ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации») [17]. При этом единообразного понимания данного термина нет. Так, например, Т. М. Гришина, говоря о сетевой природе права утверждает, что цифровое право создает особое пространство правоотношений, в котором взаимодействуют различные элементы без отраслевой специализации [12].

По мнению М. К. Юрасова феномен NFT заключается именно в их способности создавать и отображать широкий спектр прав и обязанностей. Так, например, продажа цифрового дома на Марсе в формате NFT [21] (как предмета коллекционирования) привела к появлению у создательницы проекта – Кристы Ким – обязанностей по обеспечению создания всей мебели из её виртуального проекта в материальной форме и право собственности победителя аукциона на данные предметы интерьера.

Сейчас NFT в основном используется для токенизации картинок и гифок (особый формат графических изображений, сохраняющий качество сжатых цифровых объектов). В коде смарт-контракта в качестве метаданных просто указывается ссылка на картинку. При этом сама картинка может храниться на централизованных (AWS) или децентрализованных серверах (IPFS). Так, например, недавно проданная на аукционе картина Beeple, представляет собой невзаимозаменяемый токен [22]. Beeple является автором и правообладателем картины. Следовательно, лицо, сделавшее или же (пере)купившее NFT с картиной Beeple, не станет обладателем исключительных прав на оригинал картины, они по-прежнему будут сохраняться за

Веерле. Покупателю же токена принадлежат ровно те права, которые указаны в договоре с аукционным домом (в данном конкретном случае – Christies).

Стоит также отметить, что NFT предстаёт своего рода инвестицией, так как их стоимость исчисляется в цифровой валюте – эфирах, курс которой постоянно изменяется. Таким образом, при приобретении какого-либо объекта в формате невзаимозаменяемого токена за определённое количество эфиров, стоимостью каждый в 600 \$, можно перепродать данный объект по прошествии времени за тоже количество эфиров, только их стоимость уже будет значительно выше в связи с ростом курса эфира на пике его популярности.

Вопрос перехода исключительных прав на сами объекты интеллектуальной собственности на данный момент законодательно не урегулирован. При отсутствии юридического соглашения между создателем и покупателем NFT, исключительные права на объект не перейдут к покупателю вместе с покупкой токена. Различные платформы предоставят создателям NFT токенов право самим выбирать условия лицензий в будущих версиях продукта.

Например, условия лицензий могут также прописывать в самих метаданных, которые предоставляют собой описательную информацию для конкретного идентификатора токена и обычно включают: имя объекта, его изображение, описание и любые дополнительные характеристики (называемые «атрибутами»), что предоставляет создателям предметов искусства и иных объектов интеллектуальной собственности гибкость в продвижении результатов своей деятельности. Так, дополнительные условия лицензий прописываются в метаданных NFT на таких платформах как: Ethereum, COSMOS, OpenSea и Rarible.

Стоит отметить, что само создание («минтинг») NFT токена в соответствии со ст. 141.1 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) не является способом регистрации цифровых прав. Владение NFT не гарантирует полные права на этот предмет. Факт создания токена не является основанием для приобретения прав в отношении самого объекта. Третьи лица, покупая токены на маркетплейсах, также не приобретают права на сам объект, если только стороны прямо не договорились об этом документально.

Минтинг NFT токена фиксирует только факт упаковки набора метаданных в один из форматов NFT определенным анонимным аккаунтом и предоставления данному аккаунту доступа к нему. То есть авторам предоставляется монополия на использование созданных объектов интеллектуальной собственности, в частности, ст. 1270 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее в тексте – ГК РФ) [6]. Аналогичные нормы есть и в законодательствах других стран, например в Главе VIII «О не вещественных правах» Гражданского Кодекса Франции [10].

Дальнейшее использование токена вне платформ является нарушением исключительных прав автора. Однако на данный момент ведётся разработка демоверсии маркетплейса dGoods, на котором будет возможна аренда NFT, в том числе для использования на разных платформах. Наиболее эффективно представляется внедрение этой функции через Delegate, которая представляет собой простую таблицу, отслеживающую одолженные и заёмные активы. Одалживание актива через Delegate создаст запись в таблице, и некоторые функции, например передача или сжигание актива, будут заблокированы, пока актив не будет возвращён владельцу, который его одолжил. Это позволит одалживать NFT без риска их невозврата. Стоит отметить, что основным принципом работы данной платформы является гибкость, dGoods – это открытый исходный код и бесплатный стандарт для обработки всех

типов виртуальных элементов в блокчейне EOS, который объединяет токены из разных категорий в один смарт-контракт (стандарт dGoods имеет один символ токена на контракт, что позволяет создавать суб-токены, которые обозначают категорию, имя токена и определённый тег (ассоциированное ключевое слово или фраза для тематического группирования и/или поиска информации), чтобы различные платформы и приложения могли упорядочивать и фильтровать токены).

В таком контракте могут быть также объединены взаимозаменяемые и невзаимозаменяемые токены. Планируется также расширение данной сферы с помощью мобильных приложений (существующие на данный момент приложения для цифровых активов в формате FT можно мониторить в системе EOS) для создания и обращения NFT, например, TokenPocket.

В последнее время NFT захватывают всё новые сферы (например, брачно-семейные отношения) и результаты масштабных событий. Так, Rarible обещал представить коллекцию NFT Nomine(eth) в честь церемонии вручения кинопремии «Оскар», причём на каждое направление престижной премии планируется выпустить по два невзаимозаменяемых токена – один для обладателя Оскара и один для победителя аукциона [23]. Уже был анонсирован выпуск фильма в виде NFT (фильм ужасов Кевина Смита «Киллрой был здесь»), The Weekend объявил на своей странице в Twitter, что планирует выпустить трек в формате NFT в рамках нового альбома, а также в формате NFT был заключён брак (как дополнение к традиционной свадьбе и заключении брака в законодательно установленном формате) [24].

Это указывает на то, что в дальнейшем список объектов NFT может значительно расширяться. Говоря о перспективах развития NFT необходимо понимать, что правовое регулирование данного вопроса в будущем будет, скорее всего, зависеть от определённого вида NFT токенов. На данный момент нет классификации NFT, хотя считается возможным типовое деление NFT по принципу создания и обращения на определённом маркетплейсе. Выделяют две основные модели фарминга (создания и хранения цифровых активов) с использованием NFT: «ERC-20 за NFT» и «NFT за ERC-20» [25]. Также сейчас на стадии разработки находится Blockchain Bean Asset (BBA) – один из последних стандартов NFT, дающий перспективу будущей стандартизации метаданных [26].

В апреле 2021 г. собиралась для обсуждения проекта первая техническая группа, которая определила первую спецификацию [27]. При этом нельзя отрицать, что со временем будут выявлены разновидности невзаимозаменяемых токенов и определены их характерные отличия, а также наиболее благоприятные сферы действия. Стоит также отметить, что на платформе NIFTEX в настоящий момент ведётся разработка механизма обертывания (перевода) невзаимозаменяемых и неделимых NFT во взаимозаменяемые и делимые токены стандарта ERC-20 – шарды, и наоборот. В будущем это может позволить расширить рынок NFT, а также будет способствовать распространению фракционных (долевых) ценных бумаг NFT.

Стоит отметить также, что со временем из NFT выделились полувзаимозаменяемые токены – SFT (Semi-Fungible Tokens) [28]. Эти цифровые активы, призваны решить проблему недостаточной гибкости SFT и FT для реализации определённых идей в сфере цифровизации. Примером SFT может являться билет на мероприятие, существующий в системе блокчейна в формате NFT: каждый билет уникален, потому что имеет специальный номер, но при этом покупатель билета приобретает одни и те же права (и обязанности) при покупке любого из этих билетов.

Так, лицо, которое приобрело билет в кинотеатр на просмотр фильма А и в соответствии с купленным билетом займёт место № 7 на пятом ряду будет иметь те же субъективные права и юридические обязанности, что и лицо, которое будет занимать место № 8 на том же ряду. При этом нельзя говорить об уникальности или абсолютной идентичности объектов цифровых прав (в данном случае – билетов), так как они имеют равную ценность, но отличаются только номером. Это не позволяет определить такие объекты ни как FT (взаимозаменяемые токены), ни как NFT.

Активное внедрение NFT в различные сферы жизни общества в перспективе будет способствовать сокращению преступности. Киберпреступность, связанная с объектами цифровых прав является угрозой, как отдельным государствам, так и всему международному сообществу. Проблема конвергенции таких преступлений с финансовыми посягательствами, в том числе на цифровые активы становится всё более масштабной в связи с тем, что уголовное законодательство и правоохранительные органы не успевают эффективно реагировать на изменения в технологиях. Считается, что NFT как вид цифровых активов, вопросы ограничения распространения представляемых ими объектов искусства, а также удостоверение прав собственности должны быть закреплены в сфере уголовно-правового регулирования.

При рассмотрении NFT в рамках объектов гражданских прав, предусмотренных статьей 128 ГК РФ, стоит отметить, что основным их свойством являются экономические характеристики, присущие имуществу, а значит, их утрата может причинять реальный значительный ущерб в денежном выражении. В Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] на данный момент отсутствуют положения, признающие цифровые активы, в частности NFT, новым объектом уголовно-правовой охраны [14].

Подводя итог, хотелось бы предложить внесение следующих изменений в целях наиболее эффективного регулирования данного вопроса в условиях цифровизации в мире и конкретно в Российской Федерации. Считаем целесообразным ввести термин NFT (невзаимозаменяемый токен) в ст. 129, 1225 ГК РФ [1], в ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также в ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [5] и, по мере внедрения NFT, в различные сферы жизни общества в соответствующие НПА (например, в Налоговый Кодекс Российской Федерации [4] и Семейный Кодекс Российской Федерации [2], а также в УК РФ).

Ст. 129 ГК РФ говорит о результатах интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средствах индивидуализации. Они не могут отчуждаться или иным способом переходить от одного лица к другому, однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут. В соответствии со ст. 1225 ГК РФ результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются: произведения науки, литературы и искусства; фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; коммерческие обозначения и многое другое.

В условиях постоянно развивающегося в различных сферах информационного общества и цифровой экономики данные объекты могут быть превращены в NFT, а значит, требуется основа для регулирования цифрового права собственности на них.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Российская газета, 1998, 6 августа.
5. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.
6. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.
7. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 18 марта 2019 г.
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 31 июля 2020 г.
9. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 10 мая 2017 г.
10. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4–592.
11. Экспертное заключение по проекту федерального закона N 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 N 175-2/2018) // В данном виде документ опубликован не был.
12. *Гришина Т. М.* Сетевому общему – сетевое право // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 2 (61). – С. 5–16.
13. *Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2018. – № 5. – С. 16–30.
14. *Долгиева М. М.* Цифровые активы и уголовное законодательство России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №1 (45) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aktivy-i-ugolovnoe-zakonodatelstvo-rossii> (дата обращения: 05.05.2021).
15. *Петрова, И. Л.* Цифровое право – новая отрасль российского права (вопросы номинации)? / И. Л. Петрова, В. С. Манохин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 167–170.
16. *Свон М.* Блокчейн. Схема новой экономики. – М. : Олимп-Бизнес, 2017. – 241 с.
17. *Синюков В. Н.* Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russia. 2019. № 9 (154) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-pravo-i-p>. (дата обращения: 15.04.2021).

18. Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 20.04.2021).

19. Законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» // Система обеспечения законодательной деятельности; URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 27.04.2021).

20. Что покупают в виде NFT-токенов? // Новости в России и мире – ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/11035183> (дата обращения: 15.04.2021).

21. Виртуальный дом на Марсе продан за реальные полмиллиона долларов // Новости IXBT // URL : <https://www.ixbt.com/news/2021/03/21/virtualnyj-dom-na-marse-prodan-za-realnye-polmilliona-dollarov.html> (дата обращения: 24.04.2021).

22. Картина цифрового художника Beeple продана на аукционе за \$69 миллионов // 3DNews Daily Digital Digest // URL: <https://3dnews.ru/1034693/kartina-tsifrovogo-hudognika-beeple-prodana-na-auksione-za-69-millionov> (дата обращения: 18.04.2021).

23. Rarible выпустит коллекцию NFT с лауреатами «Оскара» // Forklog // URL: <https://forklog.com/rarible-vypustit-kollektsiyu-nft-s-laureatami-oskara/> (дата обращения: 26.04.2021).

24. Сотрудники Coinbase увековечили свой брак в блокчейне Ethereum // Forklog // URL: <https://forklog.com/sotrudniki-coinbase-uvekovechili-svoj-brak-na-blokchejne-ethereum/> (дата обращения: 26.04.2021).

25. NFT как новый класс виртуальных активов: перспективы // ForkLog // URL: <https://forklog.com/nft-kak-novyj-klass-virtualnyh-aktivov-perspektivy-chast-vtoraya/> (дата обращения: 25.04.2021).

26. Эпизод первый: знакомство с BBA, активами компонентов блокчейна // Medium // URL: <https://medium.com/b2expand/bba-blockchain-bean-assets-2eb3b6b34812> (дата обращения: 03.05.2021).

27. BBA WG Tech proposal // URL: https://drive.google.com/file/d/1-SbAeCJP1mRk_DyElZ6ChBwiqO7T8Z6A/view (дата обращения: 04.05.2021).

28. Что такое NFT, SFT, ERC-721, ERC-1155, dGoods и т. д.? // Cryptogamingpool – твой компаньон в NFT-вселенной // URL: [https://cryptogamingpool.com/guide-nft-dgoods-erc-721-erc-1155-etc/#:~:text=NFT%20\(Non%2DFungible%20Tokens\),%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6%D0%B8%20\(%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE](https://cryptogamingpool.com/guide-nft-dgoods-erc-721-erc-1155-etc/#:~:text=NFT%20(Non%2DFungible%20Tokens),%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6%D0%B8%20(%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE) (дата обращения: 04.05.2021).

29. 3000 пользователей Metis DAO выпустят NFT-картину «Восстановление Вавилонской башни» // Forklog // URL: <https://forklog.com/3000-polzovatelej-metis-dao-vypustyat-nft-kartinu-vosstanovlenie-vavilonskoj-bashni/> (дата обращения: 01.05.2021).

30. Картина, созданная роботом, была продана на аукционе в формате NFT-токена / RBrusbase // URL: <https://rb.ru/news/kartina-sozdannaya-robotom/> (дата обращения: 22.04.2021).

31. Schwabe G. The Role of Public Agencies in Blockchain Consortia: Learning from the Car-dossier // Information Polity. 2019. Vol. 24. Is. 4. Pp. 437–451.

32. Wall-Andrews, Charlie (2021): Understanding NFTs: The Impact on Artists, How to Get Involved, and Pitfalls You Should Avoid // Figshare. Journal contribution. 14403845.v1. URL: https://www.researchgate.net/publication/350833198_Understanding_NFTs_The_Impact_on_Artists_How_to_Get_Involved_and_Pitfalls_You_Should_Avoid#fullTextFileContent (дата обращения: 14.04.2021).

Для цитирования: *Попова А.В., Семцова С.И.* К вопросу о необходимости отражения института «феномена невзаимозаменяемых токенов (nft-token)» в российском законодательстве: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 199–207.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.016

Anna V. Popova*
Stanislava I. Semtsiva**

TO THE QUESTION ABOUT THE NECESSITY OF INTRODUCTION THE PHENOMENON OF NON-FUNGIBLE TOKENS (NFT-TOKEN) INTO RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. *The modern period of development of Russian society is characterized by the digitalization of the main institutions of society, which, however, is much more intensive than the development of Russian legislation. The article is devoted to the analysis of the essence of NFT, the peculiarities of their creation and circulation, as well as the need to introduce this phenomenon into the legislation of the Russian Federation as a subject of intellectual property, digital rights, as well as the settlement of the issue of the transfer of exclusive rights to the NFT objects themselves. The author sees prospects for the introduction of the institution of digital rights, in particular, such legal phenomena as NFT, into the legislation of individual countries. The paper proposes specific changes to articles of civil, as well as criminal and family law, aimed at eliminating the existing gaps in the legal regulation of this issue and the development of NFT in the future.*

Key words: *digital rights, tokens, NFT, SFT, pharming and minting, intellectual property, information and telecommunication technologies, improvement of legislation, types of NFT, information society.*

The active process of digitalization of the main institutions of society and the reform of their structure in the context of digital reality pushed society to realize the need to create new elements. To establish the vector of development of the digital society in 2017, by the decree of the President of the Russian Federation, the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 was approved [9]. It focuses on the elements that need to be created for the formation of a highly developed information society. Under clause “g” of Art. 43 of this Strategy «in the process of realizing national interests in the field of the digital economy, it is necessary to make changes to the legislation of the Russian Federation aimed to ensure compliance of legal regulation with the pace of development of the digital economy». In the context of the rapid development of science and technology, a significant increase in the capabilities of the human mind contributes to a change in legal systems (both national and international). Currently, the existence and rapid spread of the information and telecommunications: network Internet, other Internet resources, applications for stationary and mobile devices, user interfaces, and other digital resources that represent information in electronic digital form, contributes to the violation of intellectual rights (copyright, patent), as well as digital human rights, the content and conditions of which are determined under the rules of the information system (for example, the right to access, use, create and publish digital works, access and use electronic devices, the Internet, etc.), the so-called «Digital piracy», widespread not only in Russia but worldwide. Digital rights can be not only individual but also collective, and

---

* *Popova Anna Vladislavovna*, Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the FGOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation», Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor. E-mail: AVPopova@fa.ru

** *Semtsiva Stanislava Igorevna*, student of the Faculty of Law of the FGOBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation». E-mail: stasya-s02@mail.ru

owned NFT objects can be common property. The Metis platform, for example, recently announced the launch of the world's first community-created NFT. 3000 thousand people will be involved in the farming of the «Restoration of the Tower of Babel» [29]. It is also worth noting that not only people can be subjects of digital rights in the field of NFT. For example, the robot «Sofia», which a few years ago was accepted into the citizenship of Saudi Arabia, created its object of art in the format of an NFT token and sold it at an auction [30].

The development of the information society presupposes the improvement of legal regulation. Unfortunately, at the moment in the legislation of the Russian Federation, there is no mentioning of NFT (non-fungible tokens). Most recently, in July 2020, the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [8] was published, which, however, following Art. 1 «regulates relations arising from the issue, accounting and circulation of digital financial assets, as well as relations arising from the circulation of digital currency in the Russian Federation, that is, digital rights, including monetary claims, rights to equity securities, etc. ». The digital assets listed in this article are fungible. It means that they can be exchanged for each other, since they have the same value, and transactions with non-fungible tokens are not regulated by law.

Non-fungible tokens (NFT) are a form of digital assets and cryptocurrency [8]. Their main difference from other digital assets is that they are works of art, music, videos, collectible cards, land and real estate in virtual worlds, video games, in-game items and characters, collectibles, tweets (short blog posts in social network «Twitter»), etc. It is worth noting that although NFTs do not have material expression, their value may be even higher than the value of fungible objects. It is due to the demand for cultural digital values, as well as the relevance of such a phenomenon as NFT in general [32]. The term «non-fungible» in the name of the NFT implies that each asset is unique and cannot be exchanged for any other token. Possessing an NFT can be compared to owning an original autograph. Of course, there are many printed copies taken from the original signature, but the value of the copy and the original are different. The same applies to NFT images, music, tweets, 3-D models, as well as other digital art results (digital photography, net art, interactive installations, game art, ASCII and ANSI art, Pixel art, Chiptune, demoscene (cyber sculpture), demo (art of multimedia presentations and neural network stylization). From a legal point of view, an NFT is a digital certificate that confirms the ownership of an object (real or virtual), for example, a work of art. When a deal with NFT occurs, only the certificate for the work is purchased, which in structure is just lines of code written on the blockchain. There is no definition of blockchain in the legislation of the Russian Federation, as well as in the legal systems of other states, but this concept is mentioned in the Civil Code of France [10] and is defined as a «distributed electronic ledger». Foreign scientific thought defines the blockchain as a decentralized journal of records transactions, which is part of a wider computing infrastructure, which should also include the functions of storage, communication, file serving, and archiving [16]. In world practice, states resort to using blockchain in maintaining land registers, digital identity cards, diplomas, and certificate authentication. The most resonant in foreign practice is the example of the Swiss project Cardossier Association, which unites large private and public entities, as well as software development companies in a multilateral blockchain platform [31]. NFT confirms the ownership of the original copy but does not contradict the fact that everyone can see or download it: just like a museum piece can belong to a museum or an individual, but visitors can freely see it at the exhibition, have open access to the catalog containing the given digitized object [20].

Even the emergence of fungible tokens in Russian legislation was preceded by a rather lengthy legislative procedure. Thus, the draft law «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» was submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation for consideration back in 2018 [18]. This indicates that one of the main problems that hinder the implementation of NFT technologies is the uneven development of technology and society as a whole, as well as legislation [15]. It is also worth noting that the improvement of legislation in the field of digital law is controversial. Thus, the adopted Federal Law «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» was assessed by legal experts ambiguously. According to the expert opinion of the Council for the Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation, the establishment in the codification act of the basic concepts of digital law «seems premature, since they are not yet established not only in science and jurisprudence but also in economics» [11]. According to A.G. Guznov, this federal law, as well as the Federal Law «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» are valuable as a means of translating «discussions on the legal regulation of the results of the use of the latest digital technologies into the plane discussion of specific texts». At the same time, he notes that the law focuses on terminology, which harms the legal content, namely, the consolidation of the rights and obligations of subjects of legal relations in the digital sphere. L. A. Novoselova believes that the amendments made to the Civil Code of the Russian Federation (in particular in Art. 128) are favorably distinguished by technological neutrality and a fairly clear definition of the place of digital assets in the system of objects of civil rights. Despite the generally positive assessment of these innovations, Novoselova criticizes the name «digital rights», pointing out the cumbersomeness of the «right to rights» construction, while she notes that «this is a question of terminology, not essence» [13].

NFTs contribute to solving the problem of «double spending of data assets», as the information they contained was partially non-fungible. This phenomenon has prospects for further development not only in the field of art and collecting, as already mentioned earlier. Non-fungible data can be used in the field of trade and data circulation, which determines their advantage over the currently existing blockchain-based data management platforms. In addition, NFTs are sold on decentralized exchanges (marketplaces) that interact with each other through different accounts. However, as networks providing data value, they are at a very early stage of development and implementation [32].

It is also worth noting that the term «token» in Russian legislation by the Federal Law «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» [7] was replaced by, as noted in the explanatory note, «consistent with the traditions of Russian law» [19] the term «digital rights». Initially, the term «token» was introduced to denote a device for identification, now it is used in the IT field to denote ciphers, the possession of which gives certain possibilities in the network. The essence of «digital law» as a new legal fiction is close to the essence of security, therefore, it is proposed to understand digital law as a set of electronic data (for example, a digital code), which certifies the rights to objects of civil rights by paragraph 1 of Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation (the Federal Law «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» was introduced) [17]. At the same time, there is no uniform understanding of this term. For example, T.M. Grishina, speaking about the network nature of law, claims that digital law creates

a special space of legal relations in which various elements interact without industry specialization [12]. According to M.K. Yurasov, the NFT phenomenon lies precisely in their ability to create and display a wide range of rights and obligations. So, for example, the sale of a digital home on Mars in the NFT format [21] (as a collectible) led to the appearance of responsibilities the creator of the project – Christa Kim – to ensure the creation of all furniture from her virtual project in tangible form and ownership of the auction winner to the data interior items.

Now NFT is mainly used to tokenize pictures and gifs (a special graphic image format that preserves the quality of compressed digital objects). In the code of a smart contract, a link to a picture is simply indicated as metadata. In this case, the picture itself can be stored on centralized (AWS) or decentralized (IPFS) servers. For example, the recently auctioned Beeple painting is a non-fungible token [22]. Beeple is the author and copyright holder of the picture. Consequently, the person who made or (re)bought the NFT with the Beeple painting will not become the owner of the exclusive rights to the original painting; they will still be retained by Beeple. The token buyer owns exactly the rights specified in the agreement with the auction house (in this particular case, Christie's). It is also worth noting that NFT appears to be a kind of investment since their value is calculated in digital currency – ether, the rate of which is constantly changing. Thus, when purchasing an object in the format of a non-fungible token for a certain number of others, each costing \$ 600, you can resell this object after time for the same number of others, only their cost will already be significantly higher due to the increase in the ether rate by the peak of its popularity.

The issue of the transfer of exclusive rights to the objects of the intellectual property themselves is currently not legally regulated. In the absence of a legal agreement between the creator and the buyer of the NFT, the exclusive rights to the object will not pass to the buyer with the purchase of the token. Various platforms will provide creators of NFT tokens with the right to choose the license terms for themselves in future versions of the product. For example, license terms can also be written in the metadata itself, which provides descriptive information for a specific token identifier and usually includes: the name of the object, its image, description, and any additional characteristics (called "attributes") that provide creators of art and other objects intellectual property flexibility in promoting the results of their activities. So, additional license terms are written in NFT metadata on platforms such as Ethereum, COSMOS, OpenSea, and Rarible.

It is worth noting that the very creation («minting») of the NFT token is in accordance with Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation is not a method for registering digital rights. Ownership of NFT does not guarantee full rights to this item. The fact of creating a token is not a basis for acquiring rights concerning the object itself. Third parties, buying tokens on marketplaces, also do not acquire rights to the object itself, unless the parties have explicitly agreed on this in a documentary manner. Minting NFT token only records the fact of packing a set of metadata into one of the NFT formats by a certain anonymous account and providing this account with access to it. That way, authors are granted a monopoly on the use of the created objects of intellectual property, in particular, Art. 1270 of the Civil Code of the Russian Federation [6]. There are similar norms in the legislation of other countries, for example, in Chapter VIII «On immaterial rights» of the French Civil Code [10].

Further use of the token outside the platform is a violation of the author's exclusive rights. However, at the moment, a demo version of the dGoods marketplace is being developed, on which it will be possible to rent NFTs, including for use on different platforms. The

most effective implementation of this function seems to be through Delegate, which is a simple table that keeps track of borrowed assets. Lending an asset through the Delegate will create an entry in the table and some functions, such as transferring or burning the asset, will be blocked until the asset is returned to the owner who borrowed it. It will allow you to borrow NFTs without the risk of non-repayment. It should be noted that the main principle of this platform is flexibility. dGoods is an open-source and free standard for handling all types of virtual elements on the EOS blockchain, which combines tokens from different categories into one smart contract (the dGoods standard has one token symbol per contract, which provides the creation of sub-tokens that denote a category, with a token name and a specific tag (an associated keyword or phrase for thematic grouping and/or information retrieval). That way different platforms and applications can organize and filter tokens). Such a contract can also combine fungible and non-fungible tokens. It is also planned to expand this area with the help of mobile applications (currently existing applications for digital assets in FT format can be monitored in the EOS system) for the creation and circulation of NFTs, for example, TokenPocket.

Recently, NFT has been taking over new areas (for example, marriage and family relations) and the results of large-scale events. So, Rarible promised to present the NFT Nomine (eth) collection in honor of the Oscar ceremony, and it is planned to issue two non-fungible tokens for each side of the prestigious award – one for the Oscar winner and one for the auction winner [23]. The release of the film has already been announced in the form of NFT (Kevin Smith's horror film «Killroy Was Here»), The Weekend announced on its Twitter page that it plans to release the track in NFT format as part of the new album, and also in the NFT format, a marriage was concluded (as an addition to traditional weddings and legally established marriage) [24]. That indicates that the list of NFT objects may expand significantly in the future. Speaking about the prospects for the development of NFT, it is necessary to understand that the legal regulation of this issue in the future will most likely depend on a certain type of NFT tokens. At the moment, there is no classification of NFT, although it is considered possible to have a typical division of NFT according to the principle of creation and circulation on a specific marketplace. There are two main models of pharming (creation and storage of digital assets) using NFT: «ERC-20 for NFT» and «NFT for ERC-20» [25]. Also, the Blockchain Bean Asset (BBA) is currently at the development stage – one of the latest NFT standards, which gives a prospect for the future standardization of metadata [26]. In April 2021, the first technical group met to discuss the project, which defined the first specification [27]. At the same time, it cannot be denied that over time, varieties of non-fungible tokens will be identified and their characteristic differences, as well as the most favorable spheres of action, will be determined. It is also worth noting that the NIFTEX platform is currently developing a mechanism for wrapping (transferring) non-fungible and indivisible NFTs into fungible and divisible ERC-20 tokens – shards, and vice versa. In the future, this may allow the NFT market to expand and also facilitate the proliferation of fractional (equity) NFT securities.

It is also worth noting that over time, semi-fungible tokens, SFT (Semi-Fungible Tokens) [28], emerged from NFT. These digital assets are designed to solve the problem of the lack of flexibility of the NFT and FT to implement certain ideas in the field of digitalization. An example of an SFT would be an event ticket that exists in the blockchain system in the NFT format: each ticket is unique because it has a special number, but the ticket purchaser acquires the same rights (and obligations) when purchasing any of these tickets. So, a person who has purchased a ticket to the cinema to watch film A and, in accordance with the

purchased ticket, will take place № 7 on the 5th row will have the same subjective rights and legal obligations as the person who will take place № 8 on that same row. At the same time, one cannot talk about the uniqueness or absolute identity of digital rights objects (in this case, tickets), since they have equal value, but differ only in number. This does not allow such entities to be defined as FT (Fungible Tokens) or NFT.

The active introduction of NFT in various spheres of society in the future will contribute to the reduction of crime. Cybercrime related to digital rights objects is a threat to both individual states and the entire international community. The problem of convergence of such crimes with financial encroachments, including on digital assets, is becoming more and more widespread since criminal legislation and law enforcement agencies do not have time to effectively respond to changes in technology. It is believed that NFT as a type of digital assets, issues of limiting the distribution of the objects of art they represent, as well as certification of property rights should be enshrined in the field of criminal law. When considering NFTs within the framework of the objects of civil rights provided for in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, it is worth noting that their main property is the economic characteristics inherent in the property, which means that their loss can cause real significant damage in monetary terms. The Criminal Code of the Russian Federation [3] currently lacks provisions recognizing digital assets, in particular NFT, as a new object of criminal law protection [14].

Summing up, I would like to propose the following changes to most effectively regulate this issue in the context of digitalization in the world and specifically in the Russian Federation. I consider it appropriate to introduce the term NFT (non-fungible token) in Art. 129, 1225 of the Civil Code of the Russian Federation [1], in the Federal Law «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation», as well as in the Federal Law «On investment activities in the Russian Federation carried out in the form of capital investments» [5] and, as NFT is introduced, into various spheres of society in the relevant legal acts (for example, in the Tax Code of the Russian Federation [4] and the Family Code of the Russian Federation [2], as well as in the Criminal Code of the Russian Federation). Art. 129 of the Civil Code of the Russian Federation speaks about the results of intellectual activity and the means of individualization equated to them. They cannot be alienated or otherwise transferred from one person to another, however, the rights to such results and means, as well as material media in which the corresponding results or means are expressed, can. Following Art. 1225 of the Civil Code of the Russian Federation, the results of intellectual activity and equated means of individualization of legal entities, goods, works, services, and enterprises, which are provided with legal protection (intellectual property), are works of science, literature, and art; company names; trademarks and service marks; commercial designations and much more. In the context of the constantly evolving information society and digital economy in various spheres, these objects can be turned into NFTs, which means that a basis is required for regulating digital ownership of them.

Bibliographic list

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 09.03.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 № 223-FZ (as amended on February 6, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Art. 16.

3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // The document was not published in this form. The original text of the document was published in the Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. № 25. Art. 2954.
4. Tax Code of the Russian Federation (part one) of 07/31/1998 № 146-FZ (as amended on 11/23/2020) // Rossiyskaya Gazeta. № 148–149. 06.08.1998.
5. Federal Law of February 25, 1999 № 39-FZ (as amended on December 8, 2020) «On investment activities in the Russian Federation carried out in the form of capital investments» // This document was not published in this form. The original text of the document was published in the Collected Legislation of the Russian Federation. 03/01/1999. № 9. Art. 1096.
6. Part four of the Civil Code of the Russian Federation of December 18, 2006 № 230-FZ (as revised on 12/30/2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. № 52 (part I). Art. 5496.
7. Federal Law of March 18, 2019 № 34-FZ «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, March 18, 2019.
8. Federal Law of July 31, 2020 № 259-FZ «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, July 31, 2020.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 05.09.2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // Official Internet Portal of Legal Information www.pravo.gov.ru, May 10, 2017.
10. French Civil Code (Napoleon Code). Moscow: Infotropic Media. 2012. P. 4–592.
11. Expert opinion on the draft federal law N 424632-7 «On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation» (adopted at a meeting of the Council under the President of the Russian Federation on Codification and Improvement of Civil Legislation 04/23/2018 № 175-2 / 2018) // The document has not been published in this form.
12. See in more detail: Grishina T. M. Network general – network law // Bulletin of the International Institute of Law. 2017. № 2 (61). P. 5–16.
13. See in more detail: Guznov A., Mikheeva L., Novoselova L., Avakyan E., Savelyev A., Sudets I., Chuburkov A., Sokolov A., Yankovsky R., Sarbash S. Digital assets in the system of objects civil rights // Law. 2018. № 5. P. 16–30.
14. See in more detail: M. Dolgieva. Digital assets and criminal legislation of Russia // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aktivy-i-ugolovnoe-zakonodatelstvo-rossii> (date of access: 05.05.2021).
15. See in more detail: Petrova I. L. Digital law – a new branch of Russian law (questions of nomination)? / I. L. Petrova, V. S. Manokhin // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2019. № 4 (53). P. 167–170.
16. See more: Swan M. Blockchain. Scheme of the new economy. Moscow: Olymp-Business. 2017. P. 241.
17. Sinyukov V. N. Digital law and the problems of stage transformation of the Russian legal system // Lex Russia. 2019. № 9 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravo-i-p>. (date of access: 15.04.2021).
18. Bill № 419059-7 «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Legislative support system; URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (date of access: 20.04.2021).
19. Bill № 424632-7 «On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation (on digital rights)» // Legislative support system; URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (date of access: 04.27.2021).
20. What is bought in the form of NFT tokens? // News in Russia and the world – TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/11035183> (date of access: 15.04.2021).

21. Virtual home on Mars sold for real half a million dollars // IXBT News; URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/03/21/virtualnyj-dom-na-marse-prodan-za-realnye-polmilliona-dollarov.html> (date accessed: 24.04.2021).

22. Painting by digital artist Beeple sold at auction for \$ 69 million // 3DNews Daily Digital Digest; URL: <https://3dnews.ru/1034693/kartina-tsifrovogo-hudognika-beeple-prodana-na-auksione-za-69-millionov> (date of access: 18.04.2021).

23. Rarible will release a collection of NFT with Oscar winners // Forklog; URL: <https://forklog.com/rarible-vypustit-kollektsiyu-nft-s-laureatami-oskara/> (date of access: 04.26.2021).

24. Coinbase employees immortalized their marriage on the Ethereum blockchain // Forklog; URL: <https://forklog.com/sotrudniki-coinbase-uvekovechili-svoj-brak-na-blokchejne-ethereum/> (date of access: 26.04.2021).

25. NFT as a new class of virtual assets: prospects // ForkLog; URL: <https://forklog.com/nft-kak-novyj-klass-virtualnyh-aktivov-perspektivy-chast-vtoraya/> (date of access: 25.04.2021).

26. Episode one: acquaintance with BBA, assets of blockchain components // Medium; URL: <https://medium.com/b2expand/bba-blockchain-bean-assets-2eb3b6b34812> (date of access: 05.03.2021).

27. BBA WG Tech proposal. URL: https://drive.google.com/file/d/1-SbAeCJP1mRk_DyElZ6ChBwiqO7T8Z6A/view (date of access: 04.05.2021).

28. What is NFT, SFT, ERC-721, ERC-1155, dGoods, etc.? // Cryptogamingpool is your companion in the NFT universe; URL: [https://cryptogamingpool.com/guide-nft-dgoods-erc-721-erc-1155-etc/#:~:text=NFT%20\(Non%2DFungible%20Tokens\),%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6%D0%B8%20\(%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE](https://cryptogamingpool.com/guide-nft-dgoods-erc-721-erc-1155-etc/#:~:text=NFT%20(Non%2DFungible%20Tokens),%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B6%D0%B8%20(%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE) (date of access: 05.04.2021).

29. 3000 Metis DAO users will release an NFT painting «Restoring the Tower of Babel» // Forklog // URL: <https://forklog.com/3000-polzovatelej-metis-dao-vypustyat-nft-kartinu-vosstanovlenie-vavilonskoj-bashni/> (date of access: 05.01.2021).

30. The painting created by the robot was sold at an auction in the NFT token / RBrusbase format; URL: <https://rb.ru/news/kartina-sozdannaya-robotom/> (date of access: 22.04.2021).

31. Schwabe G. The Role of Public Agencies in Blockchain Consortia: Learning from the Car-dossier // Information Polity. 2019. Vol. 24. Is. 4. P. 437–451.

32. Wall-Andrews, Charlie (2021): Understanding NFTs: The Impact on Artists, How to Get Involved, and Pitfalls You Should Avoid // Figshare. Journal contribution. 14403845.v1. URL: https://www.researchgate.net/publication/350833198_Understanding_NFTs_The_Impact_on_Artists_How_to_Get_Involved_and_Pitfalls_You_Should_Avoid#fullTextFileContent (date of access 14.04.2021).

For citation: Popova A.V., Semtsiva S.I. To the question about the necessity of introduction the phenomenon of non-fungible tokens (NFT-token) into Russian legislation: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 208–215.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.017

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.018

И.Ю. Рожкова*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация:** В статье исследуются конституционно-правовые основания реализации демографической функции современного российского государства, анализируются основные подходы понимания функций государства вообще и демографической в частности, подвергаются анализу отдельные аспекты демографической политики Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** Конституция, социальное государство, демографическая функция государства, воспроизводство населения, рождаемость, демографическая политика государства.*

Основной Закон нашего государства устанавливает, что Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Определение Российского государства как социального относится к его сущностной характеристике. Это означает, что на конституционном уровне поставлена задача создания такого государства, которое соответствовало бы мировым критериям достойной и свободной жизни человека. Согласно ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации главной направленностью политики социального государства является: создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это включает в себя: охрану труда и здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; дальнейшее развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [3].

Конституционный принцип защиты материнства и детства, семьи находит свое конкретное выражение и развитие в законодательстве Российской Федерации и субъектов Федерации: об охране здоровья, о труде и охране труда, по социальному обеспечению, о браке и семье, а также в ряде норм других отраслей права [3, с. 27–28, 85].

Термин «функция» происходит от латинского *function* – исполнение и означает явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения другого явления. Функционировать – выполнять свои функции, быть в действии, работать [2, с. 122; 6, с. 719]. Этот термин широко используется представителями различных наук, имеет множество толкований и несёт разнообразную смысловую нагрузку – роль, задача, деятельность, обязанность, работа, круг обязанностей и т. д. Философы считают, что функция есть «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений» [5, с. 389].

---

* Рожкова Ирина Юрьевна – заместитель начальника кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: irishjoy@yandex.ru

В современной теоретической и практической юриспруденции бытует неоспоримое мнение, что с помощью собственных функций государство реализует свое основное социальное предназначение, выражающееся в создании нормальных условий развития общества, урегулировании и упорядочении общественных отношений, придании им позитивной направленности, создании необходимых условий для реализации прав, свобод и законных интересов личности. Под особую защиту функций государства подпадают жизнь и здоровье граждан, политические, экономические и социокультурные права человека, экология, собственность, общественный порядок и безопасность. Следовательно, с помощью собственных функций государство выражает свое главное социальное предназначение.

Особо следует отметить, что реализуя определенные функции, государство посредством проводимых социальных, экономических, политических, правовых и иных реформ и преобразований воздействует на состояние, динамику и направленность общественных процессов. В данном контексте необходимо отметить, что разумное воплощение в жизнь конкретных функций может способствовать стабильному, созидательному развитию общества, а безрассудное и бессмысленное усиливать его кризисное состояние.

С учетом сказанного, функции государства можно определить как особый механизм государственного воздействия на общественные процессы и отношения, определяющий содержание и главные направления его деятельности по управлению обществом.

Существенными признаками функций государства являются:

- 1) устойчиво сложившаяся предметная деятельность государства в важнейших сферах жизни общества;
- 2) непосредственная связь между сущностью государства и его социальным назначением, которая реализуется в его функционировании;
- 3) направленность деятельности государства на выполнение поставленных задач и достижение целей, возникающих на определенном историческом этапе;
- 4) разнообразные формы реализации функций государства, обусловленные применением специфических методов управления, в том числе властно-принудительных.

Формирование функций государства происходит в процессе его жизнедеятельности. Последовательность возникновения их зависит от поставленных целей и очередности задач, встающих перед обществом на определенном этапе его историческом развитии. Формирование цели и задач зависят от реальных условий жизнедеятельности общества, потребностей и интересов населения, его нравственного, культурного уровня, а также от экономических возможностей государства, профессионализма чиновничьего аппарата и множества иных факторов.

Исследуя вопросы формирования функций государства, следует отметить, что возникновение новых функций всегда связано с наличием определенных пробелов и проблем в той или иной сфере его деятельности. Как мы уже отмечали, функции государства являются динамичными и на них особое влияние оказывают, прежде всего, экономическое и политическое развитие, научно-технический прогресс и другие факторы. Это наглядно видно на примере наличия функций современного Российского государства, многие из них возникли в последнее время, а некоторые претерпели значительную модификацию по сравнению с предыдущими этапами его развития.

В контексте исследуемой проблемы необходимо отметить, что в настоящее время наиболее актуальной функцией современного Российского государства становится демографическая функция. Так, в январе 2020 года в своем Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации отметил, что демография – это сфера, где нет какого-то универсального, тем более узковедомственного решения. Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать, прежде всего, с точки зрения высшего национального приоритета – сбережения и приумножения народа России [4].

Судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет. Сегодня нас почти 147 миллионов человек. Но мы вступили в сложный, очень сложный демографический период. Его особенность в том, что благодаря мерам, которые мы приняли, начиная с середины 2000-х годов, нам удалось добиться положительных результатов в демографии. Однако, такой ключевой показатель, как суммарный коэффициент рождаемости, то есть число рождений, приходящихся на одну женщину, в 2019 году составил, по предварительной оценке, 1,5. Много это или мало? Для нашей страны – мало. Выстраивая долгосрочную политику поддержки семьи, нужно идти от конкретных жизненных ситуаций, разбираться, с какими трудностями сталкивается молодая, многодетная или неполная семья.

Существующие сейчас негативные прогнозы не могут нас не настораживать. Наша историческая обязанность – ответить на этот вызов. Не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны [4].

Итак, демографическая функция государства, обусловлена острой необходимостью регулирования численности населения нашей страны.

В современной теоретической и прикладной юриспруденции нет единства мнений относительно понятия демографической функции государства. В научных изысканиях достаточно часто встречается необоснованное смешение понятий социальной и демографической функции, что приводит к их дублированию. Вместе с тем, несмотря на свою схожесть и взаимообусловленность это совершенно разные функции.

Социальная и демографическая функция, безусловно, имеют много общего, но, это разные функции. Социальная функция в общем виде представляется как деятельность государства по удовлетворению социальных потребностей людей, а под демографической функцией понимается государственная политика, направленная на достижение в долгосрочной перспективе желательного для данной страны режима воспроизводства населения.

Безусловно, у демографической и социальной функции имеется общая направленность – всё направлено на человека, семью и общество в целом. Только, социальная функция государства направлена на осуществление мер по удовлетворению социальных потребностей людей, поддержанию необходимого уровня жизни населения, обеспечения надлежащих условий труда, его оплаты, быта и др. А демографическая – на сохранение уровня воспроизводства населения, сокращения смертности, регулирование внутренней и внешней миграции и т.п.

На наш взгляд, на данном этапе развития Российского государства есть все предпосылки и условия для выделения демографической функции государства в качестве самостоятельного направления деятельности государства, ориентированного на:

- 1) стимулирование рождаемости;
- 2) увеличение продолжительности жизни и сокращения смертности;

3) регулирование внутренней и внешней миграции.

Это направление государственной деятельности формируется по сущности и содержанию именно как функция государства, которая, нашла формальное закрепление в Конституции Российской Федерации, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, в Посланиях Президента РФ Федеральному собранию в качестве стратегического направления развития Российского государства. По итогам Послания Президента Федеральному Собранию в 2021 г. был утвержден перечень поручений, выполнение которых обеспечит реализацию первоочередных мер по преодолению демографического кризиса в стране.

Необходимо так же учитывать и тенденцию демографического старения населения, так как пенсионеры составляют значительную долю среди граждан России. Средняя продолжительность жизни составляет 71.1 год, а право выхода на пенсию имеют женщины, достигшие 56,5 лет, для мужчин – 61,5 (по состоянию на 2021 г.) [1].

Следует обратить внимание и на еще одну острую проблему, свидетельствующую о том, что в современном российском государстве отсутствует трудовой демографический резерв. В последние годы на рынке труда усиливается дефицит кадрового потенциала. Экономика страны страдает от нехватки квалифицированных специалистов. В результате этого многие государственные программы реализуются недостаточно эффективно и крайне медленно. Ситуацию усугубило и закрытие границ из-за начавшейся пандемии (COVID-19). Пандемия повлекла за собой нехватку мигрантов, которые ранее работали на рабочих специальностях.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что в последнее время в стране наблюдается значительная разница поколений. Люди, которые родились в 70–80-е, привыкли работать и достигать определенных результатов, а большинство детей, родившихся в 2000-х годах, стремятся жить и зарабатывать в мультимедийных сферах типа tiktok и пр.

На этом фоне возрастает роль и социальная значимость демографической функции государства, поскольку именно с ее помощью Российская Федерация сможет преодолеть демографический кризис. Современная демографическая политика государства характеризуется научно обоснованной, системно-последовательной деятельностью главенствующим признаком которой является наличие определенной системы целей, призванных реально отражать перспективу правовой, социальной, экономической, духовной, нравственной и иной жизни общества. Проводимая политика в данной сфере общественных отношений направлена на стимулирование реализации репродуктивных установок, улучшение качества жизни и увеличение ее продолжительности.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 350-ФЗ от 03.10.2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // www.consultant.ru.
2. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. С. А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. М., Издательство «Юрайт», 2018. – С. 27–28, 85.
4. Послание Президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 2020 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

5. Философский словарь. – М., 1968. – С. 389.

6. Философский энциклопедический словарь / ред.: С.С. Аверинцев, Л.Ф. Ильичев [и др]. 2-е изд. – М., 1989. –С. 719.

Для цитирования: Рожкова И.Ю. Конституционно-правовые основания реализации демографической функции государства: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 216–220.
DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.018

Irina Yu. Rozhkova*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GROUNDS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE DEMOGRAPHIC FUNCTION OF THE STATE

Abstract. *The article examines the constitutional and legal grounds for the implementation of the demographic function of the modern Russian state, analyzes the main approaches to understanding the functions of the state in general and demographic in particular, analyzes certain aspects of the demographic policy of the Russian Federation.*

Keywords: *Constitution, welfare state, demographic function of the state, population reproduction, birth rate, demographic policy of the state.*

The Basic Law of our state establishes that the Russian Federation is a social state, the policy of which is aimed at creating conditions that ensure a dignified life and free development of a person. The definition of the Russian state as social refers to its essential characteristics. This means that at the constitutional level the task has been set to create such a state that would meet the world standards of a decent and free human life. According to Part 2 of Art. 7 of the Constitution of the Russian Federation, the main direction of the policy of the social state is: the creation of conditions that ensure a dignified life and free development of a person. This includes: occupational safety and health of people; the establishment of a guaranteed minimum wage; provision of state support for family, motherhood, fatherhood and childhood, disabled people and senior citizens; further development of the system of social services; the establishment of state pensions, benefits and other guarantees of social protection [3].

The constitutional principle of protection of motherhood and childhood, the family finds its concrete expression and development in the legislation of the Russian Federation and the constituent entities of the Federation: on health protection, on labor and labor protection, on social security, on marriage and family, as well as in a number of norms of other branches of law [3, p. 27–28, 85].

The term "function" comes from the Latin function – execution and means a phenomenon that depends on another and changes as another phenomenon changes. To function – to perform their functions, to be in action, to work [2, p. 122; 6, p. 719]. This term is widely used by representatives of various sciences, has many interpretations and carries a variety of semantic load – a role, task, activity, duty, work, circle of responsibilities, etc. Philoso-

---

* *Rozhkova Irina Yurievna* – Deputy head of the Department of theory of state and law, international and European law Academy of the Federal penitentiary service of Russia candidate of law. E-mail: irishjoy@yandex.ru

phers believe that a function is “an external manifestation of the properties of an object in a given system of relations” [5, p. 389].

In modern theoretical and practical jurisprudence, there is an undeniable opinion that with the help of its own functions the state realizes its main social purpose, expressed in creating normal conditions for the development of society, regulating and ordering social relations, giving them a positive direction, creating the necessary conditions for the realization of rights, freedoms and the legitimate interests of the individual. The life and health of citizens, political, economic and socio-cultural human rights, ecology, property, public order and security fall under the special protection of the functions of the state. Consequently, with the help of its own functions, the state expresses its main social purpose.

It should be especially noted that in realizing certain functions, the state, through the ongoing social, economic, political, legal and other reforms and transformations, affects the state, dynamics and direction of social processes. In this context, it should be noted that the rational implementation of specific functions can contribute to the stable, creative development of society, and a reckless and senseless intensification of its crisis state.

Taking into account the foregoing, the functions of the state can be defined as a special mechanism of state influence on social processes and relations, which determines the content and main directions of its activities in managing society.

The essential features of the functions of the state are:

- 1) steadily developed substantive activity of the state in the most important spheres of society;
- 2) direct connection between the essence of the state and its social purpose, which is realized in its functioning;
- 3) the focus of the state's activities on the fulfillment of the assigned tasks and the achievement of goals that arise at a certain historical stage;
- 4) various forms of implementing the functions of the state, due to the use of specific management methods, including power-compulsory ones.

The formation of the functions of the state occurs in the process of its life. The sequence of their emergence depends on the goals set and the sequence of tasks facing society at a certain stage of its historical development. The formation of goals and objectives depends on the real conditions of the life of society, the needs and interests of the population, its moral, cultural level, as well as on the economic capabilities of the state, the professionalism of the bureaucratic apparatus and many other factors.

Exploring the issues of the formation of the functions of the state, it should be noted that the emergence of new functions is always associated with the presence of certain gaps and problems in a particular area of its activity. As we have already noted, the functions of the state are dynamic and they are particularly influenced by, first of all, economic and political development, scientific and technological progress and other factors. This is clearly seen in the example of the existence of functions of the modern Russian state, many of them have arisen recently, and some have undergone significant modification in comparison with the previous stages of its development.

In the context of the problem under study, it should be noted that at present the demographic function is becoming the most urgent function of the modern Russian state. So, in January 2020, in his Address to the Federal Assembly, the President of the Russian Federation noted that demography is an area where there is no universal, especially narrow-departmental solution. Each of our steps, a new law, a state program, we must evaluate, first of all, from the point of view of the highest national priority – saving and increasing the people of Russia [4].

The fate of Russia, its historical perspective depends on how many of us there will be. Today we are almost 147 million people. But we have entered a difficult, very difficult demographic period. Its peculiarity is that thanks to the measures that we have taken since the mid-2000s, we have been able to achieve positive results in demography. However, such a key indicator as the total fertility rate, that is, the number of births per woman, in 2019 was, according to preliminary estimates, 1.5. Is it a lot or a little? This is not enough for our country. When building a long-term family support policy, you need to go from specific life situations, to understand what difficulties a young, large or single-parent family faces.

The current negative forecasts cannot but alert us. It is our historic responsibility to meet this challenge. Not only get out of the demographic trap, but also by the middle of the coming decade, ensure a steady natural growth of the country's population [4].

So, the demographic function of the state is due to the urgent need to regulate the population of our country.

In modern theoretical and applied jurisprudence, there is no consensus on the concept of the demographic function of the state. In scientific research, an unreasonable confusion of the concepts of social and demographic functions is often encountered, which leads to their duplication. At the same time, despite their similarity and interdependence, these are completely different functions.

Social and demographic function certainly has a lot in common, but they are different functions. In general, the social function is represented as the activity of the state to meet the social needs of people, and the demographic function is understood as the state policy aimed at achieving in the long term the mode of population reproduction that is desirable for a given country.

Of course, the demographic and social function has a common focus – everything is aimed at the individual, family and society as a whole. Only, the social function of the state is aimed at implementing measures to meet the social needs of people, to maintain the required standard of living of the population, to ensure proper working conditions, pay, living conditions, etc. And the demographic function is to preserve the level of population reproduction, reduce mortality, and regulate internal and external migration. etc.

In our opinion, at this stage of the development of the Russian state there are all the prerequisites and conditions for highlighting the demographic function of the state as an independent direction of the state's activity, focused on:

- 1) stimulating the birth rate;
- 2) an increase in life expectancy and a decrease in mortality;
- 3) regulation of internal and external migration.

This direction of state activity is formed in essence and content precisely as a function of the state, which has been formally enshrined in the Constitution of the Russian Federation, the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025, in the Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a strategic direction for the development of the Russian state. Following the results of the President's Address to the Federal Assembly in 2021, a list of instructions was approved, the implementation of which will ensure the implementation of priority measures to overcome the demographic crisis in the country.

It is also necessary to take into account the trend of demographic aging of the population, since pensioners make up a significant proportion of the citizens of Russia. The average life expectancy is 71.1 years, and women who have reached 56.5 years of age have the right to retire, and 61.5 for men (as of 2021) [1].

Attention should also be paid to another acute problem, which indicates that in the modern Russian state there is no labor demographic reserve. In recent years, the labor market has seen a growing shortage of human resources. The country's economy suffers from a shortage of qualified specialists. As a result, many government programs are being implemented insufficiently efficiently and extremely slowly. The situation was aggravated by the closure of borders due to the outbreak of a pandemic (COVID-19). The pandemic has resulted in a shortage of migrants who previously worked in blue-collar jobs.

It should be noted that there has been a significant generation gap lately in the country. People who were born in the 70s and 80s of the twentieth century are accustomed to work and achieve certain results, and most of the children born in the 2000s strive to live and earn in multimedia areas such as tiktok, etc.

Against this background, the role and social significance of the demographic function of the state increases, since it is with its help that the Russian Federation will be able to overcome the demographic crisis. The modern demographic policy of the state is characterized by scientifically grounded, systematically consistent activity, the dominant feature of which is the presence of a certain system of goals designed to really reflect the perspective of legal, social, economic, spiritual, moral and other life of society. The current policy in this area of public relations is aimed at stimulating the implementation of reproductive attitudes, improving the quality of life and increasing its duration.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 350-FZ of 03.10.2018 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions" // www.consultant.ru.
2. Komarov, S.A. General theory of state and law: a textbook for universities / S.A.Komarov. 9th ed., rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.
3. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. prof. S. A. Komarova. 3rd ed., rev. and add. Moscow, Yurayt Publishing House, 2018. Pp. 27–28, 85.
4. Message from the President of the Russian Federation V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2020 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>
5. Philosophical Dictionary. Moscow, 1968. P. 389.
6. Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed.: S.S. Averintsev, L.F. Ilyichev [and others]. 2nd ed. Moscow, 1989. P. 719.

For citation: Rozhkova I.Yu. Constitutional and legal grounds for the implementation of the demographic function of the state: article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 220–223.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.018

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.019

А.Ю. СЕРГЕЕВА*

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВИКТИМИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В современном обществе семья как один из важнейших институтов нравственно-правовой социализации личности все более активно выполняет роль фактора противодействия виктимизации несовершеннолетних. Вместе с тем кризис семьи и семейных отношений может, напротив, иметь следствием усиление негативных процессов и сам служить источником криминальной опасности для несовершеннолетних. В связи с этим автор вносит ряд предложений по совершенствованию системы профилактики виктимизации и перспективам девиктимизации несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** жертва преступления, виктимность несовершеннолетних, виктимизация несовершеннолетних, профилактика виктимизации, семья.*

Наука о жертвах преступления – криминальная виктимология – исторически складывалась на стыке теории государства и права, социальной психологии и, разумеется, криминологии. При ее разработке было важно учесть как особенности личности жертвы, мотивы и особенности ее поведения, детерминирующие преступные посягательства, так и ее правовой статус, положение в правовом пространстве, общие принципы отношения личности, общества и государства, предоставляемые государством и институтами гражданского общества гарантии прав личности, лежащую в основе социально-правовых отношений систему ценностей.

Особенно определено это проявляется в вопросах виктимности и виктимизации несовершеннолетних, которых относили к категории наиболее виктимных групп населения уже создатели этой науки Б. Мендельсон и Г. Гентинг. Дети, писал Г. Гентинг, «... слабы физически и с наибольшей степенью вероятности могут стать жертвой нападения. Детство – самый опасный период жизни» [6, с. 404–431]. В последующем приоритетное значение приобрели прикладные аспекты виктимологии детства, связанные с разработкой принципов безопасного поведения ребенка в потенциально криминогенных ситуациях; изучением путей повышения уровня защищенности ребенка в семье и за ее пределами; сведение к минимуму виктимогенных ситуаций, предотвращение и пресечение их; защита и реабилитация детей, потерпевших от преступлений.

На рубеже веков выдвигаются новые концепции, в рамках которых в качестве частных аспектов исследуются и интерпретируются вопросы виктимности и виктимизации несовершеннолетних: концепция динамического и продолжающегося во

---

* Сергеева Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: annichenko@mail.ru

времени взаимодействия преступника и жертвы (Д. Блэк); концепция «иррациональности» поведения жертвы, которая позволила интерпретировать ряд особенностей виктимного поведения ребенка (Дж. Катц); рассматривается с точки зрения виктимизационной составляющей действующее законодательство (Р. Элиас); исследования фактора внушаемости ребенка в контексте «научения социальной беспомощности» (М. Селигман). Работы этих авторов признаются актуальными и в наши дни [5, с. 8–12].

Основной и прямой предпосылкой виктимизации личности является степень ее социализация или десоциализации. «Особенно уязвимыми в плане виктимного риска являются подростки. Возрастные особенности психического и психосексуального развития данного возрастного этапа, проявляющиеся в становлении платонического, эротического, сексуального аспекта личности сочетаются с излишней доверчивостью, недостаточной критичностью и инфантильностью» [1, с. 165].

Особое значение здесь имеет институт семьи, поскольку именно деформация механизма социализации личности в семье выступает как один из наиболее мощных виктимизирующих факторов. Поэтому отрицание социального института семьи как нравственно-правовой ценности, что составляет один из краеугольных камней современной идеологии глобализма, стимулирует действительную виктимизацию несовершеннолетних, даже если носители этой идеологии выступают в поддержку их защиты от «насилия в семье».

На значение института семьи как фактора противодействия виктимизации несовершеннолетних указывают следующие данные. «Среди преступников, совершивших преступления против несовершеннолетних, около 50% – не женаты (или не замужем) и никогда ранее в браке не состояли, примерно 30% – были разведены или оставили семью, и только 18% – женаты и проживают со своими семьями» [2, с. 141].

Проблема виктимизации лиц подросткового возраста в аспекте отклоняющегося поведения у нас в стране недостаточно изучена. Между тем, она представляется важной и сложной в современный кризисный период. Особенно беспокоит в настоящее время «омолаживание» девиаций. Наибольший удельный вес негативных отклонений наблюдается именно в подростковой среде. Психологи, медики, социологи, педагоги, юристы, социальные работники отмечают значительный рост дезадаптации молодого поколения, которая проявляется в утрате социальной связей с семьей, школой, отчуждении от труда, резком ухудшении психического здоровья, повышении процента ранней подростковой алкоголизации, суицидального поведения, возрастании количества несовершеннолетних правонарушителей и рост числа преступлений против несовершеннолетних.

Воздействие на ребенка или подростка социальной среды, складывающейся в дисгармоничной семье с доминирующей десоциализирующей функцией, имеет результатом формирование устойчивой установки на девиантное поведение. Такая семья сама может стать источником опасности для несовершеннолетнего. Свидетельством тому могут служить данные саратовского ученого Н.М. Романовой, «приблизительно 70% детей подверглись развратным действиям со стороны своих родственников и знакомых. Около 28% детей были подвергнуты сексуальному насилию своими родителями или опекунами. 50% случаев насилия над детьми (изнасилование) за которое предусмотрена ответственность по ст. 131 УК РФ – это насилие, совершаемое в отношении детей, являющихся близкими родственниками (дочерей, сыновей, сестер, братьей, внушек и внуков). Таким образом можно сказать, что

в 2/3 случаев – это семейное насилие и 1/3 – насилие вне семьи» [2, с. 19]. Эта негативная тенденция усиливается за счет возрастания влияния уличной среды и подростковой субкультуры, вытесняющей традиционные ценности общества, транслятором которых должна быть семья.

Можно отметить, что актуальность темы виктимности ребенка продолжает оставаться одной из наиболее значимых для современной криминологии. С одной стороны, это связано с развитием науки, поиском новых методов и подходов в исследовании социальных процессов в условиях трансформации общества. С другой – тем, что степень виктимизации несовершеннолетних по-прежнему сохраняется на высоком уровне. Более того, в условиях глобализации интенсивно развиваются новые формы, связанные с развитием транснациональной организованной преступности – ростом трансграничной торговли детьми, стремительной наркотизацией населения, основными жертвами которой становятся именно молодые люди, в первую очередь – подростки.

Кризис семьи в условиях социальной аномии является одним из основных факторов роста виктимизации ребенка. Поэтому укрепление семьи – важнейшее направление социальной профилактики преступлений против несовершеннолетних. На повестке дня стоит и создание специальной виктимологической организации по работе с детьми. Такого рода организация могла бы с пользой сотрудничать со всеми институтами гражданского общества, ориентированными на работу с молодым поколением.

С учетом сказанного внесем ряд предложений по совершенствованию системы профилактики виктимизации и перспективам девиктимизации несовершеннолетних.

Во-первых, основным направлением совершенствования организации и деятельности органов государственного управления в Российской Федерации в сфере противодействия виктимизации несовершеннолетних должна стать дальнейшая специализация этой сферы в системе их функциональной деятельности, ориентированность органов на постоянную и планомерную работу по стабилизации социальных процессов в молодежной среде.

Во-вторых, мониторинг должен стать отправной точкой при разработке профилактических программ, отсюда необходимость проведения социологических исследований в области виктимного поведения среди молодежи.

В-третьих, важнейшими уровнями осуществляемой профилактики виктимизации несовершеннолетних являются: проведение профилактики первичных девиаций, реализация программ по работе с несовершеннолетними, ставшими жертвами преступлений в первый раз; профилактика вторичных преступлений в отношении несовершеннолетних, работа с ближайшим окружением потенциальной жертвы, прежде всего – с его семьей.

В-четвертых, одной из наиболее распространенных форм преступности в отношении несовершеннолетних является хулиганство, которое может рассматриваться в качестве первичной ступени на пути к более тяжелым видам преступлений против личности; поэтому хулиганство должно быть в центре внимания виктимологической профилактики в отношении несовершеннолетних.

В-пятых, перспективными направлениями в сложившейся ситуации, на наш взгляд, являются выработка специальных программ для молодежи, родителей, педагогов, врачей, социальных работников, работников правоохранительных ор-

ганов и других специалистов по профилактике преступлений в среде несовершеннолетних.

В-шестых, особое внимание следует уделить влиянию средств массовой информации, особенно Интернета на формирование негативных образцов поведения несовершеннолетних, выработка их устойчивой общественной оценки, альтернативное распространение виктимологической информации.

В-седьмых, актуальным аспектом виктимологической работы является формирование адекватного отношения социума к условиям жизнедеятельности и социальной адаптации несовершеннолетнего, ориентация на его интеграцию в общество, формирование у него системы позитивных ценностей и форм социального действия, включая навыки безопасного поведения.

Законодательство Российской Федерации определяет все правовые средства для надежной защиты прав несовершеннолетних, для профилактики подростковой преступности и виктимности, а также содержит все необходимые правовые средства для их девиктимизации, в особенности для защиты несовершеннолетних от домашнего насилия. Тенденции развития российского законодательства свидетельствуют о формировании его устойчивого социального фундамента, основанного на существовании в обществе консенсуса относительно ценностных оснований права и, соответственно, человека, семьи, государства, суверенитета в качестве базовых социально-нравственных ценностей.

В этом случае само право наполняется гуманистическим содержанием и становится одной из важнейших ценностей человека и общества, Основной Закон обретает безусловную ценность, а государство проявляет себя как воплощение высшей нравственной идеи [3, с. 26]. Как нам представляется, с учетом реалий современного российского общества, для совершенствования профилактики виктимизации несовершеннолетних нет необходимости разрабатывать и принимать какие-то специальные законы. Актуальной продолжает быть, прежде всего, задача совершенствования имеющейся нормативно-правовой базы противодействия виктимизации несовершеннолетних.

Библиографический список

1. *Бородина А.А., Крюкова М.А., Субботина С.А.* Социально-психологические условия виктимности современной молодежи // Настоящее будущее. Актуальные проблемы и тенденции в сфере психического здоровья // Сборник материалов Всероссийского форума специалистов помогающих профессий с международным участием. Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига». – Новосибирск, 2020. – С. 165–166.
2. *Комарницкий А.В.* Виктимологическая характеристика лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних // Юридическая мысль. – 2019. – № 2–3 (112–113). – С. 140–147.
3. *Ревнова М.Б., Масленников Д.В., Сергеева А.Ю.* Идея свободы в царстве Абсолютного Добра (к вопросу о философско-правовых основаниях суверенной правовой идеологии) // Юридическая мысль. – 2019. – № 4–5 (114–115). – С. 25–32.
4. *Романова Н.М.* Методы психологической диагностики сексуального насилия несовершеннолетних. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017. – 65 с.
5. *Crimes Against Children: Child Abuse and Neglect.* (Crime Justice & Punishment) Library Binding – October 1, 1999 by Tracee de Hahn (Author), Austin Sarat (Author), B. Marvis (Author). Philadelphia, 2000. 105 p.

6. Hentig H. von. The Criminal and his Victim: Studies in the Sociobiology of Crime. Newhaven: Yale University Press, 1948. 461 p.

Для цитирования: Сергеева А.Ю. Семья как фактор противодействия виктимизации несовершеннолетних в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 224–228.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.019

Anna Yu. Sergeyeva*

FAMILY AS A FACTOR IN COUNTERACTING THE VICTIMIZATION OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *In modern society, the family, as one of the most important institutions of socialization of the individual, is increasingly playing the role of a factor in countering the victimization of minors. At the same time, the crisis of the family and family relations may, on the contrary, result in an increase in negative processes and itself serve as a source of criminal danger for minors. In this regard, the author makes a number of proposals to improve the victimization prevention system and the prospects for the devictimization of minors.*

Keywords: *crime victim, victimization of minors, victimization of minors, victimological prevention, family*

The science of crime victims – criminal victimology – has historically evolved at the intersection of the theory of state and law, social psychology and, of course, criminology. When developing it, it was important to take into account both the personality traits of the victim, the motives and characteristics of her behavior that determine criminal encroachments, and her legal status, position in the legal space, general principles of the relationship between the individual, society and the state, guarantees of individual rights provided by the state and civil society institutions the value system underlying social and legal relations.

This is especially clearly manifested in the issues of victimization and victimization of minors, who were already classified as the most victimized groups of the population by the founders of this science B. Mendelssohn and G. Genting. Children, wrote G. Genting, “... are physically weak and with the greatest degree of probability can become a victim of an attack. Childhood is the most dangerous period of life” [6, p. 404–431]. Subsequently, the applied aspects of childhood victimology, associated with the development of the principles of safe behavior of a child in potentially criminogenic situations, acquired a priority importance; the study of ways to increase the level of protection of the child in the family and beyond; minimizing victim-related situations, preventing and suppressing them; protection and rehabilitation of child victims of crimes.

At the turn of the century, new concepts are being put forward, within the framework of which the issues of victimization and victimization of minors are investigated and interpreted as private aspects: the concept of a dynamic and continuing in time interaction

---

* Sergeyeva Anna Yuryevna, Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and the participation of the prosecutor in the consideration of criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: annichenko@mail.ru

between a criminal and a victim (D. Black); the concept of “irrationality” of the victim's behavior, which made it possible to interpret a number of features of the child's victim behavior (J. Katz); the current legislation is considered from the point of view of the victimization component (R. Elias); studies of the child's suggestibility factor in the context of “learning social helplessness” (M. Seligman). The works of these authors are recognized as relevant today [5, p. 8–12].

The main and direct prerequisite for victimization of a person is the degree of his socialization or desocialization. “Adolescents are especially vulnerable to victim risk. The age characteristics of the mental and psychosexual development of this age stage, manifested in the formation of the platonic, erotic, sexual aspect of the personality, are combined with excessive gullibility, insufficient criticality and infantilism” [1, p. 165].

The institution of the family is of particular importance here, since it is the deformation of the mechanism of socialization of the individual in the family that acts as one of the most powerful victimizing factors. Therefore, the denial of the social institution of the family as a moral and legal value, which is one of the cornerstones of the modern ideology of globalism, stimulates the actual victimization of minors, even if the bearers of this ideology support their protection from “domestic violence”.

The importance of the institution of the family as a factor in counteracting the victimization of minors is indicated by the following data. “Among the criminals who committed crimes against minors, about 50% are not married (or not married) and have never been married before, about 30% have been divorced or left their family, and only 18% are married and live with their families.” [2, p. 141].

The problem of victimization of adolescents in the aspect of deviant behavior in our country has not been sufficiently studied. Meanwhile, it seems to be important and complex in the current crisis period. The “rejuvenation” of deviations is especially worrisome at the present time. The greatest proportion of negative deviations is observed precisely in the adolescent environment. Psychologists, doctors, sociologists, teachers, lawyers, social workers note a significant increase in maladjustment of the younger generation, which manifests itself in the loss of social ties with the family, school, alienation from work, a sharp deterioration in mental health, an increase in the percentage of early adolescent alcohol abuse, suicidal behavior, an increase in the number juvenile delinquents and an increase in juvenile crime.

The impact on a child or adolescent of the social environment that develops in a disharmonious family with a dominant desocializing function results in the formation of a stable attitude towards deviant behavior. Such a family can itself become a source of danger for a minor. This is evidenced by the data of the Saratov scientist N.M. Romanova, “approximately 70% of children were subjected to depraved actions by their relatives and friends. About 28% of children have been sexually abused by their parents or guardians. 50% of cases of violence against children (rape) for which liability is provided for under Art. 131 of the Criminal Code of the Russian Federation is violence committed against children who are close relatives (daughters, sons, sisters, brothers, granddaughters and grandchildren). Thus, we can say that in 2/3 of cases it is domestic violence and 1/3 is violence outside the family” [2, p. 19]. This negative trend is reinforced by the growing influence of the street environment and adolescent subculture, replacing the traditional values of society, which should be translated by the family.

It can be noted that the relevance of the topic of child victimization continues to be one of the most significant for modern criminology. On the one hand, this is due to the de-

velopment of science, the search for new methods and approaches in the study of social processes in the context of the transformation of society. On the other hand, the level of victimization of minors is still high. Moreover, in the context of globalization, new forms are intensively developing associated with the development of transnational organized crime – the growth of cross-border trafficking in children, the rapid drug addiction of the population, the main victims of which are young people, primarily adolescents.

The family crisis in conditions of social anomie is one of the main factors in the growth of child victimization. Therefore, strengthening the family is the most important area of social prevention of crimes against minors. The creation of a special victimological organization to work with children is also on the agenda. Such an organization could usefully cooperate with all civil society institutions focused on working with the young generation.

Taking into account the above, we will make a number of proposals for improving the victimization prevention system and the prospects for the devictimization of minors.

First, the further specialization of this area in the system of their functional activities, the focus of the bodies on constant and systematic work to stabilize social processes in the youth environment should become the main direction of improving the organization and activities of government bodies in the Russian Federation in the field of countering victimization of minors.

Secondly, monitoring should become a starting point in the development of prevention programs, hence the need for sociological research in the field of victim behavior among young people.

Third, the most important levels of ongoing prevention of victimization of minors are: prevention of primary deviations, implementation of programs to work with minors who have become victims of crimes for the first time; prevention of secondary crimes against minors, work with the immediate environment of a potential victim, primarily with his family.

Fourth, one of the most common forms of juvenile delinquency is hooliganism, which can be seen as a primary step towards more serious crimes against the person; therefore, bullying should be the focus of juvenile victimization prevention.

Fifth, promising areas in this situation, in our opinion, are the development of special programs for young people, parents, teachers, doctors, social workers, law enforcement officials and other specialists in the prevention of crimes among minors.

Sixth, special attention should be paid to the influence of the mass media, especially the Internet, on the formation of negative behavioral patterns of minors, the development of their sustainable public assessment, and the alternative dissemination of victimological information.

Seventh, an urgent aspect of victimological work is the formation of an adequate attitude of society to the living conditions and social adaptation of a minor, an orientation towards his integration into society, the formation of a system of positive values and forms of social action in him, including the skills of safe behavior.

The legislation of the Russian Federation defines all legal means for the reliable protection of the rights of minors, for the prevention of juvenile delinquency and victimization, and also contains all the necessary legal means for their de-victimization, in particular for the protection of minors from domestic violence. Trends in the development of Russian legislation indicate the formation of its stable social foundation, based on the existence in society of a consensus on the value foundations of law and, accordingly, a person, family, state, sovereignty as basic social and moral values.

In this case, the law itself is filled with humanistic content and becomes one of the most important values of man and society, the Basic Law acquires unconditional value, and the state manifests itself as the embodiment of the highest moral idea [3, p. 26]. It seems to us that, taking into account the realities of modern Russian society, there is no need to develop and adopt any special laws to improve the prevention of victimization of minors. First of all, the task of improving the existing regulatory and legal framework for countering the victimization of minors continues to be relevant.

Библиографический список

1. Borodina A.A., Kryukova M.A., Subbotina S.A. Socio-psychological conditions of victimization of modern youth // Present future. Actual problems and trends in the field of mental health // Collection of materials of the All-Russian forum of specialists in helping professions with international participation. All-Russian public organization "All-Russian Professional Psychotherapeutic League". Novosibirsk, 2020. P. 165–166.
2. Komarnitskiy A.V. Victimological characteristics of persons who have committed crimes against minors // Legal thought. 2019. No. 2–3 (112–113). P. 140–147.
3. Revnova M.B., Maslennikov D.V., Sergeeva A.Yu. The idea of freedom in the kingdom of Absolute Good (to the question of the philosophical and legal foundations of sovereign legal ideology) // Legal thought. 2019. No. 4-5 (114–115). P. 25–32.
4. Romanova N.M. Methods of psychological diagnosis of sexual abuse of minors. – Saratov: Saratov University Press, 2017. 65 p.
5. Crimes Against Children: Child Abuse and Neglect. (Crime Justice & Punishment) Library Binding – October 1, 1999 by Tracee de Hahn (Author), Austin Sarat (Author), B. Marvis (Author). Philadelphia, 2000. 105 p.
6. Hentig H. von. The Criminal and his Victim: Studies in the Sociobiology of Crime. Newhaven: Yale University Press, 1948. 461 p.

For citation: Sergeeva A.Yu. Family as a factor in counteracting the victimization of minors in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 228–231.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.019

Научная статья

УДК 37.01:340

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.020

Э.А. Устьян*

ДЕВАЛЬВАЦИЯ СМЫСЛОВ: К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ПАТРИОТИЗМ»

***Аннотация:** автор статьи на основе ретроспективного анализа философских и правовых учений исследует содержание понятия «патриотизм» в разные исторические этапы развития общества, а также выделяет виды патриотизма. При этом в тексте научной работы делается упор на опасность девальвации смысла патриотизма. В работе выделяются ключевые тенденции воспитания патриотизма в современном обществе, а также отмечается высокая важность эмпатии в формировании патриотизма. Автором статьи делается вывод о содержании и высокой значимости понятия патриотизм.*

***Ключевые слова:** государственная идеология, патриотизм, девальвация смыслов, национализм, гражданское общество, система образования, эмпатия, правовое воспитание.*

Человечество на протяжении всей истории своего существования и развития претерпевало изменения, прежде всего материального характера: создание новых орудий труда, новых механизмов и так далее. Духовные изменения касались формирования новой парадигмы мышления, создания новых социальных норм, понимания и трактовки тех или иных общественных процессов. Динамичность изменения общества постоянно увеличивались, но XXI в. является особой вехой в данном процессе, так как скорость преобразований как в материальной, так в особенности в духовной сферах достигла невиданного ранее взлета.

Конечно, развитие или изменение социума не может не приводить к трансформации окружающего материального мира, но данные пертурбации распространяются также и на нематериальную сферу – духовную составляющую общественной жизни. И именно в этом, на наш взгляд, заключается определенная опасность для нивелирования её значимости на современном этапе государственно-правового развития в силу того, что далеко не всегда эволюция общества приводила к качественному развитию духовных начал.

В эпоху глубинных преобразований общества в XXI в. крайне важно сохранить истинный смысл наиболее важных для любого общества понятий: семья, справедливость, долг, гуманизм и т.д. К таковым однозначно также относится и патриотизм. Но что же означает патриотизм? Каков его смысл? Для ответа на эти важные вопросы необходимо провести ретроспективный анализ определений смысла данной дефиниции в разных обществах в разные исторические периоды.

---

* Устьян Эмиль Ашотович – студент Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: emilustyan@yandex.ru

Научный руководитель – Попова Анна Владиславовна, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru

Так, в Древней Греции, под патриотизмом (греч. πατριώτης – «соотечественник», πατρίς – «отечество») – первоначально понималась «арете»: доблесть и отвага, которая присуща воинам и героям. Также следует упомянуть, что согласно данной концепции понимания патриотизма, это чувство не может проявляться у всех людей. Философ Платон в своих учениях утверждал, что патриотизм – «арете» подразумевает стремление к справедливости. Примечательно то, что в концепции патриотизма Платона, к данному чувству – справедливости должны стремиться как обычные люди, так и само государство. В свою очередь, Аристотель считал, что высшее проявление «арете» – это деятельность, которая направлена на благо своему Полису и его гражданам [10, с. 176].

Теория патриотизма Аристотеля была воспринята в Древнем Риме периода республики, где она сопоставлялась с категорией «идеальный гражданин» как его основополагающая характеристика. Кроме патриотизма к чертам гражданина Рима были отнесены: дисциплинированность, честность, мужество, умеренность в образе жизни, стойкость. Следует подчеркнуть, что римское понимание патриотизма было неразрывно связано с государством.

Цицерон считал, что для человека наиболее ценными являются связи с государством. Наиболее примечательно в понимании патриотизма Цицероном является то, что у римских граждан может быть две родины: 1) родина по рождению и 2) родина по гражданству. При этом приоритет отдаётся родине по гражданству, то есть тому государству, с которым человек связывает свою судьбу [9, с. 289].

В период Раннего средневековья в Европе произошли глубинные изменения относительно трактовки патриотизма, в VI–X вв. патриотизм в философских трудах мыслителей стал отождествляться с личностью человека, т. е. стала происходить персонификация патриотизма, как характеристика вассально-ленных отношений, когда жизнь отдавалась не за государство, а за своего сюзерена.

В период Ренессанса ключевыми чертами патриотизма являлись подчинение личных интересов отдельного человека, интересам общества; человеку необходимо осознавать себя как часть общества и государства; любовь к государству; участие человека в делах государства [10, с. 181].

Во времена же Великой французской революции патриотизм определяется как наивысшая ценность французского гражданина [10, с. 178]. Прогрессивным для XVIII в. представляется определение патриотизма американским президентом Авраамом Линкольном. По его мнению, патриотизм – это чувство привязанности не к конкретной территории, а к таким принципам как: свобода, формальное равенство, демократия – как залог права на самоуправление.

Говоря про трактовку патриотизма в России, следует сказать, что на протяжении всей истории российского государства видными государственными деятелями, философами и учёными уделялось большое внимание относительно значения и смысла патриотизма. Наиболее значимым периодом в вопросе определения патриотизма, его места и роли как основополагающей характеристики подданного Российской империи является XIX в. Среди мыслителей, занимавшихся этой проблематикой, следует назвать: Уварова Сергея Семеновича, Соловьева Владимира Сергеевича, Бердяева Николая Александровича, Льва Николаевича Толстого и др.

С. С. Уваров в своей концепции государственной политики Российской Империи «Православие – Самодержавие – Народность», подчёркивал, что патриотизм как любовь к Отчизне не может существовать без православной веры и сохранения са-

модержавия для России [7, с. 7–10]. С учётом того, что церковные институты в тот период времени находилась в зависимости от монарха, то можно сделать вывод, что патриотизм, который вытекает из теории С. С. Уварова, носит персонифицированный характер.

Философ Вл. С. Соловьёв утверждал, что настоящий патриотизм не ограничивается любовью только к своей Родине. По его мнению, подлинный патриотизм подразумевает такую же любовь к другим народам. Также, Вл. С. Соловьёв подчёркивает опасность национализма, и считает, что национализм для народа – это тоже самое, что и эгоизм для отдельного человека. Философ отмечает, что существует опасность трансформации патриотизма в национализм [6, с. 3–8]. В связи с этим, можно прийти к выводу, что он указывал на возможность подмены смысла трактовки православия – его девальвации.

Л. Н. Толстой, крайне критично высказывался по вопросам патриотизма. Так, в работе «Христианство и Патриотизм» [12] он утверждал, что патриотизм используется правительством страны для удержания власти в своих руках, т.к. оно может использовать патриотизм для навязывания ненависти к другим народам и государствам. Н. А. Бердяев, в свою очередь, определял патриотизм как любовь к Родине, главную ценность, которой обладает русский человек. По его мнению патриотизм априори не может быть связан с конкретным политическим деятелем или какой-то государственной сферой. Патриотизм невозможен, если за ним стоит извлечение той или иной личной выгоды [5]. Если всё же это происходит, то это ведёт к подмене смысла.

Очень примечательно то, что именно русские мыслители, начиная с XIX в., отмечали существующую возможность и опасность подмены смысла патриотизма, которая ведёт к сокрушительному обесцениванию данного понятия. Следует отметить, что в трудах Вл. С. Соловьёва, Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяева и многих других как отечественных, так зарубежных мыслителей отмечается опасность превращения патриотизма в национализм, подмены самой его сущности. Данное утверждение не является просто теоретическим, в истории существует достаточное количество доказательств правдивости этого суждения.

Руководители отдельных государств, преследуя свои политические и геополитические цели, выдают радикальный и преступный национализм за государственные интересы, манипулируя населением собственных стран и общественным мнением, являют такие акты преступления против человечества как геноциды армянского и еврейского народов. Отдельно следует отметить и то, что в современной Турецкой Республике, тема геноцида армян является наиболее болезненной. Признание геноцида тем или иным государством сразу вызывает резко отрицательную реакцию со стороны Анкары [13].

В связи с этим, полагаем необходимым задуматься над следующим вопросом: отрицание геноцида, отрицание миллионов пострадавших от него людей, отрицание уничтожения христианского культурного наследия является государственными и политическими интересами Турецкой Республики, но является ли следование данным интересам – патриотизмом? Несправедливо будет не отметить, что среди турецкого общества есть целая плеяда выдающихся учёных, деятелей культуры, которые поднимают данную тему в самой Турции, в связи с чем преследуются со стороны властей [14]. В контексте данных примеров мы видим подтверждение слов Л. Н. Толстого, В. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева о том, что следование политическим интересам не может являться патриотизмом.

Таким образом, в научной литературе описываются два вида патриотизма. Во-первых, «подлинный патриотизм», основанный на чувстве любви к своей родине и народу, который её населяет (следует отметить, что данная любовь не может основываться на чувстве превосходства или ненависти к другим народам или странам); морали; эмпатии; сопричастности и ответственности за прошлое, настоящее и будущее своей страны / народа, именно поэтому он не может быть ангажированным. Во-вторых, «ложный «патриотизм», в основе которого могут быть политические / геополитические цели, популизм, ангажированность, национализм, персонафицированность и т. д. Главная опасность такого вида «патриотизма» заключается в том, что, как правило, он основывается на чувствах национально превосходства, ненависти к другим странам и народам. Вышеупомянутые примеры геноцидов, доказывают разрушительное влияние данного вида псевдопатриотизма.

Говоря про трактовку патриотизма в современном российском обществе, следует отметить, что в данное время формируется тенденция легального определения термина патриотизм в законодательстве. Данное утверждение подтверждается фактом внесения в Государственную Думу Российской Федерации законопроекта № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» [2]. В нем под патриотизмом понимается нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [1] относит формирование патриотизма к функциям воспитания. В связи с данными обстоятельствами предлагаем задуматься над тем, сможет ли закрепление дефиниции «патриотизм» в российском законодательстве и принятие законов о патриотическом воспитании повлиять на рост реального патриотизма в обществе? Ведь патриотизм – это одно из чувств человека, а каждое чувство является сугубо личным.

Говоря же про патриотизм в сфере образования, нужно ответить на вопрос – можно ли воспитать подлинный патриотизм или это чувство врождённое? Вряд ли кто-то сможет ответить на это однозначно, но то, что данное нововведение, точно повышает ответственность преподавателей в процессе обучения новых поколений не вызывает, на наш взгляд, никаких сомнений. При этом содержание процесса обучения и образовательного процесса в Российской Федерации должно претерпеть существенные изменения. В связи с этим можно утверждать, что «важнейшее условие успешности вышеупомянутой реформы образования – понимание педагогами, обществом сущности изменений в образовании, понимание, во имя каких целей, что и как предполагается изменять в системе образования [3, с. 201–202].

Сегодня существует целый ряд проблем, связанных с угрозами для формирования и понимания патриотизма. Следует отметить, что во многих странах в настоящий момент ярко проявляется тенденция консолидации обществ не на основе позитивных ценностей [11, с. 53], а на основе создания образа «национального врага» [15], против которого все должны сплотиться. Конечно, данные действия не могут нести никакого позитивного эффекта. Главная опасность этого заключается в возможности деформирования и девальвации смысла патриотизма – формирование ложного «патриотизма». А в связи с тем, что патриотизм априори морален, то

культивирование чувств ненависти или неприятия никак не соотносится с содержанием смысла патриотизма.

Другой угрозой для формирования патриотизма является распространение о обществе так называемого «квасного патриотизма». Его основой является крайний субъективизм, который заключается в порицании всего иностранного [16] и проявлении чувств национального превосходства. Несмотря на то, что уже не раз отмечался вред этого явления, в частности Президентом Российской Федерации [17], сегодня эта проблема остаётся актуальной. Также необходимо отметить, что отечественными учёными поднимается проблема дефицита гражданственности в содержании российского патриотизма [8, с. 13–17].

Проанализировав виды патриотизма, тенденции, которые связаны с патриотизмом, а также проблемы, связанные с его пониманием и формированием, мы предлагаем снова вернуться непосредственно к содержанию смысла патриотизма, выделить и раскрыть наиболее важный элемент, формирующий патриотизм, – чувство эмпатии, сопереживания, сострадания к другому человеку.

В. И. Долгова и Е. В. Мельник в своей монографии [4, с. 4] посвящённой эмпатии, определяют её как процесс эмоционального отклика одной личности на переживания другой, проявляющийся в понимании партнёра по общению, сочувствии и сопереживании, а также активной поддержке и оказании помощи. Необходимо подчеркнуть, что между эмпатией и патриотизмом можно заметить соприкосновения уже на уровне анализа их понятий.

Если патриотизм предполагает ответственность человека за будущее страны и народа, готовность подчинить свои личные интересы, интересам общества и т. д., то эмпатия предполагает желание одного человека оказать абсолютно безвозмездную помощь другому; переживание за проблемы другого человека; сочувствие. То есть эмпатия – это чувство ответственности одного человека за другого, поэтому можно прийти к выводу, что эмпатия – это тот морально-нравственный базис, та основа, на которой формируется патриотизм, и без которой это формирование – невозможно. Поэтому, российское государство должно быть нацелено на создание таких государственных и национальных программ, таких социальных акций, которые будут формировать чувство ответственности за других людей.

Страна – это в первую очередь, люди, которые её населяют, т. е. ответственность за страну = ответственность за людей, которые в ней проживают. Следует отметить, что в период пандемии, количество волонтеров, которые оказывали абсолютно, безвозмездную помощь стало резко расти. Только в состав волонтерского корпуса "МыВместе" вошли более 140 тысяч добровольцев [18].

Подводя итог, мы приходим к тому, что патриотизм – это то понятие, содержание которого не может изменяться в зависимости от каких-либо интересов или целей, оно не должно быть использовано как инструмент для достижения политических или геополитических задач. Подлинный патриотизм – это чувство, которое способно консолидировать общество, но в основе данной консолидации не может быть образ «национального врага».

Как было сказано ранее, сейчас в российском обществе формируются тенденции, связанные с закреплением понятия «патриотизм» в законодательстве, но каков будет итог данных нововведений, покажет только время. В завершении хотелось бы сказать, что патриотизм не будет обесценен девальвацией смыслов до тех пор, пока люди будут способны испытывать чувство эмпатии.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5063.
2. Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (в части определения целей, принципов и направлений патриотического воспитания граждан) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7> (дата обращения 13.06.2021).
3. Трансформация образовательного процесса в условиях смены поколений: монография / под ред. М. А. Эскиндарова. – Москва : Проспект, 2021. – 496 с.
4. Долгова В.И., Мельник Е.В. Эмпатия: Монография. М.: Издательство «Перо», 2014. 185 с. // URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/handle/123456789/409> (дата обращения 09.06.2021).
5. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства // URL: http://www.goldenship.ru/_ld/10/1024_114.htm. (дата обращения: 01.06.21)
6. Бунова М.Л. Диалектика национального и патриотического в философии истории В. С. Соловьева // Манускрипт. 2017. № 3-2 (77). С. 25–31 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-natsionalnogo-i-patrioticheskogo-v-filosofii-istorii-v-s-solovieva> (дата обращения: 14.05.2021).
7. Заболотная А. С. Теория официальной народности как идейно- теоретическое и философско-правовое обоснование самодержавия в России // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 2–12 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ofitsialnoy-narodnosti-kak-ideyno-teoreticheskoe-i-filosofsko-pravovoe-obosnovanie-samoderzhaviya-v-rossii> (дата обращения: 14.05.2021).
8. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8 (36). № 2. С. 47–66 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-i-grazhdanstvennost-v-rossiyskom-obschestve-ili-kak-preodolet-defitsit-grazhdanstvennosti-v-rossiyskom-patriotizme> (дата обращения: 15.06.2021).
9. Махлаюк А. В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник ННГУ. 2014. №1-1 (1). С. 288–299 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-patriotizm-i-kulturnaya-identichnost-v-epoxy-imperii> (дата обращения: 14.05.2021).
10. Павлов А.В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. № 1. С. 175–191 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ochen-kratkaya-istoriya-idei> (дата обращения: 15.05.2021).
11. Санина А. Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44-53.
12. Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // URL: https://royallib.com/read/tolstoy_lev/hristianstvo_i_patriotizm.html#204800 (дата обращения: 01.06.21)
13. В Турции отвергли заявление Байдена о геноциде армян // URL: <https://ria.ru/20210424/turtsiya-1729801702.html> (дата обращения: 07.06.21)
14. Турки, признавшие Геноцид армян: кто эти люди // URL: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20190424/18247957/Turki-priznavshie-Genotsid-armyan-kto-eti-lyudi.html> (дата обращения: 09.06.21)
15. США назвали КНР и Россию угрозами в стратегии нацбезопасности // URL: <https://ria.ru/20210303/ugroza-1599843625.html>.
16. Что такое "Квасной патриотизм" // URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20191214/1562396166.html>
17. Путин предостерег от «квасного» и «затхлого» патриотизма. URL: <https://www.gbc.ru/politics/10/05/2020/5eb7ac579a7947e750a4bc6f> (дата обращения 09.06.2021)
18. Общественные инициативы и добровольческие волонтерские ресурсы стали неотъемлемой частью работы социальной сферы страны в условиях пандемии // URL:

[https://rg.ru/2020/12/08Российское волонтерское движение вышло на новый уровень в 2020 году/rossijskoe-volonterskoe-dvizhenie-vyshlo-na-novuyj-uroven-v-2020-godu.html](https://rg.ru/2020/12/08Российское_волонтерское_движение_вышло_на_новый_уровень_в_2020_году/rossijskoe-volonterskoe-dvizhenie-vyshlo-na-novuyj-uroven-v-2020-godu.html) (дата обращения: 09.06.21).

Для цитирования: Устьян Э.А. Девальвация смыслов: к вопросу о трактовке понятия «патриотизм»: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 232–238.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.020

Emil A. Ustyan *

DEVALUATION OF MEANINGS: TO THE QUESTION OF INTERPRETATION CONCEPTS "PATRIOTISM"

Abstract. *In the article, on the basis of a retrospective analysis of philosophical and legal doctrines, explores the content of the concept of "patriotism" in different historical stages of the development of society and also identifies the types of patriotism. At the same time, the text of the scientific work focuses on the danger of devaluation of the meaning of patriotism. The work highlights the key trends in the education of patriotism in modern society, and also notes the high importance of empathy in the formation of patriotism. The author of the article concludes about the content and high significance of the concept of patriotism.*

Key words: *state ideology, patriotism, devaluation of meanings, nationalism, civil society, education system, empathy, legal education.*

Throughout the history of its existence and development, mankind has undergone changes, primarily of a material nature: the creation of new tools of labor, new mechanisms, and so on. Spiritual changes concerned the formation of a new paradigm of thinking, the creation of new social norms, understanding and interpretation of certain social processes. The dynamism of changes in society has constantly increased, but the XXI century is a special milestone in this process, since the speed of transformations both in the material and especially in the spiritual spheres has reached an unprecedented rise.

Of course, the development or change of society cannot but lead to the transformation of the surrounding material world, but these perturbations also apply to the non-material sphere – the spiritual component of social life. And it is in this, in our opinion, that there is a certain danger for leveling its significance at the present stage of state and legal development, due to the fact that the evolution of society has not always led to the qualitative development of spiritual principles.

In the era of profound transformations of society in the XXI century is extremely important to preserve the true meaning of the most important concepts for any society: family, justice, duty, humanism, etc. Patriotism is also unambiguously one of those. But what does patriotism mean? What is its meaning? To answer these important questions, it is necessary to conduct a retrospective analysis of the definitions of the meaning of this definition in different societies in different historical periods.

---

* *Ustyan Emil Ashotovich* – student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: emilustyan@yandex.ru

Academic Supervisor – *Popova Anna Vladislavovna*, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor. E-mail: anna0710@yandex.ru

So, in Ancient Greece, patriotism (Greek πατριώτης – "compatriot", πατρίς – "fatherland") – was originally understood as "arete": valor and courage, which is inherent in soldiers and heroes. It should also be mentioned that according to this concept of understanding patriotism, this feeling cannot be manifested in all people. The philosopher Plato in his teachings argued that patriotism – "arete" implies the pursuit of justice. It is noteworthy that in Plato's concept of patriotism, both ordinary people and the state itself should strive for this feeling of justice. In turn, Aristotle believed that the highest manifestation of "arete" is an activity that is aimed at the benefit of its Polis and its citizens [10, p. 176].

Aristotle's theory of patriotism was perceived in ancient Rome during the republican period, where it was compared with the "ideal citizen" category as its fundamental characteristic. In addition to patriotism, the traits of a citizen of Rome were: discipline, honesty, courage, moderation in the way of life, perseverance. It should be emphasized that the Roman understanding of patriotism was inextricably linked with the state.

Cicero believed that connections with the state are the most valuable for a person. The most remarkable thing about Cicero's understanding of patriotism is that Roman citizens can have two homelands: 1) a homeland by birth and 2) a homeland by citizenship. At the same time, priority is given to the homeland by citizenship, that is, to the state with which a person connects his destiny [9, p. 289].

During the Early Middle Ages in Europe, there were profound changes in the interpretation of patriotism, in the VI-X centuries. patriotism in the philosophical works of thinkers began to be identified with the personality of a person, that is, the personification of patriotism began to occur as a characteristic of vassal relations, when life was given not for the state, but for its suzerain.

During the Renaissance, the key features of patriotism were the subordination of the personal interests of the individual to the interests of society; a person needs to be aware of himself as a part of society and the state; love for the state; human participation in state affairs [10, p. 181].

During the Great French Revolution, patriotism is defined as the highest value of the French citizen [10, p. 178]. Progressive for the 18th century the definition of patriotism is presented by American President Abraham Lincoln. In his opinion, patriotism is a feeling of attachment not to a specific territory, but to such principles as: freedom, formal equality, democracy – as a guarantee of the right to self-government.

Speaking about the interpretation of patriotism in Russia, it should be said that throughout the history of the Russian state, prominent statesmen, philosophers and scientists paid great attention to the significance and meaning of patriotism. The most significant period in the definition of patriotism, its place and role as a fundamental characteristic of a subject of the Russian Empire is the 19th century. Among the thinkers who dealt with this problem, one should name: Sergei Semenovich Uvarov, Vladimir Sergeevich Soloviev, Nikolai Alexandrovich Berdyaev, Lev Nikolaevich Tolstoy, and others.

S.S. Uvarov, in his concept of the state policy of the Russian Empire "Orthodoxy – Autocracy – Nationality", emphasized that patriotism as love for the Motherland cannot exist without the Orthodox faith and the preservation of autocracy for Russia [7, p. 7–10]. Taking into account the fact that church institutions at that time were dependent on the monarch, it can be concluded that the patriotism that follows from the theory of S.S.Uvarov is personified.

Philosopher Vl. S. Solovyov argued that true patriotism is not limited to love only for their homeland. In his opinion, true patriotism implies the same love for other peoples. Also, Vl. S. Solovyov emphasizes the danger of nationalism, and believes that nationalism for

the people is the same as selfishness for an individual. The philosopher notes that there is a danger of transformation of patriotism into nationalism [6, p. 3–8]. In this regard, one can conclude that he pointed to the possibility of changing the meaning of the interpretation of Orthodoxy – its devaluation.

L.N. Tolstoy, spoke extremely critically on issues of patriotism. So, in his work "Christianity and Patriotism" [12], he argued that patriotism is used by the government of the country to retain power in its hands, because it can use patriotism to impose hatred on other peoples and states. N.A. Berdyaev, in turn, defined patriotism as love for the Motherland, the main value that a Russian person possesses. In his opinion, patriotism a priori cannot be associated with a specific politician or any state sphere. Patriotism is impossible if behind it is the extraction of one or another personal benefit [5]. If, nevertheless, this happens, then it leads to a substitution of meaning.

It is very noteworthy that it was Russian thinkers, starting from the 19th century, who noted the existing possibility and danger of replacing the meaning of patriotism, which leads to a crushing devaluation of this concept. It should be noted that in the works of V. S. Solovyov, L. N. Tolstoy, N. A. Berdyaev and many other both domestic and foreign thinkers note the danger of turning patriotism into nationalism, replacing its very essence. This statement is not just theoretical, in history there is a sufficient amount of evidence of the veracity of this judgment.

The leaders of individual states, pursuing their political and geopolitical goals, pass off radical and criminal nationalism as state interests, manipulating the population of their own countries and public opinion; manifest such acts of crime against humanity as genocides of the Armenian and Jewish peoples. Separately, it should be noted that in the modern Turkish Republic, the topic of the Armenian genocide is the most painful. The recognition of genocide by one state or another immediately causes a sharply negative reaction from Ankara [13].

In this regard, we believe it is necessary to reflect on the following question: denial of genocide, denial of millions of people affected by it, denial of destruction of the Christian cultural heritage are the state and political interests of the Turkish Republic, but is following these interests patriotism? It would be unfair not to note that among the Turkish society there is a whole galaxy of outstanding scientists, cultural figures who raise this topic in Turkey itself, and therefore are persecuted by the authorities [14]. In the context of these examples, we see confirmation of the words of L. N. Tolstoy, V. S. Solovyov, N. A. Berdyaev that following political interests cannot be patriotism.

Thus, the scientific literature describes two types of patriotism. First, "genuine patriotism" based on a feeling of love for one's homeland and the people that inhabits it (it should be noted that this love cannot be based on a feeling of superiority or hatred towards other peoples or countries); morality; empathy; involvement and responsibility for the past, present and future of his country / people, which is why he cannot be engaged. Secondly, "false "patriotism", which may be based on political / geopolitical goals, populism, partisanship, nationalism, personification, etc. The main danger of this type of "patriotism" is that, as a rule, it is based on feelings of national superiority, hatred of other countries and peoples. The above examples of genocides prove the destructive influence of this type of pseudo-patriotism.

Speaking about the interpretation of patriotism in modern Russian society, it should be noted that at this time, a tendency is being formed to legally define the term patriotism in legislation. This statement is confirmed by the fact that the State Duma of the Russian

Federation has submitted draft law No. 315234-7 "On patriotic education in the Russian Federation" [2]. In it, patriotism is understood as a moral principle, a social feeling, the content of which is love for Russia, for its people, the awareness of inseparability with them, the desire and readiness to serve their interests by their actions, to subordinate their private interests to them, to be loyal to the duty of defending the Fatherland.

Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ "On Amendments to the Federal Law" On Education in the Russian Federation "on the education of students" [1] refers the formation of patriotism to the functions of education. In connection with these circumstances, we propose to think about whether the consolidation of the definition of "patriotism" in Russian legislation and the adoption of laws on patriotic education can affect the growth of real patriotism in society? After all, patriotism is one of the feelings of a person, and each feeling is purely personal.

Speaking about patriotism in the field of education, it is necessary to answer the question – is it possible to cultivate genuine patriotism or is it an innate feeling? Hardly anyone will be able to answer this unequivocally, but the fact that this innovation definitely increases the responsibility of teachers in the process of teaching new generations does not raise any doubts, in our opinion. At the same time, the content of the learning and educational process in the Russian Federation should undergo significant changes. In this regard, it can be argued that "the most important condition for the success of the above-mentioned education reform is the understanding by teachers, society of the essence of changes in education, understanding for what purposes, what and how it is supposed to change in the education system" [3, p. 201–202].

Today there are a number of problems associated with threats to the formation and understanding of patriotism. It should be noted that in many countries at the moment the tendency of consolidation of societies not on the basis of positive values is clearly manifested [11, p. 53], but on the basis of creating the image of a "national enemy" [15], against which everyone must rally. Of course, these actions cannot have any positive effect. The main danger of this lies in the possibility of deformation and devaluation of the meaning of patriotism – the formation of false "patriotism". And due to the fact that patriotism is a priori moral, the cultivation of feelings of hatred or rejection is in no way correlated with the content of the meaning of patriotism.

Another threat to the formation of patriotism is the spread of so-called "leavened patriotism" about society. It is based on extreme subjectivity, which consists in the condemnation of everything foreign [16] and the manifestation of feelings of national superiority. Despite the fact that the harm of this phenomenon has been noted more than once, in particular by the President of the Russian Federation [17], today this problem remains relevant.

It should also be noted that domestic scientists are raising the problem of a deficit of civic consciousness in the content of Russian patriotism [8, p. 13–17].

Having analyzed the types of patriotism, the tendencies that are associated with patriotism, as well as the problems associated with its understanding and formation, we propose to return directly to the content of the meaning of patriotism, to highlight and reveal the most important element that forms patriotism – a sense of empathy, empathy, compassion for to another person.

V. I. Dolgova and E. V. Melnik in their monograph [4, p. 4] dedicated to empathy, define it as a process of emotional response of one person to the experiences of another, manifested in the understanding of a partner in communication, sympathy and empathy, as

well as active support and assistance. It should be emphasized that between empathy and patriotism, one can notice contact already at the level of analysis of their concepts.

If patriotism presupposes the responsibility of a person for the future of the country and the people, the willingness to subordinate his personal interests, the interests of society, etc., then empathy presupposes the desire of one person to provide absolutely free help to another; worrying about the problems of another person; sympathy. That is, empathy is a feeling of responsibility of one person for another, so we can come to the conclusion that empathy is that moral and ethical basis, that basis on which patriotism is formed, and without which this formation is impossible. Therefore, the Russian state should aim at creating such state and national programs, such social actions that will form a sense of responsibility for other people.

A country is, first of all, the people who inhabit it, that is, responsibility for the country = responsibility for the people who live in it. It should be noted that during the pandemic, the number of volunteers who provided absolutely free assistance began to grow sharply. More than 140 thousand volunteers were included in the WeVmeste volunteer corps [18].

Summing up, we come to the conclusion that patriotism is the concept, the content of which cannot change depending on any interests or goals, it should not be used as a tool to achieve political or geopolitical goals. Genuine patriotism is a feeling that can consolidate society, but this consolidation cannot be based on the image of a "national enemy".

As it was said earlier, now tendencies are being formed in Russian society related to the consolidation of the concept of "patriotism" in legislation, but only time will tell what the result of these innovations will be. In conclusion, I would like to say that patriotism will not be discounted by the devaluation of meanings as long as people are able to experience a sense of empathy.

Bibliographic list

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ "On Amendments to the Federal Law" On Education in the Russian Federation "on the education of students" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5063.
2. Bill No. 315234-7 "On patriotic education in the Russian Federation" (in terms of defining the goals, principles and directions of patriotic education of citizens) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7> (date of treatment 06/13/2021).
3. Transformation of the educational process in the conditions of generational change: monograph / ed. M. A. Eskindarova. Moscow: Prospect, 2021. 496 p.
4. Dolgova V.I., Melnik E.V. Empathy: A Monograph. M.: Publishing house "Pero", 2014. 185 p. // URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/handle/123456789/409> (date of access 06/09/2021).
5. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom // URL: http://www.goldenship.ru/_id/10/1024_114.htm (date of access: 01.06.21)
6. Burova M.L. Dialectics of the National and the Patriotic in the Philosophy of History of V.S.Soloviev // Manuscript. 2017. No. 3-2 (77). Pp. 25-31 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-natsionalnogo-i-patrioticheskogo-v-filosofii-istorii-v-s-solovieva> (date of access: 05/14/2021).
7. Zabolotnaya A.S. Theory of the official nationality as an ideological-theoretical and philosophical-legal basis for autocracy in Russia // Humanities and social sciences. 2009. No. 4. P. 2-12 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ofitsialnoy-narodnosti-kak-ideyno-teoretiches-koe-i-filosofsko-pravovoe-obosnovanie-samoderzhaviya-v-rossii> (date accessed: 05/14/2021).
8. Lubsky A.V. Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficit of citizenship in Russian patriotism // Humanitarian of the South of Russia. 2019.Vol. 8 (36). No. 2.

P. 47–66 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-i-grazhdanstvennost-v-rossiyskom-obschestve-ili-kak-preodolet-deficit-sit-grazhdanstvennosti-v-rossiyskom-patriotizme> (date accessed: 15.06.2021).

9. Makhlayuk A. V. Roman patriotism and cultural identity in the era of the Empire // Bulletin of the UNN. 2014. No. 1-1 (1). S. 288–299 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-patriotizm-i-kulturnaya-identichnost-v-epohu-imperii> (date of access: 05/14/2021).

10. Pavlov A.V. Patriotism. A very brief history of the idea // Philosophical anthropology. 2018. No. 1. P. 175–191 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ochen-kratkaya-istoriya-idei> (date of access: 15.05.2021).

11. Sanina A.G. Patriotism and patriotic education in modern Russia // Sociological research. 2016. No. 5. S. 44–53.

12. Tolstoy L.N. Christianity and patriotism // URL: https://royallib.com/read/tolstoy_lev/hristianstvo_i_patriotizm.html#204800 (date accessed: 01.06.21)

13. Turkey rejected Biden's statement on the Armenian genocide // URL: <https://ria.ru/20210424/turtsiya-1729801702.html> (date accessed: 07.06.21)

14. Turks who recognized the Armenian Genocide: who are these people // URL: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20190424/18247957/Turki-priznavshie-Genotsid-armyan-kto-eti-lyudi.html> (date accessed: 09.06.21)

15. The United States called China and Russia threats in the national security strategy // URL: <https://ria.ru/20210303/ugroza-1599843625.html>.

16. What is "Leavened patriotism" // URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20191214/1562396166.html>

17. Putin warned against "leavened" and "musty" patriotism. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/05/2020/5eb7ac579a7947e750a4bc6f> (date of access 06/09/2021)

18. Public initiatives and volunteer resources have become an integral part of the country's social sphere in a pandemic // URL: <https://rg.ru/2020/12/08/The-Russian-volunteer-movement-reached-a-new-level-in-2020/> / [rossijskoe-volonterskoe-dvizhenie -vyshlo-na-novyj-uroven-v-2020-godu.html](https://rossijskoe-volonterskoe-dvizhenie-vyshlo-na-novyj-uroven-v-2020-godu.html) (date accessed: 06/09/21).

For citation: Ustyan E.A. Devaluation of meanings: on the question of the interpretation of the concept of "patriotism": article // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 238–243.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.020

УДК 340.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.021

В.М. Баранов*

С.И. Захарцев**

С.А. Комаров***

ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ САЛЬНИКОВУ – 75 ЛЕТ

14 сентября 2021 года исполнилось 75 лет выдающемуся российскому юристу, доктору юридических наук, профессору, академику, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, почетному сотруднику органов внутренних дел, многолетнему члену экспертного совета ВАК, бывшему начальнику Санкт-Петербургского университета МВД России генерал-лейтенанту милиции в отставке Виктору Петровичу Сальникову.

Виктор Петрович родился в 1946 году в селе Колояр Вольского района Саратовской области. В 1973 году окончил Высшее политическое училище МВД СССР и в том же году – Всесоюзный юридический заочный институт. В 1968–1969 годах проходил службу в должности оперуполномоченного отдела БХСС г. Куйбышева.

С 1969 по 1992 год служил в Высшем политическом училище МВД СССР, пройдя путь от слушателя до начальника кафедры уголовного и гражданского права. В 1992–1997 годах – заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института по научной работе. В 1997–1998 годах – заместитель начальника Санкт-Петербургской академии МВД России.

В 1996 году Правительством Российской Федерации было принято решение объединить несколько вузов МВД Северо-Западного региона в один – Санкт-Петербургскую академию МВД России. Так было создано уникальное высшее учебное заведение, осуществлявшее подготовку научно-педагогических кадров, руководителей горрайорганов внутренних дел, сотрудников для следственных и оперативных подразделений, воспитательных аппаратов и подразделений психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, финансово-экономических и контрольно-

---

* *Баранов Владимир Михайлович*, доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по научной работе Нижегородской академии МВД РФ, академик Российской академии естественных наук, Российской академии юридических наук, Петровской академии науки и искусства, член Научно-гуманитарного совета МВД России. E-mail: baranov_prof@bk.ru

** *Захарцев Сергей Иванович*, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕН (г. Москва, Россия). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

*** *Комаров Сергей Александрович*, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

ревизионных подразделений МВД России, Государственной противопожарной службы, других министерств и ведомств России. Здесь же готовились офицерские кадры для внутренних войск МВД России. В 1998 году Санкт-Петербургская академия стала первым университетом МВД России, самым крупным вузом в системе МВД.

Возглавить этот университет поручили одному из самых известных и авторитетных ученых в системе МВД и в целом России – Виктору Петровичу Сальникову. И не ошиблись. За время руководства Санкт-Петербургским университетом МВД России (1998–2006) В.П. Сальников превратил его в вуз, известный во всем мире. Санкт-Петербургский университет МВД России многие российские и зарубежные специалисты называли Центром российской правовой науки. И это соответствовало действительности. По подготовке и достижениям этот совсем молодой и, причем ведомственный университет успешно конкурировал с юридическими факультетами МГУ и СПбГУ.

На базе университета В.П. Сальниковым было создано несколько диссертационных советов на соискание ученой степени доктора наук. Защищаться в этих советах было очень престижно и почетно. В.П. Сальников руководил несколькими диссертационными советами. Под его научным консультированием подготовлено более 20 докторских и более 200 кандидатских диссертаций. Среди них не только российские граждане, но и иностранные ученые, в том числе из США, Финляндии, Афганистана, Монголии, Йемена и других стран.

В.П. Сальников прославился своими научными достижениями. Он автор и редактор более тысячи научных и учебно-методических работ. Его книги были переведены на английский, немецкий, французский, другие языки, получили признание за рубежом. В настоящее время в мире едва ли найдется библиотека, в которой нет хотя бы одной книги В.П. Сальникова! Они представлены в библиотеках престижнейших университетов США, Великобритании, Франции, Германии, Израиля, Китая, Монголии, всех государств СНГ, они имеются даже на Кубе и Кипре. Их изучают, по ним учатся, их используют в работе миллионы человек! Академики В.Н. Кудрявцев и В.А. Туманов называли его отцом правовой культуры. Именно он впервые в Советском Союзе поднял на уровень диссертационных исследований проблемы теории и методологии правовой культуры, обосновал правовую культурологию [38; 39], поэтому почти все ученые-юристы называют его «отцом российской правовой культуры».

В настоящее время В.П. Сальников по рейтингу в системе РИНЦ занимает второе место по цитируемости его научных трудов среди всех юристов России (по состоянию на декабрь 2021 г. зарегистрировано 38405 ученых-юристов), он имеет уникальный индекс Хирша – 83 (!).

В.П. Сальников многократно привлекался для работы в российском парламенте. Он автор нескольких законопроектов по улучшению правовой защищенности российских граждан. Кроме того, будучи одним из самых авторитетных российских юристов, В.П. Сальников выступал и выступает экспертом законопроектов. И нередко именно его мнение является ключевым в рассмотрении того или иного предложения законодателей.

Авторитет ученого всегда произвольно оформляется его официальным признанием. В.П. Сальников является вице-президентом Российского союза юристов, вице-президентом Российской академии юридических наук, вице-президентом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, академиком Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, академиком Международной академии акмеологических наук, академиком Национальной академии ювенологии,

академиком Санкт-Петербургской инженерной академии, член-корреспондентом Российской академии ракетных и артиллерийских наук. В.П. Сальников – победитель международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года – 2001». Включен в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».

С 2001 года В.П. Сальников является академиком Российской академии естественных наук, длительное время возглавляет в ней секцию «Безопасность человека, общества и государства». Эта секция объединяет ведущих российских специалистов, посвятивших свою научную и практическую работу вопросам защиты людей. Работа этой секции видна во всем мире.

В.П. Сальников, кроме того, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник МВД России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, генерал-лейтенант милиции в отставке, награжден государственными, ведомственными и научными наградами, а также наградами Русской православной церкви.

Таким же ярким Виктор Петрович является не только в науке, но и в жизни. Он очень добрый, отзывчивый человек, искренне любящий людей. Уметь не злиться на людей, относиться к ним с пониманием и любовью – это основа доброты. И именно доброту Виктора Петровича сумели ощутить на себе все его друзья, знакомые, сослуживцы, подчиненные. Даже будучи всемирно известным ученым и начальником университета, доступ в его приемную был открыт всем.

В 2015 году о В.П. Сальникове вышла объемная книга, которую так и назвали «Формула доброты» [37]. Делать людям добро – главное кредо жизни Виктора Петровича. Юбиляр, помимо того, отличный друг. Он умеет дружить по-настоящему: искренне, открыто, без камня за пазухой. Все близкие люди знают, насколько он является надежным человеком, что в настоящее время, увы, встречается не часто. Виктор Петрович также является прекрасным семьянином, отцом известного ученого, доктора юридических наук, профессора М.В. Сальникова и воспитателем пятерых внуков.

Свои 75 лет юбиляр встречает на пике своей научной активности. Он совместно с С.И. Захарцевым обосновал и разрабатывает компрехендную теорию права – новую теорию права [1; 4; 6; 18; 22; 23; 24; 25; 53], получившую широкую известность в России и за рубежом.

Помимо этого, за крайние пять лет В.П. Сальников и С.И. Захарцев сформулировали критерии правового прогресса [10; 15; 16]; определили новые типы проявлений профессиональной деформации в отдельных профессиях (в том числе у юристов, преподавателей, оперативных сотрудников спецслужб) [19]; показали проявления бессмысленности и глупости в праве [11; 13; 14]; установили особенности правовой ментальности и правового нигилизма россиян [17]; исследовали теорию конвергенции государственно-правовых систем [7; 9; 26] и оперативно-розыскную политику [2; 3; 4; 5; 8; 12; 26; 27; 28; 30; 41]. Для философии – сформулировали и продолжают разрабатывать проблему становления личности ученого и его научных позиций [20; 40], а также гипотезу катаклизмов и круговорота жизни на Земле [21]. Кроме этого, исследуют философию Парменида, Гегеля и Ф.М. Достоевского [29; 34; 35; 36; 43; 44; 45; 48; 51; 54], разрабатывают вопросы философии права, суверенитета, свободы, российской правовой идеологии [30; 31; 32; 33; 42; 46; 47; 49; 50; 52].

В настоящее время В.П. Сальников является главным редактором таких известных научных журналов как «Юридическая наука: история и современность», «Мир политики и социологии», «Правовое поле современной экономики».

Юбиляр, кроме того, является оптимистом и жизнелюбом. От него просто веет положительной энергией и стремлением жить полной жизнью. От всего сердца желаем дорогому Виктору Петровичу долгих лет жизни, Здоровья и Счастья!

Библиографический список

1. *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014. – 206 с.
2. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Внеаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193–199.
3. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 90–93.
4. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Как познать право? Мы предлагаем комплексный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17–30.
5. *Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
6. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышляем о сущности права: комплексный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – Т. 1. – № 47. – С. 13–30.
7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166–179.
8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84–89.
9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Конвергенция норм права и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 22–27.
10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113–121.
11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 4(94).
12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11–15.
13. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право может быть и бессмысленным // Защита и безопасность. – 2016. – № 3.
14. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17–22.
15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17–31.
16. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13–30.
17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11–29.
18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 14–22.

19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // *Юридическая наука: история и современность.* – 2015. – № 11. – С. 172–180.
20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Становление личности ученого и его научные позиции: взаимосвязь и взаимозависимость // *Мир политики и социологии.* – 2016. – № 2. – С. 11–17.
21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Тезисно о философских проблемах познания Вселенной и Земли // *Правовое поле современной экономики.* – 2015. – № 10. – С. 171–180.
22. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. *Юридическая наука.* – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что есть компрехендная теория права? // *Юридическая наука.* – 2016. – № 3. – С. 5–10.
24. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // *Правовое государство: теория и практика.* – 2015. – № 2(40). – С. 14–22.
25. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
26. *Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
27. *Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – 315 с.
28. *Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П.* Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
29. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
30. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Русский менталитет и право // *Правовое государство: теория и практика.* – 2018. – № 4 (54). – С. 41–47.
31. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия права: юридические позиции // *Правовое государство: теория и практика.* 2016. № 1 (43). С. 19–26.
32. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия права: настоящее и будущее // *Правовое государство: теория и практика.* – 2016. – № 2 (44). – С. 7–14.
33. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия права: вчера, сегодня, завтра // *Правовое государство: теория и практика.* – 2015. – № 4 (42). – С. 6–13.
34. *Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / Ананских И.А., Грибов И.Н., Захарцев С.И., Зорина Н.В., Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Лежнева О.Ю., Мазурин С.Ф., Маков Б.В., Масленников Д.В., Мирзоев И.К., Петров И.А., Поливко Е.А., Прокофьев К.Г., Пылева О.В., Сальников В.П., Сальников М.В., Чудин-Коган Ф.О.; под ред. С.И. Захарцева.* – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
35. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // *Правовое государство: теория и практика.* – 2019. – № 2 (56). – С. 17–24.
36. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // *Правовое государство: теория и практика.* – 2019. – № 2 (56). – С. 17–24.
37. *Лапина Н.В., Моргунов В.Я.* Формула доброты: Документально-художественная книга. – М.; СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
38. *Сальников В.П.* Правовая культура и поведение советских граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1980.
39. *Сальников В.П.* Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990.

40. Сальников В.П., Захарцев С.И. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 2 (92).

41. Сальников В.П., Захарцев С.И. Тезисно об актуальных проблемах науки оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1(42). – С. 35–37.

42. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175–193

43. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72–79.

44. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Ф.М. Достоевский: онтологические и этические основания философии права (рецензия на работу Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Цикл лекций») // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 190–197.

45. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1.

46. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 176–187.

47. Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Морозов А.И. К вопросу об историко-философских основаниях суверенной философии права как формы выражения национальных социально-правовых ценностей // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 174–180.

48. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир политики и социологии. – 2018. – № 9–10. – С. 171–183.

49. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

50. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.

51. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 163–180.

52. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

53. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.

54. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p.

Для цитирования: Баранов В.М., Захарцев С.И., Комаров С.А. Сальникову Виктору Петровичу – 75 лет // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 244–249.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.021

V.M. Baranov*
S.I. Zakhartsev**
S.A. Komarov***

SALNIKOV VIKTOR PETROVICH – 75 YEARS OLD

September 14, 2021 marks the 75th anniversary of the outstanding Russian lawyer, Doctor of Law, Professor, Academician, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Officer of Internal Affairs Bodies, long-term member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission, former head of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, General – retired police lieutenant Viktor Petrovich Salnikov.

Viktor Petrovich was born in 1946 in the village of Kolyar, Volsky district, Saratov region. In 1973 he graduated from the Higher Political School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR and in the same year – from the All-Union Correspondence Law Institute. In 1968–1969 he served as an operative of the BHSS department in the city of Kuibyshev.

From 1969 to 1992 he served at the Higher Political School of the USSR Ministry of Internal Affairs, progressing from a student to the head of the department of criminal and civil law. 1992–1997 – Deputy Head of the St. Petersburg Law Institute for Research. 1997–1998 – Deputy Head of the St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

In 1996, the Government of the Russian Federation decided to merge several universities of the Ministry of Internal Affairs of the North-West region into one – the St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. This is how a unique higher educational institution was created, which trained scientific and pedagogical personnel, heads of city district departments of internal affairs, employees for investigative and operational units, educational apparatus and subdivisions of psychological support for the activities of internal affairs bodies, financial and economic and control and audit divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the State Fire Service, and other ministries and departments of Russia. Here, officers were trained for the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In 1998, the St. Petersburg Academy became the first university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the largest university in the system of the Ministry of Internal Affairs.

---

* *Baranov Vladimir Mikhailovich*, Doctor of Law, Professor, Assistant Chief for Research of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of Legal Sciences, Petrovskaya Academy of Science and Art, member of the Scientific and Humanitarian Council of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: baranov_prof@bk.ru

** *Zakhartsev Sergey Ivanovich*, Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University, Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

*** *Komarov Sergey Aleksandrovich*, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

One of the most famous and authoritative scientists in the system of the Ministry of Internal Affairs and in the whole of Russia, Viktor Petrovich Salnikov, was entrusted to head this university. And they were not mistaken. During the leadership of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (1998–2006) V.P. Salnikov turned it into a world-famous university. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia was called the Center of Russian Legal Science by many Russian and foreign experts. And this was true. In terms of training and achievements, this very young and, moreover, departmental university successfully competed with the law faculties of Moscow State University and St. Petersburg State University.

On the basis of the university V.P. Salnikov created several dissertation councils for the degree of Doctor of Science. It was very prestigious and honorable to defend oneself in these councils. V.P. Salnikov was in charge of several dissertation councils. More than 20 doctoral and more than 200 master's theses have been prepared under his scientific advice. Among them are not only Russian citizens, but also foreign scientists, including those from the USA, Finland, Afghanistan, Mongolia, Yemen and other countries.

V.P. Salnikov became famous for his scientific achievements. He is the author and editor of over a thousand scientific and educational works. His books have been translated into English, German, French and other languages, and have received recognition abroad. At present, there is hardly a library in the world that does not contain at least one book by V.P. Salnikov! They are presented in the libraries of the most prestigious universities in the USA, Great Britain, France, Germany, Israel, China, Mongolia, all CIS countries; they are even available in Cuba and Cyprus. They are studied, they are taught, and they are used in work by millions of people! Academicians V.N. Kudryavtsev and V.A. Tumanov called him the father of legal culture. It was he who for the first time in the Soviet Union raised the problems of theory and methodology of legal culture to the level of dissertation research, substantiated legal culturology [38; 39], that is why almost all legal scholars call him "the father of the Russian legal culture".

Currently V.P. According to the rating in the RSCI system, Salnikov ranks second in the citation of his scientific works among all lawyers in Russia (as of December 2021, 38405 legal scientists were registered), he has a unique Hirsch index – 83 (!)

V.P. Salnikov was recruited many times to work in the Russian parliament. He is the author of several bills to improve the legal protection of Russian citizens. In addition, being one of the most respected Russian lawyers, V.P. Salnikov acted and is an expert on draft laws. And often it is his opinion that is key in considering a proposal of legislators.

The authority of a scientist is always involuntarily formed by his official recognition. V.P. Salnikov is Vice President of the Russian Union of Lawyers, Vice President of the Russian Academy of Legal Sciences, Vice President of the Academy of Security, Defense and Law Enforcement Problems, Academician of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety, Academician of the International Academy of Acmeological Sciences, Academician of the National Academy of Sciences -demy of juvenile science, academician of the St. Petersburg Engineering Academy, corresponding member of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences. V.P. Sal-nikov is the winner of the international competition "Person of the Year" in the nomination "Lawyer of the Year – 2001". Included in the international publication of the University of Cambridge "Outstanding People of the Twentieth Century".

Since 2001 V.P. Salnikov is an academician of the Russian Academy of Natural Sciences, for a long time he has headed the section "Security of man, society and state". This section

brings together leading Russian specialists who have devoted their scientific and practical work to the protection of people. The work of this section is visible all over the world.

V.P. Salnikov, in addition, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, retired police lieutenant general, was awarded state, departmental and scientific awards, as well as awards of the Russian Orthodox Church.

Viktor Petrovich is just as bright not only in science, but also in life. He is a very kind, sympathetic person who sincerely loves people. To know how not to get angry with people, to treat them with understanding and love is the basis of kindness. And it was Viktor Petrovich's kindness that all his friends, acquaintances, colleagues, and subordinates were able to feel. Even as a world famous scientist and head of the university, access to its reception room was open to everyone.

In 2015 about V.P. Salnikov, a voluminous book was published, which was called "The Formula of Kindness" [37]. Doing well to people is the main credo of Viktor Petrovich's life.

The hero of the day is also a great friend. He knows how to be friends for real: sincerely, openly, without a stone in his bosom. All close people know how reliable he is, which at the present time, alas, is not often met.

Viktor Petrovich is also an excellent family man, the father of a famous scientist, Doctor of Law, Professor M.V. Salnikov and a teacher of five grandchildren.

The jubilee celebrates his 75th birthday at the peak of his scientific activity. He, together with S.I. Zakhartsev substantiated and develops a comprehensive theory of law – a new theory of law [1; 4; 6; eighteen; 22; 23; 24; 25; 53], which has become widely known in Russia and abroad.

In addition, over the past five years V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev formulated the criteria of legal progress [10; 15; sixteen]; identified new types of manifestations of professional deformation in certain professions (including lawyers, teachers, operational intelligence officers) [19]; showed manifestations of meaninglessness and stupidity in law [11; thirteen; 14]; identified the features of the legal mentality and legal nihilism of Russians [17]; investigated the theory of convergence of state and legal systems [7; 9; 26] and operational-search policy [2; 3; 4; 5; eight; 12; 26; 27; 28; thirty; 41]. For philosophy, they have formulated and continue to develop the problem of the formation of the personality of a scientist and his scientific positions [20; 40], as well as the hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth [21]. In addition, they study the philosophy of Parmenides, Hegel and F.M. Dostoevsky [29; 34; 35; 36; 43; 44; 45; 48; 51; 54], they develop questions of philosophy of law, sovereignty, freedom, Russian legal ideology [30; 31; 32; 33; 42; 46; 47; 49; 50; 52].

Currently V.P. Salnikov is the editor-in-chief of such well-known scientific journals as "Legal Science: History and Modernity", "World of Politics and Sociology", "Legal Field of Modern Economy".

The hero of the day, moreover, is an optimist and a lover of life. He just breathes with positive energy and the desire to live life to the fullest. With all our hearts we wish dear Viktor Petrovich many years of life, Health and Happiness!

Bibliographic list

1. Zakhartsev S.I. Some problems of theory and philosophy of law / Under total. ed. V.P. Salnikova. Moscow, 2014. 206 p.

2. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Extra-scientific knowledge in operational-search activity // Legal field of modern economics. 2013. No. 10. P. 193–199.
3. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Using the results of operational-search activities in proving a criminal case: prospects for legislative regulation // Constitutional aspects of the current state of the legislation of the Republic of Tajikistan: materials of an international scientific-theoretical conference. Dushanbe: Irfon, 2014. P. 90–93.
4. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. How to know the right? We offer a comprehensive approach // Legal field of modern economics. 2015. No. 9. P. 17–30.
5. Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. Operational-search activity and military security / Ed. S.I. Zakhartseva: Monograph. Moscow: Granitsa, 2017. 424 p.
6. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflecting on the essence of law: a comprehensive approach // Legal state: theory and practice. 2017. Vol. 1. No. 47. P. 13–30.
7. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Convergence in law, Russian mentality and the psychology of begging: a philosophical and philosophical-legal problem // World of Politics and Sociology. 2015. No. 1. P. 166–179.
8. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Constitutional human rights in Russia and the admissibility of their limitation in the course of operational-search activities on communication channels // Constitutional aspects of the current state of the legislation of the Republic of Tajikistan: materials of an international scientific-theoretical conference. Dushanbe: Irfon, 2014. P. 84–89.
9. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Convergence of the rule of law and the rule of law // The rule of law: theory and practice. 2019. No. 1 (55). P. 22–27.
10. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On legal progress as a philosophical and legal problem // Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 2 (3). P. 113–121.
11. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On the rationality and meaninglessness of law // News of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences. 2016. No. 4 (94).
12. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Operational-search economy and operational-search policy // Legal field of modern economics. 2015. No. 12. P. 11–15.
13. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The right can be meaningless // Protection and security. 2016. No. 3.
14. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law: rationality and meaninglessness // Legal science: history and modernity. 2015. No. 9. P. 17–22.
15. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Legal progress and values of law // World of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 17–31.
16. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Legal progress: philosophical and philosophical legal approaches // Legal field of modern economics. 2015. No. 1. P. 13–30.
17. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Legal consciousness of a lawyer and legal nihilism: modern problems of professional deformation // Legal science: history and modernity. 2013. No. 11. P. 11–29.
18. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. What is law? Issues of ontology and epistemology // Legal state: theory and practice. 2015. No. 2 (40). P. 14–22.
19. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Professional deformation of legal consciousness of legal scholars: some reflections on the results of the research // Legal science: history and modernity. 2015. No. 11. P. 172–180.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Formation of a scientist's personality and his scientific positions: interconnection and interdependence // World of politics and sociology. 2016. No. 2. P. 11–17.
21. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Thesis on the philosophical problems of cognition of the Universe and the Earth // Legal field of modern economics. 2015. No. 10. P. 171–180.
22. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Philosophy. Philosophy of law. Legal science. Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.
23. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. What is a compromise theory of law? // Legal Science. 2016. No. 3. P. 5–9.

24. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. What is law? Issues of ontology and epistemology // *Legal state: theory and practice*. 2015. No. 2 (40). P. 14–22.
25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *Philosophy and Legal Science: Monograph*. Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p.
26. Zakhartsev S.I., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. *Operational-search activity in the XXI century: Monograph*. Moscow, 2015. 400 p.
27. Zakhartsev S.I., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. *Operational-search measures in the XXI century: Monograph*. Saint Petersburg, 2006. 315 p.
28. Zakhartsev S.I., Medvedev V.N., Salnikov V.P. *Removing information from technical communication channels: legal issues / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety; edited by V.P. Salnikova*. Saint Petersburg, 2004.
29. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. *Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law: monograph*. Moscow: Jurlitinform, 2019. 376 p.
30. Zakhartsev S.I. Salnikov V.P. *Russian mentality and law // Legal state: theory and practice*. 2018. No. 4 (54). P. 41–47.
31. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *Philosophy of law: legal positions // Legal state: theory and practice*. 2016. No. 1 (43). P. 19–26.
32. Zakhartsev S.I. Salnikov V.P. *Philosophy of law: present and future // Legal state: theory and practice*. 2016. No. 2 (44). P. 7–14.
33. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *Philosophy of law: yesterday, today, tomorrow // Legal state: theory and practice*. 2015. No. 4 (42). P. 6–13.
34. *The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): monograph / Ananskikh I.A., Gribov I.N., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Lezhneva O. Yu., Mazurin S.F., Makov B.V., Maslennikov D.V., Mirzoev I.K., Petrov I.A., Polivko E.A., Prokofiev K.G., Pyleva O. V., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Chudin-Kogan F.O. ; ed. S.I. Zakhartseva*. Moscow: Jurlitinform, 2020. 288 p.
35. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. *Theoretical and methodological foundations of the philosophy of law F.M. Dostoevsky as an ideologist of “pre-Eurasianism” // Legal state: theory and practice*. 2019. No. 2 (56). P. 17–24.
36. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. *Theoretical and methodological foundations of the philosophy of law F.M. Dostoevsky as an ideologist of “pre-Eurasianism” // Legal state: theory and practice*. 2019. No. 2 (56). P. 17–24.
37. Lapina N.V., Morgunov V.Ya. *Formula of Kindness: A documentary-fiction book*. Moscow- Saint Petersburg: Fund "University", 2015. 468 p.
38. Salnikov V.P. *Legal culture and behavior of Soviet citizens: Dis. ... cand. jurid. sciences*. Leningrad, 1980.
39. Salnikov V.P. *Legal culture: theoretical and methodological aspect: Dis. ... doct. jurid. sciences*. Leningrad, 1990.
40. Salnikov V. P., Zakhartsev S. I. *The role of a scientist's biography in the formation of his life position, worldview and methodology // Bulletin of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences*. 2016. No. 2 (92).
41. Salnikov V.P., Zakhartsev S.I. *Thesis on topical problems of the science of operational-search activity // Operative (detective)*. 2015. No. 1 (42). P. 35–37.
42. Salnikov V. P., Romanovskaya V. B., Fomichev M. N. *Law and scientific and technological progress: together or separately // World of politics and sociology*. 2016. No. 2. P. 175–193
43. Salnikov V. P., Maslennikov D. V. *Philosophy of law F.M. Dostoevsky as a source of development of the theory of the Russian state and law // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, April 5–6, 2018) / Ed. ed. F.Kh. Galiev. In 2 hours, Part 1. Ufa: BashGU, 2018. P. 72–79.*

44. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. F.M. Dostoevsky: the ontological and ethical foundations of the philosophy of law (a review of the work of RF Ismagilov "Philosophical heritage of FM Dostoevsky and its influence on the development of philosophy of law: A cycle of lectures") // *Legal science: history and modernity*. 2017. No. 7. P. 190–197.

45. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. Hegel's philosophy as a theoretical prerequisite for the sovereign philosophy of law in Russia. A brief overview of reports, articles and speeches at the Interregional Conference with International Participation "Hegel's Creative Legacy: Philosophy, Theology, Law, Economics" dedicated to the 250th anniversary of the birth of G.V.F. Hegel // *Legal Science: History and Modernity*. 2021. No. 1.

46. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I. A person in the system of moral and legal values and the task of forming a sovereign philosophy of law // *Human rights in the dialogue between government and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020)*. In 2 parts. Ch. 1 / Resp. ed. E.O. Tulupova. Ufa: RITs BashSU, 2020. Ufa, 2020. P. 176–187.

47. Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Morozov A.I. On the question of the historical and philosophical foundations of the sovereign philosophy of law as a form of expression of national social and legal values // *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 11. P. 174–180.

48. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. Philosophy of F.M. Dostoevsky as an object of interpretive reconstruction // *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 9–10. P. 171–183.

49. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 11. P. 149–162.

50. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // *Legal science: history and modernity*. 2019. No. 12. P. 185–193.

51. Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Dostoevsky's "Pushkin speech" and the moral idea of the state (To the 140th anniversary of FM Dostoevsky's speech) // *Juridical science: history and modernity*. 2020. No. 11. P. 163–180.

52. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // *World of politics and sociology*. 2019. No. 9. P. 170–178.

53. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.

54. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. *The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law*. London: Europe Books. 2021. 450 p.

For citation: Baranov V.M., Zakhartsev S.I., Komarov S.A. Salnikov Viktor Petrovich is 75 years old // *Theory of State and Law*. 2021. No. 4 (25). P. 250–255.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.021

УДК 340.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.022

В.П. Сальников*

С.А. Комаров**

И.Н. Кондрат***

А.Г. Хабибулин****

СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ ЗАХАРЦЕВУ ИСПОЛНИЛОСЬ 45 ЛЕТ

29 октября 2021 года отметил свое сорокапятилетие доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук **Сергей Иванович Захарцев**.

С.И. Захарцев родился в 1976 году в Ленинграде. Коренной ленинградец (санкт-петербуржец). Его родители – Захарцевы Иван Иванович и Лариса Михайловна – инженеры, всю жизнь проработали на оборонном военнокосмическом предприятии, имеют изобретения и государственные награды. Брат – Захарцев Алексей Иванович – известный в России и за рубежом радиожурналист.

С детства С.И. Захарцев мечтал посвятить свою жизнь защите Отчизны, служению государству, борьбе с преступностью.

Следуя своей мечте, он после окончания средней школы поступил в Санкт-Петербургский юридический институт, который закон-

чил в 1997 году.

После этого в том же 1997 году в возрасте 20 лет был призван на службу в органы федеральной службы безопасности. За короткий промежуток зарекомендовал себя талантливым сотрудником и начальником, подтверждением чему являлись го-

---

* *Сальников Виктор Петрович*, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, академик РАЕН. E-mail: Fonduniver@bk.ru

** *Комаров Сергей Александрович*, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** *Кондрат Иван Николаевич*, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации. E-mail: inkondrat@mail.ru

**** *Хабибулин Алик Галимзянович*, заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, генерал-лейтенант полиции. E-mail: 21alik@mail.ru

сударственные награды и поощрения руководства, присвоения воинских званий досрочно.

В 2008 году С.И. Захарцев был назначен на генеральскую должность – заместитель начальника Инспекторского управления ФСБ России. В 2008–2009 годах неоднократно исполнял обязанности начальника Инспекторского управления ФСБ России.

Практическую работу С.И. Захарцев всегда успешно совмещал с научной и преподавательской деятельностью. В 2002 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук [30]. А уже через три года (в 2005 году) и тоже без отрыва от практической работы в ФСБ С.И. Захарцев защитил докторскую диссертацию по теме: «Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий» [31]. Эта защита установила своеобразный рекорд: С.И. Захарцев стал одним из самых молодых в истории России ученым, защитившим докторскую диссертацию по юридическим наукам.

Надо с сожалением сказать, что молодому ученому многие препятствовали защищаться именно из-за его возраста. После блестящей защиты в диссертационном совете Санкт-Петербургского университета МВД России, С.И. Захарцева пригласили в ВАК, где фактически пришлось защищаться еще раз. Но защита тоже прошла успешно. Экспертный совет ВАК, состоявший из наиболее уважаемых ученых, был приятно поражен глубиной и качеством диссертационной работы С.И. Захарцева.

С 2005 года стала формироваться новая научная школа изучения оперативно-розыскной деятельности, которая в дальнейшем была названа научной школой С.И. Захарцева.

Ранее практически все работы по ОРД несли на себе печать либо научных подходов органов КГБ СССР, либо МВД СССР. Работы С.И. Захарцева отличались тем, что они были написаны не на основе старых секретных учебников, а строго на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и другого оперативно-розыскного законодательства [8; 11; 16; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 32; 33; 83]. С.И. Захарцев назвал этот подход «юридическое ОРД».

С.И. Захарцев настаивал, что в юридической науке необходимо в первую очередь отталкиваться от закона, а не сложившейся практики и имевшегося опыта, который причем не всегда имел законный характер. Например, в науке ОРД длительное время существовало мнение о возможности использования незаконно полученных результатов ОРД в уголовном процессе, в том числе доказывании. Несложно предположить, что обосновывая допуск использования незаконно полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий (да еще где – в уголовном судопроизводстве!), такие ученые, видимо, спокойно относились и к незаконному проведению мероприятий.

Именно С.И. Захарцев стоял у истоков категорической неприемлемости обоснований учеными-ордэшниками незаконных действий и попыткой выдачи их за законные. Работы С.И. Захарцева были высоко оценены юридическим сообществом, как научным, так и практическим. Книги С.И. Захарцева учат оперативников для получения необходимого результата четче соблюдать все установленные законом процедуры. В результате: у судей, прокуроров, следователей появилось большее доверие к ОРД и ее результатам.

Кроме того, С.И. Захарцевым была предложена новая структура науки ОРД, переформулированы основные понятия, сформулирована теория оперативно-розы-

ских мероприятий как открытая частная теория оперативно-розыскной деятельности. Ведь в уголовное судопроизводство на самом деле представляются результаты именно оперативно-розыскных мероприятий.

Хорошо про научную школу С.И. Захарцева написали специалисты: «Мы убеждены, что за подходом С.И. Захарцева будущее. И отрадно, что направление под названием “юридическое ОРД” все больше получает поддержку в России. Подтверждением этому может служить все более распространяющееся в юридических вузах изучение правового регулирования ОРД. Еще недавно С.И. Захарцев в научной статье ставил вопрос о том, что судья должен знать оперативно-розыскную деятельность, а теперь основы ОРД изучаются практически везде» [86, с. 178].

Большой заслугой С.И. Захарцева перед ОРД стало, если так можно выразиться, улучшение качественного состояния этой относительно молодой науки. О том, что научная школа С.И. Захарцева сейчас является ведущей в России ни у кого сомнений не вызывает [1; 12; 13; 17; 18; 19; 67; 68; 69; 72; 77; 78; 84; 85; 90; 91; 92; 93; 94].

Однако прикладные юридические дисциплины при всей их важности всегда находились для С.И. Захарцева на втором месте. Лидирующее место в исследованиях ученого занимали и занимают проблемы философии права, теории права и, собственно, самой философии. И если работы С.И. Захарцева по ОРД изучаются, главным образом, внутри России, то труды по философии права вызвали интерес во всем мире. Так, в 2014 году С.И. Захарцев совместно с одним из авторов настоящей статьи обосновали и разработали компрехендную теорию права – новую философско-правовую теорию [34; 35; 39; 40; 59; 97]. Книги и статьи по названной теории переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, китайский, финский и другие языки мира. Книга «Философия. Философия права. Юридическая наука» издана в Кембридже, по ней учатся английские студенты [98].

Также большим спросом пользуется выпущенная в Англии и Италии монография С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова и В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» [37; 99]. Популярны эти работы и в странах бывшего СССР: Украине, Белоруссии, Таджикистане, Казахстане и других.

За последнее десятилетие С.И. Захарцев в соавторстве с В.П. Сальниковым обосновали авторское понимание философии права и ее предмета [47; 95]; доказали наличие правового прогресса и определили его критерии [48; 49]; рассмотрели различные грани права, в том числе проявления противоречивости, бессмысленности и глупости [50; 51], излишнего формализма, нередко встречающегося обвинительного уклона и другие стороны, на которые в силу ряда причин не обращают внимание ученые [36; 38].

В философии С.И. Захарцев и В.П. Сальников посвятили труды объективной истине, а также показали роль биографии ученого в формировании его отношения к истине. Кроме того, продемонстрировали запрограммированность общества и ее регулирование правом, проанализировали и установили особенности правовой ментальности и правового нигилизма россиян, ярко обосновали самодостаточность суверенитета русской философии права и суверенитета идеологии [41; 42; 43; 44; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 60; 87; 88; 89]!

В период пандемии особую остроту и актуальность получила в мировом научном сообществе разработанная авторами еще в 2015 году философская гипотеза тактизм и круговорота жизни на Земле. Сейчас эта гипотеза по понятным причи-

нам очень популярна не только среди юристов, но и среди философов, физиков, работников медицины, других специалистов [45; 46].

Сейчас С.И. Захарцев является одним из наиболее заметных и цитируемых ученых-юристов. Он автор более 500 научных и учебно-методических работ, из которых 24 монографии. Некоторые из них специалисты считают фундаментальными. В настоящее время С.И. Захарцев по рейтингам и индексу Хирша занимает пятое место по цитируемости его научных трудов среди всех юристов России (по состоянию на 1 сентября 2021 г. в системе РИНЦ зарегистрировано 37333 ученых-юристов)! Имеет индекс цитируемости трудов – 62! На его труды опубликованы десятки положительных рецензий [2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 14; 15; 20; 61; 62; 63; 64; 65; 66; 70; 71; 73; 74; 75; 76; 79; 80; 81; 82; 96]. Здесь обозначим только некоторые из них.

В научном сообществе немало тех, кто считает С.И. Захарцева выдающимся ученым и юристом! К такому выводу мы присоединяемся. И добавим, что С.И. Захарцев с учетом его авторитета востребован не только как ученый, но и как руководитель научно-исследовательских коллективов.

Чем отличаются книги ученого от работ коллег? Мы бы особо выделили несколько позиций.

Начнем с того, что С.И. Захарцев является философом-практиком. Обычно философы, философы права и теоретики права занимаются исключительно научным и научно-преподавательским трудом, что отдаляет их от реалий и изменяет объективную картину. С.И. Захарцев всегда успешно совмещал философско-правовые исследования с работой ФСБ, а затем и в бизнесе.

При этом надо сказать, что служба в ФСБ на генеральских должностях давала возможность широкого доступа к информации и ее объективной оценке. Далеко не все философы имели и имеют возможности по получению объективных и честных данных о происходящих событиях. Однако, как мы видим, мало кто из сотрудников подобных структур превращается в философа права, причем отстаивающего истину, справедливость и честность.

Отдельной позицией надо указать и то, что уже косвенно звучало. А именно то, что С.И. Захарцев в своих трудах всегда стремился к объективности сформулированных выводов. Он избегал одностороннего подхода к праву и истине. Этот ученый, если так можно выразиться, является философом-реалистом, не романтиком, а прагматиком. Он изнутри знал реальную работу правовых механизмов, а также видел, как такую работу улучшить.

Среди отличий мы также выделим постоянную генерацию С.И. Захарцевым новых идей. Все его книги обосновывают или развивают новые теории, гипотезы, концепции. Причем все они вовсе не поверхностны, а содержательны и глубоки, обязательно логичны и аргументированы. Привнесением новых знаний в науку С.И. Захарцев, несомненно, оставил в ней яркий след.

Талант С.И. Захарцева как ученого в сочетании с принципиальностью, объективностью и глубиной проведенных им исследований позволили ему завоевать авторитет и уважение у специалистов. Сейчас мало у кого в библиотеке не найдется хотя бы одной работы С.И. Захарцева.

Но это все касается науки. А в личном плане С.И. Захарцев – надежный друг, искренний человек, помнящий добро и не помнящий зла. Кроме того, замечательный муж, примерный семьянин и отец двух чудесных девочек.

Сорокапятилетний юбилей С.И. Захарцев встречает в расцвете своих творческих сил. Мы ждем от него новых достижений. Пусть перо ученого никогда не приотупляется. От всего сердца желаем Вам, дорогой Сергей Иванович, долгих лет жизни, здоровья, всего самого доброго. Пусть Ваше стремление вперед, стремление всегда и во всем быть лучшим никогда не пропадет!

Библиографический список

1. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Числов А.И., Шахматов А.В. Уголовный процесс и ОРД однозначно одинаково правовые науки. О вкладе профессора С.И. Захарцева в становление юридической оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 175–184.
2. Бабаджанов И.Х., Гаюров Ш.К., Тагайназаров Ш.Т. Русская философия права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.» // Правовая жизнь. – 2020. – № 4 (32). – С. 247–258.
3. Баранов В.М., Баранова М.В. Инновационная трактовка права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения» (М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 248–251.
4. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 304–307.
5. Баранов В.М., Баранова М.В. Нравственно-правовые проблемы идеи свободы в фокусе классической и неклассической философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» (под ред. С.И. Захарцева). М.: Юрлитинформ, 2020 288 с.) // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 159–162.
6. Богатырев Д.К. От логоса к праву. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – № 1. – С. 352–360.
7. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 188–192.
8. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 176 с.
9. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – Т. 2. – № 52. – С. 206–208.

10. *Галиев Ф.Х., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В.* Актуальные проблемы науки о праве. Рецензия-размышления на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с.» // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 2 (64). – С. 217–232. DOI 10.33184/pravgos-2021.2.18.

11. *Гвай А.М., Захарцев С.И.* Уголовная ответственность за убийства в контексте оперативно-розыскной деятельности и доказывания / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 272 с.

12. *Голубовский В.Ю., Кондрат И.Н., Хабибулин А.Г., Числов А.И.* Вклад профессора С.И. Захарцева в развитие уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной науки // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2 (35). – С. 29–36.

13. *Гук А.И., Игнащенко Ю.Ю., Числов А.И.* Книга, давшая начало новой юридической науке и новым научным направлениям. Рецензия на монографию Захарцева С.И. «Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты» (СПб.: Издательский дом С-Петербур. гос ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2011. 264 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 138–143.

14. *Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В.* Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 193–197.

15. *Дворецкая Е.В., Масленников Д.В., Гук А.И.* Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 184–189.

16. *Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П.* Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с.

17. *Егоршин В.М., Кондрат И.Н., Сурков К.В.* Вышла фундаментальная книга по оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию: Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность» (М.: Граница, 2017. 424 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 132–138.

18. *Егоршин В.М., Кондрат И.Н.* Новый взгляд на науку оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию: Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность» (М.: Граница, 2017. 424 с.) // Библиотека криминалиста. – Научный журнал. – 2018. – № 1 (36). – С. 373–377.

19. *Егоршин В.М., Кондрат И.Н., Сурков К.В., Числов А.И.* Новый взгляд на науку оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию: Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность» (М.: Граница, 2017. 424 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 96–101.

20. *Загоруйко К.Ф., Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. Сальникова В.П. – М.: Норма, 2014. – 207 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 4: Государство и право. – Реферативный журнал. – 2015– № 1. – С. 21–24.

21. *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с.

22. *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения: Монография. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2004. – 259 с.
23. *Захарцев С.И., Медведев В.Н.* Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы. Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 160 с.
24. *Захарцев С.И.* Оперативно-розыскные мероприятия: Теория и практика / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. – 329 с.
25. *Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с.
26. *Захарцев С.И., Чабукиани О.А.* Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. – 268 с.
27. *Захарцев С.И.* Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб.: Издательский Дом С-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2011. – 264 с. DOI 10.17513/np.480
28. *Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI 10.17513/np.469
29. *Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П.* Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
30. *Захарцев С.И.* Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
31. *Захарцев С.И.* Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий. Дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004.
32. *Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О.* Оперативно-розыскное право // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 187–192.
33. *Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О.* Новые фантомы оперативно-розыскной деятельности: оперативно-розыскная характеристика и оперативно-розыскной кодекс // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 94–101.
34. *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. DOI 10.17513/np.468
35. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454
36. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. DOI 10.17513/np.491.
37. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/ np.467
38. *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с. DOI 10.17513/np.453
39. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрекендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.
40. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компрекендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 36–54.
41. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О праве в программируемом обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.: отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. – С. 93–99.

42. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и правосудия // Информационное право. – 2020. – № 3. – С. 9–15.
43. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Запрограммированное общество и право // Стратегические приоритеты. – 2020. – № 3–4 (27–28). – С. 80–91.
44. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Роль права в программировании жизни людей и их подконтрольности // Теория государства и права. – 2020. – № 3 (19). – С. 86–102.
45. *Захарцев С.И.* Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 4-5. – С. 9–23.
46. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Тезисно о философских проблемах познания вселенной и Земли // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 171–180.
47. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Перечитывая Гегеля. Размышления к 200-летию «Философии права» // Теория государства и права. – 2021. № 2 (22). – С. 67–78. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.22.2.005.
48. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171–188.
49. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175–192.
50. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17–22.
51. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3 (93). – С. 179–183.
52. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35–43.
53. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2. – С. 96–100.
54. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В.* Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191–196.
55. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69–94.
56. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120–139.
57. *Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И.* Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128–132.
58. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.
59. *Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, стр. И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.*
60. *Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В., Петросян Л.К., Черняева А.В.* Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.

61. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33). – С. 14–18. DOI:10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.

62. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68–73.

63. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168–172.

64. Клименко А.И., Лебедев С.П. Спекулятивная метафизика права и творческое наследие Ф.М. Достоевского. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права». М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с. // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 1 (38). – С. 61–64. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-1-61-64. 07, п.л.

65. Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 177–184.

66. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. – 2020. – № 1 (17). – С. 193–208. DOI:10.25839/MATGIP.2020.17.1.018

67. Кондрат И.Н., Нахимов А.П., Сурков К.В. Наука оперативно-розыскной деятельности: взгляд в будущее. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. 400 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 121–126.

68. Кондрат И.Н., Сальников В.П. О научных школах изучения оперативно-розыскной деятельности и месте школы С.И. Захарцева в изучении ОРД // Библиотека криминалиста. – Научный журнал. – 2016. – № 2 (25). – С. 370–377.

69. Кондрат И.Н., Сальников В.П. О научной школе изучения оперативно-розыскной деятельности профессора С.И. Захарцева // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 96–103.

70. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 191–194.

71. Лазарев В.В., Хабибулин А.Г. Истина философии и идея права: проблема единства (рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права». М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 151–157. DOI: 10.12737/jflcl.2021.036.

72. Маджидзода Д.М., Сальников В.П., Солиев К.Х. Научная школа профессора С.И. Захарцева – ведущая в России школа изучения оперативно-розыскной деятельности // Известия института философии, политологии и права им. А. Баховадинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2016. – № 4. – С. 153–162.

73. Масленников Д.В., Степашин С.В. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177–179.

74. *Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И.* Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // *Юридическая наука: история и современность.* – 2016. – № 4. – С. 194–200.

75. *Покровский И.Ф., Гук А.И.* Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // *Мир политики и социологии.* – 2015. – № 7. – С. 184–190.

76. *Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И.* Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // *Юридическая наука: история и современность.* – 2015. – № 9. – С. 196–200.

77. *Рахимзода Р.Х., Зоир Дж.М., Шарифзода Ф.Р.* О вкладе выдающихся российских юристов Виктора Петровича Сальникова и Сергея Ивановича Захарцева в оперативно-розыскную науку // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан.* – 2020. – № 2 (46). – С. 6–15.

78. *Рахимзода Р.Х., Маджидзода Д.З., Солиев К.Х.* Оперативно-розыскная политика в контексте политики государства и оперативно-розыскной науки (рецензия на книгу «Захарцев С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Моногр. / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. – М., Норма, 2015. – 400 с.») // *Оперативник (сыщик).* – 2016. – № 4 (49). – С. 72–74.

79. *Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х.* Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.» // *Правовое государство: теория и практика.* – 2019. – № 2. С. 177–182

80. *Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х.* Идея свободы в суверенной философии права. Рецензия на монографию: «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.» // *Правовое государство: теория и практика.* – 2020. – № 1 (59). – С. 168–178.

81. *Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х.* Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. // *Правовое государство: теория и практика.* – 2019. – № 1 (55). – С. 181–188.

82. *Романовская В.Б., Минеева Т.Г., Сальников В.П.* Новое исследование в области философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2020 – 288 с.» // *Юридическая наука: история и современность.* – 2020. – № 1. – С. 185–193.

83. *Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П.* Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / Под ред. В.И. Рохлина. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – 409 с.

84. *Рохлин В.И.* Фундаментальный труд по ОРД. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Игнащенко Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» // *Мир политики и социологии.* – 2015. – № 1. – С. 151–157.

85. *Рохлин В.И.* Фундаментальная книга о настоящем и будущем оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. – 400 с.) // *Библиотека криминалиста. – Научный журнал.* – 2015. – № 4 (21). – С. 373–377.

86. *Рохлин В.И.* Оперативно-розыскная деятельность как философская, теоретическая и прикладная наука. Рецензия на книгу Захарцева С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб., 2011 // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 177–182.

87. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

88. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.

89. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

90. *Сальников В.П., Кондрат И.Н., Антонов И.А., Хабибулин А.Г., Числов А.И.* Новые научные специальности требуют иных подходов. Вышла книга, объединяющая проблемы уголовного права, оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. Рецензия на монографию Гвай А.М. и Захарцева С.И. «Уголовная ответственность за убийства в контексте оперативно-розыскной деятельности и доказывания» / под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 272 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 134–141.

91. *Сальников В.П., Степашин С.В., Числов А.И.* История научной школы профессора С.И. Захарцева: от формирования до лидирующих позиций в науке оперативно-розыскной деятельности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 155–163.

92. *Сальников В.П., Солиев К.Х., Хабибулин А.Г., Числов А.И.* Научная школа профессора С.И. Захарцева или какой должна быть оперативно-розыскная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 139–149.

93. *Сальников В.П., Степашин С.В., Кондрат И.Н.* Научная школа профессора С.И. Захарцева – взгляд в будущее оперативно-розыскной деятельности // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3 (45). – С. 155–165.

94. *Степашин С.В., Егоршин В.М.* Книга, опередившая время. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Игнащенкова Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. – 400 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 119–125.

95. Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография. Ю.Г., Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред ред. совета Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юриспруденция, 2016. С. 112–117.

96. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 203–209.

97. Захарцев С.И. Філософія і теорія права: Монографія / Передмова О.М. Ключева. – Харків: Панов, 2015. – 256 с. DOI 10.17513/np.471.

98. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. DOI 10.17513/np.452.

99. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.: The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. – London: Europe Books. 2021. – 450 p. DOI 10.17513/np.490.

Для цитирования: *Сальников В.П., Комаров С.А., Кондрат И.Н., Хабибулин А.Г.* Сергею Ивановичу Захарцеву исполнилось 45 лет // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 256–266.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.022

V.P. Salnikov *
S.A. Komarov **
I.N. Kondrat ***
A.G. Khabibulin ****

Sergey Ivanovich Zakhartsev is 45 years old

On October 29, 2021, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences Sergey Ivanovich Zakhartsev celebrated his forty-fifth birthday.

S.I. Zakhartsev was born in 1976 in Leningrad. A native of Leningrad (St. Petersburg). His parents, Ivan Ivanovich Zakhartsevs and Larisa Mikhailovna, are engineers, have worked all their lives at a defense military space enterprise, have inventions and state awards. Brother – Alexey Ivanovich Zakhartsev – a well-known radio journalist in Russia and abroad.

Since childhood S.I. Zakhartsev dreamed of devoting his life to defending the Motherland, serving the state, fighting crime, strengthening law and order, protecting the interests of a person, personality, citizen.

Following his dream, after graduating from high school, he entered the St. Petersburg Law Institute, which he graduated in 1997.

After that, in the same 1997, at the age of 20, he was called up to serve in the federal security service. In a short period of time, he has established himself as a talented employee and chief, as evidenced by state awards and incentives for the leadership, and the assignment of military ranks ahead of schedule.

In 2008 S.I. Zakhartsev was appointed to the general's position – deputy head of the Inspection Directorate of the FSB of Russia. In 2008–2009, he repeatedly served as the head of the Inspection Directorate of the FSB of Russia.

---

* *Salnikov Viktor Petrovich*, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: Fonduniver@bk.ru

** *Komarov Sergey Aleksandrovich*, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

*** *Kondrat Ivan Nikolaevich*, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: inkondrat@mail.ru

**** *Khabibulin Alik Galimzyanovich*, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty), Moscow State University. M.V. Lomonosov, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Lieutenant General of Police. E-mail: 21alikh@mail.ru

Practical work of S.I. Zakhartsev has always successfully combined with scientific and teaching activities. In 2002 he defended his thesis for the degree of candidate of legal sciences [30]. And after three years (in 2005), and also without interrupting practical work in the FSB, S.I. Zakhartsev defended his doctoral dissertation on the topic: "Theory and legal regulation of operational-search measures" [31]. This defense set a kind of record: S.I. Zakhartsev became one of the youngest scientists in the history of Russia who defended his doctoral dissertation in legal sciences.

It must be said with regret that many prevented the young scientist from defending himself precisely because of his age. After a brilliant defense at the dissertation council of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, S.I. Zakhartsev was invited to the Higher Attestation Commission, where in fact he had to defend himself again. But the defense was also successful. The expert council of the Higher Attestation Commission, which consisted of the most respected scientists, was pleasantly impressed by the depth and quality of S.I. Zakhartseva.

Since 2005, a new scientific school for the study of operational-search activities began to form, which was later named the scientific school of S.I. Zakhartseva.

Previously, almost all work on independent reconnaissance patrols bore the stamp of either the scientific approaches of the KGB of the USSR, or the Ministry of Internal Affairs of the USSR. The works of S.I. Zakhartsev were distinguished by the fact that they were written not on the basis of old secret textbooks, but strictly on the basis of the Federal Law "On operational-search activity" and other operational-search legislation [8; eleven; sixteen; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 32; 33; 83]. S.I. Zakhartsev called this approach "legal ORD".

S.I. Zakhartsev insisted that in legal science it is necessary, first of all, to build on the law, and not on the prevailing practice and experience, which, moreover, did not always have a legal character. For example, in the science of the ORD for a long time there was an opinion about the possibility of using the illegally obtained results of the ORD in the criminal process, including proving. It is not difficult to assume that when justifying the admission of the use of illegally obtained results of operational-search measures (and even where – in criminal proceedings!). Such scientists, apparently, were calm about the illegal conduct of measures.

It was S.I. Zakhartsev stood at the origins of the categorical unacceptability of justification by scientists-orders of illegal actions and an attempt to pass them off as legal. The works of S.I. Zakhartsev were highly appreciated by the legal community, both scientific and practical. Books by S.I. Zakhartsev teach operatives to better comply with all procedures established by law to obtain the required result. As a result: judges, prosecutors, and investigators gained more confidence in the ORD and its results. In addition, S.I. Zakhartsev proposed a new structure of the ORD science, reformulated the basic concepts, formulated the theory of operational-search activities as an open private theory of operational-search activities. Indeed, it is the results of operational-search measures that are actually presented in criminal proceedings.

Good about the scientific school of S.I. Zakhartsev was written by experts: "We are convinced that the approach of S.I. Zakhartseva's future. And it is gratifying that the direction called "legal ORD" is receiving more and more support in Russia. This can be confirmed by the study of the legal regulation of OSA, which is becoming more and more widespread in law schools. More recently, S.I. Zakhartsev, in a scientific article, raised the question that a judge should know the operational-search activity, and now the basics of the ORD are studied practically everywhere" [86, p. 178].

Great merit of S.I. Zakhartsev before the ORD was, so to speak, an improvement in the qualitative state of this relatively young science. That the scientific school of S.I. Zak-

hartseva is now leading in Russia, no one doubts [1; 12; 13; 17; 18; 19; 67; 68; 69; 72; 77; 78; 84; 85; 90; 91; 92; 93; 94].

However, applied legal disciplines, for all their importance, have always been for S.I. Zakhartseva in second place. Problems of philosophy of law, theory of law and, in fact, philosophy itself occupy a leading place in the researches of the scientist. And if the works of S.I. Zakhartsev's studies on the ORD are studied mainly within Russia, then his works on the philosophy of law have aroused interest all over the world. So, in 2014 S.I. Zakhartsev, together with one of the authors of this article, substantiated and developed a comprehensive theory of law – a new philosophical and legal theory [34; 35; 39; 40; 59; 97]. Books and articles on this theory have been translated into English, German, French, Italian, Chinese, Finnish and other languages of the world. The book “Philosophy. Philosophy of law. Jurisprudence” was published in Cambridge and is used by English students [98]. Also in great demand is the monograph by S.I. Zakhartseva, D.V. Maslennikov and V.P. Salnikov “Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law” [37; 99]. These works are also popular in the countries of the former USSR: Ukraine, Belarus, Tajikistan, Kazakhstan and others.

Over the past decade, S.I. Zakhartsev in collaboration with V.P. Salnikov substantiated the author's understanding of the philosophy of law and its subject [47; 95]; proved the existence of legal progress and defined its criteria [48; 49]; considered various facets of law, including the manifestation of inconsistency, meaninglessness and stupidity [50; 51], excessive formalism, often encountered accusatory bias, and other parties that, for a number of reasons, do not pay attention to scientists [36; 38]. In the philosophy of S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov devoted their works to objective truth, and also showed the role of a scientist's biography in shaping his attitude to truth. In addition, they demonstrated the programmedness of society and its regulation by law, analyzed and established the peculiarities of the legal mentality and legal nihilism of Russians, vividly substantiated the self-sufficiency of the sovereignty of the Russian philosophy of law and the sovereignty of ideology [41; 42; 43; 44; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 60; 87; 88; 89]!

During a pandemic, the philosophical hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth, developed by the authors back in 2015, received particular urgency and relevance in the world scientific community. Now, for obvious reasons, this hypothesis is very popular not only among lawyers, but also among philosophers, physicists, medical workers, and other specialists [45; 46].

Now S.I. Zakhartsev is one of the most prominent and cited legal scholars. He is the author of over 500 scientific and educational works, of which 24 are monographs. Some of them are considered fundamental by experts. According to ratings and the Hirsch index, Zakhartsev ranks fifth in the citation of his scientific works among all lawyers in Russia (as of September 1, 2021, 37333 legal scholars are registered in the RSCI system)! Has a citation index of works – 62! Dozens of positive reviews have been published on his works [2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 14; 15; twenty; 61; 62; 63; 64; 65; 66; 70; 71; 73; 74; 75; 76; 79; 80; 81; 82; 96]. Here we outline only a few of them.

There are many in the scientific community who consider S.I. Zakhartsev as an outstanding scientist and lawyer! We subscribe to this conclusion. And we add that S.I. Zakhartsev, taking into account his authority, is in demand not only as a scientist, but also as the head of research teams.

What is the difference between the scientist's books and the work of colleagues? We would highlight several positions.

Let's start with the fact that S.I. Zakhartsev is a practical philosopher. Usually philosophers, philosophers of law and theorists of law are exclusively engaged in scientific and scientific teaching work, which removes them from reality and changes the objective picture. S.I. Zakhartsev has always successfully combined philosophical and legal research with the work of the FSB, and then in business.

At the same time, it must be said that serving in the FSB as a general made it possible for wide access to information and its objective assessment. By no means all philosophers have had and still have the ability to obtain objective and honest data on current events. However, as we can see, few of the employees of such structures turn into a philosopher of law, moreover, defending truth, justice and honesty.

A separate position should also indicate what has already sounded indirectly. Namely, that S.I. Zakhartsev in his writings always strived for the objectivity of the formulated conclusions. He avoided a one-sided approach to law and truth. This scientist, so to speak, is a realist philosopher, not a romantic, but a pragmatist. He knew from the inside the real work of legal mechanisms, and also saw how to improve such work.

Among the differences, we also highlight the constant generation of S.I. Zakhartsev of new ideas. All his books substantiate or develop new theories, hypotheses, concepts. Moreover, all of them are not superficial at all, but meaningful and deep, necessarily logical and reasoned. The introduction of new knowledge into the science of S.I. Zakhartsev, undoubtedly, left a bright mark on her.

The talent of S.I. Zakhartsev as a scientist, combined with the integrity, objectivity and depth of his research, allowed him to win the authority and respect of specialists. Nowadays, very few people in the library do not have at least one work by S.I. Zakhartseva.

But this is all about science. And personally, S.I. Zakhartsev is a reliable friend, a sincere person who remembers good and does not remember evil. In addition, he is a wonderful husband, an exemplary family man and the father of two wonderful girls.

S.I. Zakhartsev meets in the prime of his creative powers. We expect new achievements from him. Let the scholar's pen never dull. With all our hearts, we wish you, dear Sergei Ivanovich, long life, health, and all the best. May your striving forward, striving always and in everything to be the best never disappear!

Bibliographic list

1. Antonov I.A., Kondrat I.N., Chislov A.I., Shakhmatov A.V. Criminal procedure and ORD are unambiguously equally legal sciences. On the contribution of Professor S.I. Zakhartseva in the formation of legal operational-search activity // Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. P. 175-184.

2. Babadjanov I.Kh., Gayurov Sh.K., Tagainazarov Sh.T. Russian philosophy of law. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Right. Moral (classical and postclassical philosophy of law) / ed. S.I. Zakhartseva. Moscow: Jurlitinform, 2020. 288 p." // Legal life. No. 4 (32) 2020, pp. 247-258.

3. Baranov V.M., Baranova M.V. Innovative interpretation of law. Review of the monograph by S.I. Zakhartseva "Law: New Ideas and Readings" (Moscow: Yurlitinform, 2021, 440 pp.) // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (54). P. 248-251.

4. Baranov V.M. Russian book on philosophy of law and jurisprudence in English. Review-presentation of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikova (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.270 p.) // Legal Science

and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (41). P. 304–307.

5. Baranov V.M., Baranova M.V. Moral and legal problems of the idea of freedom in the focus of classical and non-classical philosophy of law. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law)" (edited by S.I. Zakhartsev). Moscow: Yurlitinform, 2020. 288 p. // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (52). P. 159–162.

6. Bogatyrev D.K. From logo to right. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law: monograph. Moscow: Jurlitinform, 2019. 376 p. // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. No. 1. P. 352–360.

7. Borzova E.P., Pokrovsky I.F. Wonderful publication in Cambridge of a unique book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal Science" (Moscow: Yurliinform, 2015. 264 p.) And its translation: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // World of Politics and Sociology ... 2018. No. 2. P. 188–192.

8. Vinnichenko N.A., Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I. Legal regulation of the use of the results of operational-search activity in criminal proceedings: Monograph. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety / Under total. ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Fund "University", 2004. 176 p.

9. Galiev F.Kh., Ryanov F.M. When it's not only pleasant to write a review, but also honorable. About S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal Science", translated into English and published in Cambridge: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Legal state: theory and practice. 2018. Vol. 2. No. 52, pp. 206–208.

10. Galiev F.Kh., Ismagilov R.F., Salnikov M.V. Actual problems of the science of law. Review-reflections on the monograph by S.I. Zakhartseva "Law: new ideas and readings. Moscow: Jurlitinform, 2021. 440 p." // Legal state: theory and practice. 2021. No. 2 (64). P. 217–232. DOI 10.33184/pravgos-2021.2.18.

11. Gwai A.M., Zakhartsev S.I. Criminal liability for murder in the context of operational-search activity and evidence / Ed. S.I. Zakhartseva. Moscow: Yurlitinform, 2021. 272 p.

12. Golubovsky V.Yu., Kondrat I.N., Khabibulin A.G., Chislov A.I. Contribution of Professor S.I. Zakhartseva in the development of criminal procedural and operational-search science // Monitoring of law enforcement. 2020. No. 2 (35). P. 29–36.

13. Guk A.I., Ignaschenkov Yu.Yu., Chislov A.I. The book that gave rise to a new legal science and new scientific directions. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev "Science of operational-search activity: philosophical, theoretical and legal and applied aspects" (St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2011. 264 pp.) // Legal Science: History and Present ... 2015. No. 9. P. 138–143.

14. Dvoretzkaya E.V., Kuznetsov E.V. Preserving the greatness of the subject. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal science" // Legal science: history and modernity. 2016. No. 11. P. 193–197.

15. Dvoretzkaya E.V., Maslennikov D.V., Guk A.I. An interesting book about philosophy and law has been published. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy is right. Legal Science" (Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.) // World of Politics and Sociology. 2016. No. 3. P. 184–189.

16. Evstratikov B.M., Zakhartsev S.I., Medvedev V.N., Salnikov V.P. Operational-search measures on communication channels (legal analysis): Monograph. – St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety / Under total. ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Fund "University", 2005. 256 p.

17. Egorshin V.M., Kondrat I.N., Surkov K.V. A fundamental book on operational-search activity has been published. Review of the monograph: Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. "Operational-search activity and military security" (Moscow: Granitsa, 2017. 424 p.) // Legal science: history and modernity. 2017. No. 4. P. 132–138.
18. Egorshin V.M., Kondrat I.N. A new look at the science of operational-search activity. Review of the monograph: Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. "Operational-search activity and military security" (Moscow: Granitsa, 2017. 424 p.) // Criminalist Library. Science Magazine. 2018. No. 1 (36). P. 373–377.
19. Egorshin V.M., Kondrat I.N., Surkov K.V., Chislov A.I. A new look at the science of operational-search activity. Review of the monograph: Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. "Operational-search activity and military security" (Moscow: Granitsa, 2017. 424 p.) // Legal science: history and modernity. 2017. No. 9. P. 96–101.
20. Zagoruiko K.F. 2015.01.004. Zakhartsev S.I. Some problems of theory and philosophy of law / Ed. Salnikova V.P. Moscow: Norma, 2014. 207 p. // Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. Abstract journal. 2015. No. 1. P. 21–24.
21. Zakhartsev S.I. Operational-search activities in Russia and abroad: Monograph. – St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academy of Law, Economics and Life Safety / Under total. ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Fund "University", 2003. 256 p.
22. Zakhartsev S.I. Operational search activities. General provisions: Mono-graphy. St. Petersburg: "Legal Center" Press ", 2004. 259 p.
23. Zakhartsev S.I., Medvedev V.N. Removing information from technical communication channels: legal issues. Monograph. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety / Under total. ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Fund "University", 2004. 160 p.
24. Zakhartsev S.I. Operational-search activities: Theory and practice / Ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 329 p.
25. Zakhartsev S.I., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. Operational-search measures in the XXI century. St. Petersburg: Fund "University", 2006. 320 p.
26. Zakhartsev S.I., Chabukiani O.A. Operational-search measures and investigative actions: concepts and correlation: Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 268 p.
27. Zakhartsev S.I. The science of operational-search activity: philosophical, theoretical-legal and applied aspects. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. state University, Publishing House of the Faculty of Law, St. Petersburg State University, 2011. 264 p. DOI 10.17513 / np.480
28. Zakhartsev S.I., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. Operational-search activity in the XXI century. Moscow: Norma, 2015. 400 p. DOI 10.17513 / np.469
29. Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignaschenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. Operational-search activity and military security / Ed. S.I. Zakhartseva. Moscow: Granitsa, 2017. 424 p.
30. Zakhartsev S.I. Wiretapping of telephone conversations in operational-search activities and criminal proceedings. Dis. for the job ... Cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2002.
31. Zakhartsev S.I. Theory and legal regulation of operational-search measures. Dis. for the job ... doct. jurid. sciences. St. Petersburg, 2004.
32. Zakhartsev S.I., Kiryushkina N.O. Operational-investigative law // Legal field of modern economy. 2013. No. 9. P. 187–192.
33. Zakhartsev S.I., Kiryushkina N.O. New phantoms of operational-search activity: operational-search characteristics and operational-search code // Legal science: history and modernity. 2013. No. 9. P. 94–101.
34. Zakhartsev S.I. Some problems of theory and philosophy of law / Ed. V.P. Salnikov. Moscow: Norma, 2014. 208 p. DOI 10.17513 / np.468
35. 3. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Philosophy. Philosophy of law. Legal science. Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. DOI 10.17513 / np.454

36. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Philosophy and legal science. Moscow: Yurlitin-form, 2019. 424 p. DOI 10.17513 / np.491.
37. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law. Moscow: Jurlitinform, 2019. 376 p. DOI 10.17513 / np.467
38. Zakhartsev S.I. Right: new ideas and readings. Moscow: Jurlitinform, 2021. 440 p. DOI 10.17513 / np.453
39. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Comprehend theory of knowledge of law // Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. P. 11–26.
40. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On the substantiation of a compromise approach for the knowledge of law // Theory of State and Law. 2016. No. 2. P. 36–54.
41. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On law in a programmed society // Law and law in a programmed society (to the 100th anniversary of the birth of Daniel Bell): collection of scientific articles / T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, A. Ya. Kapustin and others: otv. ed. V.V. Lazarev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House "Jurisprudence", 2020. P. 93–99.
42. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law in the XXI century in the context of a programmed life, information technology and justice // Information law. 2020. No. 3. P. 9–15.
43. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Programmed society and law // Strategic priorities. 2020. No. 3–4 (27–28). P. 80–91.
44. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The role of law in programming people's lives and their control // Theory of state and law. 2020. No. 3 (19). P. 86–102.
45. Zakhartsev S.I. Global problems of mankind and the hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2015. No. 4–5. P. 9–23.
46. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Thesis on the philosophical problems of cognition of the universe and the Earth // Legal field of modern economics. 2015. No. 10. P. 171–180.
47. Zakhartsev S.I. Salnikov V.P. Rereading Hegel. Reflections on the 200th anniversary of the "Philosophy of Law" // Theory of State and Law. 2021. No. 2 (22). P. 67–78. DOI: 10.47905 / MATGIP.2021.22.2.005.
48. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Legal progress – a new philosophical and legal definition // World of Politics and Sociology. 2016. No. 4. P. 171–188.
49. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Legal progress as an actual philosophical and legal problem // Legal science: history and modernity. 2016. No. 9. P. 175–192.
50. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Law: rationality and meaninglessness // Legal science: history and modernity. 2015. No. 9. P. 17–22.
51. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. On the rationality and meaninglessness of law // News of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences. 2016. No. 3 (93). P. 179–183.
52. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Continuing the discussion about the truth // World of Politics and Sociology. 2016. No. 1. P. 35–43.
53. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Truth as a problem of philosophy: classics or postmodernism // Russian Journal of Legal Research. 2016. No. 2. P. 96–100.
54. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Salnikov M.V. The problem of truth in law and legal sciences // Legal science: history and modernity. 2016. No. 3. P. 191–196.
55. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L. Sovereignty of the Russian Federation: modern threats and ensuring national security // Legal science: history and modernity. 2016. No. 12. P. 69–94.
56. Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L. Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Military Security // World of Politics and Sociology. 2017. No. 1. P. 120–139.
57. Zakhartsev S.I., Salnikov P.P., Kondrat E.N., Chislov A.I. Financial security and financial sovereignty of Russia: modern problems // Legal science: history and modernity. 2018. No. 1. P. 128–132.

58. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // *Legal Science: History and Modernity*. 2020. No. 2. P. 183–194.

59. The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. doct. jurid. Sciences S.I. Zakhartseva; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, page I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O. A. Klimenko, O. Yu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O. V. Pyle-va, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. Moscow: JurLitinform, 2020. 288 p.

60. Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V., Petrosyan L.K., Chernyaeva A.V. The Idea of Justice in the Traditions of Postclassical Philosophy of Law / Ed. ed. V.P. Salnikov. St.Petersburg: Fund "University", 2012. 176 p.

61. Kerimov A.D., Maslennikov D.V. Scientific work of St. Petersburg jurists in the perspective of the sovereign philosophy of law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy and Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. // *Monitoring of law enforcement*. 2019. No. 4 (33). P. 14–18. DOI: 10.21681 / 2226-0692-2019-4-14-18.

62. Kerimov D.A. In the development of a discussion about philosophy and law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // *Legal field of modern economy*. 2015. No. 1. P. 68–73.

63. Kerimova T.V. Classical monograph on philosophy and law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // *Legal science: history and modernity*. 2016. No. 5. P. 168–172.

64. Klimenko A.I., Lebedev S.P. Speculative metaphysics of law and the creative heritage of F.M. Dostoevsky. Review of the monograph by S.I. Zakhartseva, D.V. Maslennikova, V.P. Salnikov "Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law". Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. // *Monitoring enforcement*. 2021. No. 1 (38). P. 61–64. DOI: 10.21681 / 2226-0692-2021-1-61-64. 07, p.l.

65. Kolesnikov A.S., Maslennikov D.V., Guk A.I. Reflections on the philosophical and legal works of S.I. Zakhartsev and the originality of his philosophy // *Legal science: history and modernity*. 2015. No. 12. P. 177–184.

66. Komarov S.A., Khabibulin A.G. New work of St. Petersburg scientists on the philosophy of law // *Theory of state and law*. 2020. No. 1 (17). P. 193–208. DOI: 10.25839 / MAT-GIP.2020.17.1.018

67. Kondrat I.N., Nakhimov A.P., Surkov K.V. The science of operational-search activity: a look into the future. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, Yu.Yu. Ignaschenkov and V.P. Salnikov "Operational-search activity in the XXI century" (Moscow: Norma, 2015. 400 p.) // *Legal science: history and modernity*. 2015. No. 8. P. 121–126.

68. Kondrat I.N., Salnikov V.P. About scientific schools for the study of operational-search activities and the place of the school of S.I. Zakhartseva in the study of the ORD // *Library of the criminalist. Science Magazine*. 2016. No. 2 (25). P. 370–377.

69. Kondrat I.N., Salnikov V.P. On the scientific school for the study of operational-search activities of Professor S.I. Zakhartseva // *Legal science: history and modernity*. 2016. No. 2. P. 96–103.

70. Kuznetsov E. V., Maslennikov D. V., Pokrovsky I. F., Ekimov A. I. The English version of the Russian edition S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // *Legal Science: History and Modernity*. 2018. No. 9. P. 191–194.

71. Lazarev V.V., Khabibulin A.G. The truth of philosophy and the idea of law: the problem of unity (review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov "Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the speculative and logical foundations of the metaphysics of law". Moscow: JurLitinform, 2019. 376 p.) // *Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 151–157. DOI: 10.12737 / jflcl.2021.036.

72. Madzhidzoda D.M., Salnikov V.P., Soliev K.Kh. Scientific school of professor S.I. Zakhartseva – the leading school for the study of operational-search activity in Russia // *News of the*

Institute of Philosophy, Political Science and Law named after V.I. A. Bakhovaddinova of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. 2016. No. 4. P. 153–162.

73. Maslennikov D.V., Stepashin S.V. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal Science" // Legal Science. 2016. No. 6. P. 177–179.

74. Maslennikov D.V., Guk A.I., Chislov A.I. Philosophical and legal works of S.I. Zakhartseva: from the origin of law to the prospects of legal existence // Legal science: history and modernity. 2016. No. 4. P. 194–200.

75. Pokrovsky I.F., Guk A.I. When philosophy and law are together again. Review of the monograph by S.I. Zakhartseva "Some problems of theory and philosophy of law" / Ed. V.P. Salnikov. Moscow: Norma, 2014. 208 p. // The world of politics and sociology. 2015. No. 7. P. 184–190.

76. Pokrovsky I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. Indeed, philosophy and law are together again in the study of modern scientific thinkers. Some ideas about the review by D.A. Kerimov and monographs by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of law. Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // Legal science: history and modernity. 2015. No. 9. P. 196–200.

77. Rakhimzoda R.Kh., Zoir J.M., Sharifzoda F.R. On the contribution of prominent Russian lawyers Viktor Petrovich Salnikov and Sergei Ivanovich Zakhartsev to operational-search science // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2020. No. 2 (46). P. 6–15.

78. Rakhimzoda R.Kh., Madzhidzoda D.Z., Soliev K.Kh. Operational-search policy in the context of state policy and operational-search science (review of the book "Zakhartsev S.I. P. Salnikov. M., Norma, 2015. – 400 p.") // Operative (detective). 2016. No. 4 (49). P. 72–74.

79. Ryanov F.M., Galiev F.Kh. Fundamental philosophical book about law. Review of the monograph by S.I. Zakhartseva, D.V. Maslennikova, V.P. Salnikov "Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law. Moscow: Jurlitinform, 2019. 376 p." // Legal state: theory and practice. 2019. No. 2. P. 177–182

80. Ryanov F.M., Galiev F.Kh. The idea of freedom in the sovereign philosophy of law. Review of the monograph: "The idea of freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. doct. jurid. Sciences S.I. Zakhartseva; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O. A. Klimenko, O. Yu. Lezhnev, p. F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O. V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. Moscow: Jurlitinform, 2020. 288 p." // Legal state: theory and practice. 2020. No. 1 (59). P. 168–178.

81. Ryanov F.M., Galiev F.Kh. Congratulations on the release of your new fundamental book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy and Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1 (55). P. 181–188.

82. Romanovskaya V.B., Mineeva T.G., Salnikov S.P. New research in the field of philosophy of law. Review of the monograph "The Idea of Freedom. Right. Morality (classical and postclassical philosophy of law): Monograph / Ed. doct. jurid. Sciences S.I. Zakhartseva. Moscow: Jurlitinform, 2020. 288 p." // Legal science: history and modernity. 2020. No. 1. P. 185–193.

83. Rokhlin V.I., Zakhartsev S.I., Mironov M.A., Stukanov A.P. Institute of rehabilitation in Russian legislation: emergence, development, concept, prospects / Ed. IN AND. Rokhlina. St.Petersburg: "Legal Center "Press", 2007. 409 p.

84. Rokhlin V.I. Fundamental work on the ORD. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, Yu.Yu. Ignashchenkov and Salnikova V.P. "Operational-search activity in the XXI century" // World of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 151–157.

85. Rokhlin V.I. Fundamental book about the present and future of operational-search activities. Review of the monograph by S.I. Zakhartseva, Yu. Ignaschenkov and V.P. Salnikov "Operational-search activity in the XXI century" (Moscow: Norma, 2015. 400 p.) // Criminalist Library. Science Magazine. 2015. No. 4 (21). P. 373–377.

86. Rokhlin V.I. Operational-search activity as a philosophical, theoretical and applied science. Review of the book by S.I. Zakhartsev The science of operational-search activity: philosoph-

ical, theoretical and legal and applied aspects. St.Petersburg, 2011 // World of Politics and Sociology. 2013. No. 11. P. 177–182.

87. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. The value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019.No. 11. P. 149–162.

88. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

89. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // World of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

90. Salnikov V.P., Kondrat I.N., Antonov I.A., Khabibulin A.G., Chislov A.I. New scientific specialties require different approaches. A book has been published that combines the problems of criminal law, operational-search activity and criminal procedure. Review of the monograph by A.M. Guay and Zakhartseva S.I. "Criminal liability for murder in the context of operational-search activities and evidence" / ed. S.I. Zakhartseva. Moscow: Jurlitinform, 2021. 272 p." // Legal science: history and modernity. 2021. No. 5. P.134–141.

91. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Chislov A. I. The history of the scientific school of Professor S.I. Zakhartseva: from formation to leading positions in the science of operational-search activity // World of Politics and Sociology. 2016. No. 3. P. 155–163.

92. Salnikov V.P., Soliev K.Kh., Khabibulin A.G., Chislov A.I. Scientific school of professor S.I. Zakhartseva or what should be the operational-search activity // Legal field of modern economics. 2016. No. 2. P. 139–149.

93. Salnikov V.P., Stepashin S.V. Kondrat I.N. Scientific school of professor S.I. Zakhartseva – a look into the future of operational-search activity // Legal state: theory and practice. 2016. No. 3 (45). P. 155–165.

94. Stepashin S.V., Egorshin V.M. A book ahead of its time. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, Yu.Yu. Ignaschenkov and Salnikova V.P. "Operational-search activity in the XXI century" (Moscow: Norma, 2015. 400 p.) // Legal science: history and modernity. 2015. No. 1. P. 119–125.

95. Theory of state and law in science, education, practice: monograph. Yu.G., Arzamasov, V.M. Baranov, N.V. Varlamov and others; before ed. council T.Ya. Khabrieva; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Jurisprudence, 2016. P. 112–117.

96. Khabibulin A.G., Mursalimov K.R. Review of the book by S.I. Zakhartseva "Some problems of theory and philosophy of law" / Ed. V.P. Salnikov. Moscow: Norma, 2014. 208 p. // The world of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 203–209.

97. Zakhartsev S.I. Philosophy and theory of law: Monograph / Perednova O.M. Klyuev. Kharkiv: Panov, 2015. 256 p. DOI 10.17513 / np.471.

98. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI 10.17513 / np. 452.

99. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. : The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. – London: Europe Books. 2021. 450 p. DOI 10.17513 / np. 490.

For citation: Salnikov V.P., Komarov S.A., Kondrat I.N., Khabibulin A.G. Sergey Ivanovich Zakhartsev is 45 years old // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 267–276.

DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.022

Ю.Г. Арзамасов*

ПРОФЕССОР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ УШАКОВ

4 июня 2021 года при поездке на дачу в г. Электроугли трагически погиб, попав под машину, известный писатель, доктор исторических наук, профессор **АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ УШАКОВ**, бывший директор Ассоциации исследователей российского общества XX века.

Александр Иванович родился 26 мая 1963 г. в г. Михайловка Волгоградской области. После окончания в 1987 г. Московского государственного историко-архивного института работал в отделе публикации документов Центрального государственного архива народного хозяйства СССР. В 1988 г. перешел на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. С 1991 г. в Институте теории и истории социализма ЦК КПСС, а с 1992 – в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (Центр политической и экономической истории России).

В этот период времени он проходит научные стажировки и выступает с лекциями в университетах Великобритании (Лидский университет), Германии (Констанцкий, Рурский в Бохуме университеты), Франции (Дом наук о человеке, Париж), США (Гуверовский институт войны, революции и мира Стэнфордского университета), Японии (университеты Токийский иностранных языков, Хосэй, Сэйкей, Каназава, Хоккайдо, Хоккай-Гаккуэн). Участвует в международных конференциях, конгрессах и семинарах в Великобритании (Бирмингем, Кембридж, Лидс), Венгрии (Будапешт, Печ), Германии (Констанц, Бохум, Берлин, Кельн), Польше (Варшава), США (Вашингтон, Стэнфорд), Японии (Токио, Саппоро, Киото).

С 1999 г. судьба на шестнадцать лет связала Александр Ивановича с Московским университетом потребительской кооперации (в 2006 г. переименован в Российский университет кооперации), где он последовательно занимает должности доцента, профессора кафедры философии, заведующего кафедрой философии, социологии, политологии и истории. Под его руководством кафедра становится одним из лучших структурных подразделений юридического факультета. Александр Иванович принимал активное участие в разработке стратегии развития университета, в профсоюзном движении. Его кабинет фактически был центром межкафедрального общения, он всегда был открыт для студентов и коллег, с радостью давал полезные советы, обсуждал кафедральные проблемы, делился новой научной информацией, рекомендовал необходимую литературу аспирантам, консультировал студентов.

Большое внимание Александр Иванович уделял научной работе. В 2002 г. он становится Лауреатом премии им. А.В. Суворова Академии военных наук РФ. В 2004 г. защищает диссертацию и получает ученую степень доктора исторических наук. В 2008 г. становится Лауреатом конкурса на лучшую научную книгу 2007 г., который проводил Фонд развития отечественного образования.

Член редколлегий журналов "Revolutionary Russia" (Великобритания), "Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики"

---

* Арзамасов Юрий Геннадьевич, профессор департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор. E-mail: arzam.ruk@mail.ru

Теория государства и права

(Москва). С 1993 по 2005 гг. был председателем правления Ассоциации исследователей российского общества XX века ("АИРО-XX"), а с 2004 г. член Общества изучения истории отечественных спецслужб.

Автор более 150 научных, учебно-методических и научно-популярных работ, общим объемом более 200 п. л., в том числе монографий:

- История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. – М.: Россия молодая, 1993;
- Белый Юг. Ноябрь 1919-ноябрь 1920. – М.: АИРО-XX, 1997 (в соавторстве с В.П. Федюком);
- Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. – М.: Русский мир, 1998 (в соавторстве с Г.А. Бордюговым, В.Ю. Чураковым);
- История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. – М.: АИРО-XX, 2001 (в соавторстве с С.В. Константиновым);
- Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. – М.: АИРО-XX, 2004;
- Лавр Корнилов. – М.: Молодая гвардия, 2006 (в соавторстве с В.П. Федюком).

В 2015 г. по приглашению руководства Международного юридического института становится заведующим кафедрой общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Королевского филиала.

Здесь в 2016 г. совместно с доцентами С.С. Гороховой и А.А. Буревым у него выходит в свет учебник «Теория государства и права», который был рекомендован для студентов колледжей и техникумов. Данный учебник был написан ясным и понятным языком, что позволило в полной мере его адаптировать для студентов СПО и пройти общественную экспертизу.

Александр Иванович был моим другом и другом кафедры теории и истории права факультета права НИУ «Высшая школа экономики», затем департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин. Неоднократно он выступал с интересными научными докладами, посвященными Белому движению в период Гражданской войны в России на методологическом семинаре кафедры, организованном профессором В.Б. Исаковым, часто посещал концерты литературно-музыкальной гостиной НИУ «Высшая школа экономики» и другие мероприятия.

Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

Yu.G. Arzamasov*

**PROFESSOR
ALEXANDER IVANOVICH USHAKOV**

On June 4, 2021, while traveling to a dacha in the city of Elektrougli, the famous writer, Doctor of Historical Sciences, Professor **ALEXANDER IVANOVICH USHAKOV**, the former director of the Association of Researchers of Russian Society of the XX century, tragically died after being hit by a car.

Alexander Ivanovich was born on May 26, 1963 in the town of Mikhailovka, Volgograd Region. After graduating from the Moscow State Historical and Archival Institute in 1987, he worked in the document publishing department of the Central State Archives of the USSR National Economy. In 1988 he went to work at the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. Since 1991 at the Institute of Theory and History of Socialism of the Central Committee of the CPSU, and since 1992 – at the Russian Independent Institute for Social and National Problems (Center for Political and Economic History of Russia).

During this period of time, he undergoes scientific internships and gives lectures at universities in the UK (University of Leeds), Germany (Konstantsky, Ruhr universities in Bochum), France (House of Human Sciences, Paris), USA (Hoover Institute war, revolution and peace at Stanford University), Japan (universities of Tokyo Foreign Languages, Hosei, Seikei, Kanazawa, Hokkaido, Hokkai-Gakkuen). Participates in international conferences, congresses and seminars in Great Britain (Birmingham, Cambridge, Leeds), Hungary (Budapest, Pecs), Germany (Constance, Bochum, Berlin, Cologne), Poland (Warsaw), USA (Washington, Stanford), Japan (Tokyo, Sapporo, Kyoto).

Since 1999, destiny for sixteen years has tied Alexander Ivanovich with the Moscow University of Consumer Cooperatives (renamed into the Russian University of Cooperation in 2006), where he consistently holds the positions of associate professor, professor of the Department of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Socio -logy, political science and history. Under his leadership, the department becomes one of the best structural divisions of the Faculty of Law. Alexander Ivanovich took an active part in the development of the university development strategy, in the trade union movement. His office was, in fact, a center for interdepartmental communication, he was always open for students and colleagues, he was happy to give useful advice, discussed department problems, shared new scientific information, recommended the necessary literature to graduate students, and consulted students.

Alexander Ivanovich paid much attention to scientific work. In 2002, he became a Laureate of the A.V. Suvorov of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation. In 2004 he defended his thesis and received the degree of Doctor of Historical Sciences. In 2008, he became the Laureate of the 2007 competition for the best scientific book, which was held by the National Education Development Fund. Member of the editorial boards of the journals "Revolutionary Russia" (Great Britain), "Fundamental and Applied Research of the Cooperative Sector of the Economy" (Moscow). From 1993 to 2005 He was the chairman of the board of the Association of Researchers of Russian Society of

---

* *Arzamasov Yuri Gennadievich*, Professor of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Legal Disciplines, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor. E-mail: arzam.ruk@mail.ru

Теория государства и права

the XX century ("AIRO-XX"), and since 2004 a member of the Society for the Study of the History of Russian Special Services.

Author of more than 150 scientific, educational, methodological and popular scientific works, with a total volume of more than 200 pp., Including monographs:

History of the Civil War in the Literature of the Russian Diaspora. Study experience. Moscow: Young Russia, 1993;

White South. November 1919 – November 1920. Moscow: AIRO-XX, 1997 (co-authored with V.P. Feduyukom);

White matter: ideology, foundations, regimes of power. Historiographic essays. Moscow: Russkiy Mir, 1998 (co-authored with G.A.Bordyugov, V.Yu. Churakov);

History after history. Images of Russia in the post-Soviet space. Moscow: AIRO-XX, 2001 (co-authored with S.V. Konstantinov);

Contemporary Russian historiography of the anti-Bolshevik movement during the years of the civil war in Russia. Moscow: AIRO-XX, 2004;

Lavr Kornilov. Moscow: Young Guard, 2006 (co-authored with V.P. Feduyuk).

In 2015, at the invitation of the leadership of the International Institute of Law, he became the head of the Department of General Humanities and Natural Science Disciplines of the Royal Branch.

Here in 2016, together with associate professors S.S. Gorokhova and A.A. Bureev, he published the textbook "Theory of State and Law", which is recommended for college and technical students. This textbook was written in a clear and understandable language, which made it possible to fully adapt it for students of secondary vocational education and pass public examination.

Alexander Ivanovich was my friend and friend of the Department of Theory and History of Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", then the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Legal Disciplines. On several occasions he made interesting scientific reports on the White movement during the Civil War in Russia at the methodological seminar of the department, organized by Professor V.B. Isakov, he often attended concerts of the literary and musical salon of the Higher School of Economics and other events.

The memory of him will forever remain in our hearts.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц.

К статье прилагаются:

а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;

б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: <http://matgip.ru/trebuem>

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages.

Attached to the article:

a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;

b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic title, place of work (study), position, contact information: address with zip code, contact phone number, E-mail.

The title of the article, abstract, keywords, information about the author are provided in Russian and English.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В.Старцева**
Верстка **И.И.Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 20.12.2021. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 34,66. Усл. п.л. 23,7. Тираж 150 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»